ISSN 2308-152X (Print)
ISSN 2313-6197 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Golden Horde Review

2025
Том 13, № 1
Vol. 13, no. 1

ISSN 2308-152X (Print)
ISSN 2313-6197 (Online)
https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2025. Том 13, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE = GOLDEN HORDE REVIEW
2025, vol. 13, no. 1

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

http://goldhorde.ru
E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025
© State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”, 2025

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс **П7934**

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

"Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review" is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. "Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review" also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Russian Science Citation Index Database, National Platform of Periodical Scientific Publications (RCSI), CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution "Tatarstan Academy of Sciences" (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index **П7934**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спиней, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемиль, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонега, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: Стивен Поу, Ph.D. (история), (Калгари, Канада)

Литературный редактор: Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: Байбулатова Лилия Фаритовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)
Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)
Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeș-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)
Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)
Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)
Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)
Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Mark G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)
Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)
İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)
Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)
Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)
Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)
Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)
Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editor: Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)
Literary editor: Elmira G. Sayfetdinova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
Corrector: Liliya F. Baybulatova, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
Technical editor, Executive secretary: Lyutsiya S. Giniyatullina, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Halperin Ch.J. A Note on Recent Research on the Term the 'Tatar Yoke' (*Tatarskoe igo*) 8

Быстрюков В.Ю. «Великий и суровый отец наш Чингиз-хан»: «монгольское наследство» в евразийской концепции 17

Карпов С.П. Каффа и Тана: противостояние и партнерство итальянских морских республик в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. 37

Клюев А.И. Принцип глобализации, или Венеция и Монголы в Средние века: о книге Николы ди Космо и Лоренцо Публичи 48

Пачкалов А.В. О связях государств Пиренейского полуострова с Золотой Ордой 61

Нуриева Ф.Ш., Юсупов А.Ф. Функционирование некоторых теонимов в средневековом тюркоязычном произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари 72

Иванов В.А. География Золотой Орды в изложении средневековых авторов 84

Ugrekhelidze I.I., Kartsidze N.G., Sarava N.D., Sulaberidze D.N. Glazed Ceramics with Epigraphical Ornament from Kutaisi Historical Museum 101

Казиев Э.В. Аланы в Монголии и Китае: основные письменные источники (1253–1811 гг.) 116

Миргалеев И.М. Сведения о Золотой Орде в «Салтук-наме» османского автора Эбул-Хайры Руми 129

Моисеев М.В. Потомки Идегея: к вопросу о структуре власти в Ногайской Орде XVI века 136

Беляков А.В. Потомки Идегея в России XVI–XVII вв. 153

Хоруженко О.И. Тамга Мамая в печатях князей Глинских XVI–XVII вв. 166

Битюков В.С. Падение Большой Орды в оценках русских и литовских источников 183

Khamidullin B.L. Islam and "Paganism": Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan Khanate 196

Алимджанов Б.А., Замонов А.Т. Не Тимуром единым: игнорирование Шибанидов в рамках концепции «централизованного государства» 207

Хроника

Kemaloğlu I. Review of the International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources" 224

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

CONTENTS

Publications

Halperin Ch.J. A Note on Recent Research on the Term the ‘Tatar Yoke’ (*Tatarskoe igo*) 8

Bystryukov V.Yu. “Our father, the great and stern Genghis Khan”: The “Mongolian legacy” in the Eurasian concept 17

Karpov S.P. Caffa and Tana: confrontation and partnership of the Italian maritime republics in the Northern Black Sea region in the 13th–15th centuries 37

Klyuev A.I. Principle of globalization, or Venice and Mongols in the Middle Ages: on the book by Nicola di Cosmo and Lorenzo Pubblici 48

Pachkalov A.V. The Connections of the Iberian Peninsula States with the Golden Horde 61

Nurieva F.Sh., Yusupov A.F. The Function of Certain Theonyms in the Medieval Turkic-language Work “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari 72

Ivanov V.A. Geography of the Golden Horde as presented by medieval authors 84

Ugrekhelidze I.I., Kartsidze N.G., Sarava N.D., Sulaberidze D.N. Glazed Ceramics with Epigraphical Ornament from Kutaisi Historical Museum 101

Kaziev E.V. The Alans in Mongolia and China: the main written sources (1253–1811) 116

Mirgaleev I.M. Information about the Golden Horde in the Saltuk-name of the Ottoman author Ebul-Khayri Rumi 129

Moiseev M.V. Descendants of Idegei: on the issue of the power structure in the Nogai Horde of the 16th century 136

Belyakov A.V. Edige’s descendants in Russia in the 16th–17th centuries 153

Khoruzhenko O.I. The tamga of Mamai in the Glinsky princes seals of the 16th and 17th centuries 166

Bityukov V.C. The fall of the Great Horde in the assessments of Russian and Lithuanian sources 183

Khamidullin B.L. Islam and “Paganism”: Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan Khanate 196

Alimdjanov B.A., Zamonov A.T. Not by Timur alone: ignoring the Shibanids within the framework of the “Centralized State” concept 207

Chronicle

Kemaloğlu I. Review of the International Symposium “The Genghisids in Ottoman Sources” 224

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.8-16 УДК 94
EDN: DAGBSS

A NOTE ON RECENT RESEARCH ON THE TERM THE 'TATAR YOKE' (*TATARSKOE IGO*)

Charles J. Halperin
Indiana University Bloomington
Indiana, USA
chalperi@iu.edu

Abstract. Research objectives: This essay analyzes and critiques recent research on the genealogy of the expression "Tatar Yoke" (*Tatarskoe igo*), the standard term for the period of Mongol rule of Rus', in both Slavic and Latin.
Research materials: This essay is based upon publications from 1984 to the present by Halperin, Ostrowski, Keenan, Rudakov, and Seleznev.
Results and novelty of research: In 1984, Halperin identified the discovery of the earliest appearance of *Tatarskoe igo* in Slavic dated to the second half of the seventeenth century, made by Lev Dmitriev who did not appreciate its significance. Therefore the term was an anachronism if projected onto thirteenth- to fifteenth-century Rus'. This conclusion remained unchallenged until now. At that time, Halperin did not address the genealogy of the expression in Latin. Ostrowski and Keenan found theoretically the earliest Latin usages (*jugum tartarico*) in foreign texts from 1521 and 1575. Apparently Ostrowski's and Keenan's contributions to the topic escaped the attention of historians in Russia. Rudakov himself found Keenan's source but failed to notice that it referred not just to the "yoke" but the "Tatar Yoke." Seleznev has discovered two Latin references from the thirteenth century, one supposedly a translation from a no longer extant Slavic text. Seleznev concludes that the expression "Tatar Yoke" was therefore known at the time and is not an anachronism. The present essay reinterprets the significance of Seleznev's findings for our understanding of the Latin genealogy of "Tatar Yoke." The existence of the term in Slavic is suspect, but in Latin clearly it is as old as Tatar rule. However, the significance of both Rudakov's and Seleznev's brilliant depiction of how writers both Catholic and Orthodox interpreted the Tatar conquest of Rus' via analogy with Old Testament narrations of the enslavement of the Hebrews by the Egyptians and the Babylonian Captivity of the Hebrews lies elsewhere. This essay argues that we have to consider that any author familiar with Scripture could easily independently have made the leap from "Yoke" to "Tatar Yoke," which renders a genealogy of the evolution of the term moot. Historians still need to address how Catholic writers in the thirteenth and sixteenth centuries made that conceptual link, but no Rus'/Russian author did so until the second half of the seventeenth century.

© HalperinCh.J., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: *Tatarskoe igo*, Donald Ostrowski, Edward Keenan, Vladimir Rudakov, Iurii Seleznev

For citation: Halperin Ch.J. A Note on Recent Research on the Term the 'Tatar Yoke' (*Tatarskoe igo*). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 8–16. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.8-16

The term "the Tatar Yoke" (*Tatarskoe igo*)[1] is almost universally employed to denote the period of Tatar (Mongol) rule over the Rus' principalities during the thirteenth to fifteenth centuries, or more precisely from the Mongol conquest in 1237–1240 until Muscovy's so-called "liberation from the Tatar *igo*" in 1480. Even authors, including this writer, who label the term an anachronism still use it as a term of convenience[2]. The history of the term, unfortunately, is problematic. It simply cannot be found in any thirteenth- to fifteenth-century Rus' source. Therefore when the term first appeared, either in Latin in a non-Russian source or in Slavic in a Russian source, becomes a significant issue, which this essay seeks to engage. Whether the term is an accurate conceptualization of Tatar rule is a separate and much broader question which falls outside the scope of this essay. I judge whether the term is an anachronism solely on textual grounds, whether the term appears literally, not on its conceptual substance.

In 1984 I called attention to the inadvertent identification of the first Slavic source to use the term by Lev Dmitriev[3]. The phrase "fierce Tatar *igo*" appeared in inserted paragraphs in 1660s manuscripts preceding the so-called "Western Rus'" redaction of the "*Skazanie o Mamaevom poboishche*," a member of the Kulikovo Cycle about the victory of Grand Prince Dmitrii Donskoi over the Tatar emir Mamai in 1380. Dmitriev attributed the insertions to Feodosii Safonovich, abbot of the St. Michael's Monastery in Kyiv. Mentions of the "Tatar *igo*" then accompanied the "*Skazanie o Mamaevom poboishche"* in the 1674 and 1678 editions of the *Synopsis*, sometimes attributed to Innocent Gisel, abbot of the Kyiv-Pecherskii Monastery[4]. In other words, the term the "Tatar *igo*" not only originated long after Mongol rule had ceased, but did so in Ukraine, not Muscovy. Dmitriev apparently did not appreciate the significance of his discovery. The term entered and soon dominated Russian historiography not via its manuscripts but via the printed editions of the *Synopsis*, with a great deal of help from Nikolai Karamzin.

Other similar but not identical terms did appear in Rus' sources from the thirteenth to sixteenth centuries. Rus' bookmen viewed the world through the prism of Scriptures. They perceived Tatar rule as the equivalent of the slavery to which the Hebrews in Egypt were subjected. This exaggeration, ironically, eventually gener-

[1] Because, as explained below, *igo* and another word used to describe Tatar rule, *iarmo*, are both translated as "yoke," I will use the Russian words without translation. I translate Latin *iugum/jugum* as "yoke."

[2] As this author did in book titles! [2; 4; 7].

[3] [6, p. 25–27]; reprinted in [4, p. 171–73].

[4] [1, p. 70–71].

Manuscript: *Skazanie o Mamaevom poboishche*, West Rus' redaction, GPB (now RNB), Pogodin collection, No. 1569, citing folio 71, described in [11, p. 104].

1674 *Sinopsis*, GBL (now RNB), Otdel redkoi knigi, 110–13, 121–22.

1678 *Sinopsis*, GBL (now RNB), Otdel redkoi knigi, 110–13, 121–22.

ated the phrase "the *igo* of slavery" (*rabotnoe igo*), applied to the Muscovite conquest of Novgorod under Ivan III according to the mid sixteenth-century *Kazanskaia istoriia* [4, p. 169–70], to which I will return. In another sixteenth-century text, the vita of St. Merkurii of Smolensk, Batu imposed his "yoke" and the "*igo* of slavery" (*igo i iarmo*[5], *igo rabotnago*) on Rus', but not on Smolensk [4, p. 170]. An even more frequently used term was "oppression" or "coercion" (*nasilie*), which could take the form of "infidel (*poganoe*) oppression" in 1262 and 1375, Muslim (*besermenskoe*) oppression" in 1266, and "Tatar oppression" (*nasilie tatarskoe*) in 1328 [4, p. 175–80]. Finally, according to the sixteenth-century *Letopisets Avraamki* Novgorod in 1398 complained of "oppression" by Grand Prince Vasilii I, probably his attempt to impose Muscovite rule over the Dvina area, then subordinate to Novgorod [4, p. 180].

While all these phrases portray Tatar rule in a negative light, the pattern of verbal usage is not random. "*Iarmo*" is rarer than *igo* and never accompanied by the adjective "Tatar," although it can be qualified by an adjective denoting slavery (*iarmo rabotnago*). I would suggest that during the thirteenth to fifteenth centuries there was no need for a Rus' bookman to identify an *igo* (or *iarmo*) as "Tatar" because there was only one "*igo*" over Rus', which everyone knew was Tatar. Of course this rationale lost its relevance when Tatar rule disappeared, datable to the destruction of the Great Horde by the Crimean Tatars in 1502, and is inapplicable to foreign sources altogether. Nevertheless the first redaction of the *Nikon Chronicle* from the 1530s, for example, chose not to take advantage of hindsight in rewriting Rus'-Tatar relations to articulate an ideology against the defeated "Tatar *igo*" [3]. *Iarmo* derives from the "yoke" as a physical object, the "yoke" of a team of oxen, a context in which *igo* seems not to have been used. However, *iarmo* could, like *igo*, be used in contexts involving foreign sovereignty. The linguistic nuances separating the terms await further elucidation, and I will return to this subject below. "Oppression" could be modified by "Tatar" because there were oppressors other than the Tatars; indeed, even the grand princes of Moscow, Vasilii I and Ivan III, could be accused of imposing "oppression" and even slavery, indeed the "*igo* of slavery," on fellow Russians, namely Novgorod. The variation among these terms almost entirely escaped my attention at the time I wrote this article, but recent scholarship has inspired me to engage this theme.

In 1984 I did not even raise two rather central questions of the evolution of the term "Tatar *igo*." The first was: did Safonovich invent or borrow the term? The second was: if Safonovich borrowed it, from whom, who originated it, and in what language? Both questions were and still are outside my competence. Fortuitously, eventually two American historians, the first consciously and the second unconsciously (like Dmitriev), have filled (in retrospect, thought they had filled) that void.

In his 1998 monograph Donald Ostrowski wrote that he had discovered the term "Tatar *igo*" in Latin, "*jugo Tartarico"*, in a 1575 report by the Holy Roman Empire's envoy to Moscow, Daniel Prinz, almost a century before its first appearance in Slavic.[6] In 2009 the Edward Keenan published an article in which he drew scholarly attention to the use of the term also in Latin as a reference to "liberation

[5] If *igo* and *iarmo* were synonymous, then this phrase is redundant.
[6] [12, p. 721] as cited by [10, p. 244–45].

from the Tatar yoke" in Maciej z Miechowa's (Miechowski's) *Chronica Polonorum* of 1521. Keenan noted that the source of Meichowski's information remains unknown, as well as how, when, where, and in what form his chronicle traveled to Muscovy.[7] He did not note that this allusion to the Tatar *igo* in Latin preceded Ostrowski's by half a century.

Ostrowski suggested that Prinz had heard the term in Moscow where it was in common use, but did not explain, if it was so well-known, why no Moscow written source used the term, nor why it took almost another century after that for it to appear in Slavic, and then, at that, not in Moscow, but in Kyiv.

Keenan's research also created the possibility, which Ostrowski had not foreseen, that Prinz had not heard the term in Moscow but read it in Miechovski's chronicle. Miechovski had never been to Muscovy, so he could not have heard the term there. To my knowledge no one has claimed that Prinz borrowed the term from Miechowski. Nor has any scholar argued that Safonovich or whoever inserted the term "Tatar *igo*" in Slavic into the context of the Battle of Kulikovo Field had done so by reading it in Latin in Prinz or Miechowski, although it has been suggested that Safonovich or Gizel relied on Polish sources (see below). Certainly it is possible that Safonovich, born in Germany and educated in the West, knew Latin, and it is certain that Gisel, educated by the Jesuits after his conversion to Orthodoxy, knew Latin, so the possibility that either translated the term from Latin cannot be excluded. The fact that Miechovski dates the liberation of Russia from the Tatar *igo* to the reign of Ivan III, a century later than the Battle of Kulikovo in 1380, does not exclude the possibility that he took the liberty to apply it to a different period than its first appearance. I will suggest below that perhaps we do not need to look for literal textual antecedents for either author's use of the term.

Until quite recently it never occurred to me to investigate whether Ostrowski's and Keenan's discoveries were known to specialists on the Tatars in Russia. It is only since I became familiar with several articles, dated 2012 to 2024, by two Russian historians that I began to do so. The tentative answer seems to be negative.

In 2012 Vladimir Rudakov published an article on the Rus' conception of the "Tatar *igo*" [13]. He begins by declaring that although the Rus' book-men were familiar with the word "*igo*" in the form of "Christian *igo*" or "*igo* of slavery," during the thirteenth to fifteenth centuries the phrase "Tatar *igo*" was absent. The first foreigner to apply a translation or calque of the term "*igo*" (but not "Tatar *igo*) to Rus'-Tatar relations was the Polish author Jan Dlugosz just before Tatar rule ended at the end of the fifteenth century. The first text in Slavic containing the phrase "Tatar *igo*" was the *Synopsis*. Rudakov suggests that the compiler of the *Synopsis* was most likely familiar with the term from Polish sources [13, p. 24]. The main thrust of the article is to argue that the phrase "Tatar *igo*," regardless of when or where it originated, does not accurately represent the full gamut of Rus'-Tatar relations, an issue outside the scope of this essay. In passing Rudakov makes several astute comments relevant to the genealogy of the phrase "Tatar *igo*." Although chronicles from the Kyivan period took a very negative view of Kipchak raids, no Rus' source ever referred to a "Kipchak *igo*" (*Polovetskoe igo*). In 1480 bishop Vassian Rylo, in his "Epistle to the Ugra River" to Grand Prince Ivan III, likened Tatar rule to the enslavement of the Hebrews by Pharaoh, but he did not

[7] [9, book 4, chapter 85, 377] as cited by [8, p. 241].

describe the conquest of Rus' by the Tatars as a "capture" (*plenenie*). Rus' bookmen also conceived of the Tatar conquest as an analogy of the Babylonian Captivity of the Hebrews. Rus'-Tatar relations did not coincide with the dramatic vocabulary expressed by book-men, *iarmo*, *igo*, and especially slavery (*rabstvo*). Dlugosz's "yoke" calqued *iarmo* or *rabstvo* [13, p. 27, 28, 29].

Rudakov does not highlight the most glaring contrast between the Kipchaks and the Tatars, namely that the Kipchaks never conquered Rus' or any region thereof, never established their own rule over one or more Rus' principalities. If that difference motivated the absence of the phrase "Kipchak *igo*" than we may infer that "*igo*" has linguistic baggage reflecting foreign conquest. Vassian's failure to refer to the Tatars as "capturing" (*plenenie*) Rus' is most curious, because the Rus' sources, chronicles and narratives, overwhelmingly refer to the Tatar conquest of 1237–1240 not as a "conquest" (*pokorenie*), the imposition of foreign sovereignty and a foreign ruler, but as the "capture" of cities, with the verb *pleniti* (as Rudokov expostulates in his second article). I have argued that this was a deliberate attempt to minimize that very change of sovereignty [7, p. 23–67; 2, p. 32–77]. Dlugosz took most of his information about Rus' from Rus' chronicles, but there is no way to identify the term he calqued as "*yugum.*" To my knowledge no one has traced the Safonovich/*Synopsis* quotation to a Polish source, presumably in Latin, and Dlugosz referred to a "yoke" but not a "Tatar yoke."

In 2015 Rudakov fully expounded his contention that the Rus' conceived of Tatar rule as (metaphorically, not literally) slavery, not a "yoke" [14]. Here he equates "captivity" (*plenenie*) with slavery to the Tatars in works beginning with Metropolitan Serapion's sermons up to Vassian's epistle, including the phrase "*iarmo* of slavery" (*pod iarmom raboty*). Rudakov calls *iarmo* and *igo* synonyms. The *Kazan' History* (*Kazanskaia istoriia*) of the mid sixteenth century refers to "*iarmo* of the Muslim conquest" (*iarmo pokoreniia busermanskogo*), using a term denoting sovereignty [14, p. 437–43]. Citing my 1984 article in my 2009 anthology Rudakov refers to usages of "*iarmo/igo*" by itself or "*igo* of slavery" to apply to Rus'-Tatar and Novgorod-Moscow relations. Agreeing with my conclusion he reiterates that *igo* and Tatar rule were asynchronous. Dlugosz was the first to reference the "yoke" in Latin, the "barbaric yoke" or "yoke of servility" (*jugum barbarum, jugum servitutis*), which was copied by Miechowski, and later by Heidenstein writing about the Livonian War in Latin and Jacques Margeret writing about the Time of Troubles in French [14, p. 444–45]. Via the *Synopsis* the term traveled to Karamzin, who made it dominant but not universal in Russian historiography; Sergei Solov'ev and Nikolai Kostomarov eschewed it[8] [14, p. 447, 449].

Rudakov avers that Miechowski borrowed his phrasing of a "yoke" from Dlugosz, but Dlugosz did not write "Tatar Yoke" and Miechowski (and Margeret) did. Rudakov does not refer to Prinz. This would suggest that Rudakov accessed neither Ostrowski nor Keenan, that he found Miechowski independently of Keenan but elided the difference between Miechowski's formulation and Dlugosz's. Even if he was influenced by Dlugosz, Miechowski revised Dlugosz by turning "barbaric yoke" or "yoke of servility" into "Tatar Yoke."

Rudakov's position is that the use in thirteenth- to fifteenth-century sources of *igo*, *iarmo* and "slavery" does not alter the fact that "Tatar Yoke" never appears

[8] I certainly never noticed that omission before reading Rudakov's second article.

then and is therefore still an anachronism. Iurii Seleznev takes a contrary position in his 2024 article. He also contends that "*igo*" does accurately reflect Rus'-Tatar relations, which is extraneous to this discussion [16]. Seleznev contests the anachronistic status of "Tatar *igo*" for the thirteenth to fifteenth century as expressed in the Russian translation of my monograph *Tatarskoe igo* (which he edited) [2] on the basis of two Latin sources, the report of the deposition at the 1245 Council of Lyon by Archbishop Petr of Belgorod and the epistle of Pope Alexander IV to Prince Alexander Nevskii in1248. The former refers to a *jugum* and the latter *jugo Tartarice*. Seleznev proposes that *jugum* could have been a translation of a term like *nevolia* (subordination) or *vole tatarskoe* (Tatar subordination), which appear in the thirteenth-century Galician-Volhynian chronicle. Petr knew no Latin, Greek or Hebrew. Catholic (and Orthodox) clergy envisaged the Mongol conquest as enslavement analogous to the Biblical Babylonian Captivity (*plen*) of the Hebrews, which was translated into Latin as *iugum* and into Slavic as *iarmo* or *igo vavilonskoe* (Babylonian yoke). Therefore, the phrases "Tatar *igo*" or "Horde *igo*" cannot be classified as anachronisms, because at least Nevskii's princely chancellery had access to the term in Latin. How widespread familiarity with the text was remains an open question. Seleznev proposes that *iugum Tartarice* translated the Galician-Volhynian chronicle's *nevolia Tatarskoe* [16, p. 1127–137].

Seleznev's superb analysis of the impact of a Scriptural mentality on Catholic and Orthodox Christian perception of Rus'-Tatar relations, shared by Rudakov, lays a foundation for arguing that chronicle-writers might have been inspired to relegate the Tatar conquest to a "capture" (*plenenie*) on the basis of the model of the Babylonian Captivity (*plen*). As argued above, I do not think we can treat *igo*, *nasilie* and *vole* as perfect synonyms, nor *iarmo* and *igo*. I find his equation of multiple, admittedly overlapping, terms for Tatar rule less convincing, in part precisely because, to both Catholic and Orthodox authors, *iugum*/*igo* possessed a strong scriptural context, lacking in *nevole*. Seleznev himself notes the connection of *igo* to foreigners (16, p. 1147), but fails to appreciate that "subordination" (*nevole*) lacked the same cultural baggage. We have no information on the basis of which to evaluate the quality of the Latin translation of Archbishop Petr's declaration. Only parallel texts could substantiate the assertion that Archbishop Petr translated *nevole* as *iugum*. If the original was *tatarskoe nevole* then we have to further explain the omission of the adjective "Tatar" in the translation. In any case, while the use of *iugum* without adjective antedates Dlugosz by over two centuries, it does not affect our analysis of "Tatar *igo*." Obviously the papal epistle also cannot represent a Rus' historical judgment. How the papal chancellery gained access to a phrase in the Galician-Volhynian Chronicle is unexplored and unexplained; neither written nor oral communication seems convicning. Seleznev seems not to be familiar with either Ostrowski's or Keenan's location of *jugum tartarce* in sixteenth-century Latin texts, else he would have realized and called attention to a consequence of his discovery of the contents of the papal epistle. Seleznev's allusion to "the Tatar Yoke" in Latin antedates Miechowski's by over two centuries.

The foreign context of *igo* informs the unique use of the term to convey Rus'-on-Rus' relations, specifically of the grand principality of Vladimir and then Moscow toward Novgorod, mentioned above. The *Kazanskaia istoriia*, which postdates the end of Tatar rule, notes that in Batu's time Novgorod freed itself from the "*igo* of slavery" to the Grand Principality of Vladimir and separated itself from Rus',

that is, became foreign to Rus', until Ivan III, Grand Prince of Vladimir and Moscow, restored Novgorod's subordination to the "*igo* of slavery." Still, it is very unexpected to say the least to find talk of Muscovy's imposition of an "*igo* of slavery" in Slavic in such a pro-Muscovite source as *Kazanskaia istoriia*.

Seleznev concedes but underestimates scholarly ignorance of the dissemination of the Latin phrase in Pope Alexander IV's epistle. If a Rus' bureaucrat, scribe or chronicler saw and understood the Latin "Tatar Yoke," then we have to explain why no Rus' book-man used it in Slavic for approximately the following four hundred years. Nevertheless, Seleznev's argument is a game-changer in another way in analyzing the evolution of "Tatar *igo*" in Latin, for two reasons. First, he has demonstrated that the phrase "Tatar Yoke" in Latin to describe Mongol rule of Rus' is as old as Tatar rule over Rus'. Of course we have no idea whether a papal letter to a Rus' prince in the thirteenth century, preserved in Papal archives, had anything to do with the appearance of the phrase "Tatar Yoke" in Latin in the sixteenth century or "Tatar *igo*" in Slavic in the seventeenth century. Evidence is totally lacking. But that may not matter, because, second, Seleznev's evocation of the Scriptural ancestry of "yoke" in Latin or "*igo*" in Slavic demonstrates that anyone familiar with the Old Testament would have had no difficulty in associating the Mongol conquest of Rus' with the model of the Egyptian slavery of the Hebrews or their Babylonian Captivity. Indeed Seleznev and Rudakov, despite their disagreements over whether "Tatar *igo*" is anachronistic or accurate, agree on the profound influence of the Scriptural world-view upon the perception of current events by medieval Christians east and west. Of course this is hardly a new idea, but the depth of their research raises the level of its application. It might very well be that our search for a linguistic genealogy of the phrase "Tatar Yoke" in Latin is misconceived. Multiple Latinophone authors over the course of the centuries of Tatar rule in Rus' and beyond could independently have made the leap to categorizing Tatar rule as the "Tatar Yoke."

In a way, however, ironically, this understanding of the evolution of "Tatar Yoke" in Latin reinforces the anomaly that in the thirteenth to sixteenth centuries Catholic writers made that leap from "yoke" to "*iugum Tartarice*" but no Slavic / Russian writer linked *igo* with *tatarskoe* until the second half of the seventeenth century. The asynchronous literary history of the Latin and Slavic versions of the phrase "Tatar Yoke" / *Tatarskoe igo* remains as mysterious as ever.[9]

REFERENCES

1. Dmitriev, L.A. Book of the Battle of Mamai, Tatar Khan, with Prince Dmitrii of Vladimir and Moscow. *Works of the Sector of Old Rus' Literature*, 1979, no. 34, p. 61–71. (In Russian)

2. Gal'perin, Ch. Tatar Yoke. The Image of the Mongols in Medieval Russia. Translated by M.E. Kopylova, ed. Iu. V. Seleznëv. Voronezh: Voronezh State University, 2012, 230 p. (In Russian)

[9] Certainly Ivan IV's ideologues were arrogant and mendacious enough to reject the concept of a "Tatar *igo*" because it presumed foreign conquest, by infidels no less, a definite embarrassment. Muscovite diplomats shamelessly denied that the Tatars had ever done any such thing [15, p. 392–95]. Remember that Muscovite diplomats addressing a Lithuanian delegation denied that Ivan IV's *oprichnina* even existed.

3. Halperin, C.J. Rewriting History: The Nikon Chronicle on Rus' and the Horde. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2010, no. 17, pp. 11–26.

4. Halperin, C.J. Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. ed. V. Spinei and G. Bilavschi. Bucarest: Editura Academiae Romane, 2007, 329 p.

5. Halperin, C.J. The Tatar Yoke. Columbus, OH: Slavica Publishers, Inc. 1986, 231 p.

6. Halperin, C.J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression. *Russia Mediaevalis*. 1984, no. 5, pp. 20–39. Reprint [4, p. 168–81].

7. Halperin, C.J. The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia. 2nd corrected edition. Bloomington, IN: Slavica Publishers, Inc., 2009. viii +239 p.

8. Keenan, E.L. Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the 'Casting off of the Tatar Yoke'. V. Kivelson, K. Petrone, N. Kollmann, and M. Flier, ed. *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, Inc, 2009, pp. 237–51.

9. Maciej z Miechowa (Maciej Karpiga), *Chronica Polonorum*. 1519; Cracow, 1521.

10. Ostrowski, D. Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. xvi +329 p.

11. Tales of the Battle of Kulikovo. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 501 p. (In Russian)

12. Prinz, D. *Moscoviae ortus, et progressus*, Gubenae, Christopher Gruber, 1681, reprint, *Scriptorus Rerum Livonicarum*, 2 vv. Riga and Leipzig, Eduard Franken, 1853, vol. 2, pp. 687–728.

13. Rudakov, V.N. Conception of the Horde 'Yoke" and Relations with the Horde in Russian Social Consciousness of the Second Half of the Thirteenth to the Fifteenth Centuries. *Annals of MGIMO: Muscovite State Institute of International Relations*, 2012, no. 4, pp. 24–32. (In Russian)

14. Rudakov, V.N. Dependence on the Horde in Russian Historical Terminology. Kirillin, V. M., ed., *Ancient Rus'. Range of Bookish Words. Historical-Philological Studies*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015, pp. 437–53. (In Russian)

15. Collection of the Russian Historical Society, no. 71. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva, 1892. (in Russian)

16. Seleznev, Iu.V. Reception of the Understanding of 'Yoke' in the Epoch of the Establishment of the Mongol/Horde Sovereignty. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, p. 1127–1140. https://doi.org/10.15826/qr.2024.3.927 (In Russian)

О НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕРМИНА «ТАТАРСКОЕ ИГО»

Чарльз Дж. Гальперин

Индианский университет Блумингтон
Индиана, США
chalperi@iu.edu

Резюме. Цель исследования: проанализировать и обобщить новейшие исследования по генеалогии выражения «татарское иго», которое являлось общепринятым термином периода монгольского владычества на Руси, как в славянском, так и в латинском языках.

Материалы исследования: статья основана на публикациях Ч.Дж. Гальперина, Д. Островского, Э. Кинэна, В.Н. Рудакова и Ю.В. Селезнева с 1984 года по настоящее время.

Результаты и новизна исследования: В 1984 году Ч.Дж. Гальперин определил самое раннее появление термина «татарского ига» в славянском языке, датированное вто-

рой половиной XVII века, которое впервые обозначил Л.А. Дмитриев, но не оценил значения своего открытия. Этот вывод оставался неоспоримым до сих пор. Но этот термин является анахронизмом, если его спроецировать на Русь XIII–XV веков. Д. Островский и Э. Кинэн обнаружили самое раннее употребление этого термина на латинском языке (jugum tartarico) в иностранных текстах 1521 и 1575 годов. Очевидно, вклад Д. Островского и Э. Кинэна в изучении данной темы ускользнул от внимания историков в России. В.Н. Рудаков нашел источник Э. Кинэна, но не заметил, что там говорится не просто о «иге», а о «татарском иге». Ю.В. Селезнев обнаружил две латинские ссылки из тринадцатого века, одна из которых, предположительно, является переводом несуществующего славянского текста. Ю.В. Селезнев заключает, что поэтому в то время было известно выражение «татарское иго», и не является анахронизмом. Настоящая статья по-новому интерпретирует значение открытий Ю.В. Селезнева для нашего понимания латинской генеалогии «татарского ига». Существование этого термина в славянском языке вызывает подозрение, но на латыни он явно стар, как и татарское правление. Однако значение выводов В.Н. Рудакова и Ю.В. Селезнева о том, как писатели, как католические, так и православные, интерпретировали татарское завоевание Руси по аналогии с ветхозаветными повествованиями о порабощении евреев египтянами и вавилонском пленении евреев, заключается в другом. В этой статье утверждается, что нам приходится пересмотреть тот факт, что любой автор, знакомый с Писанием, мог легко самостоятельно совершить переход от «ига» к «татарскому игу», что делает генеалогию эволюции термина спорной. Историкам еще предстоит разобраться в том, как католические писатели XIII и XVI веков установили эту концептуальную связь, но ни один русско-российский автор не делал этого до второй половины XVII века.

Ключевые слова: татарское иго, Дональд Островский, Эдвард Кинэн, Владимир Рудаков, Юрий Селезнев

Для цитирования: Halperin Ch.J. A Note on Recent Research on the Term the 'Tatar Yoke' (*Tatarskoe igo*) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 8–16. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.8-16 EDN: DAGBSS

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чарльз Дж. Гальперин – Ph.D. (история), внештатный научный сотрудник Российского и Восточно-Европейского института, Университет Индианы (Блумингтон, Индиана, США). E-mail: chalperi@iu.edu

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Charles J. Halperin – Ph.D. (History), Research Fellow of the Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, Indiana, USA). E-mail: chalperi@iu.edu

Поступила в редакцию / Received 09.09.2024
Поступила после рецензирования / Revised 27.12.2024
Принята к публикации / Accepted 10.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36 УДК 930.1
EDN: DDBQJM

«ВЕЛИКИЙ И СУРОВЫЙ ОТЕЦ НАШ ЧИНГИЗ-ХАН»: «МОНГОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО» В ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В.Ю. Быстрюков

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Российская Федерация
bystryukov@pgsga.ru

Резюме. Цель исследования: анализ интеллектуальной эволюции оценки евразийцами роли монгольской государственности в становлении Московского царства. Материалы исследования: в статье использованы работы авторов, публиковавшихся в евразийских изданиях 1920–1930-х гг., как входивших в состав движения, так и симпатизировавших им на определенном этапе своей деятельности. Новизна и результаты исследования: Евразийская концепция, возникшая на стыке историософии и географии, представляла из себя системное видение нового континента – «России-Евразии». Идеологическим вектором нового движения стало антизападничество, катастрофа 1917 г. напрямую связывалась с господством европейской культуры в императорской России. Антизападническая установка как ключевая идеологема требовала, в первую очередь, исторических аргументов. Обращение евразийцев к теме влияния монголов на русские княжества было закономерным, поскольку монгольская эпоха полностью соответствовала этой идеологеме. Евразийцам следовало только обосновать и доказать положительное влияние державы Чингиз-хана на формировавшееся русское государство. Использование геополитического метода стало самой удачной находкой для решения этой задачи. Евразийцы более обозначали свои позиции, свое видение исторического процесса, нежели предлагали конкретно-исторические исследования по теме влияния монголов на развитие Московского царства.

Ключевые слова: Россия-Евразия, евразийское движение, евразийская идеология, монгольское наследство, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский

Для цитирования: Быстрюков В.Ю. «Великий и суровый отец наш Чингиз-хан»: «монгольское наследство» в евразийской концепции // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 17–36. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36 EDN: DDBQJM

© Быстрюков В.Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

"OUR FATHER, THE GREAT AND STERN GENGHIS KHAN": THE "MONGOLIAN LEGACY" IN THE EURASIAN CONCEPT

V.Yu. Bystryukov

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation
bystryukov@pgsga.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the intellectual evolution of the Eurasians' assessment of the role of Mongolian statehood in the formation of the Muscovite kingdom. Research materials: The article uses the works, published in Eurasian publications of the 1920s and 1930s, written by authors who were both members of the movement and sympathized with it at a certain stage of their activities.
Novelty and results of the study: The Eurasian concept, which arose at the intersection of historiosophy and geography, represented a systemic vision of a new continent – "Russia-Eurasia". Anti-Westernism became the ideological vector of the new movement; the catastrophe of 1917 was directly associated with the dominance of European culture in the Russian Empire. The anti-Western sentiment as a key ideologeme demanded, first of all, historical arguments. The Eurasians' appeal to the topic of the influence of the Mongols on the Russian principalities was natural, since the Mongol era fully corresponded to this ideologeme. The Eurasians only had to substantiate and prove the positive influence of the power of Genghis Khan's state on the forming of the Russian state. The use of the geopolitical method was the most successful approach for solving this problem. The Eurasians indicated their positions and their vision of the historical process more than they offered specific historical studies on the topic of the Mongol influence on the development of the Muscovite Kingdom.

Keywords: Russia-Eurasia, eurasian movement, eurasian ideology, Mongolian legacy, P.N. Savitskiy, N.S. Trubetskoy, G.V. Vernadskiy

For citation: Bystryukov V.Yu. "Our father, the great and stern Genghis Khan": The "Mongolian legacy" in the Eurasian concept. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 17–36. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.17-36 (In Russian)

Историческое знание занимало важное место в евразийской концепции. Первые идеологические установки нового движения, прозвучавшие в работе Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество» и сборнике «Исход к Востоку» носили ярко выраженный антизападнический характер. Евразия была обозначена как особый культурно-исторический мир. Этот тезис еще предстояло наполнить реальным содержанием и именно история должна была дать основные аргументы. После того, как была заявлена антизападная позиция и обозначены контуры нового континента, у евразийцев было несколько вариантов создания нового исторического мифа взамен «прорубленного окна» Петра I. Утверждение концепта «Евразия» как основной идеологемы делало невозможным использование националистических и славянофильских концепций, поскольку ни первые, ни вторые не соответствовали его культурно-историческому смыслу. Соответственно был нужен новый синтез, в котором славянские, тюркские и финно-угорские народы можно было объединить, сплотить в рамках новых подходов и идей.

Практически безальтернативным историческим событием, претендующим на основу новой идеологии, стало вхождение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи. Постепенно идея о благотворном влиянии монгольского владычества стала краеугольным камнем не только исторической составляющей, но и всей евразийской концепции в целом. В связи с этим актуальным представляется вопрос о фактическом наполнении этой идеологемы в евразийских текстах, о том, как евразийцы оценивали «монгольский этап» истории России, а также, насколько установка антизападничества влияла на использование методов, анализ и подачу исторических фактов.

Исследования последних лет заново поставили вопрос о составе участников евразийского движения и, следовательно, об относимости тех или иных текстов к евразийским. Безусловно, к ним относятся манифесты и программные документы, также важное место занимает эпистолярное наследие участников движения. Что касается авторов, то здесь необходимо разбираться с каждым в отдельности. Это задача облегчается тем, что первым историком у евразийцев стал Г.В. Вернадский, помимо него лишь немногие писали на конкретно-исторические темы.

Четверку основателей евразийства составили Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский. Последние двое практически ничего не писали об эпохе монгольского владычества, поэтому их работы можно во внимание не принимать (с учетом того, что Г.В. Флоровский в 1923 г. фактически отошел от евразийства). Н.С. Трубецкой оставил несколько работ, посвященных «туранской» составляющей русской культуры, также выделим его книгу «Наследие Чингисхана». Характеризуя евразийскую литературу, П.Н. Савицкий писал, что в ней, несмотря на публицистическую форму, Н.С. Трубецкой очень убедительно представил процесс «замены ордынского хана московским царем» [21, с. 296]. После кламарского раскола Н.С. Трубецкой практически отошел от руководства евразийским движением и в 1930-е гг. опубликовал лишь несколько статей в евразийских изданиях. В отличие от него П.Н. Савицкий оставался лидером евразийства вплоть до его фактического исчезновения. Его работы составляют классику евразийской мысли, поэтому они станут важным источником в рамках исследуемой темы. Г.В. Вернадский примкнул к евразийству в первой половине 1920-х гг., а уже в 1927 г. переехал на постоянное место жительства в США. Тем не менее, в 1930-е гг. он опубликовал в евразийских издательствах несколько произведений. Мы не будем привлекать его работы 1920-х гг., изданных за пределами евразийских изданий, а также книгу «Россия и монголы», изданную в США в 1953 г. Несомненно, что она несет на себе отпечаток евразийской концепции, но она была создана для иных целей и иной аудитории. Есть также несколько авторов, публиковавшихся на страницах евразийских изданий, но фактически к евразийству не принадлежавших. В первую очередь, это П.М. Бицилли, С.Г. Пушкарев, М.В. Шахматов, Э. Хара-Даван. Поэтому мы будем использовать их работы с обязательными ремарками. Анализ источников позволит определить, какой смысл приобретала монгольская эпоха в трудах евразийцев, что именно представляло из себя «монгольское наследство».

Историческая концепция евразийцев всегда была объектом пристального внимания исследователей. Еще в 1920-е гг. представители либерального направления русской эмигрантской историографии негативно относились к антизападническим тенденциям в евразийстве. П.Н. Милюков критиковал

историческую концепцию евразийства и не признавал позитивного влияния монгольского ига на развитие русской государственности [23, с. 63–34]. Он указывал на то, что границы монгольской империи не совпадали с границами «Евразии», поэтому сложно проводить политическую традицию от скифов, сарматов и гуннов через монголов к Московской Руси и императорской России. Он признавал, что дружественные отношения московских князей с ханами Золотой Орды помогли возвышению Москвы, но сам процесс объединения был связан с внутренними процессами [23, с. 63]. А.А. Кизеветтер писал, что евразийцы «подлинную историческую действительность нам хотят подменить картиной какой-то трогательной русско-татарской идиллии» [16, с. 315, 318, 321, 322–326]. Он считал известным фактом «некоторую роль татарских образцов» в развитии русской государственности, но недостаточным для смелых евразийских выводов. «Теорию месторазвития» П.Н. Савицкого он называл «геополитической мистикой» [17, с. 342] и считал неуместными аналогии между походами в Венгрию хана Батыя в XIII в. и русской армии в XIX в. В советской науке евразийство практически не было известно, а если о нем и писали, то оценивали очень критично. В.Т. Пашуто, хотя и отмечал некоторые интересные идеи П.Н. Савицкого, его мысли о положительном влиянии монголов на Русь называл «домыслами» [25, с. 96].

Современная историография включает значительное число работ, в которых историческая концепция движения «размазывалась», смешивалась с остальными отраслями знания евразийского учения и их достаточно сложно разделить. М.Г. Вандалковская, рассматривая собственно историческую концепцию евразийства, абсолютно обоснованно утверждает, что вопрос о том, что конкретно привнесло монгольское иго России являлся одним из самых важных и спорных и что евразийцы отрицали или снижали уровень государственной организации в домонгольской Руси. Евразийцы считали, что в управлении и социальной сфере монгольское владычество привело к следующим новшествам: усиление княжеской власти, прикрепление всех классов населения к обязательной службе, использование финансовой, налоговой, судебной систем, ужесточение наказаний, структуру армии [5, с. 122]. М. Ларюэль отмечает, что Монгольская империя располагалась на перекрестке «истории-историософии» и «географической, степной идеологии». Это превращает её в символ, ключевой элемент, раскрывающий идеологию, смысл и миссию Евразии [20, с. 203].

Н.С. Трубецкой в своем анализе придал чертам Евразии системообразующую связь – «идеологию туранского типа», считает А.В. Антощенко [1, с. 129]. Н.С. Трубецкой не предполагал полной тождественности монгольского и московского государства, которое отличалось «православным бытовым исповедничеством». Это позволило отделить дух монгольской государственности от перенятых институтов и наполнить его новым идейно-религиозным обоснованием. А.В. Антощенко отмечает, что использование геополитического метода приводило П.Н. Савицкого к превращению исторических лиц в символы, в отрицании качественных различий исторических эпох. В «Начертании русской истории» Г.В. Вернадский анализировал развитие государства и установление политического контроля над территорией. В «Звеньях русской культуры» обращение к культурной жизни народа сделали «важные положения евразийской исторической концепции не всегда уместным довеском» [1, с. 214].

Р.Р. Вахитов указывает на совпадения в оценках значения «монгольского ига» для России у основателей славянофильства и основоположников евразийства. Но славянофилы исходили из гегелевской концепции «исторических» и «не-исторических народов», евразийцы же ее отвергали. Чингиз-хан создал модель государства, оптимально подходящую для евразийского месторазвития, неизвестную ни в Европе, ни в Киевской Руси – служилую идеократию. «Недаром служилая идеократия в той или иной форме неизменно воспроизводилась и в русской истории вплоть до эпохи СССР» [6, с. 61]. Другими достижениями монгольской государственности были модель «евразийского федерализма», когда центральная власть не навязывала своих «традиций» и «ценностных ориентаций» покоренным народам, и веротерпимость. Русь переняла многие черты финансовой системы и организацию ямской службы. Е.А. Куликов указывает на двойную природу «наследия Чингисхана». С одной стороны оно означало геополитическую преемственность в деле объединения Евразии, с другой – систему «власти и управления, система политических отношений, существовавшая в восточных государствах», основанную на «идее-принципе и о методах ее воплощения». Однако, переворачивая причину и следствие, он делает вывод о том, что «выявление такого рода фактора в отечественной истории привело, на наш взгляд, евразийцев к мысли о невозможности реформирования России по европейскому пути, обратило их взоры на Восток, следствием чего стало идеологическое оформление политико-правового учения евразийства» [19, с. 53]. В.В. Трепавлов считал, что бесспорные примеры заимствования присутствовали во взаимоотношениях Руси и Орды, но их наличие не является аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или преемственности по отношению к Орде. А вот отношение к Московскому царству, как геополитическому наследнику Орды вполне находит исторические аргументы, в том числе и в восприятии народами Урало-Поволжья власти «Белого царя» [35, с. 7, 11].

Представленное количество работ не исчерпывает всего объема историографии. Можно выделить несколько десятков статей, в которых авторы просто пересказывают евразийскую точку зрения на монгольский этап истории нашей страны, без каких-либо попыток внутренней критики источников. В более серьезных работах такие попытки присутствуют, но иногда аналитичность изложения уступает «увлеченности» автора своим предметом исследования. Например, В.Я. Пащенко утверждает, что «проблема татаро-монгольского периода» в евразийской историософии имеет первостепенную значимость» и отмечает оригинальность, непохожесть идей евразийцев и истинность их выводов [26, с. 323]. Вслед за ним, О.В. Лушников считает евразийскую идею «исторически развивающимся комплексом идей», появившейся впервые в XVI в. в «предъевразийский период». «Монгольские реалии» стали образцом для практики государственного строительства на Руси и основ российского государственного аппарата. Так как природный мир «не может не тяготеть к политическому единству», Россия, обогащенная опытом «монгольского государственного строительства», стала новой силой способной объединить Евразию [22, с. 126].

В рамках заявленной темы было бы излишним углубляться во все богатство историографии работ отдельных евразийцев: Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского. Несомненно, что там затрагиваются и их исторические взгляды, но тему монгольского влияния выделить и отдельно рас-

сматривать представляется весьма сложным. Достаточно часто и некритично смешиваются взгляды евразийцев «классической» эпохи и Л.Н. Гумилева и невозможно в рамках одного текста понять, где автор опирается на работы последнего, а где – на П.Н. Савицкого или Н.С. Трубецкого. Периодически авторы самостоятельно находят подтверждение словам евразийцев или в работах других исследователей русского средневековья, например, Б.Я. Владимирцова, или в своих собственных построениях, считая, что это отражает истинное положение дел в исторической науке. Часто авторы ссылаются на работы Г.В. Вернадского, вышедшие уже в постъевразийский период его деятельности в США. Несомненно, что они несли на себе отпечаток евразийской концепции, но, создавались в иных условиях и источниками по истории евразийства считаться не могут. То же самое можно сказать о книге Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». Он был очень увлечен евразийством, но в состав движения не входил, и его книга, изданная на собственные деньги в Белграде, собственно к евразийским источникам не относится, а его статьи, изданные за пределами евразийских журналов говорят о том, что во многом он с ними расходился [4, с. 156–168]. Тем не менее, в существенном количестве работ, эти произведения неизменно присутствуют в списках литературы. Таким образом, в историографии проблема роли «монгольского наследства» России в исторической концепции евразийцев неоднократно поднималась и рассматривалась. Однако практически не затрагивался вопрос генезиса данной концепции в евразийской системе взглядов и не конкретизировалась методология, с помощью которой евразийцы находили подтверждение своим концепциям в пластах русской и евразийской истории.

Тезис о положительном влиянии монголов был записан во всех программных документах движения. В манифесте 1926 г. говорилось о «религиозно-культурной и национальной идее Москвы как наследницы Византии», но в тоже время о державе Чингисхана, как о первой выразительнице евразийского культурного единства. Положив начало основам политического строя, монголы первые «формулировали историческую задачу Евразии, ориентировав на неё евразийские национальные государства и прежде всего московский улус» [13, с. 38]. Москва заступила на место монголов, приняв их культурно-политическое наследие. В следующих программных документах евразийства устанавливалась единая государственная традиция Евразии – держава Чингисхана и его преемников в XIII–XIV вв., московское государство и Российская империя (в 1932 г., в этот ряд был включен и СССР) [14, с. 3]. Все эти формы государства воплощали «развертывание евразийской культуры в истории российско-евразийского мира» [15, с. 7]. От монголов Россия унаследовала «телесную организацию» евразийской культуры. Ее сочетание с христианскими традициями Византии создало величие московской Руси «татарской по материи и византийской по духу» [15, с. 8].

Признаки нового прочтения исторических событий XIII–XV вв. у евразийцев стали оформляться постепенно. В первом сборнике «Исход к Востоку» авторы практически ничего не написали по этой теме. Во втором была опубликована работа известного историка-медиевиста П.М. Бицилли, привлеченного к работе по инициативе Г.В. Флоровского. Вопрос о непосредственной принадлежности П.М. Бицилли к евразийству является дискуссионным. Он не входил в организационные структуры движения и опубликовал только две статьи на страницах ранних евразийских изданий. Нам представляется верной

точка зрения М.А. Бирмана о сложном и неоднозначном отношении П.М. Бицилли к новому движению, и об ошибочности причисления его к евразийцам [2, с. 241–253]. Сам Н.С. Трубецкой в письме П.П. Сувчинскому называл его участие в евразийском сборнике каким-то недоразумением [38, с. 24].

Тезисы в статье П.М. Бицилли несколько отличались от евразийской концепции. На пространстве Старого света он выделял особый мир степняков – турок и монголов и обозначал определенные константы исторического развития. В политике ассирийских и вавилонских царей, Александра Македонского, монгольских ханов и российских императоров обнаруживалось стремление сосредоточить в одних руках торговые пути, соединявшие Запад и Восток. Это практически удалось воплотить в жизнь Чингисхану и Тамерлану, Россия выступает продолжательницей их исторической миссии, творчески осуществляя синтез западных и восточных культур. Впрочем, непосредственно «туранo-монгольскую» стихию П.М. Бицилли считал бессодержательной и нейтральной. Россия ничего бы не смогла от неё получить, поэтому должна сосредоточиться на реализации своей «евразийской» миссии – быть связующим звеном для окраинных цивилизаций Старого Света [3, с. 337]. Таким образом, П.М. Бицилли представил свое понимание исторического процесса, в котором исторический путь народов определенным образом диктовался географическим расположением и предназначение Монгольской империи и России состояло в том, чтобы быть «мостиком» для окраинных цивилизаций Старого Света. Широкие исторические обобщения, создание традиций, чтение истории через географию показали возможности использования геополитического метода для поиска новой интерпретации взаимоотношений Запада и Востока. Об этом упоминал П.Н. Савицкий в начале 1930-х гг., когда писал о том, что стремление, выраженное в статье П.М. Бицилли, не иссякло в евразийстве [21, с. 288].

Уже в следующей статье в этом же сборнике П.Н. Савицкий писал об «эластичной массе кочующих степняков: турок и монголов, передающих культурные достижения неподвижным цивилизациям» [34, с. 341]. После этого небольшого реверанса в сторону П.М. Бицилли П.Н. Савицкий буквально огорошивает своего читателя, безапелляционно заявляя: «без «татарщины» не было бы России». Доказывая этот тезис, он не только рассматривал положительные последствия монгольского этапа, но и критиковал политическую организацию Древней Руси. Он констатировал «политическое и культурное измельчание» в первой половине XI – начале XIII вв., что выражалось в удельной раздробленности, упадке материальных возможностей. П.Н. Савицкий выделял общую линию эволюции славянских народов (поляков, сербов, болгар, Киевской Руси) – расцвет, разложение, упадок и зависимость. Здесь он видел определенную закономерность, приведшую к установлению ига. У Руси было три варианта попадания в зависимость: турки, заразившиеся «иранским фанатизмом и экзальтацией», Запад, который был готов «вынуть душу» и татары. Положительные последствия установления ига состояли в сохранении духовного существа России, чистоты национального творчества, а также в переходе качества организации устойчивого государственного центра. Для эпохи XIII–XV вв. характерно развитие русской религиозной культуры, что было связано с «очистительным» влиянием «татарщины». Помимо этого, к русским перешло «монгольское ощущение континента», заключавшееся в особом ощущении «степей, гор, оазисов, лесов в сочетании с «безмерным дерзанием» [34, с. 345].

П.Н. Савицкий выдвинул именно «евразийскую» концепцию исторического развития России – как наследницы «Великих Ханов, продолжательницы дела Чингиса и Тимура, объединительницы Азии, сочетающую «оседлую» и «степную» стихии [34, с. 346]. Он писал о положительном примере монгольской государственности, в короткие сроки объединившей огромную часть Старого Света [32, с. 7]. Здесь уже не было места параллелям в развитии с другими славянскими странами и народами.

В дальнейшем основным историком у евразийцев стал Г.В. Вернадский, но П.Н. Савицкий также продолжал писать на исторические темы, характеризуя, в том числе, и монгольскую эпоху. Преемство с державой Чингисхана он видел в социальной истории: в эволюции тяглового строя, где нет настоящей частной собственности на землю и значение социальных групп определяется её отношением к государству. Но возникновение обязательного характера службы П.Н. Савицкий связывал с «социальной революцией» Чингисхана[1], а не с кочевыми традициями, хотя в другой работе он писал, что этот строй «глубоко коренится в историческом укладе кочевых держав» [31, с. 125]. В Московской Руси переход от «вольно-служилых» к «обязательно-служилым» отношениям осуществлялся более основательно[2].

Евразия, как особый географический мир, была предсоздана для образования единого государства [29, с. 259]. На основании геополитического подхода П.Н. Савицкий выдвигал традицию государственного строительства евразийских народов – скифов, гуннов, монголов и русских. Русское государство в большей степени было наследником кочевых держав, нежели форм «дотатарской Руси» [31, с. 125]. Историко-социологический метод удачно заменялся геополитическим. Если собственно история оставляла разночтения, то география их не оставляла. Геополитический метод давал возможность создавать самые разные параллели в истории Евразии. Монгольские армии в XIII–XIV вв. и русские армии в XVIII–XIX вв. действовали на одних и тех же территориях, а походы Карла XII и Наполеона предварялись походами персидских царей на масагетов, скифов и гуннов-эфталитов и Витовта на татар в 1399 г. [29, с. 258]. Геополитический подход давал основания делать вывод о принадлежности и сопряженности с золотоордынской геополитической системой. В состав России вошли земли улуса Джучи и существенной части Монгольской империи. Впрочем, абсолютного совпадения быть не могло, например, П.Н. Савицкий писал о том, что на Балтике у монголов флота не было, а походам А.В. Суворова или войнам 1813–1815 гг. соответствуют походы Атиллы, а не Монгольской империи. Вслед за П.Н. Савицким В.П. Никитин находил геополитические параллели в операциях армий хана Хулагу и действиях русских армий в Курдистане в годы Первой мировой войны [24, с. 47].

Геополитический метод, однако, не стал основным в признании краха юго-западного образца русской государственности и культуры, растворившейся в Литве и Польше. Включение в орбиту «латинских» государств исключило формирование там общерусского центра. Тезис П.Н. Савицкого выражался в том, что Москва, в отличие от Литвы-Польши, смогла стать объединительницей евразийского пространства [29, с. 241]. «Русскость» оказа-

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 150. Советская историография евразийских народов. Л. 18.

[2] ГАРФ. Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 151. Советская историография евразийских народов. Л. 11.

лась несовместима с «латинством». «Латинство» стало непреодолимым препятствием на пути реализации юго-западного варианта русской культуры. Великое княжество Литовское могло бы также заимствовать институты от монголов, и П.Н. Савицкий писал о служилых татарах в Литве (как инструменте такого заимствования), но последняя оказалась на это неспособна именно в силу своего «латинства», а не географического исключения из круга евразийских земель. Политическая граница между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским стала границей между Европой и Евразией.

Таким образом, П.Н. Савицкий выделял два фактора – веротерпимость и покровительство Русской Православной церкви, и «принудительно-служилые» отношения, как составляющую часть монгольского наследства. Он мало писал о механизмах заимствования, просто констатируя факт положительного влияния установления «обязательной службы» в московском государстве и признавая, что это дало ей «огромную политическую силу» [31, с. 125]. Его основные аргументы лежали в области геополитики. Евразийское пространство стало ключевым фактором взаимодействия народов и наличия положительных последствий этого.

Н.С. Трубецкой называл «сопряжение восточного славянства с туранством» основным элементом русской истории [37, с. 351]. Московское государство возникло благодаря татарскому игу, а его свержение выразилось в замене татарского хана православным царем и перенесении ханской ставки в Москву. Этому способствовало два процесса: геополитический – подчинение земель, входивших в состав Золотой Орды и духовно-идеологический – религиозный подъем, ставший возможным именно во времена монгольского владычества, вызвавший «обрусение и оправославление татарщины» [37, с. 373]. Возросший престиж московского царя сделал возможным массовый переход татарской служилой знати. Н.С. Трубецкой указывал на решающее влияние монгольской государственности в практики административного управления. Впрочем, он оставлял эту тему для историков, указывая, что он, как лингвист и этнограф, в полной мере не может её исследовать.

Достаточно много Н.С. Трубецкой писал об укоренении на русской почве этнопсихологических черт туранского характера. Беспрекословное подчинение власти (означавшее не раболепие а подчинение высшему принципу), при соединении с Православием создавало цельную непротиворечивость социально-политической жизни. Роль церкви и Православия в жизни общества были во многом основаны на туранской психологии. Прививка туранских черт русской психике позволило Московской Руси «стать одной из обширнейших держав» [37, с. 372]. Н.С. Трубецкой выдвигал общеисторическую закономерность для развития наций, попавших под «иноземное иго», связывая его полезность и результаты с состоянием после освобождения. Два столетия монгольского ига превратили конгломерат разрозненных княжеств в «крепко сшитое» православное государство, внутренне единое в своем «бытовом исповедничестве» и готовое к внешней экспансии. Московская государственность стала плодом татарского ига [37, с. 373].

Ключевой работой евразийства по проблеме влияния монгольского ига на становление России стала брошюра Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». Как и П.Н. Савицкий, он критически оценивал политическое развитие древнерусских княжеств. Географическое положение Киевской Руси предопределяло политическую раздроб-

ленность и невозможность создания мощной государственности. Ею стала монгольская государственность, чьей наследницей выступает Россия (в том числе и в форме СССР). Государственное объединение Евразии «с самого начала являлось исторической необходимостью» [36, с. 272]. Именно география задавала эту необходимость истории. Чингисхану удалось решить задачу, поставленную природой. В тоже время монгольские завоевания собственно в Азии Н.С. Трубецкой считал разрушительными для её стран и народов. Россия может называться преемницей державы Чингисхана, поскольку «инстинктивно стремилась и стремится воссоздать это нарушенное единство» [36, с. 274].

Н.С. Трубецкой повторял свои мысли о роли религии для монгольской империи. Чингисхан приближал к себе и назначал на военно-административные должности людей особого психологического склада. Монгольское завоевание породило подъем религиозной жизни, которое отразилось и в русской культуре. Однако широко присутствовали и противоположные моменты, выражавшиеся в низкопоклонстве, стремлении извлечь личную выгоду, ренегатстве. Но именно религиозно-национальный подъем становится «мощным фактором развития национального самосознания и культуры» [36, с. 284]. По мнению Н.С. Трубецкого Православие сделало возможным возрождение государственной идеи империи Чингисхана. Представители татарской знати, перешедшие в православную веру, во-первых, стали одной из опор нового государства, во-вторых, передали ей традиции и навыки монгольской государственности. В этой схеме «бытовое исповедничество» было аналогом кочевническому быту. Рассматривая конкретное содержание «монгольского наследства», Н.С. Трубецкой указывал на финансовую систему и организацию системы почты и путей сообщения как прямо перешедшую от монголов. На этом его дискурс останавливался, и он предлагал историкам еще раз обратиться к этой теме [36, с. 285].

Также как и П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой писал о «духе» монгольской государственности, заменившей примитивные представления домонгольской Руси. Этот процесс совершился при помощи актуализации византийских государственных идеалов и традиций. Таким образом, великая монгольская государственная идея переродилась в православно-русскую. Москва воплотила в своем развитии процессы, которые были порождены установлением монгольского ига. Ханы Золотой Орды «только приветствовали административную централизацию своей русской провинции» [36, с. 288]. Окончательная замена ордынского хана московским царем произошла во времена Ивана Грозного после завоевания татарских ханств – Казани, Астрахани и Сибири.

Таким образом, географические совпадения, некоторые особенности государственного устройства и идейное содержание дают возможность называть Московское царство правопреемницей монгольской государственности. Ограниченная веротерпимость Московского царства вполне соответствовала веротерпимости империи Чингиз-хана, поскольку в качестве ересей в нем воспринимались религии, не исповедовавшиеся народами, населявшими евразийские пространства. Н.С. Трубецкой замечал, что «наследие Чингисхана неотделимо от России», все территориальные приобретения, сделанные даже во время императорской России, вставшей на путь европеизации, – Крым, Кавказ, Закаспийский край, Туркестан, Восточная Сибирь – этап на пути собирания частей «евразийского улуса Чингисхановой империи» [36, с. 328].

Подобно П.Н. Савицкому и Н.С. Трубецкому, Г.В. Вернадский писал о невозможности для русских княжеств XIII в. противостоять одновременно агрессии и с запада, и с востока. В статье, посвященной Александру Невскому, он приходил к выводу о предпочтительности подчинения «культурно-политической системе» монголов в XIII в., нежели зависимости от «религиозной системы» латинского Запада. Основу первых монгольских армий составляли буддисты и христиане-несториане. Это способствовало религиозной терпимости, которая была характерна для монгольской империи в целом и даже для мусульманской Золотой Орды [7, с. 327]. Подвиг смирения Александра Невского состоял в том, что он подчинился монголам, смог сохранить Православие и подготовить почву для религиозно-культурного, а потом и политического возрождения. Г.В. Вернадский трактовал Киевскую Русь как «особый культурный мир между Европой и Азией» [7, с. 320], подвергнувшейся нападению со стороны латинской Европы и монгольской Азии. В этом его видение имеет больше сходства с П.М. Бицилли, нежели с евразийцами. Понижение статуса «культурного мира» до одного из государств на пространствах Евразии сужало её географические и культурные границы. Как историк он более аккуратно оценивал Киевскую Русь, характеризуя не её слабость и падение государственного и культурного уровня, а сложность одновременного противостояния монголам и крестоносцам. Г.В. Вернадский сравнивал деятельность Даниила Галицкого и Александра Невского, как-бы разводя их по разные стороны исторического развития цивилизаций. Даниил был воплощением ошибочности прозападной ориентации, человеком, выбравшим земную славу. Александр Невский – это совсем иное, жертвенность, подвиг смирения, и в то же время политическая прозорливость и мудрость, позволившая сохранить русскую культуру и народ. Монгольское владычество органично смотрелось в этой схеме как необходимый ресурс для будущих побед.

В другой статье Г.В. Вернадский указывал, что монгольское нашествие представляло собой такое же нашествие из глубин материка, к которому были склонны степные народы, только гораздо более сильное. Русские княжества оказались тесно связаны со степным миром и азиатскими периферями материка [9, с. 157]. Г.В. Вернадский выстраивал геополитическую традицию, когда писал о том, что роль Рима и Византии, как объединительницы морской и степной культур перешла к монголам, объединившим Переднюю Азию и Китай со степью. Русские земли оказались включены в огромный исторический мир – от Средиземного моря до Тихого океана. Следствием этого стало открытие для русских купцов дороги в восточные земли и участие русских военных отрядов в боевых действиях золотоордынских и монгольских ханов.

Русская государственность сформировалась в той части княжеств, которая подчинилась монголам, не мешавшим культурной жизни своих провинций. Монгольская империя и Золотая Орда противостояли западным соседям русских княжеств – Литве, Венгрии и Польше – «а эти соседи были как раз и неприятелями народа русского» [9, с. 159]. Интересы Москвы и Сарая в этом совпадали. «Нападая на Литву, Сарай защищал этим русскую культуру даже тогда, когда политически уже враждовал с Москвою» [9, с. 160]. Например, победа татарского войска над Витовтом в битве при Ворскле в 1399 г. во многом способствовали остановке литовской экспансии на восток. Г.В. Вернадский выстраивал альтернативную модель эволюции политического процесса, считая, что монголы могли и слиться с русскими княжествами, как то про-

изошло в Китае или Персии. Но для этого необходимо было принятие местной религии, в данном случае Православия. Возможно, сын Батыя Сартак был близок к этому, но его смерть помешала этому витку исторического развития.

Более развернутую характеристику влияния монгольского владычества на русские княжества Г.В. Вернадский представил в книге «Начертание русской истории». В ней он также указывал, что власть ханов благоприятствовала Русской Православной церкви. Монголы вместе с русскими князьями сражались против западных «латинских» противников Москвы. Г.В. Вернадский отмечал общий строй евразийских государств, подчинявших своей власти большие территории, чем и объяснялась эта особенность. Наличие крепкого внутреннего миросозерцания в монгольской или российской империях, придавала государственности устойчивость. Организация евразийского государства была тесно связана с военной организацией. Смысл монгольского наследства состоял в «евразийской государственности» [10, с. 17].

После монгольского завоевания начинается языковое и культурное разделение русского народа на две ветви. Положительные стороны Г.В. Вернадский видел в развитии культурных и экономических связей с евразийскими народами и даже славянскими государствами на Балканах, также попавших в зависимость от Орды. Отпала необходимость защищаться от степных набегов, поскольку после Батыя нашествия, в основном, были связаны с междукняжескими интригами. Православная церковь оказалась в более выгодных условиях, чем в юго-западных княжествах, поскольку монголы, в отличие от латинских государств, не угрожали ей. Московские князья умело использовали помощь ханов Золотой Орды для усиления своего влияния.

Г.В. Вернадский отмечал перестройку центрального и местного управления в Московском Руси под влиянием монгольских образцов. Например, земское самоуправление при Иване Грозном было основано на тех же принципах, что и монгольское управление в Южной Руси в XIII–XIV вв. [8, с. 160]. Он утверждал неоспоримость факта складывания всего строя управления, финансов, военной организации, ямской службы, стиля дипломатических документов, под влиянием монголо-татарских образцов. Посошное налогообложение было построено по образцу монгольской налоговой политики, военная организация монголов легла в основу организации московской армии. Была перенята форма и техника дипломатических документов, а также методы дипломатии. В междукняжеских отношениях монгольская власть привнесла принцип иерархичности, подчинения младших старшим. Вариант организации населения в тяглые общины под управлением баскаков, реализованный в Киевщине и на Подолье, стимулировал бояр и князей отложить распри, сплотиться и противостоять угрозе раздробления сложившейся политической организации [8, с. 150]. В целом, Г.В. Вернадский только определял проблематику, указав на отдельные заимствованные институты, но не описал конкретику этого процесса.

Таким образом, Г.В. Вернадский обозначал геополитическую традицию от кочевых держав к Монгольской империи и московскому государству. «Монгольским наследством «выступала «плоть государства» то есть земли, территории, его составлявшие. Некоторые институты управления перешли в Московское княжество, позволив создать прежнюю «евразийскую государственность». Полностью согласны с мнением А.В. Антощенко, считавшего, что отличия этих систем, Г.В. Вернадский «оставил за текстом» [1, с. 222]. Отме-

тим, что в «Звеньях русской культуры» Г.В. Вернадский уже не говорил о культурной деградации Киевской Руси и о неизбежности её захвата соседями. Он отмечал влияние восточных языков, причем заимствования касались самых различных отраслей жизни и быта. Г.В. Вернадский указывал на влияние китайской, арабской и иранской культур на право тюрко-монгольских племен. Но в вопросе рецепции права, Г.В. Вернадский призывал к осторожности, говоря, что параллели могут объясняться не нахождением на евразийском пространстве, а «логикой развития праарийских норм» [8, с. 189].

Наряду с Г.В. Вернадским достаточно большую работу, посвященную Александру Невскому написал Н.А. Клепинин. Параллельно рассмотрению ранних лет жизни князя, отдельную главу он посвятил личности Чингисхана и созданию монгольской империи. Давая характеристику курултаю 1235 г., на котором принимались решения по организации западного похода, Н.А. Клепинин в подстрочном замечании указывал, что решениями этого курултая были созданы «два татарских университета» [18, с. 34]. Это неожиданная вставка не может быть объяснена ничем иным, как поиском неких аргументов против тезиса об отсталости Монгольской империи. В принципе Н.А. Клепинин повторял евразийские аргументы о вхождении северо-восточной Руси в мировую империю монголов и о «единой татарской власти», как факторе укрепления московского самодержавия. Также он писал о «наследии Византии и Киева» и «наследии Чингисхана», но при этом характеризовал особенности формирования северо-восточной Руси, характерные в силу конкретных социально-исторических условий XII–XIII вв., не связанных собственно с пространствами Евразии. Н.А. Клепинин выводил великодержавность Москвы от этих условий, «от Суздаля» [18, с. 11]. Он критиковал тех, кто недооценивал военную и политическую организацию Монгольской империи. Необходимость борьбы с Ордой сплачивала русские княжества, создавала фундамент для единства. Он характеризовал деятельность Александра Невского примерно так же, как и другие евразийцы. Князь стал защитником Православия от натиска латинского Запада, полностью подчинившись Орде. Н.А. Клепинин отмечал, что татары не пытались проникнуть в быт покоренной страны и не покушались на их внутренние силы, а вот наступавшие с запада крестоносцы были готовы утвердить свое религиозное миросозерцание вместе с бытом и укладом жизни [18, с. 48].

Необходимо упомянуть и другие работы, связанные с темой «влияния монгольского ига», появившихся в евразийских изданиях. В литературе иногда обозначается принадлежность историка С.Г. Пушкарева к евразийскому движению. Но, например. Н.С. Трубецкой с сомнением относился к его кандидатуре, как автора, но уступил аргументам П.Н. Савицкого, настаивавшего на включении статьи С.Г. Пушкарева в «Евразийский Временник» [11, с. 340]. В ней он обозначал бедственное положение русских княжеств в XII–XIII вв., считая, что они стали легкой добычей татар и Литвы. Он также считал, что русские гораздо легче уживались со своими восточными соседями, а вот на западных границах шла постоянная, упорная и жестокая борьба с «латинянами». Несмотря на то, что времена татарского ига были эпохой бедствия, политика татарских ханов защищала русскую церковь [27, с. 149]. Подобную веротерпимость проявляла русская власть относительно завоеванных осколков Золотой Орды.

Особняком стоит книга Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие». В литературе преобладает мнение о его большом вкладе в евразийскую концепцию. Однако он не входил в организационные структуры движения и опубликовал только две статьи на страницах евразийских изданий. Несомненно, что Э. Хара-Даван испытал огромное влияние евразийской концепции в своих работах, но наш взгляд, его было бы логичнее назвать последователем евразийства, а не непосредственным участником и идеологом. П.Н. Савицкий обозначил её, как книгу, стоящую в «ближайшей связи с идеями евразийцев и написанную ученым калмыком» [30, с. 309].

В наборе своих аргументов Э. Хара-Даван не оригинален. Он также писал о веротерпимости монголов и о защите ими Православия (в союзе с Александром Невским). Монголы создали условия для развития торговли, способствовали организации русского государства, перенявшего единообразное государственное устройство, систему почтовой службы, приемы военного искусства. Вслед за Н.С. Трубецким он отмечал положительную роль туранского психологического типа. Он также выдвинул гипотезу о влиянии Ясы на становление московской государственности. Интересно, что Э. Хара-Даван практически не использовал геополитический метод. Он писал о державе Чингисхана не как о евразийской державе, осуществивший замысел Природы, а как о развитой форме восточной цивилизации и упор в рассмотрении её положительного влияния он делал именно на этом. Он практически не упоминал термины «Евразия» и «евразийский» (говоря лишь о «евразийском нутре» русского народа в последних строках книги). Он, конечно, писал о том, что Русь была небольшой провинцией Монгольской империей, но вел эту мысль к управлению ханами на основе Ясы, а не к принадлежности к одной территории, как евразийцы. Повторим, это объясняется тем, что он не входил в евразийское движение, следовательно, был относительно свободен от евразийских догм, и брал у них лишь то, что его интересовало – проблематику Монгольской империи, как социокультурного феномена мировой истории.

Тезис о положительном влиянии монголов часто обозначался у других представителей евразийского движения, но без какого-либо развернутого объяснения или аргументации. Это влияние только констатировалось и повторялись те установки, которые были обозначены в работах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского [12, с. 10, 31].

Таким образом, тезис о положительном значении монгольского ига играл важнейшую роль в исторической концепции евразийства. Ключевое значение этого тезиса вытекало из идеологической необходимости обоснования незападных путей развития русской государственности. С самых первых публикаций евразийцы заняли антизападническую позицию, и она нуждалась в историческом обосновании. Такая установка автоматически ставила XIII–XV вв. русской истории в особое положение. Позитивные оценки этой эпохи и в количественном и в качественном отношении существенно превалировали над отрицательными или нейтральными.

Внимание к Монгольской империи являлось неизбежным в этой логике, и зависимость от нее должна была восприниматься именно в положительном ключе, невзирая на оговорки, присутствовавшие практически у всех евразийцев. Соответственно, определяя факты, евразийцы трактовали их с упором на эту идеологическую составляющую, акцентируя внимание на тех моментах русско-монгольского взаимодействия, которые им казались положительными,

в том числе доказывающие высокий уровень развития монгольской государственности и культуры. Однако наряду с постоянной констатацией факта положительного влияния монголов, необходимо было наполнить эти построения фактическим материалом. Евразийцы видели эти факты, во-первых, в усилении влияния Русской Православной церкви; во-вторых, в передаче институтов управления (дипломатия, армия, финансы, налоги, пути сообщения, усиление княжеской власти); в-третьих, в геополитической преемственности.

Религиозный подъем в Московской Руси, евразийцы связывали с веротерпимой политикой монголов, совместной борьбой с западными «латинскими» соседями, и с реакцией древнерусского общества на факт монгольского завоевания и принятием Ордой ислама. Православная вера заменила дух монгольской государственности на византийско-русские мотивы. Евразийцы были твердо убеждены, что Русская Православная церковь могла сохраниться и возвыситься только при веротерпимой политике монголов.

Определенная ограниченность анализа перехода институтов определялась отсутствием историков (до Г.В. Вернадского) и невозможностью сделать профессиональную оценку. Констатировался сам факт перехода институтов управления, но подробного рассмотрения их влияния не было. Это можно было бы проследить у М.В. Шахматова, но, характеризуя систему исполнительной власти на Руси, он ничего не писал ни о монгольском влиянии, ни о политике веротерпимости, указав только, что монгольское иго облагородило русские понятия о государстве, сделав из князей «страдальцев» [41, с. 57]. Это неудивительно, учитывая, что сам М.В. Шахматов не принадлежал к евразийскому движению, о чем он и сам заявлял [40, с. 1]. Н.С. Трубецкой писал П.П. Сувчинскому, что П.М. Бицилли и М.В. Шахматов не допускались ни к редактированию статей, ни к установлению направлений изданий [38, с. 67]. Анализ того, как институты управления эволюционировали на евразийской почве до перехода в Московское царство, у евразийцев почти не представлен, а там, где он есть, их эволюция не всегда определялась единым пространством. Сопоставительный анализ генезиса институтов, существовавших у самих монголов, не проводился. Полезность институтов определялась не их эффективностью, а геополитическим статусом. Положительным моментом был не сам факт заимствования, а заимствования именно у евразийской державы. Влияние Запада в целом осуждалось, как сопутствовавшее «европеизации» России. Логика концепта задавала историческую концепцию евразийства.

В силу невозможности создать более конкретную схему эволюции методов управления, принятых у евразийских народов, ключевым моментом доказывания связи монгольской державы и московского государства стал геополитический метод. Положительное значение тезиса о «монгольском наследстве» лучше обосновывалось не переходом различных институтов, а их нахождением на одном пространстве и цикличностью их эволюции. Опираясь на географию, евразийцы находили самые нестандартные параллели: Атилла и Суворов, Батый и Паскевич, Первая мировая война и походы Хулагу казались логикой одного и того же процесса. Она была системной, поскольку система задавалась концептом «Евразия». Однако геополитический метод иногда вступал в противоречия с концепцией передачи институтов. П.Н. Савицкий отмечал ритмичность их заимствования. Например, в техническом плане, монгольское нашествие стимулировало прогресс, но П.Н. Савицкий

фиксировал его только несколько десятилетий после нашествия и, несмотря на приезд «ценных специалистов из Орды» в 1250-е гг., последующими десятилетиями «инициатива не была подхвачена» [33, с. 579].

Золотая Орда практически не отделялась от собственно монгольской империи, в большинстве случаев евразийцы ставили между ними логический знак равенства. Для евразийцев более важной была зависимость именно от империи Чингисхана, объединителя Евразии, нежели от улуса его державы, которое включало в себя даже не все евразийские земли. При раскрытии конкретно-исторических сюжетов, Золотая Орда, конечно, упоминалась. Но самые громкие цитаты из трудов евразийцев, апеллируют к Монгольской империи и Чингисхану, а не к Золотой Орде и Батыю. История отношений между улусом Джучи и собственно Монгольской империей была просто лишней для евразийцев. В рамках евразийского дискурса не было необходимости как-то отделять Золотую Орду и П.Н. Савицкий указывал, что нет сомнений, что она базировалась на принципах, установленных Чингисханом[3]. Московская Русь получила от монголов «тело» государства, то есть его географические пределы. История в данном случае указывала на важную роль географии и провоцировала на изучение и анализ характерных географических особенностей евразийского пространства. Нельзя сказать, что историческая концепция задавала географический детерминизм евразийцев, но определенным образом на него повлияла. Такое тождество истории и географии толкало на поиски тождества в самой Евразии, что проявлялось в исследованиях П.Н. Савицкого [28, с. 1–180].

Именно геополитический метод позволил евразийцам в своих работах очень часто повторять выводы о важнейшем значении монгольского владычества. Эти выводы были представлены более широко, нежели анализ конкретного перехода систем управления. Это говорит о предзаданности евразийского дискурса, ограничивавшего и отбор фактов, и их объяснение. Тем не менее, евразийцы указывали на различные стороны взаимодействия народов и государств евразийского пространства, обозначая новые векторы изучения этого феномена. Возможно поэтому, Г.В. Флоровский назвал евразийство «правдой вопросов и неправдой ответов» [39, с. 312]. Их идеология помогала поставить вопросы исторического взаимодействия различных народов в Евразии. Они акцентировали внимание на положительных последствиях этого взаимодействия. Поэтому, несмотря на то, что в исторической концепции отразились как противоречивость самого евразийского движения, так и определенная идеологичность их положений, её можно признать весьма плодотворной. Они указывали на «восточный элемент» русской культуры, на необходимость включения региональной истории Евразии в одно целое с русской историей, на проблеме становления и эволюции русского государства. Введение в данном дискурсе вопросов изучения чингизидского наследства и взаимоотношений с Золотой Ордой было вполне удачным и не теряющим своей актуальности тезисом.

[3] ГАРФ. Ф. Р–5783. Оп. 1. Ед. хр. 151. Советская историография евразийских народов. Л. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2003. 392 с.

2. Бирман М.А. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 241–253.

3. Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории старого света // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 317–340.

4. Быстрюков В.Ю. Национальный вопрос и развитие цивилизаций в работах Э. Хара-Давана // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (46). С. 156–168.

5. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.

6. Вахитов Р.Р. Евразийская оценка культур кочевников и их роль в русской истории // Ватандаш. 2016. № 5 (236). С. 53–65.

7. Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 318–337.

8. Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Берлин: Издательство евразийцев, 1938. Ч.1. 280 с.

9. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 153–164.

10. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 235 с.

11. Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое издательство, 2010. 630 с.

12. Евразийская хроника. Вып. 1. Прага, 1925. 43 с.

13. Евразийство: (Опыт систематического изложения). [Париж; Берлин]: Евразийское книгоиздательство, 1926. 78 с.

14. Евразийство: (формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 3–14.

15. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы, 1932. Прага: Издание евразийцев, 1932. 28 с.

16. Кизеветтер А.А. Евразийство // Мир России – Евразия. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 315–328.

17. Кизеветтер А.А. Русская история по-евразийски // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 341–348.

18. Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. М.: Стрижев, 1993. 112 с.

19. Куликов Е.А. «Наследие Чингисхана» как азиатский фактор формирования политико-правового учения евразийства // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 49–54.

20. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287. С.

21. Лубенский Ст. [псевд. П.Н. Савицкого] Евразийская библиография, 1921–1931: путеводитель по евразийской литературе // Тридцатые годы. Париж: Изд. евразийцев, 1931. С. 285–317.

22. Лушников О.В. Эволюция евразийской идеи в России в XVI–XX вв. // АНТРО: Анналы научной теории развития общества. Вып. 1. Пермь: Пермский гос. тех. ун-т., 2006. вып. 1. С. 110–131.

23. Милюков П.Н. Евразианизм и европеизм в русской истории // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1994. С. 58–66.

24. Никитин В.П. Ритмы Евразии // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9. С. 46–48.

25. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.

26. Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М.: МГУ, 2000. 448 с.

27. Пушкарев С.Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 121–152.

28. Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почвы. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.

29. Савицкий П.Н. Геополитические заметки по русской истории // Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. Ч. 1. С. 234–260.

30. Савицкий П.Н. Евразийская библиография // Тридцатые годы. Париж: Издательство евразийцев, 1931. С. 285–317.

31. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 123–126.

32. Савицкий П.Н. Евразийство // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 5–23.

33. Савицкий П.Н. Ритмы монгольского века // Альманах «Арабески истории». Вып. 3–4. Русский разлив. Т. 2. М.: ДИ-ДИК, 1996. С. 576–616.

34. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. Берлин: Геликон, 1922. С. 341–356.

35. Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

36. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268–333.

37. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин: Евразийское книжное издательство, 1925. С. 351–377.

38. Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Русский путь, 2008. 384 с.

39. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 312–346.

40. Шахматов М.В. Евразийство и русское самобытничество // Возрождение. 06.06.1925. № 4. С. 1.

41. Шахматов М.В. Подвиг власти: опыт по истории государственных идеалов в России // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923. С. 55–80.

REFERENCES

1. Antoshchenko A.V. “Eurasia” or “Holy Russia” (Russian emigrants in search of self-awareness on the paths of history). Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2003, 392 p. (In Russian)

2. Birman M.A. P.M. Bitsilli and the Eurasianists in 1922–1927: (essays and fragments). Around the editorial archive of *Modern Notes* (Paris, 1920–1940): collection of articles and materials. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010 pp, 241–253. (In Russian)

3. Bitsilli P.M. East and West in the history of the Old world. *Na putyakh*. Berlin: Helikon, 1922, pp. 317–340. (In Russian)

4. Bystryukov V.Yu. The national question and the development of civilizations in the works of E. Hara-Davan. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journa*l. No 2 (46), 2023, pp. 156–168. (In Russian)

5. Vandalkovskaya M.G. Historical science of Russian emigration: eurasistic temptation. Moscow: Nauka, 1997, 350 p. (In Russian)

6. Vakhitov R.R. Eurasistic assessment of nomadic cultures and their role in Russian history. *Vatandash*. No 5 (236), 2016, pp. 53–65. (In Russian)

7. Vernadsky G.V. Two feats of St. Alexander Nevsky. *Evraziyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 318–337. (In Russian)

8. Vernadsky G.V. Links of Russian culture. Part 1. Berlin: Izdatelstvo evraziytsev, 1938, 280 p. (In Russian)

9. Vernadsky G.V. The Mongol yoke in Russian history. *Evraziyskiy vremennik*. Book 5. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 153–164. (In Russian)

10. Vernadsky G.V. Writing of Russian history. Part 1. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, 235 p. (In Russian)

11. Glebov S. Eurasianism between Empire and modernity: history in documents. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2010, 630 p. (In Russian)

12. *Evraziyskaya khronika*. Iss. 1. Prague, 1925, 43 p. (In Russian)

13. Eurasianism: (The experience of systematic presentation). Paris, Berlin: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1926, 78 p. (In Russian)

14. Eurasianism: (wording of 1927). *Evraziyskaya khronika*. Iss. 9. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 3–14. (In Russian)

15. Eurasianism: declaration, formulation, theses, 1932. Prague: Izdanie evrasiytsev, 1932, 28 p. (In Russian)

16. Kiesewetter A.A. Eurasianism. *The world of Russia – Eurasia. Anthology*. Moscow: Vysshaya Shkola Publishers, 1995, pp. 315–328. (In Russian)

17. Kisevetter A.A. Russian history in a eurasistic way. Vandalkovskaya M.G. Historical science of Russian emigration: "The eurasistic temptation". Moscow: Nauka, 1997, pp. 341–348. (In Russian)

18. Klepinin N.A. Holy Blessed and Grand Prince Alexander Nevsky. Moscow: Strizhev, 1993, 112 p. (In Russian)

19. Kulikov E.A. "The legacy of Genghis Khan" as an Asian factor in the formation of the political and legal doctrine of Eurasianism. *Russian-Asian Law Journal*, no. 1, 2021, pp. 49–54. (In Russian)

20. Laruel M. Ideology of Russian Eurasianism, or thoughts about the greatness of the empire. Moscow: Natalis, 2004, 287. p. (In Russian)

21. Lubensky S. Eurasistic bibliography, 1921–1931: a guide to eurasistic literature. *Tridtsatyie gody*. Paris: Izdatelstvo evraziytsev, 1931, pp. 285–317. (In Russian)

22. Lushnikov O.V. Evolution of the eurasistic idea in Russia in the 16th–20th centuries. *ANTRO: Annaly nauchnoy teorii razvitiya obshestva*. Vol, 1, no. 1. Perm: Perm National Research Polytechnic University, 2006, pp. 110–131. (In Russian)

23. Milyukov P.N. Eurasianism and Europeanism in Russian history. *Evropeiskiy almanah*. *Istoyiya. Traditsii. Kultura*. Moscow, 1994, pp.58–66. (In Russian)

24. Nikitin V.P. Rhythms of Eurasia. *Evraziyskaya khronika*. No. 9. Paris, 1927, pp. 46–48. (In Russian)

25. Pashuto V.T. Russian historians emigrants in Europe. Moscow: Nauka, 1992, 400 p. (In Russian)

26. Pashenko V.Ya. Ideology of Eurasianism. Moscow: Moscow University Press, 2000, 448 P. (In Russian)

27. Pushkarev S.G. Russia and Europe in their historical past. *Evraziyskiy vremennik*. Book 5. Paris: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927. pp. 121–152. (In Russian)

28. Savitsky P.N. Geographical features of Russia. Part 1. Vegetation and soils. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, 180 p. (In Russian)

29. Savitsky P.N. Geopolitical notes on Russian history. *Nachertanie russkoy istorii*. Part 1. Prague: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1927, pp. 234–260. (In Russian)

30. Savitsky P.N. Eurasistic bibliography. Tridtsatyie gody. Paris: Izdatelstvo evraziytsev, 1931, pp. 285–317. (In Russian)

31. Savitsky P.N. The Eurasistic concept of Russian history. *Kontinent Evraziya*. Moscow: Agraf, 1997, pp.123–126. (In Russian)

32. Savitsky P.N. Eurasianism. *Evraziyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 5–23. (In Russian)

33. Savitsky P.N. Rhythms of the Mongolian century. *Arabeski istorii*. No. 3–4. Russkiy razliv. Vol. 2. Moscow: DI-DIK, 1996, pp. 576–616. (In Russian)

34. Savitsky P.N. Steppe and settlement. *Na putyakh*. Berlin: Gelikon, 1922, pp. 341–356. (In Russian)

35. Trepavlov V.V. The Golden Horde in the 14th century. Moscow: Quadriga, 2010, 72 p. (In Russian)

36. Trubetskoy N.S. The legacy of Genghis Khan: Not Western but Eastern perspective on Russian history. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 268–333. (In Russian)

37. Trubetskoy N.S. About the Turanian element in Russian culture. *Evraziyskiy vremennik*. Book 4. Berlin: Evraziyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1925, pp. 351–377. (In Russian)

38. Trubetskoy N.S. Letters to P.P. Suvchinskiy: 1921–1928. Moscow: Russkiy Put', 2008, 384 p. (In Russian)

39. Florovsky G.V. The Eurasistic temptation. *Sovremennye zapiski*. Book 34. 1928, pp. 312–346. (In Russian)

40. Shakhmatov M.V. Eurasianism and Russian uniqueness. *Vozrozhdenie*. No. 4, 1925, p. 1. (In Russian)

41. Shakhmatov M.V. Feat of authorities: an experience in the history of state ideals in Russia. *Evraziyskiy vremennik*. Book 3. Berlin: Evraziyskoe knigoizdatelstvo, 1923, pp. 55–80. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Юрьевич Быстрюков – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет (443099, ул. М. Горького, 65/67, Самара, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1164-8203. E-mail: bystryukov@pgsga.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Bystryukov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, Maksim Gorky Str., Samara 443099, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1164-8203. E-mail: bystryukov@pgsga.ru

Поступила в редакцию / Received 10.07.2024
Поступила после рецензирования / Revised 25.11.2024
Принята к публикации / Accepted 10.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.37-47 УДК 94(47-13)"12/14"
EDN: FWWFXB

КАФФА И ТАНА: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПАРТНЕРСТВО ИТАЛЬЯНСКИХ МОРСКИХ РЕСПУБЛИК В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В XIII–XV ВВ.

С.П. Карпов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
spkarp1204@yandex.ru

Резюме. Целью исследования является изучение отношения итальянских морских республик и их факторий в Причерноморье на фоне их связей с Золотой Ордой. Материалами исследования являются неопубликованные документы из Венецианского и Генуэзского архивов Италии, а также исследования этой темы. Использовались постановления Венецианского Сената, относящиеся к навигации, фонды Судей по петициям и Адвокатов Коммуны содержащие материалы исков по торговым делам, счетные книги (массарии) генуэзской Каффы (Феодосии), а также акты нотариев. Результатами исследования являются выводы о влиянии торговых запретов навигации в Тану (Азов), введенных Генуей по отношению к Венеции в XIII–XIV вв. на состояние торговли в регионе, а также о том, как постепенно снятие запретов трансформировалось в торговое партнерство купечества морских республик, осложненное конкуренцией двух главных форпостов черноморской торговли – Каффы и Таны – между собой. Отношения Каффы и Таны рассматриваются на фоне внутренней борьбы в Золотой Орде, где отношения факторий с Идигу и его политическими противниками играли важнейшую роль. Стремление генуэзской администрации Каффы расширить поле своего влияния в регионе, особенно в акватории Азовского моря, проявлялось в том, что власти Каффы держали свои гарнизоны в Воспоро (Керчи), Матреге (на Тамани) и Мапе (Анапе) для контроля за навигацией венецианских судов, и прежде всего для препятствования их прохода через Керченский пролив. С целью контроля над проливами магистраты факторий одаривали эмиров Копы (в устье Кубани), Матреги, ханских посланников, беглербея Идигу и других. Новым в историографии является показ того, как коммерческие связи и взаимные контакты жителей венецианской и генуэзской факторий факторий в Тане сочетались с политическим противостоянием между их властями, особенно, когда отношения метрополий – Венеции и Генуи зачастую были враждебными и смягчались только при угрозе внешних нападений на них.

Ключевые слова: Каффа, Тана, Золотая Орда, Генуя, Венеция, Газария, Токтамыш, Джелал-ад Дин, Идигу

© Карпов С.П., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Карпов С.П. Каффа и Тана: противостояние и партнерство итальянских морских республик в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 37–47. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.37-47 EDN: FWWFXB

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (22-18-00167) «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья».

CAFFA AND TANA: CONFRONTATION AND PARTNERSHIP OF THE ITALIAN MARITIME REPUBLICS IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE 13th–15th CENTURIES

S.P. Karpov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
spkarp1204@yandex.ru

Abstract. The aim of the research is to study the evolving relations between the Italian maritime republics and their trading posts in the Black Sea region against the background of their relations with the Golden Horde. To analyze the nature and causes of these transformations, new materials from the Venetian and Genoese archives are utilized, namely unpublished documents from the Venetian and Genoese archives of Italy: the decrees of the Venetian Senate related to navigation, the funds of the Judges of Petitions and Advocates of the Commune containing materials of claims on trade cases, account books (massarie) of Genoese Caffa (Feodosia), and the acts of notaries. The research is focused on the influence of trade bans regarding navigation to Tana (Azov), introduced by Genoa in relation to Venice in the 13th–14th centuries, on the state of trade in the region, as well as how the gradual lifting of the bans gradually evolved into a trade partnership between the merchants of the maritime republics. This partnership, however, was complicated by the rivalry between the two main Black Sea trading outposts, Caffa and Tana. The relations between Caffa and Tana are examined in the context of internal struggles within the Golden Horde, where their ties with Edigu and his political adversaries played a crucial role in events. The desire of the Genoese administration in Caffa to expand its sphere of influence in the region, especially in the waters of the Sea of Azov, was manifested by the fact that the authorities of Caffa kept their garrisons in Vosporo (Kerch), Matrega (on Taman), and Mapa (Anapa) to control the navigation of Venetian ships, and above all to prevent their passage through the Kerch Strait. In order to control the straits, the magistrates of the trading stations presented gifts to the emirs of Copa (at the mouth of the Kuban), to Matrega, to the khan's envoys, to the beylerbey Edigu, and to many others. The author demonstrates how commercial ties and contacts between the residents of the Venetian and Genoese trading stations in Tana were combined with the political confrontation between their authorities, especially when the relations between the metropolises – Venice and Genoa – were often hostile and were only softened during periods when they were under the threat of external attacks.

Keywords: Caffa, Tana, Golden Horde, Genoa, Venice, Gazaria, Toktamysh, Jalal-ad Din, Idigu

For citation: Karpov S.P. Caffa and Tana: confrontation and partnership of the Italian maritime republics in the Northern Black Sea region in the 13th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 37–47. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.37-47 (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant (22-18-00167) "The Black Sea region and the Mediterranean world in the era of crises and changes in the Middle Ages."

Генуэзская Каффа с конца XIII до середины XIV в. возрастала от положения небольшого поселения, административно подчиненного Пере до главного центра генуэзской Газарии, контролировавшего всю генуэзскую навигацию и торговлю в бассейне великого моря, становясь терминалом торговли Запада и Востока. В золотоордынском Азаке/Тане также была небольшая фактория генуэзцев, но она была подчинена Каффе и в ней было запрещено пребывать долгое время. Венецианцы пришли в Причерноморье позднее и судорожно начали осваивать прежде всего терминалы торговли, которыми были Трапезунд и Тана (ибо закрепиться в крымской Сугдее/Солдайе им не удалось). Тана имела то преимущество, что она была ближе, чем Каффа расположена к торговым центрам Улуса Джучи – Сараю и Хаджитархану (Астрахани). Доставка туда относительно скоропортившихся товаров, как перец и прочее был легче, чем в Каффу. Кроме того, и торговля другими важнейшими товарами – икрой, осетровыми и, конечно, рабами – в Тане была менее стеснена ограничениями и ближе к месту добычи и покупки. Венецианская Тана росла как конкурент не только Тане генуэзской, находившейся в тени Каффы, но и самой Каффе. Поэтому Генуя уже с конца XIII века последовательно переходит к политике закрытия портов Приазовья для конкурентов, контролируя проход через Керченский пролив через опорный пункт в Воспоро/Керчи и введя полный запрет (devetum) на иностранную, прежде всего венецианскую, торговлю в регионе. Что, естественно, вызывало сопротивление властей Республики св. Марка. Сталкивались две политики – стремление Венеции закрепить принцип «открытых морей», освобожденных от пиратства, и стремление Генуи обеспечить приоритетные зоны торговли с исключением из них соперников. При этом обитавшие на Леванте генуэзцы полагали, что границами их владений на Востоке является как раз Тана, о чем и написал Альберто Альфьери в своей составленной в Каффе в 1421 г. поэме «Огдоас»[1], и она находилась под непосредственным управлением центра генуэзских факторий в Газарии – Каффы, что отмечено и в статуте Каффы 1449 [19, p. 675–676; 17, p. 1097–1098] и в массариях Каффы XV в.

Итогом столкновений морских держав были три жестоких войны между Генуей и Венецией, важнейшей причиной которых было именно навигация в Тану и в которых не было победителей, но в которые была вовлечена Византия, последние силы которой были подорваны поражением флота Иоанна VI Кантакузина в 1352 г. [10; 11]. Сами же морские республики заключили компромиссные договоры (скорее о перемирии, нежели о мире) в 1355 г. в Милане и в 1381 г. в Турине. Их главным условием, как известно, был временный трехлетний мораторий на плавание всех судов к Тане, в Азовское море. И в эти три года Венеция была отрезана от своей фактории на Дону, тогда как Генуя вела выгодную торговлю через Каффу и контролировала проход через Керченский пролив через Воспоро. И тогда посредниками венецианцев в их торговле в Северном Причерноморье становились греки и даже «сарацины».

[1] «Usque ad ripam Thanais Ianuensis respublica dominatur» [12, p. 315].

Но время шло, генуэзцы оказались вовлеченными в конфликт с золотоордынским Солхатом и с самим Токтамышем, Венеция использовала свое основное преимущество – посылку эскадр хорошо вооруженных конвоев галей, преодолела сопротивление Трапезундской империи и постепенно укрепляла связи с главным противником генуэзцев в Крыму – княжеством Феодоро. Нашествие Тимура 1395 г. разрушило как венецианскую, так и генуэзскую фактории в Тане [4]. Как теперь твердо установлено, Тимур не пошел на Крым и не осаждал Каффу [8]. Поэтому вновь венецианцы оставались более пострадавшей стороной. И тем паче они быстрее взялись за восстановление своей фактории, возобновив торговлю в ней уже на рубеже XIV и XV вв. [3]. С тех пор контуры всей геополитической ситуации для морских республик обозначились предельно четко: мощный город Каффа у генуэзцев и более слабая, но единственная венецианская фактория в Тане, медленно, но неуклонно растущая и превосходящая факторию генуэзскую в том же месте. Поэтому отношения Венеции-Генуи в регионе надо рассматривать в тройной перспективе: как противоборство самих республик, как противостояние Каффы и Таны, и как сложное взаимодействие двух итальянских факторий в устье Дона.

Начнем с первого. Уже было налаживающаяся венецианская навигация в Тану в 1403 г. была прервана. Вояж туда галей не состоялся из-за захвата генуэзцами шедшего из Бейрута венецианского корабля со специями. На нем находился и высокий венецианский магистрат – вице-байло Кипра. Капитану Галей Гольфа, после немалых дискуссий, было предписано мобилизовать все силы для отпора и для обеспечения прохода галей Романии в Черное море[2]. Реализовать это решение не получилось. Навигация была отменена. В дальнейшем напряжение в отношениях с генуэзцами только возрастало. В 1404 г. генуэзский корабль Миколозио из Монельи напал на возвращавшуюся из Таны кокку Базилио Тирапелле, захватил ее товары и отпустил находившихся на ней купцов безо всякого имущества аж в Сарагосе, как отмечено в судебном документе[3]. В 1406 г. венецианский Сенат принял постановление о категорическом запрете для венецианских судов заходить во все генуэзские порты и разгружать там товары[4]. Конфликт генуэзцев с трапезундским императором [2, с. 360] ставил под сомнение возможность захода венецианских кораблей в порт Трапезунда: такая возможность или невозможность должна была обсуждаться Советом XII в Константинополе и в ходе осуществления вояжа галей Таны в Черное море. И все же венецианцы настойчиво устремлялись в Тану и вновь и вновь отстраивали там свою факторию, после двух новых разрушительных ордынских набегов в 1412 и в 1418 гг. [7]. С 20-х гг. XV в. Республика св. Марка серьезно занялась возведением пояса каменных стен с башнями для защиты Таны. Пояс стен фланкировал венецианскую факторию со стороны фактории генуэзской, еврейского квартала – Джудекки и татарского города Азака. В свою очередь, и генуэзцы возводили свои стены, хотя, как кажется, генуэзская фактория уже уступала по размерам и укрепленности венецианской.

[2] Archivio di Stato di Venezia (далее – ASV), Senato, Secreta, I, f. 108r-v – 25/IX 1403.

[3] ASV, Giudici di Petizion, Sentenze a Interdetti, 7, f. 24r – 30/I 1406.

[4] ASV, Senato, Misti (далее – SM), XLVII, f. 59r [20, T. 2, N 1226] – 20/VII 1406.

К 1421 г. значительные работы по укреплению венецианской фактории уже были проведены, хотя внешний пояс стен все еще не был достроен. Кроме периметра в 600 пассов (1044 м.) предстояло соорудить еще 265 пассов стены (461 м.) по направлению к возвышенности и главной задачей в 1422 г. Сенат считал постройку поперечной стены по склону возвышенности от генуэзского квартала до Джудекки. Первоочередными мерами были сочтены постройки стен вдоль генуэзского квартала и вдоль Джудекки по направлению к возвышенности, «горе», как сказано в документе, так и поперечной стены, примерно по 50 пассов. Примечательны два момента: во-первых, периметр укреплений фактории значительно превышал тот, что был в XIV столетии, в частности на основании пожалования Узбека (379 пассов) [1, с. 71].

Между генуэзскими факториями Таны и Каффы поддерживалась постоянная связь при том, что автономность Таны признавалась, о ней велись записи в специальной массарии[5] и прибывший из Таны с сообщением о смене в Орде в 1411 г. «императора» некий Мартин именовался нунцием[6]. К июню в Крыму утверждается новый хан, сын Токтамыша Джелал-ад Дин, захвативший крымскую столицу – Солхат. И теперь уже власти Каффы посылают в Тану к купцам генуэзской фактории барку с известием об этом событии[7].

Стремление генуэзской администрации Каффы расширить поле своего влияния в регионе, особенно в акватории Азовского моря, проявлялось в том, что власти Каффы держали свои гарнизоны в Воспоро, Матреге и Мапе (Анапе), посылали туда воинов-оргузиев для их охраны и для контроля за навигацией венецианских галей и нав[8], в том числе, для препятствования навигации венецианских галей плывших из Черного море в Азовское и обратно через Керченский пролив[9]. Они одаривали эмиров Копы[10], Матреги, ханских посланников[11], беглербея Идигу[12] и других.

Но власти самих факторий пытались найти каналы взаимодействия. Об одном из таких эпизодов рассказывает следственное дело против бывшего венецианского консула Даниэле Лоредана (1412 г.) [6]. Едва вступив в должность, он начал переговоры с генуээзцами близлежащей фактории через их переводчика-труцимана и коммеркиариев. Он заявил генуэзцам, что ищет их дружбы (что само по себе не считалось похвальным для венецианского официала), не доверяет своему труциману, и знает, что венецианские купцы обманывают казну при уплате налогов, скрывая от декларирования часть

[5] Archivio di Stato di Genova (далее – ASG), Sala 34, 590.1227 (Caffa. Massaria (далее –CM) 1410–12), f. 90v – 8/VI 1411.

[6] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 29v, 12r – 4/II 1411.

[7] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 90v – 8–9/VI 1411; f. 54v – 9/VII 1411 (dominus soltanus filius Toctamis aceperat Sorcati).

[8] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 47v, 121r-v – 7/VIII–10/IX 1411; 50r – 20/VIII 1411; 52r – 10/X 1410.

[9] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 54r, 116r – 21/XI 1410 (оплата оргузию Джорджо Торселло, посланного из Каффы в Воспоро, где он служил 15 дней, обеспечивая блокаду прохода венецианских галей осенью 1410 г.).

[10] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 28r – 20/X 1410.

[11] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 47v, 121r-v – 8/IX 1411.

[12] ASG, Sala 34, 590.1227 (CM 1410–12), f. 159r – 14/XI 1410: кусок красного бархата стоимостью 8 соммов.

товаров. Последнее было правдой, и не раз тяжбы велись по этому поводу и в Тане, и в других местах Романии[13]. Лоредан знал, что у генуэзцев был большой долг перед ханом за неуплату части поземельного налога, взимаемого ханским чиновником (messadego, mesadegus[14]). Положение генуэзской фактории в те годы было тяжелым, и Лоредан предложил дать генуэзцам кредит, оформив его как долговое обязательство на имя его брата Марко. Долг, якобы, был сделан раньше, во времена татарского коммеркиария Сабаддина и составлял 5400 безантов. Лоредан обещал заплатить генуэзцам 5000 безантов (400 безантов составили бы скрытый процент), собрав деньги на заём с налогов венецианских купцов. Более того, он обещал генуэзцам погасить половину долга, при уплате ими другой половины. Когда же генуэзцы, составив акт, явились к Лоредану за деньгами, он, как сказано в протоколе следствия, «послал их с Богом» («dixesse ai diti chei andasse cum Dio»), ничего не заплатив. Зато он стал на основании акта собирать деньги с венецианцев, делая об их вкладе дорсальные записи на документе. Просителей возместить ему уплаченное он не допускал к себе, поставив у дверей консульской лоджии стража – бастонерия Пьеро. Обманутые (венецианцы, а возможно и генуэзцы, лица не названы в протоколе) могли обратиться за правосудием к хану, как сказано, господину той земли (al imperador et al signor), но они предпочли апеллировать к венецианской Синьории, полагаясь на ее правосудие. Обвинение было предъявлено Даниэле на вольгаре его преемником, записавшим жалобы потерпевших[15]. Этот пункт приоткрывает завесу над налоговыми отношениями итальянских факторий и ханской казны, еще раз подчеркивая, что в те годы сюзереном Таны по-прежнему признавался хан («император») Золотой Орды [13, p. 252][16].

И все же в целом отношения генуэзцев и венецианцев в самой Тане на протяжении XV века скорее улучшались, чем были враждебными. Деловые связи между жителями двух факторий не прекращались. В 1439 г., например, генуэзец из Савоны Джорджо Беллоно оформлял завещание в Тане у венецианского нотария Амброджо ди Сан Витале в присутствии как генуэзских, так и венецианских свидетелей. Тот же Беллоно оплачивал в Тане камбий на 341 безант, отправленный генуэзцем Джакомо ди Пома для рассчета с венецианцем Бартоломео Россо[17].

И еще один эпизод. Весной 1431 г. ситуация в Тане была тревожная. Там была вспышка чумы, унесшая жизнь консула, и в это время, после 23 мая 1431 г., фактория была осаждена 6000 татарских всадников. Они захватили 2 генуэзских башни в устье Дона на расстоянии 10 милиариев (примерно 17 км) от Таны, блокировав помощь с моря, конфисковали 5000 дукатов, взяли нескольких генуэзцев в плен и обстреливали фактории из пушек. Кроме того,

[13] См., напр.: ASV, SM, XXI, f. 49r [21, N 401] – 1343.07.22.

[14] См. также: ASV, SM, XLVIII, f. 44v – 20/XI 1409 (прямо указано, что этот чиновник взимал арендную плату за землю – terraticum).

[15] ASV, Avogaria del Comun (далее – AvC), 3646, Raspe, 6, cart. 2, f. 8v–9r.

[16] Впрочем, в самой Венеции этот сюзеренитет хана осознавался не полностью, и там бытовала версия о вхождении Таны в состав Византийской империи [18, col. 611: «Altri scrivono che la Tana era sotto l'imperadore di Costantinopoli»]. Основанием для этого могло быть каноническое подчинение церкви Таны Вселенскому патриархату.

[17] ASV, Notarile, Testamenti, 1076, f. 10v-r – 10/XII 1439.

было раскрыто предательство венецианца Никколо Коппо[18], обещавшего татарам сдать поселение и подготовившего лестницы и другие материалы. Но произошло удивительное: генуэзцы и венецианцы объединились и поклялись вместе отстаивать город, несмотря на вражду между республиками. Обороняя Тану, генуэзцы перешли за стены (видимо лучше укрепленной) венецианской фактории и дрались вместе. Более того, по просьбе генуэзцев, венецианский вице-консул направил в Каффу письмо с просьбой прислать для защиты Таны 20 баллистариев и вооруженную галею, обещав уплачивать за нее по 300 дукатов в месяц. Генуэзцы Каффы согласились на это и подготовили галею и стрелков к отплытию. 30 мая венецианцы Каффы узнали об объявлении войны между Генуей и Венецией и письмо об этом было отправлено в Тану. Но если обитатели Таны сражались вместе, то не так обстояло дело с каффинцами. Они получили известие об объявлении войны после 5 июня, вместе с приказом атаковать и даже захватить венецианскую факторию в Тане. Как пишет байло, венецианская фактория Таны была ненавидима каффинцами, так как мешала их торговле, и они были готовы и желали исполнить этот мандат о нападении на нее. И они решили посланную для защиты Таны от татар галеру направить против Таны. Это намерение каффинцев оказалось неосуществленным из-за сильного северного ветра. Обо всем происходящем сообщает дошедшее до нас письмо венецианского байло в Константинополе Мартино ди Мусто, отправленное 21 июня 1431 г. на Негропонт с тем, чтобы оттуда оно было доставлено в Венецию. На Негропонте письмо было получено 6 июля[19]. Письмо позволяет установить хронологию и фактологию событий.

В 1432 г. Сенат ускорил на месяц отплытие галей в Тану ради поддержания фактории и из-за каких-то неясных обещаний правителя Феодоро Алексея (скорее всего касающихся его возможных действий в пользу Венеции против общих противников-генуэзцев)[20]. Конфликт с генуэзцами осложнял всю навигацию венецианских галей в Тану, тем более, что пленные венецианцы находились в каффинской тюрьме и принимались специальные меры для облегчения их положения – Сенат одобрил специальное решение о разрешении генуэзским пленникам в Венеции посещать мессы, чтобы аналогичные меры предприняли и генуэзцы. Вместе с тем, конвою галей Таны в 1433 г. строжайше запрещался заход в Каффу, они могли лишь у мыса св. Иоанна и по всему маршруту следования без фрахта брать на борт освобожденных из плена соотечественников, если бы таковые были[21].

[18] Никколо Коппа долго пребывал в Тане. Он упоминается в качестве свидетеля там еще в 1417 г., то есть он хорошо знал положение фактории [9, №113–115 – 1417.09.22]. После разоблачения под пыткой, консул Таны отправил его в Венецию для суда. Адвокаторы коммуны произвели расследование, выявив его связи не с татарами, но с черкесами в то время, когда враги окружали Тану. Приговор суда был мягким: его освободили из заключения, но строго запретили впредь когда-либо отправляться в Тану (где, очевидно, у него были недвижимость и коммерческие интересы): ASV, AvC, 3648, Raspe, 8, f. 90r – 31/I 1434.

[19] Публикации: [16, p. 231–235; 14, p. 120–122].

[20] ASV, SM, LVIII, f. 121v [20, T. 3, N 2283; 15, p. 116] – 1/VI 1432. В тексте документа сказано: «pro executione rerum, quas dominus Alexius Gothie intendit facere nostro dominio».

[21] ASV, SM, LVIII, f. 183v [20, T. 3, N 2311] – 6/III 1433, f. 203r –16/V 1433.

В ряде случаев венецианские корабли были вынуждены по пути в Тану заходить в генуэзскую Каффу. Но это считалось нежелательным: и корабельные налоги надо было платить, и, что еще важнее, сталкиваться с враждебностью соперников. Именно так обозначает постановление Сената запрет швартоваться в Каффе своим судам, плывущим в Азовское море: «pro evitandis inconvenienciis que sequi possent…»[22]. В 1432 г. Сенат рассматривал, но не принял решения, о мерах в случае противодействия генуэзских судов погрузке стоящих на рейде венецианских галей «линии»[23].Однако начиная с 1434 г. отношения между республиками несколько нормализуются, и разрешения судам Романии заходить в Каффу с короткой стоянкой там в 1-2 дня становятся регулярными, тем более, что плавания в саму Тану часто не осуществлялось[24]. В 1444 г. ввиду значительного числа торгующих в Каффе венецианцев Сенат принял решение о назначении туда консула из числа имеющих добрую репутацию купцов[25].

Казалось, дело идет к миру на фоне общих угроз. Но недоверие и подсознательная враждебность между властями и обитателями факторий, несмотря на взаимные торговые связи, сохранялись.

Один пример. Священник Андреа ди Мердзе представил судебный иск, где в числе прочего поведал, как он был приглашен новоизбранным консулом Таны Эрмолао Валарессо стать нотарием и капелланом в Тане[26]. И от этого консула он претерпел обиду на праздник Тела Христова (11 июня 1422). Прибыв в Тану, он не знал, какова процедура проведения этого праздника в фактории. Проживавшие там венецианцы рассказали, что по обычаю процессию возглавлял священник генуэзского поселения, а венецианские капелланы ему сослужили. Но консул накануне праздника стал настаивать, чтобы процессию возглавил только ди Мердзе, который отказывался делать это, ссылаясь, что не приготовил святые дары. В конце концов, двое священников, генуэзский и венецианский, вместе возглавили процессию, в чем консул узрел измену Синьории, выбежал на площадь, хватая брата Андреа и крича: «Пошел в тюрьму, изменник!». Священник отправился в храм служить вечерню, и консул вновь вошел туда с баллистариями и приказал им арестовать пресвитера как предателя. Единственной защитой для него стала угроза отлучить от церкви святотатцев, если прикоснутся к нему во время богослужения. Но судебный пристав Бранкелло Бранкелли схватил, по приказу консула, священника за одну руку, а баллистарий за другую, которой тот держался за

[22] ASV, SM, LIV, f. 10r –19/III 1422. Также –вводился запрет для галей «линии», хотя в 1421 г. им разрешалось заходить туда на 1–2 дня: ASV, SM, LIII, f. 150r–151r – 6/VII 1421; SM, LIV, f. 33v – 9/VI 1422.

[23] ASV, SM, LVIII, f. 119v – 20/V 1432.

[24] ASV, SM, SM, LIX, f. 52r–53r [20, T. 3, N 2349] – 28/V 1434, f. 115r–116v [20, T. 3, N 2388] – 13/VI 1435; f. 158r–159v – 21/V 1436; SM, LX, f. 11r–12v [20, T. 3, N 2440] – 14/V 1437; f. 99v – 30/VII 1438; f. 147r–148r [20, T. 3, N 2497] – 30/V 1439; SMar, I, f. 27v–29r [20, T. 3, N 2549] – 31/III 1441; f. 80r [20, T. 3, N 2569] – 22/II 1442; f. 91r – 28/IV 1442; f. 170v – 10/V 1443; Senato, Mar, II, f. 144r – 17/V 1446.

[25] ASV, Senato, Mar, II, f. 13v [20, T. 3, N 2653] – 29/VI 1444.

[26] ASV, AvC, Raspe, 3647, an. 1417–1428, f. 38v–43v – 10/1/1424; краткое изложение записи постановления и итогов голосования имеется также в протоколах постановлений Сената: ASV, SM, LIV, f. f. 174 [173]r – 10/I 1424 [См. подробнее: 5].

колонну у алтаря, а консул подошел и нанес ему кулаком удар в челюсть. На этот брат Андреа подставил ему другую щеку, уподобляясь Христу. И консул ударил и по ней, а затем нанес еще удар кулаком по залитому кровью лицу фра Андреа. Подобно демону, он стал когтями царапать лицо ди Мердзе, схватив его за ворот, стал рвать его мантию на куски, лично потащил в тюрьму и приказал приставу его сторожить. На следующее утро все купцы и венецианские граждане собрались у тюрьмы и освободили его оттуда. Тоже любопытный штрих о порядках в фактории. Обиженный капеллан просил затем у судей Венеции не столько возмещения за раны и обиды, сколько компенсации обещанных ему 25 дукатов за службу, которую он не смог исполнять не по своей вине. Ди Мердзе, как он утверждал, поведал лишь о части преступлений консула, обещая рассказать перед Синьорией и о других. В этом отрывке примечательна степень ненависти к генуэзским соседям, которую питали венецианские магистраты, расценивая всякое сослужение с ними как измену. Что, впрочем, не мешало купцам двух факторий совместно вести дела. Магистраты представляли Республику, нося весь багаж ненависти к соперникам, а купцы, пусть и не любя друг друга, стремились вместе вести дела и вместе защищаться от внешних угроз.

Таковой противоречивой была ситуация в Тане и в регионе Причерноморья, где коммерческий интерес и политическое противостояние сопрягались при кардинально различных отношениях между жителями двух факторий и между властями Кафы и Таны, Венеции и Генуи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII – XV вв. Т. 1. Тана в XIII – XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с. (Новая Византийская библиотека. Исследования).

2. Карпов С.П. История Трапезундской империи. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2017. 744 с. (Новая Византийская библиотека. Исследования).

3. Карпов С.П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. №3. С. 504–514. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.504-514.

4. Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволжская археология. 2020. №2 (32). С. 38–47. https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.38.47

5. Карпов С.П. Преступления и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валаресссо (1423) // Византийский временник. 2010. Т. 69 (94). С. 32–43.

6. Карпов С.П. Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2011. Вып. 8. С. 122–138.

7. Карпов С.П. Тимур-султан и Керим-бирди: два нападения на венецианскую Тану в 1410 и в 1418 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. №4. С. 758–769. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.758-769

8. Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 99–123.

9. Прокофьева Н.Д. Акты венецианского нотария в Тане Донато а Мано (1413–1419) // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 4. С. 36–174.

10. Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // Византийский Временник. 1947. Т. 1. С. 215–234.

11. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский Временник. 1949. Т. 2. С.245–266.

12. Alfieri A. Ogdoas / A cura di A. Ceruti // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1885. Vol. XVII. P. 253–320.

13. Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? // État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / Sous la dir. de M. Balard. Lyon: La Manufacture, 1989. P. 251–266.

14. Dupuigrenet Desroussilles F. Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1979. Vol. 20. No. 1. P. 111–122.

15. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // Revue de l'Orient Latin. 1898. T. VI. P. 50–143, 370–434.

16. Maltezou Ch. Ο θεσμός του εν Κωνσταντινουπόλει Βενετού βαΐλου (1268–1453). Αθήναι: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 1970. 280 σ.

17. Pucci Donati F. I Genovesi a Tana (fine XIII – inizi XV secolo) // Nuova Rivista Storica. 2021. Anno CV. Fasc. 3. P. 1095–1143.

18. Sanuto Marino. Vitae ducum Venetorum // Rerum Italicarum Scriptores / A cura di L.A. Muratori. Mediolani: Ex typographia Societatis Palatinae in Regia Curia, 1733. T. XXII. Col. 399–1252.

19. Statuto di Caffa / A cura di A. Vigna // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1879. Vol. VII. Parte 2. P. 567–680.

20. Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris; La Haye: Mouton, 1958–1961. T. 1–3. 247+300+277 p.

21. Venezia – Senato. Deliberazioni miste. Registro XXI (1342–1344) / A cura di C. Azzara e L. Levantino. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2006. XIV+410 p. (Venezia – Senato. Deliberazioni miste; vol. 8)

REFERENCES

1. Karpov S.P. History of Tana (Azov) in the 13th–15th centuries. Vol. 1. Tana in the 13th–14th centuries. St. Petersburg: Aleteiya, 2021. 378 p. (The New Byzantine library. Studies) (In Russian)

2. Karpov S.P. History of the Empire of Trebizond. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Aleteiya, 2017. 744 p. (The New Byzantine library. Studies) (In Russian)

3. Karpov S.P. Like a Phoenix from the Ashes: The Rebirth of Tana's Trade after the 1395 Disaster. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 504–514. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.504-514 (in Russian)

4. Karpov S.P. Destruction of Tana by Tamerlane in 1395: Event and Consequences. *Povolzhskaya Arkheologiya=The Volga River Region Archaeology*. 2020, no. 2 (32), pp. 38–47. https://doi.org/10.24852/pa2020.2.32.38.47 (In Russian)

5. Karpov S.P. Crime and punishment in Venetian Tana. The case of consul Ermolao Valaresso (1423). *Vizantiyskiy Vremennik*. 2010, vol. 69 (94), pp. 32–43. (In Russian)

6. Karpov S.P. Investigation of a case of Daniele Loredan, consul in Tana (1412). *The Black Sea Region in the Middle Ages*. St. Petersburg: Aleteiya, 2011, vol. 8, pp. 122–138. (In Russian)

7. Karpov S.P. Timur-sultan and Kerim-birdi: Two attacks on Venetian Tana in 1410 and in 1418. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 758–769. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.758-769 (In Russian)

8. Myts V.L. Timur's Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda=The Genoese Gazaria and the Golden Horde*. Ed. by S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan; Simferopol; Chișinău: Stratum Plus, 2015, pp. 99–123. (In Russian)

9. Prokofieva N.D. The Acts of the Venetian Notary in Tana Donato a Mano (1413-1419). *The Black Sea Region in the Middle Ages*. Ed. by S.P. Karpov. St. Petersburg: Aleteiya, 2000, vol. 4, pp. 36–174. (In Russian and Latin)

10. Skrzinska E.Ch. The Genoese in Constantinople in the 14th century. *Vizantiyskiy Vremennik*. 1947, vol. 1, pp. 215–234. (In Russian)

11. Skrzinska E.Ch. Petrarch on the Genoese in the Levant. *Vizantiyskiy Vremennik*. 1949, vol. 2, pp. 245–266. (In Russian)

12. Alfieri A. Ogdoas. A cura di A. Ceruti. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1885, vol. XVII, pp. 253–320. (In Italian and Latin)

13. Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? *État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance*. Sous la dir. de M. Balard. Lyon: La Manufacture, 1989, pp. 251–266. (In French)

14. Dupuigrenet Desroussilles F. Vénitiens et Génois à Constantinople et en Mer Noire en 1431. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1979, vol. 20, no. 1, pp. 111–122. (In French and Latin)

15. Iorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. *Revue de l'Orient Latin*. 1898, t. VI, pp. 50–143, 370–434. (In French and Latin)

16. Maltezou Ch. The institution of the Venetian bailo in Constantinople (1268–1453). Athens: National and Kapodistrian University of Athens, 1970. 280 p. (In Greek)

17. Pucci Donati F. I Genovesi a Tana (fine XIII – inizi XV secolo). *Nuova Rivista Storica*. 2021, anno CV, fasc. 3, pp. 1095–1143. (In Italian)

18. Sanuto Marino. Vitae ducum Venetorum. *Rerum Italicarum Scriptores*. A cura di L.A. Muratori. Mediolani: Ex typographia Societatis Palatinae in Regia Curia, 1733, vol. XXII, coll. 399–1252. (In Italian and Latin)

19. Statuto di Caffa. A cura di A. Vigna. *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. 1879, vol. VII, parte 2, pp. 567–680. (In Italian and Latin)

20. Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. Paris; La Haye: Mouton, 1958–1961. Vol. 1–3. 247+300+277 p. (In French)

21. Venezia – Senato. Deliberazioni miste. Registro XXI (1342–1344). A cura di C. Azzara e L. Levantino. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2006. XIV+410 p. (Venezia – Senato. Deliberazioni miste; vol. 8) (In Italian and Latin)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Павлович Карпов – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук, президент Исторического факультета, заведующий кафедрой истории средних веков, научный руководитель Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119234, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1564-2079. E-mail: spkarp1204@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey P. Karpov – Dr. Sci. (History), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, President of the Faculty of History, Head of the Department of History of the Middle Ages, Head of the Center of Byzanine and the Black Sea Region Studies, Lomonosov Moscow State University (27, building 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119192, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1564-2079. E-mail: spkarp1204@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 09.01.2025
Принята к публикации / Accepted 24.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.48-60 УДК 94
EDN: JJYRLA

ПРИНЦИП ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИЛИ ВЕНЕЦИЯ И МОНГОЛЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: О КНИГЕ НИКОЛЫ ДИ КОСМО И ЛОРЕНЦО ПУББЛИЧИ

А.И. Клюев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Российская Федерация

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
kluevartem@mail.ru

Резюме. Цель исследования. В статье анализируется монография итальянских историков Николы ди Космо, профессора исследований Восточной Азии Института перспективных исследования (Принстон, США) и Лоренцо Пуббличи, профессора Неаполитанского университета «Ориентале» (Италия), посвященная торговым и дипломатическим отношениям венецианцев и монголов на Шелковых путях в XIII–XV вв.
Материалы исследования. Монография Di Cosmo N., Pubblici L. Venezia e i Mongoli. Commercio e diplomazia sulle vie della seta nel medioevo (secoli XIII–XV). Roma: Viella, 2022. 315 p.
Результаты и научная новизна исследования. В XIII в. в Черном море встретились две силы: венецианцы, представители доминирующей в Средиземноморье морской республики, и монголы – хозяева огромных территорий, включающих в себя территории Китая, Персии, Центральной Азии и др. Авторы предложенной для рецензии монографии, солидаризируясь с методологическими построениями американского социолога Джанет Абу-Луход, рассматривают державу монголов, созданную в ходе завоевательных кампаний, как pax mongolica не только в смысле политической организации, но как торговую субсистему, которая целенаправленно выстраивалась, с одной стороны монгольскими правителями, а с другой стороны, активно поддерживалась, в частности, венецианцами. Книга состоит из двух частей. В первой части реконструируется событийный и политический контекст складывания из множества региональных политических систем и экономик монгольской геополитии, создавшего необходимые условия для тесного контакта с венецианцами, основные этапы этих взаимоотношений, роли Черного моря в истории торговых отношений монголов и венецианцев. Во второй части книги авторы анализируют конкретные механизмы торговых и дипломатических отношений, отмечая напряженную и инновативную работу обоих участников огромной сети, в частности, речь идет о фигуре Марко Поло и его путешествии, говорится о развитии навигации, юридических аспектов отношений, средствах обмена и коммуникаций. В рецензии дается краткая характеристика методологических построений авторов, рассматривается содержание работы, дается оценка отдельных выводов авторов и делается заключение о важности исследования историков.

© Клюев А.И., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Венеция, Монголы, Золотая орда, торговля и дипломатия, pax mongolica, средневековые мир-экономики, инфраструктура торговой деятельности, итальянские морские республики

Для цитирования: Клюев А.И. Принцип глобализации, или Венеция и Монголы в Средние века: о книге Николы ди Космо и Лоренцо Пуббличи // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 48–60. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.48-60 EDN: JJYRLA

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01592, https://rscf.ru/project/23-28-01592/

THE PRINCIPLE OF GLOBALIZATION, OR VENICE AND THE MONGOLS IN THE MIDDLE AGES: ON THE BOOK BY NICOLA DI COSMO AND LORENZO PUBBLICI

A.I. Klyuev

Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation

Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
kluevartem@mail.ru

Abstract. This article analyzes the monograph by Italian historians Nicola di Cosmo, Professor of East Asian Studies at the Institute for Advanced Study (Princeton, USA) and Lorenzo Pubblici, Professor at the University of Naples «Orientale» (Italy), devoted to trade and diplomatic relations between the Venetians and Mongols on the Silk Roads in the 13th–15th centuries.

Research materials: The monograph by Di Cosmo N., Pubblici L. titled *Venezia e i Mongoli. Commercio e diplomazia sulle vie della seta nel medioevo (secoli XIII–XV)*. Roma: Viella, 2022. 315 p.

Novelty and results of the study: In the 13th century, two forces met in the Black Sea: the Venetians, representatives of the dominant maritime republic in the Mediterranean, and the Mongols, masters of vast territories that included China, Persia, Central Asia, and others. In solidarity with the methodological constructs of the American sociologist Janet Abu-Luhod, the authors of the monograph proposed for review consider Mongol power, established in the course of campaigns of conquest, as *Pax Mongolica* not only in the sense of political organization, but also as a trading subsystem which was purposefully built, on the one hand, by the Mongol rulers, and on the other hand, actively supported by the Venetians in particular. The book consists of two parts. The first part reconstructs the event and political context of the emergence of Mongolian geopolitics out of a multitude of regional political systems and economies that created the necessary conditions for close contact with the Venetians, the main stages of these relationships, and the role of the Black Sea in the history of trade relations between the Mongols and the Venetians. In the second part of the book, the authors analyze the specific mechanisms of trade and diplomatic relations, noting the hard and innovative work of both participants in a huge network. In particular, this section is about the figure of Marco Polo and his journey, touching on the development of navigation, legal aspects of relations, and means of exchange and communication. The review gives a brief characterization of the methodological constructs employed by the authors,

considers the content of the work, evaluates individual conclusions of the authors, and concludes on the importance of the two historians' research.

Keywords: Venice, Mongols, Golden Horde, trade and diplomacy, pax mongolica, medieval world-economies, infrastructure of trade activities, Italian maritime republics

For citation: Klyuev A.I. Principle of globalization, or Venice and Mongols in the Middle Ages: on the book by Nicola di Cosmo and Lorenzo Pubblici. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 48–60. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.48-60 (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01592, https://rscf.ru/project/23-28-01592/

За последние несколько лет на русском языке вышло сразу несколько крупных научных исследований, посвященных разным аспектам взаимоотношений итальянского Запада и Востока в черноморском регионе. Во-первых, в 2021 г. вышел первый том фундаментальной работы об истории Таны (совр. Азов) академика С.П. Карпова, посвященный становлению и развитию города на границе двух миров [8; см. также рецензию: 7]. Во-вторых, в 2018 г. и в 2022 г. вышли две монографии профессора Тюменского государственного университета А.Г. Еманова, первая из которых посвящена роли Кафы в мировой торговле в XIII–XV вв. [5], вторая более сконцентрирована на формировании Кафы как космо- и талассополиса [6]. В 2022 г. вышло новое издание «Истории монголов» Плано де Карпини под редакцией коллег из Института российской истории – А.А. Горского, В.В. Трепавлова [9]. Наконец, в 2024 г. вышло фундаментальное исследование Е.А. Хвалькова, посвященное реконструкции системы генуэзских колоний в Кафе [11].

Очевидно, можно констатировать устойчивый интерес к черноморскому региону в исследованиях отечественных специалистов. Безусловно, это не случайно, ведь «в Северном Причерноморье соединились азиатский сухопутный и европейский морской торговые пути, превратив регион в перекресток, где сходились потоки товаров с Запада и Востока» [2, с. 13]. Вместе с тем, несмотря на важнейшее значение региона и конкретных его точек (имеются ввиду, прежде всего Кафа и Тана), конечно важно помнить, что это звенья огромной системы коммуникаций, созданной в XIII–XV вв. совместными усилиями подданных итальянских коммун, прежде всего Венеции, и монголами. Это было огромное геополитическое пространство, охваченное густой сетью торговых локаций и свободным перемещением товаров и людей на территории от Китая на Востоке, Персии на юге и Европы на Западе. Это была *un sogno mongolo*, мечта монголов, которая была поддержана итальянским купцами тех коммун, для которых торговля была главным стимулом их существования.

Охватить исследовательски это пространство очень сложно: всегда есть риск потерять некоторые сущностные связующие вещи и сбиться на частности, прийти к фрагментации материала. Хороший пример тому появившийся в 2015–2019 гг. двухтомник «Генуэзская Газария и Золотая Орда», который, как кажется по названию, претендует на попытку обобщения опыта создания, возможно, первого для средневекового мира, торгового геополитического пространства, но на деле уже содержание, собранное по географическому принципу, свидетельствует об обратном [2; 3]. Мы хотели бы в данном слу-

чае быть поняты правильно, т.к. ни на йоту не оспариваем ценности тех материалов и результатов исследований, которые даны в этом двухтомнике. Но как кажется, за множеством археологических находок и реконструкций историко-топографических профилей городов потерялось нечто большее и глобальное, то, что осталось не схваченным острым исследовательским взглядом: а именно то, как формировалась эта торговая геополития, к слову, очень хрупкая и неустойчивая, и каковы были базовые принципы и механизмы ее функционирования. Именно такую задачу ставят перед собой Никола ди Космо и Лоренцо Публичи, авторы книги *Venezia e i Mongoli. Commercio e diplomazia sulle vie della seta nel medioevo (Венеция и Монголы. Торговля и дипломатия на Шелковых путях в Средние века)* [15], с основными положениями которой мы и хотели бы познакомить читателя в настоящей рецензии.

Чересчур лапидарный историографический обзор (лапидарный с точки зрения русской традиции, привыкшей к многостраничным историографическим реконструкциям) тем не менее обнаруживает самопозиционирование авторов исследования. Как указывают итальянские коллеги, их исследование находится на пересечении трех исследовательских областей: во-первых, исследований, посвященных итальянскому торговому присутствию в Черном море, во-вторых, исследований, связанных со фигурой Марко Поло и традицией изучения его путешествий и, наконец, в-третьих, исследований, направленных на изучение влияния монгольского мира на международную торговлю, отношения и коммерцию.

Если с первыми двумя более или менее все ясно, с учетом того, что об этом пишут итальянские историки, то третье направление явно заставляет к работе присмотреться. Никола ди Космо и Лоренцо Публичи дистанцируются в своем исследовании от классического взгляда на *pax mongolica* как на мир, резко противопоставленный миру западному (в категориях монгольского *impatto* и западного *risposta*). Это не более чем историографический реликт! В качестве основы своей исследовательской оптики исследователи берут подход американского социолога Джанет Абу-Луход, обозначившийся в ее фундаментальной работе *Before European Hegemony: The World System 1250–1350* [12; см. также обзор ее концепции: 10]. Исследования Джанет Абу-Луход обычно рассматриваются в связи с мир-системным анализом одного из самых влиятельных социологов XX в. Иммануила Валлерстайна. Напомним, что И. Валлерстайн, работавший над своим знаковым исследованием в начале 1970-х гг., связывал становление мир-системы модерна, как новой формы организации пространства, в основе которой лежала мир-экономика как новый тип социальной системы, сложившейся в конце XV – начале XVI вв. и пришедшей на смену прежним мир-империям [1, с. 15]. Джанет Абу-Луход, отталкиваясь от концепции «мир-системы» И. Валлерстайна, расходится с ним в том, что, по ее мнению, еще до 1500 г. существовала мир-система, хронологически ограниченная ею 1250–1350 гг. и охватывающая территории от Западной Европы до Китая и Юго-Восточной Азии [12, p. 8–14, 34, 153–184]. Согласно взгляду американской исследовательницы, в отличие от современной мир-системы, средневековая мир-система не имела единого центра, что позволяет ей выделить восемь субсистем, одной из которых являются как раз территории, охваченные властными институтами монгольского мира. По мнению Николы ди Космо и Лоренцо Публичи, кни-

га Джанет Абу-Луход «поставила монгольский мир в центр нового мирового порядка, а их империя рассматривалась как центр и передаточный механизм новых форм коммуникации между до тех пор разрозненных территорий» [15, p. 17]. Такой подход итальянских специалистов, ориентирующийся в своей базовой посылке помимо трудов Джанет Абу-Луход, также на исследования Томаса Оллсена и Тимоти Мэя, находится в рамках давно обнаружившейся тенденции, ниспровергающей традиционный европоцентризм, трансформируя его в мир, в котором Европа могла позволить себе, по выражению П.Ю. Уварова, «роскошь феодализма», а центром мира были огромные территории, объединенные «империализующими» установками монгольских ханов. Отметим также, что отталкиваясь от центрального положения *pax mongolica* в системе средневековой мир-экономики, авторы указывают, что в течение книги будут расширительно толковать и термин «монголы», который с их позиции не исчерпывается только империей монголов, но также должен включать и производные государственные образования (империя Тимуридов или Крымские ханства), поскольку созданные монгольским миром институты позволяли активно присутствовать, в частности итальянским купцам, и тогда, когда он перестал существовать.

Книга итальянских специалистов состоит из двух частей, которые сами авторы характеризуют как «историко-хронологическую и тематическую» соответственно. Первая глава носит название *Politica, economica e società* и посвящена последовательной хронологической реконструкции складывания монгольской геополитии и участию в этом процессе венецианцев. Первые две главы этой части (*Venezia e l'Oriente dalle origini all'approdo sul Mar Nero* и *I Mongoli e l'Europa*) посвящены, как выразились сами авторы, «двум параллельным движениям: Венеции на Восток и монголов на Запад» [15, p. 19]. Из широкого историко-хронологического обзора событий, последовавших за так называемой «феодальной революцией», становится понятным, что «путь на Восток» – это прежде всего «путь в Черное море», которое, по мнению Николы ди Космо и Лоренцо Публичи не представлялось до второй половины XIII в. сколько-нибудь значительной целью торговой экспансии Венеции, а спорадические появления в этом районе венецианцев скорее личная инициатива конкретных купцов. «Фактически, именно монгольское завоевание станет катализатором новой энергии, которая будет стимулировать не только деятельность генуэзских, венецианских, пизанских и других купцов, но и, прежде всего, инвестиции итальянских республик в создание и защиту стабильного и прочного присутствия, гарантированного и поощряемого монгольскими властями» [15, p. 35]. Глава *I Mongoli e l'Europa* открывается кратким обзором правления Чингисхана, процессов рождения монгольской империи (так называется первый параграф главы), характеристикой завоевательной политики хана в Китае и Центральной Азии. К слову, по мнению авторов, именно победоносная кампания против государства Хорезмшахов, открыла перспективы дальнейших направлений экспансии, выведя монголов к границам Аббасидского халифата и русских княжеств, а затем и привело их в Восточную Европу. Западную Европу тогда, вероятно, спасло стечение обстоятельств, но, как указывают итальянские коллеги, важно отметить тот факт, что предотвращение опасности стимулировало не только чувство тревоги, но также и очень рациональную позицию попытаться понять, кто вообще такие эти монголы. «Помимо объяснений, опи-

рающихся на пророческие и апокалиптические традиции, европейская реакция заключалась, прежде всего, в серии исследовательских и дипломатических миссий, направленных к монголам, чтобы понять их происхождение, намерения и силу. Именно эта рациональная и систематическая открытость к знаниям о страшном враге ознаменовала переход от пассивной и неподготовленной Европы к активной и осведомленной» [15, p. 51–52]. Именно в этом контексте находят свои объяснения миссии венгерского монаха-доминиканца Юлиана, Иоанна да Пиан де Карпине, Рубрука, дипломатические контакты между ханом Хюлегу и Людовиком IX и др. «Впервые европейцы получили известия не о разрушениях и насилии, а о монгольском обществе, политике и культуре, причем от надежного и непосредственного свидетеля» [15, p. 54]. Следующим важным пунктом «движения на Запад» стала экспедиция Хюлегу, которая привела к созданию Ильханата (в отечественной историографии известного как государство Хюлагуидов), в середине XIII в. имевшего границы с Делийским султанатом на Востоке, на Ближнем Востоке – с Мамлюкским султанатом, северные границы были с другими монгольскими политическими субобразованиям (Улус Джучи и Улус Чагадая), а на Западе – территории Византии. Не вдаваясь сейчас в разбор серии военно-политических конфликтов, которыми охвачена история монгольских государственных образований этого времени, отметим, что следствием этого процесса было формирование огромного геополитического пространства: основные караванные пути Персии, Закавказья и Анатолии перешли под контроль Улуса Джучи, царь Малой Армении был данником монголов, Хюлегу взял под контроль основные артерии, пересекавшие Иран и Малую Азию от Нишапура до Дамгана и Раий. «Эта сеть дорог, опорных пунктов, городов и рынков позволяла объединить огромное движение, в котором принимали участие купцы любого происхождения и которое приносило значительный доход тем, кто контролировал доступ и транзит» – утверждают авторы [15, p. 62]. И далее: «Монгольское завоевание, в сочетании с поддержкой торговых структур, объединило в большой евразийский торговый комплекс те до сих пор разрозненные цепи, которые, начиная с Западной Европы и Средиземноморья, распространялись на Восточную Европу и Россию, Ближний Восток, Центральную Азию и Китай» [15, p. 63]. Это торговое пространство основывалась на внедрении передовых концепций и структур, среди которых авторы выделяют, прежде всего, обеспечение безопасности маршрутов (в виде гарантий, защищающих инвестиции от рисков, связанных с грабежами, внезапной смертью или мародерством), функционирование специфических торговых институтов (таких как *ортак*, по мнению авторов напоминающий западные *комменду* и *коллеганцу*) и систему *ямов*, почтовых станций) и денежную политику. Таким образом, монгольская политика вполне укладывается в попытку формирования передовой мир-экономики, основанной на рационализации торговли и распространявшейся на всю имперскую территорию. Это же облегчило иностранным купцам доступ к доселе недоступным рынкам. «Поэтому неудивительно, что, начиная с 1260 г. и особенно к концу XIII в., приток европейских купцов в орбиту Монгольской империи стал более заметным, а соперничество между конкурирующими городами, соответственно, обострилось» – подытоживают авторы [15, p. 66].

Несмотря на то, что первые две главы носят характер предыстории, тем не менее, кажется, что именно здесь ядро главных построений авторов. Именно

эти две главы демонстрируют, как эта субсистема (если в терминологии Джанет Абу-Луход) формировалась, каковы были ее территориальные рамки и почему эта система обеспечила приток инвестиций. Именно на этой основе стало возможно проникновение Венеции в Черное море и ее дальнейшая торговая экспансия. Следующие пять глав первой части посвящены, соответственно, основным этапам этой экспансии: *Venezia e il Mar Nero: dal trattato di Ninfeo alla fondazione di Tana*, посвященная борьбе за доступ в Черное море и соперничеству с Генуей; *Venezia e i Mongoli: gli anni del consolidamento (1319–1343)* характеризует двадцатилетие наибольшего экономического и дипломатического влияния Венеции в Золотой Орде; *Venezia e i Mongoli: gli anni della crisi (1343–1360)* – посвящена кризису монголов как наднационального субъекта отношений, в том числе завершению эпохи Ильханата и концу династии Юань в Китае и влиянию этих событий на положение Венеции в Орде; в шестой главе *Venezia e i Mongoli negli anni della crisi dei Jochidi (1360–1395)* анализируется положение Венеции в новых социально-политических условиях, заключающихся в появлении новых претендентов на то, чтобы воссоздать великое наследие Чингизидов, таких, как Мамай, Тохтамыш и, прежде, всего, Тимур; *Dopo l'Oro: Venezia e i Mongoli fino alla conquista ottomana* – глава, анализирующая события от восстановления Таны после Тамерлана до османского завоевания и отказа Венеции от Черного моря.

В целом, не вдаваясь в подробный разбор первой части исследования итальянских специалистов, отметим, что это добротная, хронологически последовательная, в жанре политической событийной истории, реконструкция, с опорой на последние научные результаты в этой области, сложной системы формирования и переформатирования союзов между крупными игроками в черноморском бассейне. Кстати, отметим, что на одну только первую часть книги приходится 14 карт, наглядно демонстрирующих политические конфигурации в Средиземноморье, Черном море, Золотой Орде, Ильханате и т.д. Тем не менее, за множеством данных, имен правителей, соглашений и договоров от читателя не должны ускользнуть две главные мысли, которые, на наш взгляд, принципиально важно, вслед за Николой ди Космо и Лоренцо Публичи, отметить. Во-первых, последовательная заинтересованность венецианской державы в освоении рынков, которые стали открыты благодаря монгольской политике. В этом смысле, очевидно стоит согласиться с коллегами в том, что многочисленные конфликты с другими итальянскими морскими республиками, в частности, с Генуей, или с Византией и субгосударствами, которые существовали на ее территории, не должны закрывать главного побудительного мотива венецианской политики в черноморском регионе. За многочисленными войнами, столкновениями интересов и соглашениями необходимо видеть невероятную энергию, которая толкала венецианцев в монгольские земли. И второе: стремление и борьба за влияние венецианцев за черноморский бассейн существовало пока существовала монгольская империя. Создание этой империи способствовало перемещению центра геополитических и торговых интересов адриатической владычицы в Причерноморье, а развал государства монголов и захват этого региона османами более не гарантировал получения прибылей. Авторы называют это явление «маргинализацией Черного моря». К этому привели две тенденции: «с одной стороны, экспансия Венеции на материк, а с другой – открытие мамлюками междуна-

родного сообщения в портах Северной Африки в связи с отменой папских запретов на торговлю с султанами. Оба этих стратегических и геополитических сдвига открывали возможности для инвестиций и получения прибыли, которые Черное море уже не могло гарантировать. В целом, в первой половине XV в. кризисные моменты сменялись моментами развития и процветания, что свидетельствует о настойчивом желании венецианцев не покидать рынки и области, которые они посещали на протяжении столетия и в которые теперь были полностью интегрированы. Однако было также очевидно, что возможности, открывшиеся после монгольского завоевания, больше не существовали» [15, p. 173–174].

Вторая часть книги, озаглавленная *Movimenti, strumenti e merci*, написана в принципиально ином ключе. Если первая часть книги, историко-хронологическая, отвечает на вопрос, как сложилась мир-экономика *pax mongolica*, то вторая часть отвечает (авторы, напомним, называют ее тематической), на вопрос, как и с помощью каких инструментов эта самая мир-экономика функционировала. Вторая часть состоит из четырех глав, названия которых прекрасно иллюстрируют замысел авторов с точки зрения целеполагания: *Marco Polo, mercante veneziano nell'impero mongolo; Un continente interconnesso; I mezzi degli scambi; Beni, merci e schiavi*. На первый взгляд, как кажется, выделяется название главы, посвященной знаменитому Марко Поло. В этом смысле весьма интересными нам представляются размышления итальянских историков, представленные в первом параграфе этой главы – *Chiavi di lettura*, т.е. *Возможности прочтения*. Авторы постулируют необходимость отказаться от линейно-причинного взгляда на жизнь и наследие Марко Поло, т.е. о том, что именно он познакомил венецианский мир с миром монгольским, указывая на то обстоятельство, что ни сам автор знаменитой «Книги о разнообразии мира», ни его сочинение не пользовались особой популярностью: «ни Марко, ни члены его семьи после возвращения из Китая не установили прочных связей с Востоком, и, кроме того, он не пользовался большой славой среди своих соотечественников, которые долгое время сомневались в правдивости его подвигов» [15, p. 177–178]. Книга Марко Поло, продолжают авторы, никогда не была настольной книгой купцов, такой, какой была, например *Pratica della Mercatura* Пеголотти или *Кодекс Куманикус*, хотя бы потому, что ориентирована она не только на использование в торговой деятельности. Казус Поло в каком-то смысле аномальный, т.к. обращается к аудитории, которой еще не существует [15, p. 178]. Но, и это нам хотелось бы вместе с авторами подчеркнуть, т.к. это объясняет значимость этой главы в книге: случай Марко Поло хоть и аномальный, но он наглядно демонстрирует не только саму возможность, потенцию к открытию и знакомству с неизведанными землями, но еще больше свидетельствует о том, что границы между китайским, монгольским и венецианским мирами не настолько непреодолимы, они не были *universi incomunicabili*, как выражаются авторы, несоединимыми вселенными [15, p. 20, 178–179]. Иными словами, сведения о торговле, рынках, единицах исчислений и т.д., сообщаемых Марко Поло, важны, потому что они в принципе возможны, что, в свою очередь, говорит об активной работе по созданию, уравновешению, облегчению торговой деятельности на огромном геополитическом пространстве, основанном на *principio della globalizzazione*, принципе глобализации [4, p. 256].

Последующие за главой о Марко Поло разделы монографии посвящены разным аспектам практики венецианских купцов и правителей монгольского мира. Очевидно, что любое путешествие на длительное расстояние (к примеру, 284 дня из Таны в Катай) в эпоху домодерных обществ сопряжено с множеством рисков, следовательно, важнейшей задачей данной субэкономики была минимизация рисков, что стимулировало два мира к выработке инновационных решений. Авторы последовательно реконструируют разные аспекты торговых коммуникаций на огромном монгольском пространстве. Начинается эта реконструкция с характеристики транзитной системы, созданной монголами «в виде цепочки этапов по маршрутам, продиктованным не только географией, но, прежде всего, новой геополитической и торговой конфигурацией» [15, p. 200]. Реконструкция подкреплена картами, на которых наглядно видна схема трех путей (северный, через территории Ильханата и то, что авторы называют центральным) [15, p. 200–204]. Авторы обращают внимание на инфраструктурные элементы этой транзитной системы, обеспечивавшей купцов в пути всем необходимым. К слову сказать, такие системы существовали и в самой Европе. Современный популяризатор науки Дэн Джонс, такую систему уподобляет инфраструктуре расположения современных точек быстрого питания, на примере клюнийских обителей, говоря о «духовных «Макдональдсах»» [4, с. 223].

Далее авторы переходят к другому неотъемлемому элементу функционирования путей, а именно кораблям и навигации. Средиземноморье долго было *mare nostrum*, вокруг которого издревле жили люди, если вспомнить Платона, словно «лягушки вокруг пруда». В Средиземноморье не было секретов для мореплавателей, тем более, для венецианцев. Другое дело, Черное и Азовское моря: погодно-климатические условия, схема течений (знаменитые «очки Книповича»), соленость воды, направления ветров – все это вносило известную специфику в деятельность итальянцев в этом регионе. Централизация строительства судов, система *incanti* (по сути, аукционов), сотрудничество частного и государственного капиталов, увеличение тоннажности, появление корабля типа *cocca*, сочетание мускульной силы и силы ветра на кораблях, знаменитые галлеи линии, конвои, в конце концов, компас и другие технические новинки создали предпосылки для очередной «революции», которых на Средневековый мир сегодня приходится все больше [15, p. 204–210]. Отдельные страницы авторы посвящают и юридической стороне венецианской торговли с монгольским миром [15, p. 210–214]. Здесь речь идет о морском законодательстве, в частности о кодексе Тьеполо и дополнений к нему, о венецианской дипломатии, о роли и особенностях договорных отношений (pactum), предполагавшей взаимность. Отдельно авторы говорят о *commenda* – инструмент, который широко использовался в морской торговле итальянскими республиками [см., напр.: 16] и его эволюции в *compagnia*, превращавшейся во все более сложный инструмент, поглощавший все большие суммы капитала и вовлекающий не только членов семьи, но и посторонних людей. «Если верно, что commenda была предпочтительнее для морских путешествий, то не менее верно и то, что compagnia была ассоциативным инструментом, наиболее часто используемым венецианцами в Золотой Орде в XIV в. Именно с контрактами compagnia связаны первые прочные коммерческие соглашения между купцами и местными производителями или между

венецианскими купцами и среднеазиатскими, арабскими, армянскими и еврейскими купцами» [15, p. 214].

Последние два параграфа этой части посвящены финансовой стороне торговых отношений (как торговали?) и предмету торговых отношений (чем торговали?). Нельзя не согласиться с авторами книги в том, что «взаимосвязанная торговая система нуждалась в общепризнанных и принятых средствах обмена» и «отсутствие «свободной» валюты или хотя бы общепринятых стандартов в многочисленных торговых цепях, гарантирующих конвертируемость между отдельными денежными системами» создавали серьезные проблемы для извлечения доходов из торговых операций [15, p. 217]. Важно отметить, что это было взаимонаправленное движение двух миров: комплексный проект налоговых реформ хана Угэдэя 1236 г., стандартизация мер и весов, свободный доступ для иностранных купцов, попытка введения бумажного денежного обращения в Китае и то, что применительно к западному миру называется «торговой революцией» [см. об этом, напр.: 13; 14], предполагавшей внедрение принципов гибкости и многообразия в денежном обращении, чеканка гроссо, слитки драгоценных металлов – все это звенья одной цепочки. Отдельно говорится о проблеме вербальной коммуникации и проблеме уравнивания мер и весов. [15, p. 217–235]. Последняя глава посвящена, как мы уже говорили, тому, чем торговали и как эволюционировало содержание этой торговли [15, p. 237–253]. Это параграф не носит исчерпывающего характера, сосредоточен лишь на нескольких аспектах международной торговли – рабы, шелк и зерно, сосредоточившись на том, как менялся вес этой торговли на разных этапах большой торговой цепочки. Хорошим дополнением, не только в последнему параграфу, но ко всем главам второй части, служат дополнения [15, p. 265–276]. Они не носят, также, исчерпывающего характера, но тем не менее служат прекрасной иллюстрацией к мыслям и выводам авторов.

Подводя итоги, стоит отметить, безусловно положительное впечатление от представленной книги. Конечно, в каких-то частях работы может сложиться ощущение, что книга говорит о вещах, событиях и структурах давно уже известных ученому сообществу. В сущности, частично это будет правильным суждением, потому как некоторые разделы книги написаны чересчур лапидарно и по сути только обобщают накопленный опыт (таковы, например, разделы по венецианской навигации, у нас изученных уже упоминавшимися академиком С.П. Карповым и А.Г. Емановым). Но здесь важно понимать, что авторы и не ставили себе целью написать новое об уже известном. Работа Николо ди Космо и Лоренцо Публичи – это попытка посмотреть на отношения венецианцев и *pax mongolica* под несколько иным углом зрения, это попытка сменить оптику, угол зрения и перспективу. Это попытка посмотреть на то, как функционировало торговое геополитическое пространство, не с точки зрения экономического районирования и фрагментации или отдельных субъектов, а попытка посмотреть на это мир как на рукотворный, да позволено нам будет использовать этот термин, «Гранд Базар», и поддерживающийся невероятной творческой и инновационной деятельностью разных акторов этого процесса.

Конечно, на этом пути у авторов есть вполне логичные препятствия. Попытки мыслить пространствами и категориями ценны, но имеют и оборотную сторону, прежде всего выражающуюся в схематизации исторического про-

цесса и недоучете специфики регионов, ментальных структур и много другого. В частности, в данной работе проявляется, например, в недоучете пресловутого «человеческого фактора». Человека вообще в книге мало, но кажется, что этот антропологический ракурс позволил бы добавить красок и тонов в общий нарратив (в этом смысле, очень интересны страницы книги о Марко Поло или, например, история братьев Лоредан). Вопросы инфраструктуры также могут быть раскрыты через привлечение большого корпуса археологических находок, которые сейчас существуют как в районе Северного Причерноморья, так и огромного пространства, которое анализируют авторы и которое полностью, практически, «потерялось» у авторов.

Ну и, конечно, пожалуй, главное. Без сомнения, книга ценна не только тем, что она рассматривает *pax mongolica* как живую функционирующую систему, но и своим методологическим посылом, о котором мы говорили в соответствующем месте рецензии. Правда, этот методологический взгляд вступает в явное противоречие с содержанием книги, потому как этот ракурс с явным итальянским оттенком. В этом смысле если попытаться вернуться к названию книги (напомним, *Venezia e i Mongoli*) и попытаться поставить акцент, то его следует поставить именно на слове «Венеция». Это взгляд на *pax mongolica* с Запада, из Италии, даже точнее, из Венеции. Это проявляется, конечно, и в справочном аппарате работы. Она безусловно фундирована, основана на новейшей литературе, архивных материалах, но это все материалы, касающиеся непосредственно Венеции. На самом деле, это не плохо! Это один из возможных вариантов построения исследовательского нарратива, это исследовательская стратегия авторов и это имеет право на существование в условиях, когда энциклопедизм как явление уходит на второй, если не третий, план. Но этот недоучет разных типов источников, который может дать анализируемый историками монгольский мир (археологических, эпистолярных, нумизматических и др.), как представляется, существенно сужает исследовательскую оптику и полученные выводы. Возможно, предваряя и прокладывая мостик к дальнейшим изысканиям авторов…

Еще раз подчеркнем, что книга интересна, свежа своим взглядом на исследовательский материал, интересна методологическим подходом и с ее выходом в свет дорогих коллег Николу ди Космо и Лоренцо Публичи, без сомнения, стоит поздравить. Кроме того, выразим надежду, что эта работа может быть переведена и на русский язык. Во всяком случае, такой перевод, однозначно, нужно приветствовать!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Мир-система Модерна / Предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., лит. ред., комм. Н. Проценко, А. Черняева. 2-е изд., испр. и доп. Том. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 552 с.

2. Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Т. 1. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. 711 с.

3. Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Т. 2. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2019. 809 с.

4. Джонс Д. Силы и престолы. Новая история Средних веков / Пер. с англ. В.В. Степановой; под ред. А.О. Захарова. М.: КоЛИБРИ, Азбука-Аттикус, 2023. 688 с.

5. Еманов А.Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с.

6. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб.: Алетейя, 2022. 734 с.

7. Еманов А.Г. Quod non iretur ad Tanam. Карпов С.П. История Таны (Азовы) в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. Т. 1: Тана в XIII–XIV вв. // Средние века. 2023. Т. 84. № 2. С. 184–189.

8. Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2021. 375 с.

9. Плано Карпини. История монголов: текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 2022. 383 с.

10. Рахманов А.Б. Периферийные направления мир-системного анализа: концепции Дж. Абу-Луход и Ф. Моулдер // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2015. № 3. С. 24–43.

11. Хвальков Е.А. Генуэзская Каффа в XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2024. 654 с.

12. Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350. N.Y.; Oxford, 1989. 443 p.

13. De Roover R. The commercial revolution of the Thirteenth Century // Bulletin of the Business Historical Society. 1942. № 16. Pp. 34–39.

14. Lopez R. The Commercial Revolution of the Middle Ages. 950–1350. NY: Cambridge University Press, 1971. 180 p.

15. Di Cosmo N., Pubblici L. Venezia e i Mongoli. Commercio e diplomazia sulle vie della seta nel medioevo (secoli 13.–15.) Roma: Viella, 2022. 315 p.

16. Spallaci G. I commerci adriatici e mediterranei di Ancona nel XV secolo. Bologna: Clueb, 2020. 556 p.

REFERENCES

1. Wallerstein I. The World-System of Modernity / Preface by G.M. Derlugian, transl. from Eng., ed. by N. Protsenko, A. Chernyaev. N. Protsenko, A. Chernyaev. 2nd edition, rev. and suppl. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origins of European World-Economy in the 16th Century. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016, 552 p. (In Russian)

2. Genoese Gazaria and the Golden Horde / Ed. by S.G. Bocharov and A.G. Sitdikov. Vol. 1. Kazan; Simferopol; Kishinev: Stratum Plus, 2015, 711 c. (In Russian)

3. Genoese Gazaria and the Golden Horde / Edited by S.G. Bocharov and A.G. Sitdikov. Vol. 2. Kazan; Kishinev: Stratum Plus, 2019, 809 c. (In Russian)

4. Jones D. Powers and Thrones. New History of the Middle Ages / Tr. from Eng. by V.V. Stepanova; ed. by A.O. Zakharov. Moscow: KoLIBRI, Azbuka-Atticus, 2023, 688 p. (In Russian)

5. Emanov A.G. Between the Polar Star and the Noonday Sun: Caffa in the World Trade of 13th–15th centuries. St.Petersburg: Aleteiya, 2018, 368 p. (In Russian)

6. Emanov A.G. The celestial Jerusalem or the Babylon: the fate of Medieval Caffa/Feodosia. St. Petersburg: Aleteiya, 2022, 734 p. (In Russian)

7. Emanov A.G. Quod non iretur ad Tanam. Karpov S.P. The History of Tana (Azov) in 13th–15th centuries. Saint Petersburg: Aleteiya, 2021. Vol. 1: Tana in 13th–14th cs. *Srednie veka*. Vol. 84, no 2, 2023, pp. 184–189. (In Russian)

8. Plano Carpini. History of the Mongols: text, translation, commentary / Ed. by A.A. Gorsky, V.V. Trepalov. Moscow: The Institute of Russain History of the Russian Academy of Sciences, 2022, 383 c. (In Russian)

9. Karpov S.P. History of Tana (Azov) in 13th–15th centuries: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteiya, 2021, 375 p. (In Russian)

10. Rakhmanov A.B. Peripheral directions of world-system analysis: concepts of J. Abu-Lukhod and F. Moulder. *Vestnik of Moscow University. Series: Sociology and Political Science*. No. 3, 2015, pp. 24–43. (In Russian)

11. Khvalkov E.A. Genoese Caffa in 13th–15th centuries. St. Petersburg: Aleteia, 2024, 654 c. (In Russian)

12. Abu-Lughod J. Before European hegemony. The world system A.D. 1250–1350. N.Y.; Oxford, 1989, 443 p.

13. De Roover R. The commercial revolution of the Thirteenth Century. *Bulletin of the Business Historical Society*. No. 16, 1942, pp. 34–39. (in English)

14. Lopez R. The Commercial Revolution of the Middle Ages. 950–1350. NY: Cambridge University Press, 1971, 180 p.

15. Di Cosmo N., Pubblici L. Venezia e i Mongoli: commercio e diplomazia sulle vie della seta nel medioevo (secoli 13.–15.) Roma: Viella, 2022, 315 p. (in Italian)

16. Spallaci G. I commerci adriatici e mediterranei di Ancona nel XV secolo. Bologna: Clueb, 2020, 556 p. (In Italian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артем Игоревич Клюев – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644077, проспект Мира, 55а, Омск, Российская Федерация); старший научный сотрудник, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация). ORCID: 0000-0003-0123-9008, Researcher ID: J-2503-2017. E-mail: kluevartem@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem I. Klyuev – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of General History, Dostoevsky Omsk State University (55a, Mira Ave., Omsk 644077, Russian Federation); Senior Researcher, Tyumen State University (625003, Volodarsky Str., 6, Tyumen, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0123-9008, Researcher ID: J-2503-2017. E-mail: kluevartem@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024
Поступила после рецензирования / Revised 15.01.2025
Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.61-71 УДК 904
EDN: LHGYWB

О СВЯЗЯХ ГОСУДАРСТВ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ

А.В. Пачкалов

Литературный институт им. А.М. Горького
Москва, Российская Федерация
zolornum@mail.ru

Резюме. Цель исследования: изучение связей населения Пиренейского полуострова с Золотой Ордой.
Материалы исследования: письменные источники, данные археологии (керамика, нумизматика и др.).
Новизна исследования: В статье впервые рассматриваются малоизученные связи XIII–XV вв. между Пиренейским полуостров и Улусом Джучи. Собрана информация из различных письменных источников XIII–XV вв., созданных на территории Пиренейского полуострова и сообщающих о Золотой Орде, а также о письменных источниках, связанных с деятельностью выходцев с Пиренейского полуострова на территории Улуса Джучи (занятых в сфере дипломатии, торговли, миссионерской деятельности). Некоторые из источников (Каталонский атлас, «Книга знакомства со всеми царствами») содержат уникальную информацию, относящуюся к Золотой Орде. Дополнительными источниками о рассматриваемых связях являются сведения о рабах из Восточной Европы, поступавших в Каталонию из Северного Причерноморья в результате торговли. Привлечены данные нумизматики (монеты Арагона с территории Золотой Орды), археологических находок (испанская керамика из золотоордынских городов Крыма, Поволжья и др.), данные геральдики и эпиграфики из Крыма, в том числе ставшие известными в последние годы. Вещественные источники документально подтверждают наличие рассматриваемых связей. Также в статье рассмотрена возможность контактов между Испанией и Крымским ханством в XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Испания, история торговли, археология

Для цитирования: Пачкалов А.В. О связях государств Пиренейского полуострова с Золотой Ордой // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 61–71. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.61-71 EDN: LHGYWB

© Пачкалов А.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE CONNECTIONS OF THE IBERIAN PENINSULA STATES WITH THE GOLDEN HORDE

A.V. Pachkalov

Maxim Gorky Literary Institute
Moscow, Russian Federation
zolornum@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the relations between the populations of the Iberian Peninsula and the Golden Horde.
Research materials: Written sources, archaeological data (ceramics, numismatics, etc.).
Novelty and results of the study: For the first time, the article specifically examines the little-studied connections during the 13th–15th centuries between the Iberian Peninsula and the Jochid Ulus. Information is collected from various written sources of the 13th–15th centuries, created in the territory of the Iberian Peninsula and reporting on the Golden Horde, as well as written sources related to the activities of immigrants from the Iberian Peninsula to the territory of the Jochi Ulus (engaged in diplomacy, trade, and missionary activity). Some of the sources (Catalan Atlas, "Book of acquaintance with all kingdoms") contain unique information related to the Golden Horde. Additional sources about the connections under consideration are information about slaves from Eastern Europe who came to Catalonia from the Northern Black Sea region as a result of trade. The data of numismatics (coins of Aragon from the territory of the Golden Horde), archaeological finds (Spanish ceramics from the Golden Horde cities of the Crimea, the Volga region, etc.), heraldry and epigraphy data from the Crimea include items that have become known only in recent years. Material sources document the existence of the considered connections. The article also considers the possibility of contacts between Spain and the Crimean Khanate in the 16th–17th centuries.

Keywords: Golden Horde, Jochi Ulus, Spain, trade history, archaeology

For citation: Pachkalov A.V. The Connections of the Iberian Peninsula States with the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 61–71. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.61-71 (In Russian)

Вплоть до настоящего времени малоизученными остаются связи государств Пиренейского полуострова и Восточной Европы в XIII–XV вв. В последнее время появились публикации, в которых рассматриваются контакты между русскими землями и Испанией, в частности это касается образка из Новгорода с изображением ев. Иакова (Галисия, XIV–XV вв.); находки в слое XIV в. Пскова олова, предположительно, привезенного с Пиренейского полуострова[1]; находки двенадцати паломнических морских раковин – инсигний св. апостола Иакова Компостельского, выявленные на территории Древней Руси [15]; русские надписи во Франции, связанные с паломничеством к гробу святого Иакова [4] и т.д.

В XIII–XV вв. на территории Пиренейского полуострова существовали государства с преобладанием как христианского (королевства Арагон, Касти-

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gtrkpskov.ru/news-feed/3302-kharakternoe-dlya-britanskikh-ostrovov-i-ispanii-olovo-14-veka-najdeno-na-pskovshchine-versii-arkheologov.html (дата обращения 08.03.2025).

лия и др.), так и мусульманского населения (эмират Гранада). Теме отношений государств, находившихся на территории Пиренейского полуострова, и Золотой Орды ранее не было посвящено ни одной статьи, в которой бы комплексно рассматривались известные на сегодняшний день сведения.

В последнее время был сделан ряд интересных, археологических и нумизматических находок, отражающих наличие этих связей.

На севере Ростовской области была обнаружена серебряная монета короля Мальорки Хайме II (1276–1311 гг.)[2]. В 1979 г. при раскопках И.А. Барановым средневекового Судака была найдена монет, позже атрибутированная, как динеро барселонской чеканки короля Арагона Хайме I (1213–1276 гг., чекан третьей четверти XIII в.). До настоящего времени монеты XIII–XV вв., найденные в Крыму, остаются мало опубликованными. Работа с неопубликованными музейными собраниями Крыма даст дополнительную информацию и о монетах, выпущенных на Пиренейском полуострове. Недавно на территории, входивший в состав Золотой Орды, была найдена монета правителя из Барселонской династии – Федериго III Арагонского (1296–1337 гг.), но по всей видимости сицилийского чекана[3].

Данные крымской эпиграфики, гербы на строительных и надгробных плитах, говорят о том, что в крымских факториях присутствовали выходцы из государств, находившихся на Пиренейском полуострове.

Башня Фредерико Астагуэрра расположена в Судакской крепости на небольшой скале между горами Крепостной и Полвани-Оба на запад от угловой башни. Сохранилась строительная закладная плита с именем консула и датой строительства: «1386 года в восемнадцатый день мая, эта постройка сооружена во время правления отличного мужа Фредерико Астагвера, достопочтимого консула Солдайи». Как отмечает Е.А. Яровая, имя Федериго Астагуэрра принадлежит к арагонской или каталонской знати [23].

В связи с рассматриваемой темой интерес представляет пояс со сценой спора о вере из собрания Отдела Востока Государственного Эрмитажа, изготовленный в Крыму в XIV или в первой половине XV в. Пояс состоит из девяти серебряных пластинчатых накладок в форме шестилепестковой розетки, на четырех из них помещены изображения мужчин и дамы, на одной – гарпии, а на остальных – геральдические щиты. По мнению М.Г. Крамаровского, гарнитура пояса имеет связь с гербом Арагона, т.е. культурной традицией Арагонской короны. Возможно, владельцем пояса был каталонский наемник на генуэзской службе, а пояс должен был обозначить его принадлежность к каталонскому дворянству [9, с. 251].

Люстровая керамика из раскопок Э.В. Штерна в Феодосии (средневековой Каффе) по всей видимости связана с Валенсией [8; 9]. Известна находка испанского люстра в степном Предкавказье (в фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына) [9, с. 238]. В последние годы археологи стали связывать с Пиренейским полуостровом ряд новых находок керамики на территории Золотой Орды. В частности, испанской (валенсийской) является амфора, обнаруженная

[2] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=220025 (дата обращения 08.03.2025).

[3] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=144935 (дата обращения 08.03.2025).

при подводных археологических исследованиях затонувшего корабля XIII в. в бухте Новый Свет под Судаком. По мнению исследователей этой находки, «этот сосуд, скорее всего, не был товаром – пока найдена только одна такая амфора среди массы других типичных для этой эпохи и региона. Но, возможно, она была чьим-то личным имуществом, привезенным вместе с другими редкими вещами, членом экипажа или пассажиром» [14]. В 2014 г. при исследованиях на территории порта Феодосии был найден целый пифос, предположительно испанского происхождения [7]. Импортная керамика, обнаруженная в Солхате, представлена фрагментами испанского люстра. В последние годы стали известны находки парадной испанской керамики в крепости Чембало. Материалы представлены несколькими видами посуды: кувшины, чаши нескольких типов, блюда (тарелки). Ее поступление в регион фиксируется с середины – второй половины XIV столетия. По мнению Н. В. Гинькут, «наибольшее количество найденных фрагментов относится к XV столетию. После захвата Константинополя испанская парадная посуда продолжает поступать в Крым и в том числе в крепость Чембало. Наиболее поздние находки относятся к третьей четверти – концу XV в.» [3].

В.Ю. Коваль определяет целый ряд обломков тарных сосудов (амфор и пифосов), найденных при раскопках в Болгаре, в качестве продукции испанских городов [7]. Эти находки происходят из слоев и построек 1330–1360-х гг. Среди испанских импортов В.Ю. Коваль выделяет три группы. Две из них относятся к продукции Барселоны (и, возможно, Патерны в окрестностях Валенсии). При реставрации древних построек в Барселоне были собраны многие десятки сосудов подобного облика. Третью группу составляют обломки амфор, происходивших, вероятно, из Андалусии (возможно, Севильи?). Единичные обломки подобных амфор встречаются в слоях золотоордынской эпохи в Азове, на Селитренном городище в Нижнем Поволжье и Маджарском городище на Северном Кавказе. Исследователь предполагает, что в испанских амфорах и пифосах в Восточную Европу могли привозить экзотические для этих мест оливковое масло или виноградное вино (?), а рассматриваемые автором находки свидетельствуют о дальних торговых связях Болгара в середине XIV века [7].

Возможно, что ряд фрагментов испанских амфор и пифосов, найденных ранее золотоордынскими археологами, мог не выделяться ранее из общей массы тарной керамики. По всей видимости, испанские сосуды вместе с другой импортной тарой поступали в Среднее Поволжье из Северного Причерноморья через торговые центры Крыма, Азака и далее водным путем по Дону и Волге. По всей видимости именно из Крыма испанская люстровая керамика проникала в более отдаленные земли, в т.ч. на территорию русских княжеств. Подобные находки были получены в том числе в результате археологических исследований в Москве [6].

В письменных источниках также сохранился ряд свидетельств о связях Золотой Орды с государствами Пиренейского полуострова.

Одним из самых первых источников, введенных в научный оборот еще в XIX в., является сообщение арабского путешественника Ибн Баттуты, встретившего на базаре в северокавказском городе Маджаре, купца-еврея из эмирата Гранада. По словам Ибн Баттуты, тот добрался из Андалусии через Византию и земли черкесов [18, с. 288].

Самым известным источником, свидетельствующем об информации, которая была у каталонцев о Золотой Орде, является знаменитый Каталонский атлас, часто привлекавший внимание исследователей [13; 22]. Атлас является картой мира, созданной в Пальма-де-Майорка (входившем в состав королевства Арагон) около 1375 г. евреем Авраамом Крескесом вместе с сыном Иегудой Крескесом по заказу арагонского короля Хуана I. Вскоре после создания он был преподнесен в дар французскому королю Карлу V и с 1380 г. вплоть до настоящего времени находится на хранении в Национальной библиотеке Франции. Каталонский атлас является ценным источником по исторической географии Золотой Орды. Большая часть представленной на атласе исторической информации восходит к первой половине XIV века, к расцвету Золотой Орды. Целый ряд поселений и городов, расположенных на территории Золотой Орды, известен только по этому источнику, что дает основание считать именно каталонцев по крайней мере одними из информаторов составителей карты. Как отмечает А.В. Мартынюк, «путешественникам лучше всего был знаком торговый путь, который проходил от черноморского побережья к центру ордынских владений на нижнем течении Волги и далее в Центральную Азию и Китай. На этом пути Каталонский атлас отмечает такие важные торговые центры как *Caffa* (Кафа, под генуэзским флагом) на побережье Крыма и *Tana* (Тана, под флагом Орды) в устье Дона. Достаточно достоверно показаны крупнейшие реки Восточной Европы: Днепр, Дон, Кубань, Волга» [13, с. 80–81].

Из письменных источников известно о присутствии выходцев из государств Пиренейского полуострова на территории Улуса Джучи, о переговорах между Арагоном и Золотой Ордой, которые велись в отношении возможности совместного участия в крестовом походе. Некоторые сведения о татарах и Золотой Орде содержатся в текстах Раймонда Луллия, известного каталонского поэта, философа и теолога [21]. Задокументирована информация о выходцах с Пиренейского полуострова, связанных с деятельностью в Золотой Орде католической церкви. 5 февраля 1318 г. папа Иоанн XXII написал письмо «Его величеству Узбеку, императору тартар», которое должен был отвезти в Сарай Иероним из Каталонии, епископ Каффы [20]. Испанский францисканец Пасхалий из Виттории сообщал в своем послании от 10 августа 1338 г., что смог достигнуть Алмалыка, отправившись через Авиньон, Ассизи, Тану, Сарай, откуда шел в сопровождении армянских купцов, достигнув с ними Сарайчука, и продолжив оттуда свой путь с караваном мусульманских купцов через Ургенч и, вероятно, Отрар [24, p. 533].

Ценным источником по истории Золотой Орды является «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире» («El Libro del conosçimiento de todos los reinos»), составленная в XIV в. неизвестным кастильским автором. Трактат содержит вымышленное путешествие автора по известному на тот момент свету. Главной целью произведения было не составление связанного рассказа о путешествии, а перечисление географических пунктов, обозначенных на картах мира и портоланах, которые он использовал при составлении трактата. Какими конкретными картами пользовался при этом кастильский аноним, остается до сих пор загадкой [21; 27].

Известно о том, что каталонцы принимали активное участие в генуэзско-венецианской войне за господство в Северном Причерноморье в 1350-е годы

[25]. В итальянских документах, составленных в Северном Причерноморье, в отношении различных событий встречаются имена арагонцев, состоявших на службе у итальянцев [25]. Так, применительно к событиям 1385–1386 гг. упоминается некий Пьетро из Валенсии, которому коммуна Каффы делегировала различные дипломатические поручения. В 1395 г. каталонцы упоминаются в связи с делегацией, отправленной к Тимуру в 1395 г. в окрестности Таны (Азака) [9, с. 237].

Сохранилось много документальных сведений о рабах, поступавших на Пиренейский полуостров, из Восточной Европы через золотоордынские земли. Это касается также и рабов из той части южной Франции (в основном провинция Руссильон, город Перпиньян), что входила некоторое время в рассматриваемый период в состав Арагона. По мнению И. Лучицкого, пик этой торговли пришелся на вторую половину XIV – начало XV в. По словам этого же автора, до середины XIV в. рабы в Руссильоне по своему происхождению были в основном мусульманами, однако уже во второй половине XIV в. их состав значительно изменился (татары, черкесы, русские и др.), на первое место вышли русские рабы и рабыни, спрос на которых на невольничьих рынках был особенно высоким [10, с. 7–8]. По мнению И. Лучицкого, рабы покупались в основном для удовлетворения потребностей в земледельческих работах [10, с. 9], с целью предотвращения бегства рабов стригли определенным образом, предписывали носить определенную одежду, резко отличавшуюся от остального населения, заковывали в цепи и т.д. [10 с. 11]. В других крупнейших торговых портах Арагона (Барселоне, Валенсии, Аликанте и т.д.) также зафиксировано наибольшее количество русских пленников. В Архиве Арагонской Короны в Барселоне сохранились договоры купли-продажи рабов, различные описания, жалобы, сообщения о бегствах, постановления магистратов, сведения о наказаниях русских пленников (четвертование, сожжение) и т.п. [1]. Часть рабов поступала в богатые дома: известно о русской рабыне Елене, служанке секретаря короля XV в. Альфонсо V [1, с. 45]. На территорию Арагона рабы могли попадать напрямую через итальянцев с возможными промежуточными пунктами в итальянских и южно-французских городах или из Причерноморья через Гранадский эмират или Малагу [1, с. 41–42].

В 1436 г. Улус Джучи посетил уроженец Севильи или Кордовы, кастильский идальго и подданный короля Кастилии и Леона Хуана II Кастильского Перо Тафур, оставивший «Книгу странствий и путешествий» – ценный источник по истории в том числе и Восточной Европы. Согласно данным книги Тафура, его путешествие состоялось по личному желанию, и он отмечает причины своего путешествия: желание проявить отвагу и рыцарскую доблесть; намерение ознакомиться с государственным устройством других стран [16]. Ко времени путешествия Перо Тафур международные связи Золотой Орды, ослабли. Руй Гонсалес де Клавихо, испанский дипломат и путешественник, посетил двор Тимура в Самарканде, уже минуя территорию Улуса Джучи [5].

Вместе с тем каталонцы продолжали торговать на территории Золотой Орды и в XV в. Так, на знаменитой карте венецианца Фра-Мауро 1459 г. присутствует надпись в районе Перми: «Каталонский корабль, нагруженный изделиями из кожи, проплыл этим путем в годы моей жизни и, чтобы не утонуть, выбросил груз за борт» [26, p. 315]. Очевидно, корабль проплыл с юга

по Волге, а далее по Каме. В тексте отмечается, что событие относится ко времени жизни составителя карты, т.е. к XV в.

После распада Золотой Орды отдельные контакты между Пиренейским полуостровом и Крымским ханством могли сохраняться. В картографической традиции XVI в. сохраняются в основном прежние, уже архаичные представления о территории распавшегося Улуса Джучи. Португальский поэт XVI в. Луиш де Камоэнс, крупнейший представитель португальской литературы эпохи Возрождения, в национальной эпической поэме Лузиады дает весьма туманные представления о географии этих мест (горы Кавказа, Каспий и др.).

Вместе с тем некоторые нумизматические находки в Крыму и в Приазовье свидетельствуют о возможности сохранения контактов в XVI–XVII вв. Уже в начале XX в. известный нумизмат А.Л. Бертье-Делагард писал о серебряных испанских реалах, распространенных на землях Крымского ханства начиная со второй половины XVI в. и вплоть до начала XVIII в. [2].

Несколько лет назад при исследованиях турецкой крепости Азак был обнаружен предмет округлой формы, отлитый из свинца. Предположительно, это поддельная испанская монета, так называемый макукин[4].

По всей видимости, испанские монеты ценились за высокую пробу и красивый чекан, а также в связи с нехваткой в Северном Причерноморье того времени крупных серебряных, полновесных монет. Целая серия испанских монет была встречена в Севастопольском кладе, зарытом в XVII в. Этот клад был найден в 1962 г. под Херсонесом и поступил в собрание Государственного Эрмитажа. В составе было 90 серебряных монет Речи Посполитой, Испании и испанских колоний, талеры Тироля, Штирии и Эльзаса, серебряные флорины Оверэйссела и две золотые монеты Османской империи. Старшая монета – 1583 г., младшая – 1628 г. (испанские 4 реала Филиппа IV). Наиболее значительной группой клада являются монеты Испании и испанских колоний в Америке, чеканенные от Филиппа II до Филиппа IV [19].

Если находка Севастопольского клада может предположительно свидетельствовать о проникновении испанского серебра из Речи Посполитой, то другая находка, сделанная на Таманском полуострове в 2016 г., может говорить о прямых контактах между Пиренейским полуостровом и Северным Причерноморьем. В ходе археологических исследований в 2015–2016 гг. на Тамани помимо русских копеек и монет Крымского ханства XVI–XVII вв. был найден клад макукинов, представляющий собой компактную в хронологическом отношении группу монет, чеканенную в период между 1586–1623 гг. Старшая монета датируется 1586 г. Младшая – 1623 г. Реалы клада можно разделить на несколько групп по местам выпуска из пяти монетных дворов Испанской империи: Севилья – 6 экз.; Толедо – 3 экз.; Сеговия – 1 экз., а также колоний: Мехико в Новой Испании (3 экз.) и Потоси, вице-королевства Перу – 2 экз. Монеты составляют две примерно равные группы из номиналов в 4 и 8 реалов, правления королей Филиппа II Разумного (1556–1598), Филиппа III Благочестивого (1598–1621) и Филиппа IV Великого (1621–1665) [12]. Особенностями клада 2016 г. являются полное отсутствие

[4] Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rg.ru/2019/05/14/reg-ufo/arheologi-sostavili-meniu-zhitelej-tureckogo-azova-v-xvii-veke.html (дата обращения 08.03.2025).

других монет помимо испанских (каких-либо европейских, османских, Крымского ханства и др.), отсутствие испанских монет мелких номиналов. Указанные наблюдения позволяют связывать таманский клад с южной, средиземноморской торговлей.

Приведенная в статье информация (данные геральдики и нумизматики, археологии, нарративных источников и картографии) комплексно свидетельствует о том, что между государствами, находившимися на Пиренейском полуострове, и Золотой Ордой существовали не столь интенсивные, но вместе с тем продолжительные связи как в XIV, так и в XV в., которые могли сохраняться и во время Крымского ханства. Из золотоордынских территорий как и ожидаемо более всего рассматриваемые связи прослеживаются с Крымским полуостровом и Азаком, но также с Нижним и Средним Поволжьем, Северным Кавказом и другими территориями Улуса Джучи. Необходим дальнейший сбор материалов по данной теме с привлечением материалов из испанских архивов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахов М.А. Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV–XV вв. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: Международные отношения, 2017. С. 39–46.

2. Бертье-Делагард А.Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. №. 51 (27). Симферополь, 1914. С. 153–185.

3. Гинькут Н.В. Испанская парадная поливная керамика XIV–XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2023. Т. 51. С. 478–505.

4. Гордин А.М., Рождественская Т. В. «Идя ко святому Иакову»: древнерусское граффито XII в. в Аквитании // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Т. 5. № 1. 2016. С. 126–147.

5. Клавихо, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой; отв. редакторы Г.Г. Берадзе, К.К. Куция. Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 216 с.

6. Коваль В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве // Российская археология. 1996. № 1. С. 169–175.

7. Коваль В.Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 99–124.

8. Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского Археологического музея) // Северо-западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 111–120.

9. Крамаровский М.Г. Поясной набор со сценой «Спора о вере» из собрания Эрмитажа (XIV – первая половина XV в.) / /Античная древность и средние века. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 234–252.

10. Лучицкий И.В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. Киев: Унив. тип., 1886. 29 с.

11. Майко В.В. Монета Арагонского королевства в средневековой Сугдее // XX Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 97–99.

12. Мальцев М.С. Таманский клад испанских монет конца XVI – начала XVII в. // Историческое обозрение. № 23. М., 2022. С. 54–87.

13. Мартынюк А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века // Труды Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2008. С. 79–83.

14. Морозова Я.И., Зеленко С.М. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море // 1000 років візантійскої торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012. С. 83–86.

15. Пескова А.А. Паломнические морские раковины на территории Древней Руси и соседних землях // Записки Института истории материальной культуры. № 25. СПб., 2021. С. 243–259.

16. Тафур Перо. Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. 296 с.

17. Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник / Отв. за вып. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: «ТОВ Горобецъ», 2004. С. 467–494.

18. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. IV, XVI, 564 с.

19. Фролова Н.В. Севастопольский клад монет XVI–XVII веков из собрания Эрмитажа // Хранитель, исследователь, учитель. К 85-летию В.М. Потина. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 111–116.

20. Хаутала Р. Ярлык хана Узбека францисканцам Золотой Орды 1314 года: латинский текст, русский перевод и комментрии // Золотоордынское обозрение. 2014. №3(5). С. 31–48.

21. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

22. Юрченко А.Г. Улус Джучи на карте мира XIV в. (Знаки и символы Каталонского атласа 1375 г.) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. Т. 1. С. 38–57.

23. Яровая Е.А. Геральдика генуэзского нобилитета по каменным плитам из Каффы, Солдайи и Чембало (XIV – 1 треть XVI в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2004. 24 с.

24. Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897. xxvii + 748 p.

25. Durán i Duelt D. Els catalans i els mallorquins a la mar Negra i a la Tartària // Els catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana. Institut d'Estudis Catalans, 2003, págs. 191–220.

26. Falchetta P. Fra Mauro's World map with a commentary and translations of the inscripts. Venezia: Brepols Publishers, 2006. 830 c.

27. Markham Clements R. Book of knowledge of all the kingdoms, lands, and lordships that are in the world, and the arms and devices of each land and lordship, or of the kings and lords who possess them. London, 1912. 184 p.

REFERENCES

1. Astakhov M. A. Russian captives and slaves in the Aragonese Crown of the 14th–15th centuries. *Spain and Russia: historical destinies and the modern era.* Moscow: International Relations Publ., 2017, pp. 39–46. (In Russian)

2. Berthier-Delagarde A.L. The value of coin denominations in the Crimean Khanate. *News of the Tauride Scientific Archival Commission*. No. 51 (27). Simferopol, 1914, pp. 153–185. (In Russian)

3. Ginkut N.V. Spanish ceremonial glazed ceramics of the 14th–15th centuries from the excavations of the Genoese fortress of Cembalo. *Ancient Antiquity and the Middle Ages.* Vol. 51, Ekaterinburg, 2023, pp. 478–505. (In Russian)

4. Gordin A.M., Rozhdestvenskaya T.V. "Going to Saint James": Old Russian graffito of the 12th century in Aquitaine. *Slověne=Словѣне. International Journal of Slavic Studies.* Vol. 5, no. 1, 2016, pp 126–147. (In Russian)

5. Clavijo, Rui González de. Diary of a journey to Samarkand to the court of Timur (1403–1406). Tr. from Old Spanish, preface and commentary by I.S. Mirokova; Responsible editors G.G. Beradze, K.K. Kutsia. Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 1990. 216 p. (In Russian)

6. Koval V.Yu. Spanish luster ceramics in Moscow. *Russian Archaeology.* No. 1, 1996, pp. 169–175. (In Russian)

7. Koval V.Yu. Spanish Ceramics in Medieval Bolgar. *Povolzhskaya Arkheologiya = The Volga River Region Archaeology*. 2016, no. 4 (18), pp. 99–124. https://doi.org/10.24852/pa2016.4.18.99.124 (In Russian)

8. Kravchenko A.A. Imported glazed ceramics of the 13th–14th centuries from Kaffa (Collection of the Odessa Archaeological Museum). *North-Western Black Sea region – a contact zone of ancient cultures*. Kyiv, 1991, pp. 111–120. (In Russian)

9. Kramarovsky M.G., Belt set with the scene "Dispute about faith" from the Hermitage collection (14th – first half of the 15th century). *Classical antiquity and the Middle Ages.* Iss. 30, Ekaterinburg, 1999, pp. 234–252. (In Russian)

10. Luchitsky I.V. Russian slaves and slavery in Roussillon in the 14th and 15th centuries. Kyiv: Universitetskaya tipografiya, 1886. 29 p. (In Russian)

11. Maiko V.V. Coin of the Kingdom of Aragon in medieval Sugdeya. XX All-Russian Numismatic Conference. Abstracts of reports and messages. Moscow, 2019, pp. 97–99. (In Russian)

12. Maltsev M.S. Taman hoard of Spanish coins of the late 16th – early 17th centuries. *Historical review.* No. 23. Moscow, 2022, pp. 54–87. (In Russian)

13. Martynyuk A.V. The Catalan Atlas of 1375 as a source on the history of the Golden Horde and other Mongolian states of the 14th century. Proceedings of the International numismatic conferences "Coins and money circulation in the Mongolian states of the 13th–15th centuries." Moscow, 2008, pp. 79–83. (In Russian)

14. Morozova Ya.I., Zelenko S. M. Medieval Spanish amphora from a shipwreck in the Black Sea. *1000 years of Byzantine trade (5th–15th centuries).* Kyiv, 2012, pp. 83–86. (In Russian)

15. Peskova A.A. Pilgrimage seashells on the territory of Ancient Rus' and neighboring lands. *Notes of the Institute of the History of Material Culture.* No. 25. St. Petersburg, 2021, pp. 243–259. (In Russian)

16. Tafur Pero. Wanderings and Travels. Translation, preface and comments by L.K. Maciel Sanchez. Moscow: Indrik, 2006, 296 p. (In Russian)

17. Teslenko I. B. Spanish ceramics with luster painting in Crimea. Sugdeysky collection. Responsible for the issue N.M. Kukovalskaya. Kyiv, Sudak: "TOV Gorobets", 2004, pp. 467–494. (In Russian)

18. Tiesenhausen V. G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. St. Petersburg, 1884, IV, XVI, 564 p. (In Russian)

19. Frolova N. V. Sevastopol hoard of coins of the 16th–17th centuries from the Hermitage collection. *Keeper, researcher, teacher. On the 85th anniversary of V.M. Potin.* St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2005, pp. 111–116. (In Russian)

20. Hautala R. Label of Khan Uzbek to the Franciscans of the Golden Horde in 1314: Latin text, Russian translation and commentary. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review.* 2014, no. 3(5), pp. 31–48. (In Russian)

21. Hautala R. In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Uzbek Khan (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 976 p. (In Russian)

22. Yurchenko A.G. Ulus Jochi on the world map of the 14th century. (Signs and symbols of the Catalan Atlas of 1375). *Golden Horde civilization.* Vol. 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008, pp. 38–57. (In Russian)

23. Yarovaya E.A. Heraldry of the Genoese nobility based on stone slabs from Caffa, Soldaya and Chembalo (14th – 1st third of the 16th century). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. St. Petersburg, 2004, 24 p. (In Russian)

24. Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, xxvii + 748 p. (in Latin)

25. Durán i Duelt D. Els catalans i els mallorquins a la mar Negra i a la Tartària. *Els catalans a la Mediterrània oriental a l'Edat Mitjana.* Institut d'Estudis Catalans, 2003, pp. 191–220. (in Catalan)

26. Falchetta P. Fra Mauro's World map with a commentary and translations of the inscripts. Venezia: Brepols Publishers, 2006, 830 p.

27. Markham Clements R. Book of knowledge of all the kingdoms, lands, and lordships that are in the world, and the arms and devices of each land and lordship, or of the kings and lords who possess them. London, 1912, 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Владимирович Пачкалов – кандидат исторических наук, доцент, Литературный институт им. А.М. Горького (123104, Тверской бульвар, 25, Москва, Российская Федерация); SPIN РИНЦ: 9543-7019, AuthorID: 405510. E-mail: zolornum@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Pachkalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Maxim Gorky Literary Institute (25, Tverskoy Boulevard, Moscow 123104, Russian Federation); SPIN RSCI: 9543-7019, AuthorID: 405510. E-mail: zolornum@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 23.05.2024
Поступила после рецензирования / Revised 03.02.2025
Принята к публикации / Accepted 14.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.72-83 УДК 94(47).031
EDN: MBAQGG

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕОНИМОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТЮРКОЯЗЫЧНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС» МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ

Ф.Ш. Нуриева* ✉ *, А.Ф. Юсупов

Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
✉ *fanuzanurieva@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматривается функционирование имен Аллаха на материале произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, написанного в 1358 году. Цель статьи – выявление состава теонимической лексики, описание ее структурно-семантических, функционально-стилистических особенностей, номинирующих религиозные верования в анализируемом тексте.

В настоящее время известно 11 рукописей этого сочинения, подлинник, написанный 1358 года, отсутствует. Материалом исследования является транскрибированный текст, изданный в 2019 году, под редакцией И.М. Миргалеева, на основе стамбульского списка 1360 года «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

В результате исследования выявлено, что теонимы в тексте произведения представляют собой единую систему, в которой каждое имя пребывает в непосредственной связи с единственным собственным именем Бога. Теонимия, зафиксированная в тюркских средневековых памятниках, послужит фактологическим материалом для культурно-исторического исследования становления ислама в период Золотой Орды на территории Поволжья. Теонимы в исламе относятся к древнейшим лексическим пластам, но несмотря на то, что тексты, их зафиксировавшие, создавались на протяжении многих столетий, принцип именования Бога в течение всего этого времени сохранял однообразие. В данной статье на основе текстологического анализа впервые раскрыты особенности функционирования лексических единиц, обозначающих имена Аллаха. Выявлена значимость традиций мусульманского Востока и региональных традиций в формировании религиозной мысли мусульман Поволжья в золотоордынский период, что представляет научную новизну исследования. Махмуд ал-Булгари, оставаясь в рамках традиционной мусульманской концепции, внес свой вклад в разработку теонимической лексики, свойственной Поволжскому региону в период Золотой Орды.

Ключевые слова: тюрко-татарский язык, произведение, «Нахдж ал-Фарадис», Махмуд ал-Булгари, Золотая Орда, лексика, теонимы

Для цитирования: Нуриева Ф.Ш., Юсупов А.Ф. Функционирование некоторых теонимов в средневековом тюркоязычном произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 72–83. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.72-83 EDN: MBAQGG

© Нуриева Ф.Ш., Юсупов А.Ф., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарность: Данная статья была написана в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства Казанского федерального университета «Приоритет-2030».

THE FUNCTION OF CERTAIN THEONYMS IN THE MEDIEVAL TURKIC-LANGUAGE WORK "NAHJ AL-FARADIS" BY MAHMUD AL-BULGARI

F.Sh. Nurieva* ✉ *, A.F. Yusupov

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
✉ *fanuzanurieva@yandex.ru*

Abstract. This article examines how the names' of Allah functioned in the text of "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari written in 1358. The aim of the article is to identify the composition of the theonymic lexicon and to describe its structural-semantic, functional-stylistic features which described religious beliefs in the analysed text.
Currently, eleven manuscripts of this work are known; the original written in 1358 is missing. The material of the study is a transcribed text published in 2019, edited by I.M. Mirgaleev, based on the Istanbul list of 1360, 'Nahj al-Faradis' by Mahmud al-Bulgari. The study reveals that theonyms in the text of the work represent a single system in which each name is in direct connection with the only proper Name of God.
Turkic medieval sources provide concrete theonymic material for the cultural and historical study of Islam's formation during the Golden Horde in the Volga region. Theonyms in Islam belong to the most ancient lexical layers. Despite that, the theonyms-included texts were created over several centuries ago, the principle of naming the God remained unchanging throughout the time. Being based on textual analysis, this article reveals the functioning features of lexical units denoting the names of Allah. The significance of traditions of the Muslim East and regional traditions in the formation of religious thought of Muslims of the Volga region in the Golden Horde period has been revealed, which represents the scientific novelty of the study. Remaining within the traditional Muslim concept framework, Mahmud Bulgari still contributed to the development of theonymic vocabulary characteristic in the Volga region during the Golden Horde.

Keywords: Turkic-Tatar language, work, "Nahj al-Faradis", Mahmud al-Bulgari, Golden Horde, lexis, theonyms

For citation: Nurieva F.Sh., Yusupov A.F. The Function of Certain Theonyms in the Medieval Turkic-language Work "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 72–83. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.72-83 (In Russian)

Acknowledgements: This paper was written as part of the implementation of the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program "Priority-2030".

Введение

Ознакомление со средневековыми литературными памятниками является важным фактором для понимания процессов, происходящих в золотоордынском государстве, которые в этнополитическом, социально-структурном аспектах представляли собой сложное явление. Данная работа, посвященная анализу теонимических языковых единиц в тексте тюркоязычного художественного произведения золотоордынского периода «Нахдж ал-Фарадис» Мах-

муда ал-Булгари, представляет собой исследование на стыке когнитивной лингвистики, исламоведения и сопоставительной лексикологии.

Цель статьи – выявление состава теонимической лексики, описание ее структурно-семантических, функционально-стилистических особенностей, номинирующих религиозные верования в анализируемом тексте. Объектом нашего исследования стала теонимическая лексика, уходящая корнями в арабскую традицию, а также лексика древнетюркского происхождения, употребляемая в языке художественного памятника золотоордынского периода XIII–XIV веков.

Предмет исследования – комплекс лингвистических явлений, свойственных теонимической лексике в плане ее системной организации, функционирования в тексте «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Выбор темы данной научной статьи обусловлен и тем, что теонимия, представленная в средневековом тюркоязычном памятнике, содержит значительный фактологический материал для культурно-исторического исследования становления и расцвета ислама в XIII – XIV вв. на территории городов Золотой Орды, следовательно, представляет значительный интерес не только для лингвистов, но и для историков, культурологов, этнологов. Лингвистическое описание теонимов, дошедших до нас в текстах художественной литературы золотоордынского периода, позволяет понять соотношение языческих и мусульманских религиозных понятий, в частности, преемственность культурных традиций тенгрианства, дополнить сведения об уровне развития культуры, а также дает представление о взаимодействии и взаимовлиянии культур народов.

В связи с вышесказанным, актуальность настоящего исследования определяется тем, что впервые будет проанализировано функционирование теонимов в репрезентативном тексте памятника, написанного в период Золотой Орды. Теонимы, зафиксированные в тюркоязычном произведении эпохи Золотой Орды, представляют научный интерес, поскольку наименования, возникшие много столетий назад, позволяют реконструировать религиозное мировоззрение татарского народа.

Методы

Материалом для анализа лингвистических особенностей теонимической лексики в плане ее системной организации послужили наименования, функционирующие в «Нахдж ал-Фарадис» (1358 г.) Махмуда ал-Булгари. За основу исследования взяли транскрибированный текст, изданный 2019 году, под редакцией И.М. Миргалеева [4, с. 147–320]. С целью комплексного исследования особенностей функционирования теонимической лексики в статье были применены следующие лингвистические методы: *контекстуальный, сравнительно-исторический, сопоставительный; описательный*, располагающий рядом приемов *лингвистического наблюдения, систематизации; элементы количественного метода*. Используются также элементы этимологического анализа, позволяющего установить происхождение слова и исключить возможность неверной интерпретации.

Результаты и обсуждение

Произведение «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, написанное в 1358 году, интересно с точки зрения определения основных источников и богословских предпосылок духовной культуры Золотой Орды. История разностороннего исследования произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-

Фарадис» в дореволюционной татарской историографии, советской и историографии постсоветского периода подробно рассмотрена в научном труде Э.Г. Сайфетдиновой [6, с. 4–10, 14–32]. Возникновение произведения с религиозно-дидактическим содержанием было закономерно в связи с событиями, происходившими в общественно-политической жизни Золотой Орды во второй половине XIV века [5, с. 87]. К концу XIII века мусульманство начинает распространяться все шире. В результате «встречи ислама с другими религиями и верованиями в Золотой Орде создалась своеобразная ситуация для особого межконфессионального взаимодействия, что и предопределило своеобразие распространения ислама» [3, с. 43]. Официально ислам в Золотой Орде был принят в период правления Узбек хана в XIV веке. Но не было полностью изжито влияние старых верований. Этот фактор нашел отражение в литературных памятниках, в частности в произведении «Нахдж ал-Фарадис», автор которого Махмуд ал-Булгари, обращаясь к Аллаху, наряду с арабскими именами использует тюркский термин «Тенгри» [10, с. 84]. Так, Г.Г. Галиахметова утверждает, что в «Золотой Орде нашла распространение тюркомодернизированная форма ислама, которая вобрала в себя наряду с элементами многих различных культур и элементы тенгризма, как реликтовую форму исконной религии древних тюрков и монголов – шаманизма и элементы суфизма, как порождение ислама» [1, с. 66].

Обратимся непосредственно к произведению «Нахдж ал-Фарадис». В переводе с арабского языка «Путь (способ), ведущий в рай». Данное название определяет ориентиры книги, и излагает путь восхождения к Аллаху, в рай. В настоящее время известно 11 рукописей этого сочинения, подлинник, написанный 1358 году, отсутствует. Материалом исследования является транскрибированный текст, изданный в 2019 году, под редакцией И.М. Миргалеева [4], на основе стамбульского списка 1360 года [8] «Нахдж ал-Фарадис» Махмуд ал-Булгари. «Нахдж ал-Фарадис» – религиозно-дидактическое сочинение (объем 444 стр.) состоит из 3 частей: введения (1–2 стр.), основной части (3–443 стр.) и заключения (443–444 стр.), в содержании которого освещена история ислама, берущая свое начало от пророка Мухаммада. Во введении Махмуд ал-Булгари излагает основной замысел создания книги. Основная часть состоит из четырех глав (баб), каждая из которых делится на 10 разделов (фасл). Первая глава посвящена житию пророка Мухаммада, во второй главе рассказывается о четырех халифах, имамах и родственниках пророка. В третьей главе повествуется о богоугодных делах, приближающих к Аллаху; в четвертой главе рассказывается о поступках, отдаляющих человека от Аллаха.

Основное содержание «Нахдж ал-Фарадис» связано с хадисной текстологией, произведение является контаминацией религиозно-этического учения с художественной формой воплощения. Как известно, для восточно-мусульманской литературы характерна каноничность. Это находит яркое отражение в выборе жанра, сюжета, подаче образов, использовании средств художественной выразительности и структуре произведения. Как правило, в средние века в произведениях, написанных под влиянием Ислама, в начале теста присутствуют слова обращения к Аллаху или приводится хадис пророка Мухаммада. И это своего рода некая традиция, т.е. каноничность: بسم الله الرحمن الرحيم رب يسر و تمم بالخير *Бисмиллаһи әр-рахмани әр-рахим. Рабби йәссир вә тәммим бил-*

хайр (2)[1] ‘Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного. Господь облегчи и сделай благодатным завершение этого дела’.

Одним из главных элементов общей исламской традиции являются слова Корана, его аятов. Наряду с этим важной составляющей являются и хадисы. Как правило, Махмуд ал-Булгари каждый раздел начинает с приведения хадиса на арабском языке, затем дает его толкование. Исходя их тематики глав и разделов, в книгу включены разного объема многочисленные поучительные рассказы и кыссы. В «Нахдж ал-Фарадис», созданном Махмудом ал-Булгари на основе многочисленных источников, на высоком поэтическим уровне нашли успешное решение основы ислама и нравственные проблемы. В толкованиях хадисов наблюдается насколько тщательно и бережно относился автор к проблеме перевода, как для него было важно, чтобы читатель их правильно понял.

Например: Имам Бағави рәхмәтуллаһи-ғаләйһи «Мәсабих» атлығ китабында бу хәдиҫни кәлтүрмиш:

قال رسول الله صلى الله عليه وسلم ان الله تعالى اصطفى كنانة من ولد اسماعيل و اصطفى قريشا من كنانة و اصطفى من قريش بنى هاشم و اصطفانى من بنى هاشم

Қалә Расулаллаһи саллаллаһу Тәғалә ғаләйһи әс-сәлам иннә Аллаһа Тәғалә истафа Кәнәнә мин вәлиди Исмәғилә вә истафа Қорәйшә мин Кәнәнә вә истафа мин Қорәйш бәни Һашим. Бу хәдиҫ мәғнәси ул болур, пәйғамбәримүз айды: Тәңри Тәғалә Исмәғил пәйғамбәримүз ғаләйһи әс-сәлам оғланларыдын Кәнәнә атлығ қабиләсиндин Қорәйш қабиләсини үзүрды. Йәнә Қорәйш қабиләсидин Һашим атлығ кишиниң оғланларыдын мини үзүрды чықарды. Бу мәғнәдин өтрү пәйғамбәр ғаләйһи әс-сәламқа Мостафа ат бирилди. Мостафа ғәрәб тилинчә үзрулмыш тимәк болур (3) ‘Смысл этого хадиса таков: наш Пророк, мир ему, сказал: «Всевышний Создатель выбрал среди сынов пророка Исма‘ила, мир ему, племя Кинана, (из племени Кинана – примеч. пер.) избрал племя Курайш. Затем среди племени курайшитов он выбрал меня из числа сыновей Хашима. И поэтому Пророку, мир ему, было дано имя Мустафа. В переводе с арабского языка имя Мустафа означает «избранный»’ и т.д.

Махмуд ал-Булгари выступает распространителем пронизанного общечеловеческими ценностями каноны Ислама народу, населяющему государство Золотая Орда. В произведении зафиксирован богатый библиографический материал – труды мусульманских богословов, по нашим подсчетам зафиксировано 19 книг религиозно-дидактического характера. Если эти источники, во-первых, показывают нам Махмуда ал-Булгари как многогранного ученого, крупного теолога, то, во-вторых, наличие их в Поволжье позволяет представить историю развития и распространения ислама в этом регионе. Изучение средневековых литературных памятников и их источников до настоящего времени остается наиболее важной задачей [11, с. 83]. Это очень значимо для понимания процессов, происходящих в духовной жизнедеятельности людей в культурно-историческом процессе. В этом вопросе пристального внимания заслуживает труд Э.Г. Сайфетдиновой «Роль произведения «Нахдж ал-Фара-

[1] Транскрипция и перевод отрывка стамбульского списка 1360 г. «Нахдж ал-Фарадис» (в скобках указан номер страницы). Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. Перевод. Транскрипция / Общая и научная редакция И.М. Миргалеева. М.: Исламская книга, 2019. 320 с. [4].

дис» Махмуда ал-Булгари в истории духовной культуры татарского народа в золотоордынский период» (2007), предметом исследования которой является выявление идейно-богословских условий появления произведения, определения характера суфизма в золотоордынском периоде и обозначения особенностей ислама среди татар [6]. Среди публикаций последних лет следует выделить труд И.И. Салаховой «Функционирование арабских заимствований в тюрко-татарском памятнике XIV века «Нахдж Ал-Фарадис» Махмуда Ал-Булгари» в разделе, где освещаются вопросы функционирования арабских заимствований в произведении, указывается на лексико-семантические группы мусульманской лексики [7, с. 123–162].

В исламе целью жизни человека провозглашалось достижение загробного счастья. Путь человека, к такому счастью, лежал через усвоение религиозных знаний [9, с. 666]. Махмуд ал-Булгари в своем произведении подчеркивает важность исполнения главных предписаний Ислама. Первое, что должен познать истинный мусульманин, это то, что творческой сущностью всего является Аллах. Позиция Махмуд ал-Булгари согласуется с традиционной исламской концепцией – Аллах есть иррациональная непостижимая сущность. Он не создан, но создатель, он Всезнающий, от него ничего не укроется, он Существующий, Вечный, Неподражаемый.

В данной работе мы рассмотрели ***Имена Аллаха и Его эпитеты,*** встречающиеся в произведении «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари.

При переводе текстов Корана с арабского *Рабб* Махмуд ал-Булгари использует синонимы из арабского, тюркского, персидского языков: اقْرَأْ بِاسْمِ رَبِّكَ الَّذِي خَلَقَ *иқра' бисми* ***раббикә*** *әлләзи халақ: йә Мөхәммәд он сәкиз миң ғаләмни йаратқан* ***Бир вә Барнуң*** *айатыны оқығыл:* خَلَقَ الْإِنسَانَ مِنْ عَلَقٍ اقْرَأْ وَرَبُّكَ الْأَكْرَمُ الَّذِي عَلَّمَ بِالْقَلَمِ *халақ әлинсана мин ғалақ иқра‘ уә* ***раббукә*** *әл-әкрәму әлләзи ғалләмә билқаләми: Ул* ***Тәңриниң*** *айатын оқығыл ким адәм оғланларын бир парә қойуғ қандин йаратты.*اقْرَأْ وَرَبُّكَ الْأَكْرَمُ الَّذِي عَلَّمَ بِالْقَلَمِ *иқра‘ уә* ***раббукә*** *әл-әкрәму әлләзи ғалләмә билқаләми: оқығыл йә Мөхәммәд, тәқый синиң* ***Пәрвәрдигәриң*** *андағ кәрим* ***Тәңри*** *турур ким адәм оғланларынға хатны Кәлам бирлә үгрәтти*. (8) ‘О, Мухаммад, читай аят Единственного и Сущего Всевышнего, который создал восемнадцать тысяч миров. خَلَقَ الْإِنسَانَ مِنْ عَلَقٍ Читай аят того Бога (Тенгри) который создал детей Адама из сгустка крови. اقْرَأْ وَرَبُّكَ الْأَكْرَمُ الَّذِي عَلَّمَ بِالْقَلَمِ Читай, о Мухаммад, твой Создатель (Парвардигяр), является таким Великодушным Богом, который даровал человеку перо и обучил письму’. Как видно из отрывков, в тексте на арабском языке Аллах называется лишь как *Рабб*. Теолог Махмуд ал-Булгари с целью не повторять только это Его имя, приводит следующие абсолютные синонимы из тюркского, персидского, арабского языков ***Бир вә Бар*** (тюрк.) ‘Единственный и Существующий’, ***Тәңри*** *(тюрк.)* ‘Тенгри’, ‘Бог’, ***Парвардигяр*** (перс.) ‘‘Кормилец’, ‘Воспитатель’, ***Хак*** (араб.) ‘Истинный’.

По мнению исламских ученых, у Аллаха есть 99 имен. Эти имена нашли отражение в Коране и хадисах пророка. Обращаясь в «Нахдж ал-Фарадис» к Аллаху, размышляя о нем, характерных только для него свойствах, при помощи этих многочисленных имен мы можем многое узнать о нем.

В произведении использованы следующие имена Аллаха: **Хақ** (от араб. حَقُّ – «истинный, подлинный; право, истина») – Истинный, и производное на его основе Хақ Тәғалә (от араб. حَقّ – «истинный» и تَعالى – «всевышний») –

Истинный Всевышний, Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә (от араб. حَقّ и تبارك – «благословенный» تعالى «Всевышний») – Истинный, Благословенный и Всевышний. Эти и другие благословенные имена использованы довольно часто, всего их 851, среди них Хак – 47, Хак Тәгалә – 624, Хак Тәбәрәкә – 180 раз. Например: **Хақ***: **Хақ** сини ғәзиз **қылды**, бизкә ни қылсаң иркиң бар* (51) ‘Теперь Истинный (Хак) возвеличил тебя. Ты волен делать с нами то, что ты пожелаешь’; *сыв **Хақ фәрманы** бирлә ачылды, йоллар пәйда болды* (73) ‘по велению Истинного (Хак) вода расступилась, появились пути’; ***Хақ ризасы** үчүн җандин кәчмиш кишиләр турурмыз* (112) ‘Ради благословения Истинного (Хак) готовы отречься от своей жизни’ и др. Имя Аллаха **Хак** Махмуд ал-Булгари использовал в словосочетаниях **Хак йолы** (путь Истинного), **Хак фәрманы** (повеление Истинного), **Хак ризасы** (благословление Истинного).

Среди других имен Аллаха наиболее часто встречается имя **Хак Тәгалә** (справедливый), являющаяся доминантой. Это имя и Махмуд ал-Булгари использовал многократно: всего – 624, в первой главе – 155, во второй главе – 156, в третьей главе – 94, в четверной главе – 119 раз. Например: *Үчүнч бабы **Хақ Тәғалә** хәзрәтинғә йавунғу әзгү ғәмәлләр бәйаны ичиндә турур; Төртинч бабы **Хақ Тәғалә** хәзрәтидин йыратғу йавуз ғәмәлләр бәйаны ичиндә турур* (2) ‘Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к Истинному Всевышнему (Хақ Тәғалә), в четвертой рассказывается о делах, отдаляющих человека от Истинного Всевышнего (Хақ Тәғалә)’; ***Хақ Тәғалә** бу китабны җәмиғ қылған ғәсi вә җәфи қулыны йарлықағай* (3) ‘будь милостив Истинный Всевышний (Хақ Тәғалә), прости составившего эту книгу грешного и бедного раба’; ***Хақ Тәғалә** бирлә мөнәҗәт қылса, **Хақ Тәғалә** ул кулға ләззәт рузи қылур* (311) ‘Если он обращается Истинному Всевышнему, он одарит его благами’ и др.

В тексте также встречается словосочетание с использованием ***Хак: Хак Тәбәрәкә вә Тәгалә*** (от араб. – Истинный, Благословенный и Всевышний) – 180 раз, в первом разделе 13 раз, во втором разделе – 35 раз, в третьем разделе – 86 раз, в четвертом разделе 46 раз. Примеры: *Қайу йәрдә намаз қылсалар, **Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә** қабул қылғай* (10) ‘Если в каком-либо месте совершат намаз, Истинный, Благословенный и Всевышний примет’; ***Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә** қодраты бирлә ул сусмар тилгә кәлди, фәсих тил бирлә айды* (161) ‘Ящерица по велению Истинного, Благословенного и Всевышнего заговорила и сказала изящным языком’ и др.

Если слово ***Рабб*** (от араб. رَبُّ – «господь; властелин») – Господь используется при обращении к Аллаху, то для обозначения его положительных качеств используются следующие эпитеты: *Раббул Галәмин* (رَبُّ العالمين: رَبٌّ и عَالَمُونَ– «миры, царства, вселенные») – Господь миров, *Раббул Гыйззә* (رَبٌّ и عِزَّةٌ – «слава, достоинство, гордость») – Господь Всеславный, *Раббул Газиз* (الرَبُّ العَزيز: رَبٌّ и عَزِيزٌ – «сильный, могущественный, дорогой») – Господь Могущественный. **Рабби** (ар. господь) – имя в значении Хозяин (Хуҗа) – использовано 187 раз: первая глава – 37, вторая глава – 42, третья глава – 65, четвертая глава – 42 раза. Примеры: *Пәйғамбәр ғаләйһи әс-сәлам айды: Йә Рабби, аны тутғыл тимиш әрди, атның төрт аҙақы йәркә көмүлди* (20) ‘Пророк, мир ему, сказал: “О, мой Господь, задержи его”, все четыре ноги лошади увязли в земле’; *Йа Рабби, ғиззәтиң бирлә ант йад қылурмын...* (61) ‘О, мой Господь, клянусь Твоей мощью...’ и т.д. **Раббил Ғаләмин** (ар.

Господь миров): *Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә җөмлә йазуқларны йарлықағай тәқый тәмуғдин сәни қутқарғай тәқый сәңа учтмах рузи қылғай. Әмин. Раббил Ғаләмин* (229) ‘Истинный, Благословен Он и Возвышен, простит все твои грехи, спасет тебя от ада и даст тебе в удел рай. Аминь, о Господь Миров’; *Әй Бар Ходайа, безни тағы җөмлә мөэминнәрни шәқавәтдин кәрәмүң белән саклағыл тағы җөмләмүзкә сәғадәт әбәди син разый кыл. Амин. Раббил ғаләмин* (371) ‘О Боже! Своим великодушием оберегай верующих от несчастья и дай всем нам в удел вечное счастье. Аминь, о Господь Миров!’ и др. **Раббүл Ғиззә** (араб. Господь могущества). Мисаллар: *Тәқый ул кәчә йаттым, түшүм болур: Раббүл Ғиззәни көрәрмән* (272) ‘мне в ту ночь снится сон: вижу Господа могущества (Рабб ал-‘изза)’.

Имя Аллаха ***Илаһ*** (араб. إِلَٰهٌ) – Махмуд ал-Булгари использовал лишь один раз: *Илаһи көрүрсән, мән маз̲лум өләрмән* (184) ‘О Аллах, Ты видишь, я умираю невинно убиенным’.

Имя ***Баари*** (араб. بَارِئٌ – «творец, создатель») – встречается дважды. Примеры: *Хақ Тәғалә көрәр тәг ғибадәт қылмақ кәрәк. Әгәр қул хоҗасыны көрмәсә, Хоҗасы Баари қулыны көрә турур* (429) ‘Надо поклоняться так, будто бы Истинный смотрит [на тебя]. Хотя раб и не видит своего Господина а, Создатель Баари) его видит’.

В «Нахдж ал-Фарадис», как во многих золотоордынских сочинениях, написанных на тюрко-татарском языке, наряду с арабскими именами Аллаха, которые встречаются в Коране, Махмуд ал-Булгари использовал тюркские термины ***Тәңри ‘Тенгри’, Бир вә Бар*** ‘Единственный и Существующий’**.** Для описания различных качеств Аллаха Махмуд ал-Булгари создал описательные имена, на основе лексики арабского и тюркского языков: **Тенгри Тәғалә** и **Тенгри Тәбәрәкә вә Тәғалә.** В тексте тюркские имена Аллаха употребляются часто, было применено в 309 случаях: термин **Тенгри** зафиксировано 88 раз, **Тенгри Тәғалә** – 203 раза, **Тенгри Тәбәрәкә вә Тәғалә** в тексте встречается 18 в разных сказаниях и обозначает «Аллаха». Примеры: *Әгәр Тәңри ғомр бирсә, барғаймын* (23) ‘Если Бог даст мне [долгих лет] жизни, я пойду за ним’; *Тәңри бирлә ант йаз қылурмән ким Мөхәммәдниң рухы аның тасаррафында турур* (442) ‘Клянусь Богом, в чьем распоряжении находится душа Мухаммада’; *Әшһәдү ән лә илаһи иллалаһу вә әшһәдү әннә Мөхәммәдән ғабдүһү вә расүлүһү йәғни тануқлуқ бирүрмиз ким, **Тәңри Бир вә Бар** турур, андин өңин **Тәңри** йоқ турур тәқый тануқлуқ бирүрмиз ким Мөхәммәд аның қулы турур тәқый Расулы турур.* (58) ‘То есть мы свидетельствуем, что Бог Един и Сущ, нет другого Бога, помимо Него, и свидетельствуем, что Мухаммад – Его раб и посланник’.

Примеры с термином **Тенгри Тәғалә**: *Мөхәммәд, сән ул ким әрсәни сәвәрсән, күндүрү билмәссән, имни тиләсә, күндүрүргән Тәңри Тәғалә мән турурмән тип айды* (6–7) ‘О, Мухаммад, ты не сможешь привести к вере того, кого очень любишь, только я, Всевышний Создатель, могу привести к вере любого, кого пожелаю’; *Тәңри Тәғалә бәрәкәт бирсүн сәңа* (25) ‘Пусть Всевышний Создатель ниспошлет вам изобилие’.

Часто Махмуд Булгари арабские и тюркские имена употребляет как идентичные синонимы в одном предложении. Сравни: *Хақиқатта **Тәңри Тәғалә** пәйғамбәр ғаләйһи әс-сәламқа çәна әйтүр тәқый қылынмыш, қылдачы зәлләтләрини йарлықар тәқый **Хақ Тәғалә** пәйғамбәрдин раз̲и болур. Йәнә*

фәриштәләр тәқый ***Тәңри Тәғаләдин*** *пәйғамбәр ғаләйһи әс-сәламнүң қылмыш, қылдачы зәлләтләрин йарлықату тиләйүрләр* (4) ‘Воистину Всевышний Создатель славит Пророка, мир ему, простит ему, как уже совершенные, так и будущие грехи. Истинный (Хак) доволен Пророком, мир ему. И ангелы просят у Всевышнего Создателя прощения грехов, которые были совершены или будут совершены Пророком, мир ему’; *Лә тәхзән иннә* ***Аллаһә*** *мәғәнә: Йә Әба Бәкр, һич қоркмағыл ким* ***Тәңри Тәғалә*** *бизиң бирлә турур* (20) ‘О, Абу Бакр, ничего не бойся, Всевышний Создатель вместе с нами’.

Тенгри Тәбәрәкә вә Тәғалә это имя Аллаха также является сложным, состоит из компонентов тюркского и арабского языков, было использовано 18 раз в значении Истинный, Благословенный и Всевышний. Примеры: **Тенгри Тәбәрәкә вә Тәғалә**: *Тәңри Тәбәрәкә вә Тәғалә Ғадн атлыг учтмахны йаратты* (402) ‘Когда Создатель, Благословен Он и Возвышен, создал рай под названием Адн (Эдем)’; *Тәңри Тәбәрәкә вә Тәғалә раст айды* (171) *Истинный Благословенный Всевышний истинен*; *Ғали разı аллаһу ғанһу хутба оқыды, Тәңри Тәбәрәкә вә Тәғаләқа үкүш хәмд вә çәналар айды* (145) ‘Али, да будет доволен им Аллах, прочитал проповедь, произнес много прославлений и восхвалений Истинному Благословенному Всевышнему’ и др.

Махмуд ал-Булгари в тексте часто арабские и тюркские имена употребляет как идентичные синонимы в составе одного предложения. Значение этих терминов, относящихся к именам Бога и его эпитетам, показывают нам, с одной стороны, величие, могущество Аллаха, с другой стороны, талант писателя. Сравни: *Тәқый* ***Тәңри Тәбәрәкә вә Тәғаләни*** *билмишдин соң җөмлә пәйғамбәрләрни* ***Хақ Тәғаләниң*** *йалавачлары турур тип билмәк кәрәк тәқый көкдин ингән китаблар ким пәйғамбәрләрғә назил болды ул җөмлә китаблар хақ турур тип билмәк кәрәк тәқый җөмлә фәриштәләр* ***Тәңри Тәғаләниң*** *қуллары турур тип билмәк кәрәк* (230) ‘После того, как ты узнал о Боге, Благословен Он и Возвышен, нужно знать, что все пророки – это посланники Истинного (Хак). Нужно знать, что все низведенные с небес книги, которые были ниспосланы пророкам – это истина. Нужно знать, что все ангелы есть рабы Всевышнего Создателя’ и др.

По нашему мнению, автор сочинения, используя термин **Тенгри,** тонко улавливал исторические и психологические моменты своей эпохи. Возможно, это связано с тем, что на протяжении длительного времени бог **Тенгри** был объектом поклонения древних тюрков. Г. Давлетшин отмечал, что: «язычество древних тюрок было своеобразным, в своей основе оно тяготело к единобожию, монотеизму» [2, с. 24]. Анализ встречающихся в тексте произведения имен Бога позволяет утверждать, что слово **Тенгри** автором использовано как синоним арабских имен Аллаха, которые встречаются в Коране. Становится ясным, что Махмуд ал-Булгари, восхваляя Бога, использовал и тюркские слова-термины, свидетельствующие о величии, мощи и могуществе Аллаха. Из тюркских синонимов имен Бога автором использовано словосочетание **Бир вә Бар** ‘Единственный и Существующий’ *йә Мөхәммәд, он сәкиз миң ғаләмни йаратқан* ***Бир вә Барнуң*** *айатыны оқығыл* (8) ‘О, Мухаммад, читай аят Единственного и Сущего Всевышнего, который создал восемнадцать тысяч миров’.

В тексте «Нахдж ал-Фарадис» употреблены теонимы из персидского языка **Ходай**‘Созидатель’**, Парвардигяр** ‘Кормилец’, ‘Воспитатель’. Слово

Парвардигяр в значении **‘**кормилец’, ‘воспитатель’ зафиксировано в тексте 6 раз: *Синиң **Пәрвәрдигәриң** андағ кәрим **Тәңри** турур ким адәм оғланларынға хатны Кәлам бирлә үгрәтти* (8); ‘твой Создатель (Парвардигяр), является таким Великодушным Богом, который даровал человеку перо и обучил письму’; *Әй **Пәрвәрдигәри**м, бу Фирғавннуң қавмынуң малларыны һәлақ қылғыл, көңүлләрини қатығ қылғыл ким иман кәлтүрмәсүнләр* (116) ‘О, мой Господь, погуби богатство народа этого Фараона и ожесточи их души, чтобы они никогда не уверовали и в Судный день сподобились наказания’ и др.

Персидский термин *Ходай* в значении ‘Созидатель’ использован с тюркским словом “Бар” – “Существующий” – **Бар Ходайа:** Всевышнему. Примеры: *Әй Бар Ходайа, әнсариларны сән йарлықағыл* (256) ‘О Созидатель, прости этих ансаров’; *Әй **Бар Ходайа**, сән Ғоҷмандин хошнуд болғыл, разы болғыл тиди* (124) ‘О, Созидатель, будь доволен ‘Усманом!’ В тексте произведения Махмуд Булгари теоним **Бар Ходайа** употребил только при обращениях 48 раз.

Выводы

В результате исследования теонимов, встречающихся в «Нахдж ал-Фарадис», мы пришли к выводу, что Махмуд ал-Булгари в произведении придерживался кораническиx имен Аллаха: **Хак, Хақ Тәғалә, Хақ Тәбәрәкә вә Тәғалә, Рабб, Илаһ, Баари.** Социально-культурная среда, в которой формировалось мировоззрение Махмуда ал-Булгари, напрямую связана с ситуацией в Золотой Орде. Когда ислам завоевывал новые позиции в золотоордынском государстве, наряду с другими арабскими заимствованиями, означающими имена Аллаха и Его эпитеты, в тексте сочинения зафиксированы персидские термины **Ходай**, **Парвардигяр**, активно применяются тюркские теонимы **Тенгри, Бир вә Бар**. По материалам нашего исследования утверждается, что Махмудом Булгари в тексте произведения все прекрасные имена Аллаха: **Хак, Рабб, Илаһ, Баари, Ходай**, **Парвардигяр, Тенгри, Бир вә Бар** используются как синонимы.

Заключение

В исследуемом литературном памятнике Махмуд ал-Булгари раскрывает читателю ценности ислама и его этические нормы, отсюда широкое употребление религиозных терминов. После принятия ислама влияние арабского языка на науку и культуру стало значительным, научные термины и, само собой разумеется, названия теонимов, связанных с именами Аллаха, были заимствованы из арабского языка. Однако в «Нахдж ал-Фарадис», как и во многих золотоордынских сочинениях, написанных на тюрко-татарском языке, активно применены тюркские термины как синонимы арабским именам Аллаха. В результате исследования мы пришли к заключению, что Махмуд ал-Булгари придерживался традиционной мусульманской концепции. Употребление автором тюркских наименований Всевышнего, скорее всего, объясняется тем, что в период становления ислама в Золотой Орде Махмуд ал-Булгари сохранил ряд региональных лексем, способствующих распространению и укреплению ислама в Поволжском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 132 с.

2. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 429 с.

3. Измайлов И. Ислам в Золотой Орде // Ислам и мусульманская культура в среднем Поволжье: история и современность. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 41–56.

4. Махмуд ал-Булгари. Нахдж ал-Фарадис. Путь в рай. Перевод. Транскрипция. – Сокращенный перевод на русский язык И.Р. Гибадуллина, Э.Г. Сайфетдиновой, Э.Р. Галиуллиной. Транскрипция Ф.Ш. Нуриевой / Общая и научная редакция И.М. Миргалеева. М.: Исламская книга, 2019. 320 с.

5. Нуриева Ф.Ш., Сайфетдинова Э.Г. Религиозный трактат «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358 г.) как источник по истории духовной культуры Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 85–100. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.85-100

6. Сайфетдинова Э.Г. Роль «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари в исследовании истории духовной культуры татарского народа периода Золотой Орды: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2007. 166 с.

7. Салахова И.И. Функционирование арабских заимствований в тюрко-татарском памятнике XIV века «Нахдж Ал-Фарадис» Махмуда Ал-Булгари. Казань: Казан. ун-т, 2016. 202 с.

8. Eckmann J. Nehcű'l – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara, 1956. 444 s.

9. Khusnutdinov D.Kh., Yusupov A.F., Mirzagitov R.Kh., Ogli J.T.A., Akulova I., Khakova G., Chernykh O. The Functioning of the Arab-Persian Elements in the Grammatical Categories of a Noun (Based on the Language of Tatar Poetry of the 19th century). *Astra Salvensis*. 2017, no. 2, pp. 663–672.

10. Khaphizova R.Z., Salakhova I.I., Nuriyeva F.S. Phonetic adaptation of Arabic vowels in medieval Turkic Languages Monuments, *Journal of Language and Literature*. 2015, Vol. 6. No. 2, pp. 83–86.

11. Yusupov A.F., Yusupova N.M., Sibgatullina A.T. Grammatical absorption and functioning of Arab and Persian conjunctions in old tatar language in the 19th century, *International Journal of Society, Culture and Langua*ge. 2020, Vol. 8, Is.3, pp. 80–88.

REFERENCES

1. Galiakhmetova G.G. Islam in the Golden Horde: Traditions of Religious Experience. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007, 132 p. (In Russian).

2. Davletshin G.M. Essays on the history of the spiritual culture of the ancestors of the Tatar people. Kazan: Tatar Book Publ., 2004, 429 p. (In Russian).

3. Izmailov I. Islam in the Golden Horde. *Islam and Muslim culture in the Middle Volga region: history and modernity*. Kazan: Master Line Publ., 2002, pp. 41–56. (In Russian).

4. Mahmud al-Bulgari. Nahj al-Faradis. The path to paradise. Translation. Transcription. Moscow: Islamic book, 2019, pp. 147–320. (In Russian).

5. Nurieva F.Sh., Sayfetdinova E.G. The Religious Treatise "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari (1358) as a Source on the History of the Golden Horde's Spiritual Culture. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 1, pp. 85–100. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.85-100 (In Russian).

6. Sayfetdinova E.G. The role of "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari in the study of the history of spiritual culture of the Tatar people of the period of the Golden Horde: dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Kazan, 2007, 166 p. (In Russian).

7. Salakhova I.I. Functioning of Arabic borrowings in the Turkic-Tatar monument of the 14th century "Nahj Al-Faradis" by Mahmud Al-Bulgari. Kazan: Kazan Federal University, 2016, 202 p. (In Russian).

8. Eckmann J. Nehcű'l – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara, 1956. 444 s. (In Turkish)

9. Khusnutdinov D.Kh., Yusupov A.F., Mirzagitov R.Kh., Ogli J.T.A., Akulova I., Khakova G., Chernykh O. The Functioning of the Arab-Persian Elements in the Grammatical Categories of a Noun (Based on the Language of Tatar Poetry of the 19th century). *Astra Salvensis*. No. 2, 2017, pp. 663–672.

10. Khaphizova R.Z., Salakhova I.I., Nuriyeva F.S. Phonetic adaptation of Arabic vowels in medieval Turkic Languages Monuments. *Journal of Language and Literature*. Vol. 6, no. 2, 2015, pp. 83–86.

11. Yusupov A.F., Yusupova N.M., Sibgatullina A.T. Grammatical absorption and functioning of Arab and Persian conjunctions in old tatar language in the 19th century. *International Journal of Society, Culture and Langua*ge. Vol. 8, iss.3, 2020, pp. 80–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нуриева Фануза Шакуровна – доктор филологических наук, профессор кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации, ведущий научный сотрудник НОЦ Стратегических исследований в области татарского языка и культуры, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9957-9734, Scopus Author ID: 56242322300. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Юсупов Айрат Фаикович – доктор филологических наук, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации, ведущий научный сотрудник НОЦ Стратегических исследований в области татарского языка и культуры, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID 0000-0003-0363-5303, Scopus Author ID: 56275673400. E-mail: faikovich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fanuza Sh. Nurieva – Dr. Sci. (Philology), Professor at Tatar Linguistics Department of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Leading Researcher of the Research Centre for Strategic Research in the Field of Tatar Language and Culture, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9957-9734, Scopus Author ID: 56242322300. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Ayrat F. Yusupov – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor at Tatar Linguistics Department of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Leading Researcher of the Research Centre for Strategic Research in the Field of Tatar Language and Culture, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID 0000-0003-0363-5303, Scopus Author ID: 56275673400. E-mail: faikovich@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 05.02.2025
Принята к публикации / Accepted 12.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.84-100 УДК 94
EDN: NPGUMB

ГЕОГРАФИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ИЗЛОЖЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

В.А. Иванов

Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ
Казань, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru

Резюме. Цель: изучить номенклатуру географических названий с территории Золотой Орды, представленную в средневековых европейских, арабских и персидских нарративах и на этом основании представить, какой виделась средневековому миру география этого государства в XIII–XIV вв.
Материалы исследования: сочинения европейских – Плано Каприни, Виллем Рубрук, Марко Поло, Иоган Шильтбергер, Иосафат Барбаро, арабских – Ибн-ал-Захыр, Рукн-ад-Дин Бейбарс, Абу-л-Фида, ан-Нувейри, ал-Муфаддаль, ад-Дзехеби, ал-Омари, Эннасыр, ибн-Баттута, ал-Форат, ибн-Халдун, ал-Кашканди, ал-Макризи, ал-Асади, ал-Аскалани, ибн-Арабшах, ал-Айни) и персидских – Джузджани, Джувейни, Вассаф, Казвини, Зейн-ад-Дин, Шейх Увейс, Низам-ад-дин-Шами, Натанзи, Шериф-ад-дин Йезди авторов, доступные нам в переводах на русский и европейские языки.
Результаты и научная новизна: классификация содержащихся в нарративах названий по принятых в географии группам – хоронимы, гидронимы и урбанонимы – показывает, что количество их в группах примерно одинаково: хоронимы – 18 наименований, гидронимы – 15, урбанонимы – 16. Частота их упоминаний средневековыми нарративистами варьируется в зависимости от того, насколько они были значимы с точки зрения географического познания Золотой Орды средневековым миром. А что касается урбанонимов, то и насколько заметен был тот или иной город с точки зрения международной торговли. Поскольку нарративисты XIII–XIV вв., за редким исключением, на территории Золотой Орды сами не бывали, их географическая номенклатура мало чем различается во времени. В этом плане отличаются сочинения европейских авторов, которые как раз сами бывали в Золотой Орде. Но приводимый ими перечень гидронимов, хоронимов и урбанонимов определялся конкретным маршрутом их прохождения через территорию этого государства. Поэтому в восприятии потребителей этой информации – современников – Золотая Орда представала как бескрайняя заселенная кочевниками равнина, очень слабо урбанизированная.

Ключевые слова: Золотая Орда, гидроним, хороним, урбаноним, нарратив

Для цитирования: Иванов В.А. География Золотой Орды в изложении средневековых авторов // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 84–100. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.84-100 EDN: NPGUMB

© Иванов В.А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

GEOGRAPHY OF THE GOLDEN HORDE AS PRESENTED BY MEDIEVAL AUTHORS

V.A. Ivanov

Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru

Abstract. Objective: to study the nomenclature of geographical names from the territory of the Golden Horde, presented in medieval European, Arab and Persian narratives and on this basis to imagine how the medieval world saw the geography of this state in the 13th–14th centuries.
Research materials: European works – Plano Caprini, Willem Rubruk, Marco Polo, Johann Schiltberger, Josaphat Barbaro, Arab works – Ibn al-Zahir, Rukn ad-Din Baybars, Abu l-Fida, al-Nuweiri, al-Mufaddal, ad-Dzehebi, al-Omari, Ennasir, ibn-Battuta, al-Forat, ibn-Khaldun, al-Kashkandi, al-Makrizi, al-Asadi, al-Askalani, ibn-Arabshah, al-Aini) and Persian – Juzjani , Juvaini, Wassaf, Qazwini, Zein ad-Din, Sheikh Uwais, Nizam-ad-din-Shami, Natanzi, Sherif-ad-din Yazdi authors, available to us in translations into Russian and European languages.
Results and scientific novelty: the classification of names contained in narratives according to groups accepted in geography – horonyms, hydronyms and urbanonyms – shows that their number in groups is approximately the same: horonyms – 18 names, hydronyms – 15, urbanonyms – 16. The frequency of their mentions by medieval narrativist varies depending on how significant they were from the point of view of geographical knowledge of the Golden Horde by the medieval world. As for urbanonyms, how noticeable a particular city was from the point of view of international trade. Since the narrativist writers of the 13th-14th centuries, with rare exceptions, did not themselves visit the territory of the Golden Horde, their geographical nomenclature differs little over time. In this regard, the works of European authors who themselves visited the Golden Horde differ. But the list of hydronyms, horonyms and urbanonyms they provided was determined by the specific route of their passage through the territory of this state. Therefore, in the perception of the consumers of this information – contemporaries – the Golden Horde appeared as an endless plain inhabited by nomads, very poorly urbanized.

Keywords: Golden Horde, hydronym, bury, urbanonym, narrative

For citation: Ivanov V.A. Geography of the Golden Horde as presented by medieval authors. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 84–100. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.84-100 (In Russian)

Историческая география Улуса Джучи – предмет для золотоордынской историографии не новый. В известной, пользующейся заслуженной популярностью у исследователей истории этого государства монографии В.Л. Егорова, непосредственно посвященной всестороннему освещению этого вопроса, историография географии Золотой Орды изложена подробно [7, с. 5–25]. Верхняя хронологическая грань историографического обзора в указанном исследовании – конец 1970-х годов[1]. После этого в течение нескольких десятилетий и до на-

[1] Книга В.Л. Егорова выдержала три издания. Последнее в 2010 году.

стоящего времени вопросы исторической географии Золотой Орды в трудах современных исследователей рассматривались и рассматриваются в основном в локальных контекстах [23; 8; 11, с. 190–194; 9, с. 449–456; 13; 3, с. 23–44; 19; 20; 4; 16; 22; 25; 26; 27].

Следует отметить, что большинство из указанных исследований – это археологические дискурсы, созданные на основе археологических же нарративов. Однако, уже начиная с первых лет археологического изучения золотоордынских городищ (городов), исследователи идентифицировали их, опираясь на сведения средневековых нарративов [1, с. 5–11]. И это вполне конструктивно, поскольку, в отличие от дискурса, нарратив не связан с современностью и, следовательно, отражает реалии времени своего создания.

В настоящее время мы располагаем внушительным корпусом нарративов – европейских, арабских, персидских – буквально испещренных географическими названиями, относящимися к территории Улуса Джучи: хоронимами, гидронимами, урбанонимами. Источниковедческая значимость этих нарративов состоит в том, что они были составлены людьми, ментально смотревшими на Улус Джучи извне. То есть, персонально они ни в каком контексте не входили ни в социально-экономическую, ни в политическую, ни, тем более, в этнокультурную канву этого государства. Следовательно, можно утверждать, что для нас представленные ими сведения объективны. Объективны в том плане, что средневековые нарративисты написали то, что написали – не более и не менее. Систематизация и анализ этих сведений позволит нам понять, какой, с точки зрения географии тогдашнего мира, видели это государство современники, ибо a priori можно быть уверенным, что их видение существенно отличается от нашего.

Чтобы получить объективную (теперь уже в контексте нашего времени) информацию по данному вопросу, наиболее результативным методом представляется метод контент-анализа имеющихся текстов. В отечественном источниковедении этот метод известен давно [12, с. 12–35], но широкого применения до сих пор не получил.

Суть метода состоит в том, «чтобы выявить такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства документа (например, частота употребления определенных терминов), которые отражали бы существенные стороны его содержания» [12, с. 12]. Существенно важным является также и то, что контент-анализ «позволяет «вписать» содержание документа в социальный контекст, осмыслить его одновременно и как **проявление, и как оценку социальной жизни** (выделено мной – *авт.*)» [18, с. 15].

В нашем случае **объектом** контент-анализа является нарратив, **предметом** – термины, обозначающие хоронимы, гидронимы и урбанонимы, зафиксированные современниками на территории Золотой Орды. **Методика** представляет собой выявление и оценку частотного распределения географических терминов в используемых нарративах [15, с. 32; 14, с. 122].

Источниковую базу настоящей работы составляют нарративы средневековых европейских и восточных авторов, опубликованные в переводах на русский и европейские языки [20; 2; 10; 30; 31; 5, 33; 14; 21].

Поименно это 30 авторов середины XIII – середины XV вв., в чьих сочинениях присутствует упоминание тех или иных географических объектов с территории Золотой Орды. Среди них европейские (Плано Каприни, Виллем

Рубрук, Марко Поло, Иоган Шильтбергер, Иосафат Барбаро), арабские (Ибн-ал-Захыр, Рукн-ад-Дин Бейбарс, Абу-л-Фида, ан-Нувейри, ал-Муфаддаль, ад-Дзехеби, ал-Омари, Эннасыр, ибн-Баттута, ал-Форат, ибн-Халдун, ал-Кашканди, ал-Макризи, ал-Асади, ал-Аскалани, ибн-Арабшах, ал-Айни) и персидские (Джузджани, Джувейни, Вассаф, Казвини, Зейн-ад-Дин, Шейх Увейс, Низам-ад-дин-Шами, Натанзи, Шериф-ад-дин Йезди) авторы. Это были люди разного социального статуса – дипломаты/шпионы, странствующие негоцианты, чиновники, кабинетные ученые – в своих нарративах преследующие разные цели. Их можно разделить на две весьма неравные группы: наблюдатели и пересказчики-компиляторы. Первая группа немногочисленная, в нее входят: П.Карпини, В.Рубрук, М.Поло, И.Шильтбергер, И.Барбаро, ибн-Баттута, ибн-Арабшах.

В сочинениях указанных авторов в общей сложности зафиксированы 53 географических объекта, непосредственно связанных с территорией Золотой Орды. Они делятся на три группы: хоронимы (области/народы), гидронимы и урбанонимы. Частота упоминания географических объектов на территории Золотой Орды представлена в таблице 1.

Таблица 1

Частота упоминаний географических объектов Улуса Джучи (Золотой Орды) в средневековых нарративах (в %)

№№	**Области и народы**	
1	Команы/Кипчак	21,7
2	Крым	15,0
3	Северные страны	14,0
4	Руссия	14,0
5	Булгария	10,0
6	Аланы/Асы	10,0
7	Башкиры/Паскатир	7,0
8	Черкесы	7,0
9	Хазары	5,0
10	Саксин	5,0
11	Грузия	5,0
12	Сибир	2,6
13	Чулыман	2,6
14	Мордва	2,5
15	Армения	2,5
16	Кангиты	2,5
17	Башджар/Маджар	2,5
18	Самогеды	1,0
Гидронимы		
19	Этиль	25,0
20	Кура	17,6
21	Яик	11,7
22	Дон/Тана	10,3
23	Дунай	7,3
24	Терек	7,3
25	Кользумское/Каспийское море	4,4
26	Самара	4,4
27	Кондурча	1,5

28	Тобол	1,5
29	Иртыш	1,5
30	Белая	1,5
31	Днепр	1,0
32	Аракс	1,0
33	Меотийское/Азакское море	1,0
Урбанонимы		
34	Сарай	24,0
35	Дербент	18,4
36	Азак	10,4
37	Кафа	8,8
38	Булгар	7,2
39	Судак/Солдайя	6,4
40	Хаджи-Тархан	5,6
41	Солхат/Крым	4,8
41	Укек	4,0
42	Новый Сарай	3,2
43	Маджар	1,5
44	Акикул	1,5
45	Сарайчик	1,2
46	Киев	1,0
47	Чуфут-Кале	1,0
48	Керчь	1,0

Хоронимы в рассматриваемых нарративах упоминаются 152 раза. В относительных показателях[2] это означает, что области Дешт-и-Кипчак (Кумания), полуостров Крым, Северные страны (Золотая Орда в целом), Руссия (Русь), Булгария, Аланы/Асы, Башджриды/Паскатиры[3], Черкесы, Грузия, области Хазар, Саксин, Чулыман/Джулыман, Сибир, частота встречаемости которых в перечне областей укладывается в диапазон от 21,7% (Дешт-и-Кыпчак) до 2,6% (Чулыман), оказались в этом списке не случайно. Чего нельзя сказать о мордве, Армении, Кангитах/Кангарах, Башджирдах/Маджарах и Самоедах (табл. 1).

Гидронимы (15 названий) по частоте их упоминаний в нарративах распределяются следующим образом: Этиль/Итиль (Волга) – 25,0%[4], Кура – 17,6%, Яик – 11,7%, Тана (Дон) – 10,3%, Терек – 7,3%, Дунай – 7,3%., Самар (Самара) – 4,4% и Кользумское (Каспийское) море – 4,4%. Упоминания рек Днепр, Аракс, Кундурча, Тобол, Иртыш, Белая и Меотийское/Азакское (Азовское) море составляют в общей сложности 9,0%.

Урбанонимы (16 названий и 125 упоминаний[5]) по частоте упоминаний распределяются так: Сарай – 24,0%[6], Дербент/Железные ворота – 18,4%,

[2] При степени вероятности = 0,9 нижний уровень представительности = 3,0%.

[3] Их этническая принадлежность до сих пор дебатируется.

[4] Всего 68 упоминаний, что при степени вероятности = 0,9 означает нижний уровень представительности = 4,0%.

[5] При степени вероятности = 0,95 нижний уровень представительности = 3,0%.

[6] Здесь не всегда понятно, какой из Сараев автор нарратива имеет в виду – Старый или Новый – поэтому считаю целесообразным формально следовать за нарративистами.

Азак/Азов – 10,4%, Кафа – 8,8%, Булгар – 7,2%, Судак/Солдайя – 6,4%, Хаджи-Тархан/Астрахань – 5,6%, Солхат/Крым – 4,8%, Укек – 4,0%, Новый Сарай – 3,2%.

Частота упоминания остальных городов – Маджар, Акикул/Афкул, Сарайчик, Киев, Чуфут-Кале и Керчь в общей сложности составляет 7,2%.

Из авторов, писавших о Золотой Орде в XIII в., трое – П.Карпини, Г.Рубрук, М.Поло – были очевидцами, то есть, сами посещали территорию этого государства, трое – Джузджани, Джувейни и Ибн-ал-Захыр пользовались сведениями, полученными со стороны.

Плано Карпини (1245 г.) – дипломат и шпион – Золотую Орду[7] описывал мимоходом, поскольку его основная задача была достичь двора Велкиого каана Гуюка и вручить ему буллу Римского Папы Иннокентия IV (и собрать как можно больше сведений о монголах, что он и сделал). Уже в первых строках своего нарратива сообщает, что никаких городов и селений (за исключением «Каракорона»/Каракорума[8]) у монголов нет [20, с. 25]. Правда, по ходу своего маршрута Карпини побывал в двух русских городах – Киеве и Канове на Днепре[9]. Первый город – «столица Руссии» (о его разгроме монголами в 1240 г. Карпини ничего не сообщает), второй – «был под непосредственной властью Татар» [20, с. 67].

По ходу маршрута автор пересекает и четыре имеющихся в «стране Команов» реки: Днепр, Дон, Волгу и Яик [20, с. 70].

Хоронимов Плано Карпини в своем нарративе приводит большое количество и, судя по приведенной им фразе, с носителями некоторых из них он даже встречался: «…Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран» [20, с. 57]. Что же касается их географических координат, то они указаны в самом общем (по азимуту) виде: с севера к Кумании (основная территория Улуса Джучи) примыкают Руссия, Мордвины, Билеры (Булгария), Баскарты («то есть великая Венгрия»), Паросситы и Самогеды; с юга – Аланы, Черкесы, Хазары, Иберы, Георгиане (Грузины), Армяне; с запада – опять же Руссия и Венгрия [20, с. 72]. То есть, эти сведения автор получал откуда-то со стороны.

Следом за ним Вильгельм/Гильом Рубрук (1253 г.) совершает аналогичную миссию, только теперь уже по поручению французского короля Людовика IX Святого к каану Мунке. Его маршрут был иным, поэтому и проезжал он через города, о которых П.Карпини, возможно, даже и не знал: Солдайя (Судак), Матрика (Таматарха/Тьмутаракань), Керсона (Херсонес) [20, с. 89]. Но сама Кумания, по которой Рубрук ехал в течение двух месяцев от Солдайи до владений Сартака, по-прежнему представляла собой пустынную степь: «…два месяца, мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение». Равно и на обратному пути из ставки каана Мунке до ставки Бату на Этиле Рубрук ехал два месяца и 10 дней, «не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки…» [20, с.104, 183]. Да и вверх по течению Этиля вплоть до городов Великой

[7] Точнее – территорию, на которой начинался процесс становления этого государства (В.Л. Егоров).

[8] До которого, кстати, он тоже не доехал.

[9] Канев [7, с. 37].

Булгарии «…нет никакого города, кроме некиих поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море…» [20, с. 119].

Из городов на территории Золотой Орды Рубрук называет только два (оба расположены на Этиле): Сарай – «новый город, построенный Бату на Этилии», которого сам Рубрук не видел, но о котором ему рассказал некто Койяк – один из приближенных Сартака, и Суммеркент в дельте Этиля. Этот город он проехал, отправившись уже в обратный путь после посещения ставки Бату [20, с. 184–185].

Реки, текущие по территории Золотой Орды, о которых Рубрук либо слышал (Дунай), либо проезжал через них, это Танаида (Дон), берущий начало «из болот Меотиды», за которыми простирается Океан, Этиль, текущая с севера из Великой Булгарии, и Яик, текущий с севера же но из «земли Паскатир» [20, с. 109, 122].

Перечень и координаты хоронимов, приводимых Рубруком, фактически совпадают с приведенными у Карпини: к северу от Команов/Капчат расположены Руссия, Моксель и Мердас (Мордва), Великая Булгария, Паскатиры/Великая Венгрия[10], к югу, за Железными Воротами (Дербентом) обитают Аланы/Асы, Черкесы, Георгиане и Армяне, живущие на берегах Куры [20, с. 108–111, 122–123]. Как и Карпини, сведения об этих народах Рубрук получал, по-видимому, из каких-то внешних источников. В частности, он называет Исидора[11], с трудами которого и он, и П.Карипини были явно знакомы, а что касается Паскатир/Великой Венгрии, то о них ему рассказали проповедники, ходившие туда с целью апостолата [20, с. 123].

Персидские авторы второй половины XIII в. – Джузджани (1260 г.), Джувейни (1283 г.) и Ибн-ал-Захыр (1264 г.) – в Золотой Орде не бывали и при составлении своих нарративов использовали сведения, полученные ими из каких-то неизвестных нам источников. Для Джузджани это некие «заслуживающие доверия люди», для Джувейни – рассказы участников многих описываемых им событий. Более серьезными и точными были информаторы ал-Захыра, непосредственно участвовавшего в отправлении посольства султана Бейбарса к хану Берке в 1262 г. [10, с. 250, 260].

Поскольку все три названные автора были людьми сугубо официальными, то и сообщаемые ими сведения о Золотой Орде носят официальный характер: главным образом это перечень народов, покоренных монголами – кипчаки, аланы/асы, русы, булгары, м.к.с. (мордва), келары (?), башгирды[12], черкесы, канглы без указания мест их обитания [10, с. 251, 257]. Что, по-видимому, с точки зрения персидской военно-политической доктрины было и не суть важно.

Из золотоордынских городов информаторы Джувейни назвали ему город Булгар, взятый царевичами-чингизидами во время их похода «на страны Булгара, асов и Руси» и Сарай, устроенный Бату на р.Итиль [10, с. 257]. А члены персидского посольства к Берке 1264 г. сообщили ал-Захыру о том, что из Крыма до ставки Берке на р.Итиль они ехали 20 дней по степи, «на которой находились только шатры и овечьи стада» [10, с. 45].

[10] Это народы, от которых «татары» получают меха.
[11] Исидор Севильский – ученый-географ VII в. [20, с. 212, прим. 109].
[12] В данном случае у Джувейни речь идет о венграх в Паннонии.

Географические сведения о Золотой Орде XIII в. завершаются книгой Марко Поло «О разнообразии мира» написанной в 1298 г. В отличие от его европейских предшественников, автора в первую очередь интересовали вопросы коммерции, т.е. наблюдения над путями и средствами доставки товаров. Золотая Орда, похоже, в сферу коммерческих интересов братьев Поло не входила, поэтому сведения о ней довольно скупы и, я сказал бы, поспешны. Автор пишет только о том, что из Солдайи братья Поло дошли до ставки хана Берке в городе Болгаре на Волге (хотя они знали, что Берке мог быть и в Сарае). Покинув Болгар они дошли до г.Укека, выйдя из которого и переправившись «через реку Тигри»[13] дальше в течение 17 дней «шли пустынею. Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами» [14, с. 45].

Итак, читатели XIII столетия[14], знакомясь с содержанием перечисленных выше нарративов, видели перед собой страну, сплошь покрытую степями, по которым бродят кочевники «с их шатрами и стадами овец», и по которым протекают четыре больших реки, берущие свое начало где-то на севере – Днепр, Тана/Дон, Этиль/Волга и Яик. В этой стране есть четыре города – Булгар, Сарай, Укек и Суммеркент – с севера с ней соседствуют народы, уже покоренные «татарами» и платящие им дань мехами, а с юга – народы, которых ещё предстоит покорить (рис. 1).

Европейские нарративисты XIV в., сообщавшие сведения о Золотой Орде, это монахи католических духовных миссий и итальянские купцы [29]. Если первые писали главным образом о миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев на территории Улуса Джучи [24, с 3] то интересующие нас некоторые географические сведения содержатся в различного рода торговых руководствах (Анонимное торговое руководство 1320 г. или «Книга описания земель и торговых мер» Франческо Пегалотти) или нотариальных документах, составленных купцами, жившими в Сарае (Андриоло Боначча, Андреа ди Гизольфи и Доменико Бестаньо, Джаннотто ди Гизольфи) [33, с. 827]. В этих документах, в частности, перечисляются наиболее важные для торговли (с их точки зрения) города – Тана, Хаджи-Тархан, Сарай, Сарайчук, Булгар – с указанием расстояний до них [33, с. 834]. Характерно, что Пегалотти рекомендует на время пути по территории Улуса Джучи запастись мукой и соленой рыбой, поскольку единственно, что там можно добыть в изобилии – это мясо [33, с. 876][15].

Перечень городов в документах итальянских коммерсантов определялся, очевидно, маршрутами именно их перемещения по территории Золотой Орды. О тех местах, где они не были, они ничего и не сообщают.

Из арабских и персидских авторов в первой половине XIV в., писавших о Золотой Орды на территории этого государства не бывал никто. Поэтому их географические сведения о Золотой Орде почерпнуты либо из сочинений

[13] В примечании 8 к главе III данной книги говорится, что так Поло называл Волгу [14, с. 241].

[14] А таковые, безусловно, были хотя бы в лице высокопоставленных персон, заинтересованных в получении сведений о «татарах» и их государстве.

[15] Не есть ли это свидетельство о кочевом образе жизни населения Золотой Орды, живущего вне городов?

предшественников, либо из рассказов лиц, ездивших туда по торговым делам и посещавших те или иные города Золотой Орды.

Список географических объектов с территории Золотой Орды в нарративах XIV в. невелик. Гидронимы (с запада на восток): Дунай (Рукн-ад-дин Бейбарс и ал-Омари), Днепр (Абу-л-Фида), Тана/Дон (Рукн-ад-дин Бейбарс и ал-Омари), Этиль/Волга (Бейбарс, Абу-л-Фида, ал-Муфаддаль, ал-Омари), Яик (Бейбарс, ал-Омари), Терек (ан-Нувейри, Казвини, Шейх Увейс), Белая/Аксу (ад-Дзехеби, Шейх Увейс)[16], Кура (ад-Дзехеби, Казвини, Зейн-ад-Дин, Шейх Увейс), Иртыш (ад-Дзехеби).

Из хоронимов чаще всего, естественно, называются Кумания/Команы и Крым, Руссия, Булгары, Баскарты/Паскатиры[17], Аланы/Асы, Саксин, Хазар и Северные страны[18] упоминаются редко (Вассаф, Казвини, ал-Омари, Абу-л-Фида, Димашки), а области Сибир и Чулыман названы только у ал-Омари со слов странствующего купца Хасана Эрруми [10, с. 107].

Перечень урбанонимов так же немногочисленный и довольно «стандартный». Чаще всего нарративисты XIV в. называли Солдайю/Судак, Кафу, Железные ворота/Дербент, Сарай, Булгар и Укек. Реже – Солхат, по одному разу Чуфут-Кале, Керчь, Маджар, Хаджи-Тархан и Сарайчик. Опять-таки, со слов Хасана Эрруми ал-Омари называет «касабу» Акикула, расположенную у пределов Сибира, Ибира и Чулымана [10, с. 107].

Особое место среди перечисленных нарративистов XIV в. занимает Абу-абдаллах Мухаммед Ибн-Баттута, при хане Узбеке в 1331–1333 гг. совершивший поездку в Золотую Орду. Он последовательно перечисляет пункты своего маршрута от Керчи до Солхата/Крыма и оттуда, переправившись через две больших реки (?) до Азака/Азова. Оттуда через город Маджар он добрался до горы Биштау в Пятигорье в надежде застать там кочевье хана Узбека.

Затем по ходу своего путешествия по Золотой Орде он побывал в Булгаре, Сарае (где видел многих людей из Асов, Кипчаков, Черкесов, Руксских и Византийцев), Укеке, Хаджи-Тархане и Сарайчике, расположенном «на берегу большой и быстрой реки, которая называется Улусу» [10, с. 144][19].

Итак, если составить виртуальный атлас Золотой Орды по сведениям нарративистов XIV в., то перед его читателем предстанет степная, населенная кочевниками кипчаками страна, по которой текут несколько больших рек и есть несколько городов (рис. 2).

В XV в. ситуация с описанием географии Золотой Орды существенно не изменилась. По интересующей нас теме мы имеем общей сложности 14 нарративов: два европейских (Иоган Шильтбергер и Иосафат Барбаро), восемь арабских (ал-Форат, Ибн-Халдун, ал-Калкашанди, ал-Макризи, ал-Асади, ал-Аскалани, ал-Айни и Ибн-Арабшах) и три персидских (Низам-ад-дин Шами, Натанзи и Шериф-ад-дин Йезди) [15]. Из них только трое –Шильтбергер

[16] У подножия Эльбруса.

[17] Приуральские угры (башкиры?), живущие по соседству с Булгарией.

[18] Но здесь речь идет о владениях ханов Золотой Орды относительно Хулагуидского Ирана.

[19] Расшифровки этого гидронима нигде не приводится, но едва ли можно сомневаться в том, что это Яик/Урал, поскольку после Сарая на Итиле по пути в Хорезм бóльшей реки на этом маршруте нет.

Рис. 1. Карта Золотой Орды по сведениям нарративистов XIII в.
Fig. 2. Map of the Golden Horde according to the narrativists of the 13th century

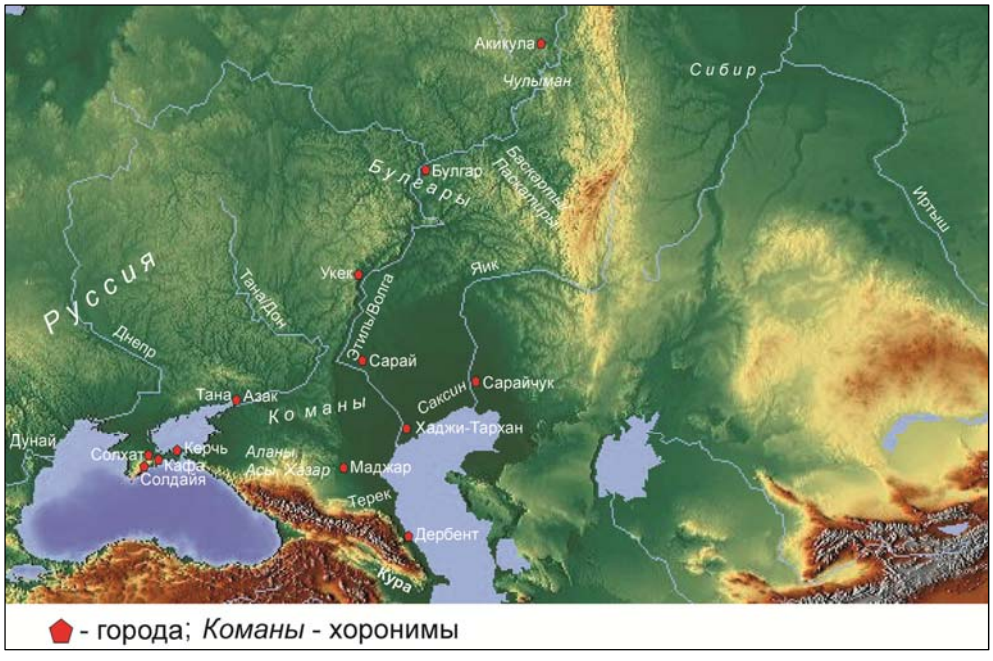


Рис. 2. Карта Золотой Орды по сведениям нарративистов XIV в.
Fig. 3. Map of the Golden Horde according to the narrativists of the 14th century

(1427 г.), Барбаро (1436–1452 гг.) и Арабшах (1450 г.) писали о том, что видели сами. Остальные – кабинетные ученые-историки, некоторые из них, возможно даже «ангажированные» наследниками Тимура (Йезди, например). Поэтому их сведения об Улусе Джучи – это компиляция из более ранних авторов. Соответственно и набор географических названий у них тот же самый, в основном отражающий маршрут похода Тимура в Дешт-и Кыпчак. Пополняется только список гидронимов: ал-Асади, в частности, называет Иртыш как восточную границу владений хана Узбека [10, с. 201], а Шами и Йезди называют Тобол как реку, которую войско Тимура форсировало во время похода в Дешт-и-Кыпчак (против Токтамыша) [10, с. 295, 343]. Они же называют «местность Кундузча»[20], где состоялось сражение между Токтамышем и Тимуром [10, с. 298, 347], а Шами называет ещё и р. Самару до которой войско Тимура шло шесть дней от р. Яик [10, с. 296].

Особо здесь следует отметить сочинение арабского чиновника Шихаб аддина ал-Калкашанди (ум. в 1419/1419 г.), озаглавленное «Светоч для подслеповатого в искусстве писца». По своему содержанию это нарратив, скомпилированный из более ранних нарративов XIV в.: Абу-л-Фида («Таквим ал-булдан») и Ал-Омари («Масалик ал-абсар»). Об этом сам автор постоянно указывает на страницах своего сочинения. Равно как и называет имена информаторов своих предшественников: это шейх Наджм ад-Дин ибн аш-Шаххам ал-Маусили; шейх Ала ал-Аина ибн ан-Нумана ал-Хорезми; Ибн ан-Нуман; Хасана ар-Руми; Абд ар-Рахман ал-Хорезми; Ажамал ад-Дин Абдаллах ал-Хисни [6, с. 282–300]. То есть, ничего принципиально нового в плане описания географии Золотой Орды по сравнению со своими предшественниками – нарративистами XIV в. – ал-Калкашанди не привнес. Кроме, пожалуй, сообщения об округлой земле, называемой Мангышлак (Ксла) и населенной многочисленными народами из бурджанов (ал-бурджан) [6, с. 282].

Что касается очевидцев, то Ибн-Арабшах, побывавший в Поволжье и в Крыму, по-видимому, во время похода Тимура, поскольку длительное время находился в плену в Самарканде, описывает Золотую Орду как «страну обширную», возделанную, населенную «тюркскими племенами»[21], но мало урбанизированную «городов у них мало и переходы их [от одного привала до другого] продолжительные». Границы её простираются от Руси и Булгарии (Дунайской) на западе до владений Хорезма, Отрара и Сыгнака на востоке и от Кользумского (Каспийского) и Египетского (Черного) морей на юге и Ибира и Сибира на севере. Столица страны – Сарай, построенный ханом Берке на «берегу реки, отделившейся от реки Итиль»[22]. Один из величайших городов, «средоточие науки и рудник благодатей». Кроме того, Ибн-Арабшах побывал ещё и в Астрахани [10, с. 207–209].

Первый из европейских очевидцев – Иоган Шильтбергер – в продолжение 30 лет странствовавший по Азии[23], никаких особых эмоций по поводу увиденного в Золотой Орде не выражает, а ограничивается только сухим перечнем того, что он там увидел: кочевой образ жизни, отсутствие хлеба и

[20] Историки отождествляют её с рекой Кондурчой (правый приток р. Сок, левого притока р.Волга).

[21] Внешний вид которых оставил у автора самое благоприятное впечатление.

[22] Ну тут совершенно ясно о каком Сарае идет речь: Сарай-Берке или Сарай ал-Джедид на левом берегу Ахтубы.

[23] Правда, не по своей воле, а как пленник.

вина, из городов Астрахань, богатый пушниной Болгар, Сарай – столица «Великой Татарии», Азак, расположенный на берегу Дона, Солхат, Кафа. Поблизости находится «Королевство России», платящее дань «татарскому королю» и «страна Сибир», куда нужно было идти два месяца, и которая населена бродячими «дикарями» [31; 21, с. 34, 56–60].

Такой же «стандартный набор» географических названий находим мы в описании путешествия в Тану/Азов, совершенного венецианским купцом Иосафатом Барбаро в 1436–1452 гг. [2, с. 136–160]. Здесь так же фигурирует «равнина Татарии»[24], простирающаяся между Польшей на западе, Россией на севере, Великим (Черным) и Забакским (Азовским) морями на юге и Этилем/Волгой[25] на востоке. Кроме реки «Ледиль»/Этиль, называется Дунубий/Дунай и Дон. Из городов названы Астрахань («теперь это почти разрушенный городишко, но в прошлом это был большой и знаменитый город…»), Казань, Тана, Кафа, Дербент, Солхат и Солдайя [2, с. 138, 154, 155, 157][26].

Из хоронимов на территориях, примыкающих к Золотой Орде, Барбаро традиционно называет Куманию, Аланию и Газарию [2, с. 137].

Интересно, что через 200 лет после Рубрука Барбаро называет мордву, характеризуя этот народ так же как и его предшественник, а именно – как поставщиков в Татарию пушнины. Но зато, в отличие от него, выказывает большую осведомленность о языческих религиозных верованиях и образе жизни мордвы [2, с. 159].

Чтобы снять вопрос, почему автор этих строк не использует широко известные и неоднократно анализируемые исследователями средневековые карты, в первую очередь – карту братьев Пицигани 1367 г., Каталонский атлас 1375 г., карту Фра Мауро 1459 г. или «Книгу знаний всех царств», отошлю заинтересованного читателя к исследованиям А.Г. Юрченко, И.В. Волкова, А.Г. Еманова [4; 5; 8; 28]. По результатам скрупулезного анализа указанных документов, проведенного названными исследователями, и на основании их выводов, автор этих строк для себя сделал вывод о том, что карту братьев Пицигани, Каталонский атлас и «Книгу знаний» картографическими (в общепринятом смысле этого слова) документами считать нельзя. Это художественные произведения, составленные на основе самых различных источников. А.Г. Юрченко, например, совершенно определенно считает, что изображение Монгольской империи в Каталонском атласе «есть великолепная инсталляция, воображаемая модель, где обозначены земные пределы. Пространство и время человеческой истории приблизились к концу. Здесь, у границы мира, географическая горизонталь переходит в мистическую вертикаль» [28, с. 51].

А И.В. Волков в своем исследовании не только определяет источники географического компилирования Фра Мауро, но приводит список гидронимов и урбанонимов, воспроизведенных на данной карте. По своему содержанию он, этот список, к перечню географических объектов на территории Золотой Орды, содержащемуся в рассмотренных выше нарративах, ничего не добавляет [5, с. 226].

Что касается «Книги знаний», то она является ничем иным как лоцией, предназначенной узкому кругу специалистов-моряков. И сам её автор (Jo

[24] То есть, тот же самый Дешт-и-Кипчак.

[25] У Барбаро – «Ледиль».

[26] Упоминаются и русские города – Москва, Рязань, Коломна – но в данном случае они нас не интересуют.

Gracioso) предуведомляет читателей, что хотя на своей карте он помещает не все порты и земли, но все их можно увидеть воочию [32, p. 358].

Итак, можно сделать некоторые **выводы**. Первый – средневековые нарративисты либо вообще не знали о существовании многочисленных населенных пунктах на территории Золотой Орды (включая и города, такие, как Наровчат[27], Казань, Джукетау и др.[28]), либо в контексте их торговых интересов они значения не играли, а потому во внимание не принимались. Оба варианта вполне вероятны.

Второй – наше представление о золотоордынской «гардарике» разительно отличается от того, какой её видели современники. Создается впечатление, что наше явно преувеличено.

Третий – в свете всего сказанного представляется необходимым вернуться к проблеме археологической эмпирики золотоордынского урбанизма и (без эмоций и ангажированности) выяснить, каково её состояние в настоящее время. То есть, сколько и какие города на территории Золотой Орды были подвергнуты или подвергаются планомерным и масштабным археологическим раскопкам и насколько адекватно уже имеющийся материал отражает степень урбанизации этого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923. 62 с.

2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: «Наука», 1971. 274 с.

3. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 268 с.

4. Волков И.В. Изображение бассейна Волги и Каспия на европейских картах XIV–XVI вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 156–160.

5. Волков И.В. Некоторые картографические и нарративные источники об Укеке. *Археология Евразийских степей*. 2022, №3, с. 204–242. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.204.242

6. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник – 2001: Золотая Орда и ее наследие / Редкол. С.Г.Кляшторный (пред) и др. М.: Вост. лит., 2002, с. 261–302.

7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: «Наука», 1985. 244 с.

8. Еманов А.Г. Черноморские порты Золотой Орды по кастильской «Книге знаний всех царств» XIV века // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 611–635. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.611-635 EDN: MRUJNJ

9. Злыгостев В.А. Улус Джучи. Рождение империи. Уфа: Книга-принт, 2022. 572 с.

[27] По данным В.Л. Егорова, город – центр одноименного юрта – просуществовал около 100 лет, в течение всего XIV в. [10, с. 106].

[28] В.Л. Егоров только в Поволжье называет более 40 археологических объектов, отождествляемых им с большими и малыми золотоордынскими городами [12, с. 94–120].

10. Золотая Орда в источниках. Том первый. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г.Тизенгаузена. Составление, вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М., 2003. 448 с.

11. Измайлов И. Ак-Орда // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009, с. 190–194.

12. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ (учебное пособие). М.: Издательство Московского университета, 1987. 86 с.

13. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.

14. Марко Поло. Книга о разнообразии мира. Пер. И.П.Минаева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1956. 376 с.

15. Митина О.И., Евдокименко А.С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник ЮУрГУ, № 40, 2010. Серия «Психология», выпуск 11. С. 29–38.

16. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л.Ф.Недашковский; Ин-т истории материальной культуры РАН; Казанский гос. университет. М.: Вост. лит., 2010. 351 с.

17. Ньюман Л. Непростые методы исследования // Социологические исследования. 1998, №6, с. 119–129.

18. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. 2(3): 13, с. 13–18.

19. Пигарев Е.М. Дельта Волги в золотоордынский период // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 187–190.

20. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступит. статья и примечания Н.П. Шастиной. Государственное издательство географической литературы. М., 1957. 266 с.

21. Путѣшѣствія Ивана Шильтбѣргѣра по Европѣ, Азіи л Африкѣ, съ 1394 года по 1427 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и снабдилъ примечаніями Ф. Брунъ. Записки Императорскаго Новороссійскаго университета. Год первый. Том первый. Одесса, 1867. 156 с. Эл. ресурс. Режим доступа: https://archive.org/details/libgen_00297410/page/n161/mode/2up (дата обращения 12.11.2024)

22. Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды: историческая география // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 131–134.

23. Ситдиков А.Г. Историческая география Среднего Поволжья: вторая половина XIV – первая половина XV в. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 135–140.

24. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 6 / Общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

25. Цыбин М.В. Некоторые вопросы исторической географии Среднего Подонья в эпоху Золотой Орды // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 299–301.

26. Черкас Б. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016, с. 157–179.

27. Юдин М.И., Минаев А.П. Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016, с. 305–306.

28. Юрченко А.Г. Монгольская империя на Каталонском атласе 1375 г. // Монголика-VIII: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008, с. 50–60.

29. Della Decima e delle altre Gravezze. Toma terzo. Contenente la pratica Della Mercatura scritta da Francesco Baladucci Pegolotti. E copiata da un Codice manoscritto esistente in Fivenze nella Biblioteca Riccardiana. Lisbona, e Lucca. MDCCLXVI. 409 p. Эл. ресурс. Режим доступа https://archive.org/details/bub_gb_IRIxirmx9JAC/page/n1/mode/2up (дата обращения 12.11.2024)

30. Géographie d Aboulféda traduite de l'Arabe en Français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud membre de l'Institut de France (Academie des inscriptions et belles-lettres v professeur d'arabe, etc.). Paris, 1840.

31. Hans Schiltberger Als Sklave im Osmanischen Reich und bei den Tataren (ins Neuhochdeutsche übersetzt, erläutert und herausgegeben von Ulrich Schlemmer), Thienemann-Verlag, Edition Erdmann, Stuttgart 1983. Эл. ресурс. Режим доступа: http://www.esys.org/freising.de/schiltbg.html (дата обращения 12.11.2024)

32. Kretschmer K. (1909) Die italienischen Portolane des Mittelalters: Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik. Berlin; repr. 1962 Hildesheim, Georg Olms. Эл. ресурс. Режим доступа: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:46828924$430i (дата обращения 12.11.2024)

33. Tome II première partie. Paris, imprimé par autorisation du gouvernement a l'imprimerie nationale. M DCCC XLVIII. Эл. ресурс. Режим доступа: https://archive.org/details/GeographieDAboulffda/page/n13/mode/2up (дата обращения 12.11.2024)

REFERENCES

1. Ballod F.V. Old and New Saray of the capital of the Golden Horde. Results of archaeological work in the summer of 1922. Kazan, 1923, 62 p. (In Russian)

2. Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century. Introductory articles, preparation of the text, translation and commentary by E.Ch. Skrzhinskaya. Leningrad: Nauka, 1971, 274 p. (In Russian)

3. Blokhin V.G., Yavorskaya L.V. Archaeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2006, 268 p. (In Russian)

4. Volkov I.V. Image of the Volga and Caspian basins on European maps of the 14th–16th centuries. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 156–160. (In Russian)

5. Volkov I.V. Cartographic and Narrative Sources Related to Ukek. *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei=Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2022, no. 3, pp. 204–242. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.204.242. (In Russian)

6. Grigoriev A.P., Frolova O.B. Geographical description of the Golden Horde in the encyclopedia of al-Kalkashandi. *Turkic collection – 2001: The Golden Horde and its heritage* / Redkol. S.G. Klyashtorny (prev.) and others. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, pp. 261–302. (In Russian)

7. Egorov V.L. Historical geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Moscow: Nauka, 1985, 244 p. (In Russian)

8. Emanov A.G. Black Sea ports of the Golden Horde according to Castilian "Libro del conosçimiento de todos los reynos" of the 14th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 611–635. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.611-635 (In Russian)

9. Zlygostev V.A. Ulus Jochi. The Birth of an Empire. Ufa: Kniga-print, 2022, 572 p. (In Russian)

10. The Golden Horde in the sources. Volume one. A collection of materials related to the history of the Golden Horde, tr. by V.G. Tizengauzen. Compilation, introductory article and comments by R.P. Khrapachevsky. Moscow, 2003, 448 p. (In Russian)

11. Izmailov I. Ak-Orda. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Ulus Jochi (Golden Horde) 13th – mid-15th century. Kazan, 2009, pp. 190–194. (In Russian)

12. Kovalchenko I.D., Borodkin L.I. Modern methods of studying historical sources using computers (textbook). Moscow: Moscow State University Publ., 1987, 86 p. (In Russian)

13. Kostyukov V.P. Ulus Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Kazan: Fan, 2010, 200 p. (In Russian)

14. Marco Polo. A book about the diversity of the world. Trans. by I.P. Minaev. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1956, 376 p. (In Russian)

15. Mitina O.I., Evdokimenko A.S. Methods of text analysis: methodological foundations and software implementation. *Bulletin of SUSU*, no. 40, iss. 11, 2010, pp. 29–38. (In Russian)

16. Nedashkovsky L.F. Golden Horde cities of the Lower Volga region and their districts / L.F. Nedashkovsky; Institute of History of Material Culture RAS; Kazan State university. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010, 351 p. (In Russian).

17. Newman L. Difficult research methods. *Sociological studies*. No. 6, 1998, pp. 119–129. (In Russian)

18. Pashinyan I.A. Content analysis as a research method: advantages and limitations. *Scientific periodicals: problems and solutions*. 2(3): 13, 2012, pp. 13–18. (In Russian)

19. Pigarev E.M. Volga Delta in the Golden Horde period. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 187–190. (In Russian)

20. Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. Ed., introductory article and notes by N.P. Shastina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury, 1957, 266 p. (In Russian)

21. Travels of Ivan Schiltberg in Europe, Asia and Africa, from 1394 to 1427. Translated from German and provided notes by F. Brun. Notes from the Imperial New Russian University. Year one. Volume one. Odessa, 1867, 56 p. Available at: https://archive.org/details/libgen_00297410/page/n161/mode/2up (date accessed 12.11.2024) (In Russian)

22. Rudenko K.A. Bulgar ulus of the Golden Horde: historical geography. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 131–134. (In Russian)

23. Sitdikov A.G. Historical geography of the Middle Volga region: second half of the 14th – first half of the 15th century. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 135–140. (In Russian)

24. Hautala R. In the lands of "Northern Tartaria": Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Uzbek Khan (1313–1341). Series "Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage". Vol. 6. Ed. by Mirgaleev I. M. Kazan, 2019. 976 p. (In Russian)

25. Tsybin M.V. Some questions of the historical geography of the Middle Don region in the era of the Golden Horde. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian

space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 299–301. (In Russian)

26. Cherkas B. Territorial structure of the Ulus of Jochi (the territory west of the Don). Golden Horde in World History. Collective monograph. Kazan, 2016, pp. 157–179. (In Russian)

27. Yudin M.I., Minaev A.P. New data on the historical geography of the Golden Horde settlements of the Lower Don region and North-Eastern Azov region. Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov. Kazan-Yalta-Chisinau, 2016, pp. 305–306. (In Russian)

28. Yurchenko A.G. The Mongol Empire on the Catalan Atlas of 1375. Mongolica-VIII: Collection. Art. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2008, pp. 50–60. (In Russian)

29. Della Decima e delle altre Gravezze. Toma terzo. Contenente la pratica Della Mercatura scritta da Francesco Baladucci Pegolotti. E copiata da un Codice manoscritto esistente in Fivenze nella Biblioteca Riccardiana. Lisbona, e Lucca. MDCCLXVI. 409 p. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_IRIxirmx9JAC/page/n1/mode/2up (date accessed 12.11.2024)

30. Géographie d Aboulféda traduite de l'Arabe en Français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud membre de l'Institut de France (Academie des inscriptions et belles-lettres v professeur d'arabe, etc.). Paris, 1840. (In French)

31. Hans Schiltberger Als Sklave im Osmanischen Reich und bei den Tataren (ins Neuhochdeutsche übersetzt, erläutert und herausgegeben von Ulrich Schlemmer), Thienemann-Verlag, Edition Erdmann, Stuttgart 1983. Available at: http://www.esys.org/freising.de/schiltbg.html (date accessed 12.11.2024) (In German)

32. Kretschmer K. (1909) Die italienischen Portolane des Mittelalters: Ein Beitrag zur Geschichte der Kartographie und Nautik. Berlin; repr. 1962 Hildesheim, Georg Olms. Available at: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:46828924$430i (date accessed 12.11.2024) (In German)

33. Tome II première partie. Paris, imprimé par autorisation du gouvernement a l'imprimerie nationale. M DCCC XLVIII. Available at: https://archive.org/details/GeographieDAboulffda/page/n13/mode/2up (date accessed 12.11.2024) (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor, Senior Researcher of the Department of Medieval Archeology, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (30, Butlerov Str., Kazan 420012, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила в редакцию / Received 15.07.2024
Поступила после рецензирования / Revised 21.02.2025
Принята к публикации / Accepted 04.03.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.101-115 УДК 903
EDN: OALVWJ

GLAZED CERAMICS WITH EPIGRAPHICAL ORNAMENT FROM KUTAISI HISTORICAL MUSEUM

***I.I. Ugrekhelidze*[1,2] ✉ , *N.G. Kartsidze*[1,2], *N.D. Sarava*[1], *D.N. Sulaberidze*[1]**

[1] *Kutaisi State Historical Museum*
[2] *Kutaisi Akaki Tsereteli State University*
Kutaisi, Georgia
✉ *irina.ugrekhelidze@atsu.edu.ge*

Abstract. Research objectives: An analysis of vessels decorated with epigraphic motifs preserved in the glazed ceramics collection of the Kutaisi Historical Museum and, based on the analysis of similar material, determining the collection's origins.
Research materials: The artifacts found during the 1984–2010 archeological research of the medieval city of Kutaisi, which are preserved in the archeological fund of the museum, were used.
Results and novelty of the research: The tradition of ornamenting ceramics with Arabic calligraphic inscriptions was widespread in the Eastern world since the 10th century. Arabic letters were considered a sacred image in the Middle Ages and had a semantic meaning. The inscriptions were aphoristic in content (religious sayings from the Qur'an, admonitions), blessed and benevolent (blessings, wishes for success), or consisted only of words (names of God and prophets), syllables, or single letters. Later, the epigraphic ornament developed in two directions. First, the letters were transformed into plant flowers and flowers as a result of stylization; that is, the process of floriation developed. Secondly, the epigraphic ornament turned into a stylized pseudo-epigraphical motif imitating the Arabic script. As a result of the comparison of the Kutaisi samples with their foreign counterparts and the analysis of the inscription, it was determined that one of the bowls is decorated with a pseudo-epigraphical ornament, in particular, with separate letters and signs of the word "ikbal" (success) made in imitation of Kufic calligraphy. It may be either an imported product or a local imitation. The second bowl is undoubtedly an oriental-style Kashan ware imported from the Muslim world, the epigraphic ornament of which represents the Arabic word "ikbal" written in Kufic letters. The question of its origin is still controversial (Lower Volga Region, Khorezm, Nishapur) and requires additional research. It is a novelty that, for the first time, an imported item of glazed ceramics decorated with an epigraphic ornament from the Kutaisi collection was brought into scientific circulation.

Keywords: Golden Horde period, glazed ceramics, archeology of Kutaisi old city, epigraphic ornament

© Ugrekhelidze I.I., Kartsidze N.G., Sarava N.D., Sulaberidze D.N., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

For citation: Ugrekhelidze I.I., Kartsidze N.G., Sarava N.D., Sulaberidze D.N. Glazed ceramics with epigraphical ornament from Kutaisi Historical Museum. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 101–115. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.101-115

Financial Support: This work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG) (grant number FR-21-8738).

Introduction

Among the cultural heritage monuments protected in the archeology fund of the Kutaisi Historical Museum, the collection of glazed ceramics is an interesting material. The samples included in it, along with other important artifacts, were discovered in the territory of the Kutaisi Castle during the archaeological expeditions led by Professor Omar Lanchava in 1984–2010. Archaeological studies of Kutaisi's old city Castle revealed that there were smelting houses and workshops in the area, in the vicinity of which various artifacts representing production, items for preparing glaze powder and ornamented fragments of glazed ceramics were discovered, the number of which reaches 1000 items [18, p. 130]. The dating of these samples according to stratigraphic data was determined from the 9th–18th centuries [28, p. 304]. This is the period when, thanks to the perfection of manufacturing methods and the discovery of glazing techniques, the production of ceramics reached a significant flowering. Of course, the Kutaisi potters did not lag behind this process of growth, as evidenced by the samples of glazed ceramics made by local artisans. The collection also includes materials imported from other regions and designs based on foreign traditions. This is not surprising – medieval Kutaisi was the capital of unified Georgia (1008–1122) and an advanced center. The development of socio-economic, trade and political relations was a contributing factor to the development of various branches of craftsmanship, including the production of glazed ceramics, to the formation and introduction of the system of principles of its decoration, composition, style and drawing.

The collection of glazed ceramics from Kutaisi is noteworthy for the fact that it can fully answer many questions related to the problem of identifying analogies and characteristic features of glazed ceramics, the study of historical, cultural and socio-economic relations with foreign countries near and far, etc. Despite the above, the Kutaisi part of the glazed ceramics is almost not included in scientific circulation, the peculiarities of its ornamental decor are completely unstudied and thus unknown to researchers interested in similar issues and the general public. In order to solve this urgent issue, a grant project “Stages of development of glazed ceramic ornament and its scientific cataloging” was presented to the Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia by the Kutaisi Historical Museum research group, which received funding and is currently being implemented. The final result of the project will be a means of solving the above-mentioned problem, namely the analysis of the ornamentation of glazed ceramics.

For the current stage of project implementation, it was revealed that Kutaisi glazed ceramics of the middle ages are characterized by all the main features, which are generally characteristic of ceramic products spread over a wide area of the East and West.

In the Kutaisi collection of glazed ceramics, fragments of vessels decorated with various ornaments are collected. There are geometric (stripes, rings, concentric circles, ovals), vegetal (stylized leaves, flowers, branches, fruits); plant-geometric; Fragments of pottery decorated with zoomorphic (various birds, fishes, predatory animals), epigraphic (words or individual letters), abstract ornaments and various symbols (religious, solar disk and leprechaun).

Historical-cultural and artistic research, structural-typological analysis of the ornamental decor of glazed ceramics was carried out by the designers; The stages of evolution were determined. A comparative analysis and search for parallels of glazed ceramics and other artifacts (stone reliefs, monumental and miniature paintings, textiles, etc.) decorated with plant and zoomorphic ornament was discussed [35; 16; 17], the influences of Western and Eastern art were revealed.

In general, the issue of ornamentation of various monuments of decorative and applied art is actively studied by Georgian researchers, and accordingly in publications they discuss the semantic, artistic or stylistic significance, aspects of compositional research of the ornament depicted on various samples (stone reliefs, engraving, enamel, monumental and miniature painting, jewelry, textiles, etc.). Among the recent Georgian publications remarkable are – L. Lursmanashvili and others [32], G. Kvantidze and others [27], G. Kvantidze [26], the works of M.Tevzaia [36] and other researchers.

Publications devoted to the study of glazed ceramic ornaments are abundantly presented in foreign scientific literature, which, unfortunately, cannot be said about the Georgian reality. In our country, unfortunately, we still do not have important scientific publications dedicated to the study of glazed ceramic ornaments, while in Georgia there is quite diverse and interesting material, which is less studied in this direction. This article is an attempt to eliminate this deficiency. The aim of the paper is to analyze the differently decorated, in particular, the artifacts ornamented with epigraphic motifs preserved in the glazed ceramics collection of the Kutaisi Historical Museum, and to determine their origin based on the analysis of similar material.

In foreign works, quite a lot of attention is devoted to the study of epigraphic ornaments of glazed ceramics, and their deciphering has been a subject of special study by researchers for many years. To this issue even in the 20th century were devoted the works of O. Bolshakov [2], A. Krachkovskaya [23], N. Grazhdankina [9], Ch. Wilkinson [37] and others. Among the recent publications, interesting are the works of N. Lisova [31], M. Ekhtiari [7], S. Ilyasova [12], J. Ilyasov [11], E. Giuli [10], B. Kurbanov [24], A. Iskanderova [13] and others. Of those named, the following are particularly noteworthy:

- N. Lisova's monograph "Ornament of glazed dishes from the Golden Horde cities of the Lower Volga region". In the work, the features, characteristic elements, motifs and composition of the ornament of the Golden Horde period are thoroughly analyzed. The researcher has searched for analogues of the Golden Horde ornament in other countries, types of influence and its stylistic features.
- B. Kurbanov's article "Epigraphics on Medieval Glazed Ceramic Products from the Collection of the Bukhara Museum-Reserve", in which the epigraphic motifs of medieval glazed ceramics preserved in the collection of the Bukhara State Museum-Reserve of Uzbekistan are analyzed.

- Iskanderova and M. Sultanova's work "Ornamentation on Glazed Ceramics of Khorezm (13th–14th cc.)", in which types of ornamental motifs of glazed ceramics of Khorezm 13th–14th centuries are discussed and epigraphic ornaments are analyzed, thus it is interesting according to the research topic.

Materials and Methods

Fragments of glazed ceramics decorated with epigraphic ornament preserved in the Kutaisi Historical Museum, found during the archaeological researches of the medieval Kutaisi city were used as research material.

The following modern methods were selected as the main criteria for studying the issue: the principle of historical materials analysis; Visual-descriptive, statistical, typological, formal classification, technological, comparative analysis and analogies.

Results

Discussion and Conclusion

The tradition of decorating ceramics with calligraphic inscriptions has spread widely in the Eastern Muslim world since the 10th century. This was facilitated by the fact that in the vast territory conquered by the Arab Caliphate, especially in the cultural space and art of the Eastern countries, Arabic calligraphy (calligraphy – Greek – "beautiful writing") was thoroughly established. It is true that the Arabs were not the first to use epigraphy for decorative purposes, but unlike others, they significantly expanded the scope of the usual use of calligraphy and, thanks to the decorative capabilities of the Arabic script, created a special artistic form – an independent ornament. It should be noted here that putting an inscription on a ceramic product should not have been a foreign tradition for Georgian potters, as the inscription on a pitcher found as a result of archaeological research in the area of old city settlement cellar of Nekresi [4, p. 7], Georgian inscriptions scratched on the polished surface of small vessels [1, p. 8] and the inscribed building ceramics found during the excavation of various settlements in Georgia [19, p. 58, 75; 15, p. 21; 3, p. 24; 38, p. 43] testifies. However, inscriptions and artist's painting are more rarely found on Georgian artistic ceramics, which makes it sharply different from oriental products of a similar style [1, p. 14].

Arabic calligraphic ornament played an important cultural role in Muslim countries and was intensively used for the purposes of fine art, in particular, for the decoration of various artistic products – ceramics, porcelain and metal products, carpets and other fabrics, coins, and also architectural monuments (mainly cult buildings) [14].

In complex compositions, epigraphic elements based on Arabic script enlivened the ornamental scheme. On ceramic products – jars, bowls, jugs and other vessels, the inscription was placed concentrically, close to the edge. Inscriptions were mainly completed in two styles: "Kufi" – with straight, clear, angular outlines of letters and "Naskhi" – with more rounded letters. The inscriptions were in the form of aphoristic (religious sayings from the Qur'an, exhortation), blessing and benevolent (barakah, success), or only in the form of words (names of God and prophets), syllables, or individual letters. Arabic letters in the Middle Ages were considered a sacred image and had a semantic meaning, so, for example, the letter ن ("nun") means the word "nusrat", i.e. "success", "victory". [8, p. 25; 6, p. 662].

Fig. 1. Epigraphic ornaments: 1 – fragment of the Kutaisi bowl;
2 – outline of individual letters and signs of the Kutaisi bowl;
3 – ornamental inscription – word "ikbal" made in Kufic calligraphy, Golden Horde

Fig. 2. Bowl decorated with epigraphic ornament
from the Kutaisi historical museum collection

Later, the epigraphic ornament underwent certain changes: the first direction – the letters of the Kufic ornament, as a result of stylization, were transformed into plant flowers and flower spikes (floriation process); The second direction – the epigraphic ornament turned into a stylized pseudo-epigraphic motif imitating the Arabic script. At this time, the image is devoid of meaning, is not readable and is used only for decoration. It is likely that the emergence of such ornaments was facilitated by ignorance of the Arabic alphabet, when master potters created imitation epigraphic decorative compositions imitating calligraphic ornaments and were unfamiliar with the Arabic language and script. It is through such imitation of calligraphic ornament that pseudo-epigraphic ornaments were created.

Most likely, one of the pieces from the glazed ceramics collection of the Kutaisi Historical Museum represents an interesting product decorated with pseudo-epigraphic ornament.

Fig. 3. Kashan pottery with polychrome painting and ornament relief modeling:
1 – from Khorezm territory [20, p. 819]; 2–6 – from the Lower Volga region
of the Golden Horde period [31, p. 185, 187, 195, 199]

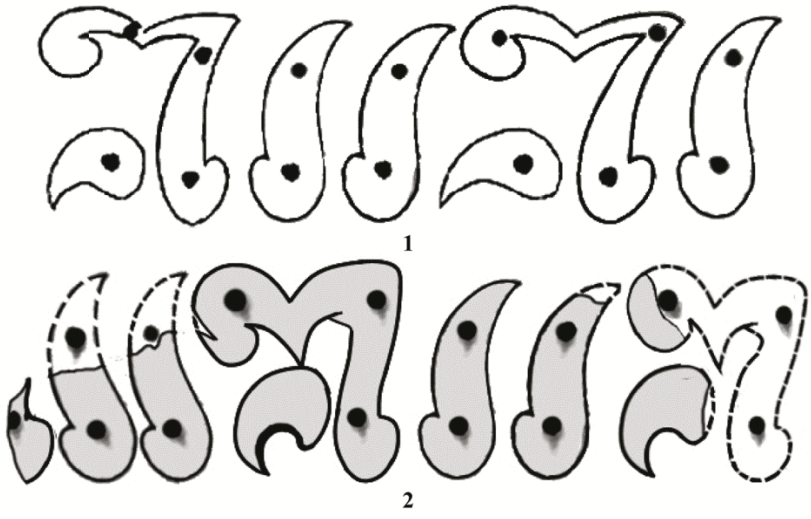


Fig. 4. Epigraphic ornaments. Ornamental inscription – word “ikbal” made
in Kufic calligraphy: 1 – made on the Golden Horde period bowl;
2 – made on the fragment of the Kutaisi bowl

Bowl – fragment of side, mouth and base (s. 9539 AAAA-764. c.t. no. 4073; 4011.85), reddish-colored clay. Well settled clay. Restored. The inner edge is covered with a white engobe. The decoration is done with scratched lines filled with swamp paint. Two concentric circle lines made by scraping are placed on the mouth in the form of a belt, and on the inner surface of the skirt, at the beginning, a wide belt-ring is made of two similar concentric circles, which is divided into segments. Closely spaced radial lines are scratched in every second segment. Various signs similar to Arabic letters are inserted in the segments free of lines. In the middle, on the base of the bowl, there is a spiral ornament, which represents the symbol of the sun. The bowl is covered with transparent glaze. The half part of outer side is engobed and a colorless crystal glass is applied to it. The mouth of the bowl is thickened and spread out, the mouth is folded, the heel is pulled out, hollow. Dimensions: heel diameter – 7 cm; heel height – 1 cm; thickness of the fold – 0.4 cm; The thickness of the mouthpiece is 0.6 cm; total height – 6.5 cm; It was discovered: Kutaisi old city settlement, at the foot of the castle located in the northeast of the Bagrat temple (Fig. 1, 1).

The outline of individual letter-signs of the ornament inserted in the segments of the bowl (Fig. 1, 2) resembles the outline of the letters of the epigraphic ornament of Kashan ceramics of the Golden Horde period, about which in her monograph N. Lisova explains that it represents a word written with a broad brush in the Kufic script – "ikbal" (success) (Fig. 1, 3) [31, p. 72; 31, p. 154 tab. No. 21]. After careful observation, one gets the impression that the letters are made by an unwashed hand.

As a result of analyzing the obvious similarities between the ornament of the Kutaisi bowl and the Kufic calligraphic inscription, various tentative opinions can be expressed:

• On the Kutaisi bowl, the letters of the word "ikbal" are inserted in each segment;

• each sign may represent a ligature (letter-sign representing two or more graphemes);

• Each symbol in a segment is a compressed scrambled word, or a kind of cryptogram (encoded word).

As we mentioned above, medieval masters often depicted benevolence, blessing, aphoristic or other inscriptions on their products. In some cases, craftsmen resorted to ligatures and cryptograms to depict long phrases in a relatively limited area. Such inscriptions are often left unread. In addition, as we mentioned above, epigraphic inscriptions were transferred from one sample to another – through copying, by those people (master's apprentices, disciples) who did not know the true meaning of the inscription and letters, which led to the loss of meaning and turning the text into a pseudo-epigraphic ornament. Obviously, this circumstance also complicates the deciphering of the inscription.

Based on the above, the glazed ceramic jar, from the collection of the Kutaisi Historical Museum, is decorated with a pseudo-epigraphical ornament depicting the Muslim world, namely, the word "ikbal" (success), made in imitation of Kufic calligraphy, with separate letters and signs. This allows us to assume that the mentioned sample is an imported oriental product, however, it is also possible that it is a local copy of a foreign glazed vessel.

In the Kutaisi collection, there is another fragment of a bowl decorated with epigraphic ornament from a relatively later period, which attracts attention with a different style of artistic decoration.

Bowl – fragment of a side (sh. 9539 AA-764. ts. sav. №2749.84), white clay. The decoration is made with light relief modeling. The upper edge of the inner side is decorated with a blue-white ornamental narrow strip. Calligraphic ornaments are painted with black contours below the strip – Arabic letters, on which large dots of dark blue color with light blue spots are applied; One of the repeated letter-signs, which has the shape of an inverted punctuation mark – a comma, has sharp turquoise spots. Surrounding each ornament is a continuous row of black, fine dots. Below them are a pair of black lines (concentric circles), between which there is a large dark blue dot with a light blue spot. Below the black outline are stylized teardrop-shaped Figures arranged in a grid, with a large blue dot in the middle (also dotted). A bead of small black dots surrounds the Figures. On the edge of the fragment, radially, in relief modeling, a black line shows flower-rose petals, on top of which an arched ornament is inserted. A chain of vertical dashed lines is drawn in the middle of the sides, and two large blue dots are placed at the edges – vertically. The bowl is covered with colorless, transparent glaze. Dimensions: thickness of the fold – 0.4 cm; Found: Kutaisi old city settlament, west of Bagrat temple (Fig. 2).

Parallels of this kind of glazed vessels can be found in Georgia. According to the decoration technique and similar material, similar vessels are considered to be Sultanabad products and dated to the first half of the 14th century [33, p. 60].

Analogues of the Kutaisi bowl (we can say exact analogues) are found in a large number in a geographically quite wide area, which includes the Crimea, the Azov region, the Moscow Kremlin [22, p. 742], Belarus [29, p. 618], Lower Volga Region [34, p. 688; 31, p. 196; 30, p. 781;], North Caucasus [9, p. 128], Khorezm (Central Asia) [21, p. 798; 20, p. 819; 13, p. 63] and others. The materials obtained as a result of archaeological research confirm this (Fig. 3). The named samples date back to the Golden Horde period. All of them are polychrome and made with relief modeling of the ornament. There is no doubt that for this period we are dealing with the formation of a different tradition and a new artistic style of decorating glazed ceramics with epigraphic ornaments.

The analysis of completely preserved bowls reveals that a certain typical, generalized form of decoration of glazed vessels has been developed and the principle of decoration is the same in all cases, namely: the outer surface of the bowls is decorated with a relief rose decorated with blue dots and an arched ornament attached to the upper edge of the vessel. Rose petals are divided into two parts by a chain of vertical short lines; The interior design scheme is different. It can be said that it is too decorative and overloaded, but this does not prevent it from being harmonious and balanced at the same time. The inner rim is characterized by the uniformity of the ornamentation of the skirts (ornamented belts, concentric circles), while the base of the vessel is distinguished by a different compositional solution (Fig. 3). The inner surface is divided into zones by alternating concentric circles, decorated belts and a central composition. In each zone, the elements are arranged according to a certain rhythm:

- In a wide belt near the edge an epigraphic ornament is drawn in large, “thick” letters. The mentioned motive has been carefully discussed by the researchers – A. Iskanderova [13, p. 10], O. Kuznetsova [25, p. 173), n. Grajdankina [9,

p. 128] and O. Bolshakov [2, p. 35]. N. Lisova [31, p. 196] and Iskanderova [13, p. 62] in their works is noted that the ornament represents the Arabic word "ikbal" (luck?), written in Kufic letters, repeated several times (Fig. 4, 1);

• The next, relatively narrow, belt is made with the motif of stylized drops (tears) decorated with a large blue dot. The drops are depicted in the form of extremely schematic Figures, which is why they have a rather interesting interpretation, namely: some researchers refer to such a motif as "diving (watching) fish" [22, p. 741, 743], with another interpretation this motif is called "peacock eye" [22, p. 741; 31, p. 84, 64]. The peacock eye in Islamic symbolism is associated with the "eye of the heart" and inner vision, which is why they were used quite often in Islamic aesthetic culture.

• Each belt is separated from each other and from the central composition of the base of the vessel by a ring surrounded by black concentric circles, in which a large blue dot is inserted here and there.

• The bottom of the vessel – the center is accented with a different decor, which at the same time is also a compositional center. The central composition, in contrast to the typical, uniform decoration of the sides of the bowl, is distinguished by a variety of ornamentation (Fig. 3, 2–6): there is a plant motif, a six-pointed star, a floral motif combined with a geometric one. Sometimes zoomorphic (duck, peacock, fish, predatory animals) or abstract Figures, etc. are represented. For example, one of the bowls shown in the picture has a small blue circle in the center, surrounded by white and black concentric circles; outside of them, a six-pointed star obtained by intertwining two equilateral triangles (Fig. 3, 2); The base of the second bowl is decorated with a stylized lotus flower (Fig. 3, 3); There are compositions of ducks (Fig. 3, 4), abstract forms similar to "rolling clouds" (Fig. 3, 5), a rhombic grid enclosed in a circle and alternating stylized drops (Fig. 3, 6) and many others.

Similar to foreign bowls, the principle of dividing the inner side into decorated belts is clearly visible on the Kutaisi fragment, in particular, a wide epigraphic belt is located near the edge – the very fragment on which the Arabic word "ikbal" written in Kufic letters is read (Fig. 4, 2); And after it, a relatively narrow belt – with a stylized "peacock eye" motif (Fig. 2).

Fig. 5. Graphic reconstruction of the bowl

As we can see, according to the comparative analysis, despite the fragmentation of the Kutaisi ceramics, their identity is visible, which means that the foreign ceramics are direct analogues of the Kutaisi ceramics. The mentioned fact, despite the absence of a central composition, allows the graphic reconstruction of the fragment of the Kutaisi bowl (Fig. 5).

The comparative analysis of Kutaisi and foreign materials reveals that we are dealing with samples of the same origin and that the ceramic ware from the Kutaisi museum collection is not locally made, but imported, oriental-style Kashan pottery, decorated with Kufic letters and the Arabic word – "ikbal".

The similarity of the decoration characteristic of the Kutaisi and foreign samples, the identity of the relief modeling of the ornament, the uniformity of the calligraphic inscription, the same compositional structure, form, motifs, and colors allow us to conclude that all of them were made in the same area with the same traditions and possibly in the same workshop. It is quite difficult to specify a specific place. Most of the authors name the place of origin of Kashan vessels with such a compositional solution, decorated with epigraphic ornaments, in the Lower Volga region of the time of the Golden Horde, some in Khorezm regions (Central Asia), and others in the city of Nishapur (Iran, Khorasan). Lisova writes that exactly the same inscriptions are on the well-known "Sultanabad" type Iranian bowls and Syrian vase necks [31, p. 71]. The researcher notes that in Khorezm, the ornamentation characteristic of Kashan pottery did not occur earlier than in the Lower Volga Region [31, p. 116]. Contrary to this assumption, in a recent publication [13, p. 68] the opinion is expressed about the great role of Khorezm masters in the formation of the ceramic crafts of the Golden Horde, which is explained by the tradition of bringing ceramic craftsmen from the conquered countries to the Golden Horde; It is also noted that many decorative elements and relief ornaments of Kashan ceramics of the Golden Horde originated in pre-Mongol Iran – Central Asia, in particular, they include the "peacock eye" motif, epigraphic ornament – "ikbal", lotus flowers or zoomorphic images [13, p. 68]. This opinion was expressed by the authors in the publications – Bulatov N., Soviet Archaeology, M., 1968 and Kdyrniyazov, Issues of History, archeology and ethnology of Karakalpakstan, Nukus, 1990. Therefore, the question of the origin of the above-described samples is still controversial, therefore, the question of the attribution of the Kutaisi glazed ceramic vessel remains unclear and only assumptions can be made about its origin. The mentioned problem needs additional study – including the full array of existing sources.

It should not be surprising to find foreign-made Kashan pottery decorated with epigraphic ornament in the territory of medieval Kutaisi old settlement. Of course, it is impossible to prove for sure – in what way it should have got to Kutaisi old city. The period to which similar Kashan pottery dates, i.e. the turn of the 13th and 14th centuries, is the period of Mongol rule in Georgia. At that time, our country had close political and socio-economic relations with the Eastern world – because of political considerations, Georgian kings and princes often traveled to the territory of the Mongols (Ilkhans); Georgian nobles received valuable gifts from the Mongols. The Georgian army took part in all Mongol campaigns [5] and returned with trophy; In this period, despite the fact that the trade routes around Georgia were somewhat reduced, the tradition of giving and receiving continued with the Eastern world. Therefore, the possibility of bringing Kashan pottery to Kutaisi old

settlament is not ruled out. One thing can be said for sure: the existence of a bowl decorated with Arabic epigraphic ornaments in the territory of Kutaisi old settlament is an indicator of cultural contacts and mutual relations between Georgia and the Eastern Muslim world.

Therefore, from the bowl of the two types of glazed ceramics of the above-mentioned oriental style, if there is an opinion about the first sample that it may be a local copy, the second is undoubtedly an imported product of the Golden Horde period and represents a fragment of the oriental-style Kashan ware imported from the Muslim world (Lower Volga Region, Khorezm, or Nishapur). As for medieval Kutaisi, it was undoubtedly a city where various types of glazed ceramics were made in ceramic workshops and foreign products were imported through trade or socio-political relations with foreign countries.

REFERENCES

1. Bakhtadze N. (Compiled and author) Ceramics in the Medieval Georgia (Georgian National Museum Collections). Tbilisi: Sulakauri publishing house, 2013, 127 p.

2. Bolshakov O.G. Glazed ceramics of Maveranahr 8th–14th centuries as a historical and cultural monument: abstract of the dissertation of Cand. Sci. L., 1954. (In Russian)

3. Chilashvili L. A guide to the Exhibition of Georgian Material Culture Fourth to Eightmenth Centuries. Tbilisi: Metsniereba, 1990, 115 p. (In Georgian)

4. Chilashvili L., The Ancient Georgian Inscriptions of Nekresi and Questions of the History of Georgian Writing. Tbilisi: Qvarlis Raionis Ark‘eologiuri P‘ondi, 2004, 35 p. (In Georgian)

5. Demetrius II the Devoted Wikipedia, the free encyclopedia (2024, January 20). Retrieved April 21, 2024, from Wikip.

6. Dostiev T.M. Glazed Ceramics of Medieval Shamkir City Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries. Vol. 2. Kazan – Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 639–674. (In Russian)

7. Ekhtiar Maryam D. How to Read Islamic Calligraphy. Metropolitan Museum of Art, 2018. 156 p. Available at: https://archive.org/details/how-to-read-islamic-calligraphy-by-maryam-d-ekhtiar (date accessed 22.06.2024)

8. Goyushov N. Symbolism of letters. Medieval manuscripts and historical problems of Azerbaijani culture. Baku, 1988. (In Azerbaijani)

9. Grazhdankina N.S., Rtveladze E.V. The influence of Khorezm on the ceramic production of the Golden Horde city of Majar. *Soviet archeology*. No. 1, 1971, pp. 127–139. (In Russian)

10. Gyul E.F. Glazed Ceramics of Uzbekistan: Stages of Development. *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 779-794. (In Russian)

11. Ilyasov J. Arabic inscriptions on ceramics of the Tashkent oasis of the 9th–11th centuries. In *There is no good in wealth... Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th-12th centuries*, by Ilyasov J.Ya., Imamberdyev R.A., Iskhakova E.A., Ilyasova S.R., Moscow: Marjani Foundation; 2016, pp. 379–520. (In Russian)

12. Ilyasova S. Glazed ceramics of Shash and Fergana of the 9th – early 13th centuries: a comparative analysis of artistic traditions (based on materials from Binkat – Tashkent and Akhsikat). Abstract of dissertation of Ph.D. Samarkand. 2008, 27 p. (In Russian)

13. Iskanderova A.J., Sultanova M.N. Ornamentation of glazed ceramics of Khorezm (13th–14th centuries). *Archaeology of the Eurasian steppes*. 2022, no. 3, pp. 57–73. https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.32.62-76 (In Russian)

14. Islamic alphabet. Arabic hieroglyphs and their meaning. Available at: goaravetisyan.ru – Women's online magazine Islamic alphabet. Arabic hieroglyphs and

their meaning. January 25, 2022. https://goaravetisyan.ru/ka/islamskii-alfavit-arabskie-ieroglify-i-ih-znachenie/ (date accessed 19.05.2024) (In Georgian)

15. Jgamaia J. Construction Ceramics in Georgia of Feudal Period. Tbilisi: Metsniereba, 1980, 134 p.

16. Kartsidze N. G., Ugrekhelidze I. I., Sarava N. D., Sulaberidze D. N. Glazed ceramic vessel with the image of a bird from the Kutaisi Historical Museum. Global science: prospects and innovations. Proceedings of the 7th International scientific and practical conference. Liverpool, United Kingdom: Cognum Publishing House, 2024, pp. 414–420. Available at: https://sci-conf.com.ua/vii-mizhnarodna-naukovo-praktichna-konferentsiya-global-science-prospects-and-innovations-1-3-03-2024-liverpul-velikobritaniya-arhiv/ (date accessed 22.06.2024)

17. Kartsidze N. G., Ugrekhelidze I. I., Sarava N. D., Sulaberidze D. N. For the Decoration of Kutaisi Glazed Ceramics. Modern research in science and education. Proceedings of the 7th International scientific and practical conference. Chicago, USA: BoScience Publishe,. 2024, pp. 342–349. Available at: https://sci-conf.com.ua/vii-mizhnarodna-naukovo-praktichna-konferentsiya-modern-research-in-science-and-education-7-9-03-2024-chikago-ssha-arhiv/ (date accessed 22.06.2024)

18. Kartsidze N., Lanchava O., Ugrekhelidze I., Sarava N. Artifacts Reflecting the Traditions of Producing Glazed Ceramics from the Kutaisi Historical Museum. *Proceedings of Georgian National Academy of Sciences, series of History, Archaeology, Ethnology and Art History*. 2023, no. 2, pp. 128–138.

19. Kartsidze, N. Medieval Glazed Ceramics from Kutaisi. Doctoral thesis. Kutaisi: 2010, 212 p. (In Georgian)

20. Kdyrniyazov M.-Sh. Qashan Ceramics of Khwarezm. *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 813–834. (In Russian)

21. Kdyrniyazov O.-Sh. Glazed Ceramics of Mizdakhkan. *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 795–812. (In Russian)

22. Koval, V. Yu. Imported glazed ceramics of the Moscow Kremlin (according to excavations in 2007*). Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 739-766. (In Russian)

23. Krachkovskaya V. A. Arabic writing on the monuments of Central Asia and Transcaucasia in the 9th-11th centuries. *Krachkovskaya V. A. Arabic writing on the monuments of Central Asia and Transcaucasia in the 9th-11th centuries. Epigraphy of the East*. No. 10. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1955, pp. 42–85. (In Russian)

24. Kurbanov B.G. Epygraphics on Medieval Glazed Ceramic Products from the Collection of the Bukhara Museum-Reserve. *Scientific progress*. 2021, vol. 2, no. 8, pp. 82–87. (In Russian)

25. Kuznetsova O.V. Glazed Ceramics of Saraichik. In: Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (ed.). *The Genoese Gazaria and the Golden Horde*. Kazan-Simferopol – Kishinev: Stratum Plus, 2015, 167-180. (In Russian)

26. Kvantidze, G. Ornaments of Georgian Attire. Tbilisi: 2018, 80 p. (In Georgian)

27. Kvantidze, G., Lursmanashvili, L., Pailodze, N. & Abesadze, N. Modern Aspects of Tushetian Handicraft (Coloring, Kniting, Decor). History, Archaeology, Ethnology [Online]. 2023, no. 9, pp. 230–241. Available at: http://www.sciencejournals.ge/index.php/HAE/article/view/361 (date accessed 18.05.2024) (In Georgian)

28. Lanchava O. The archaeology of Kutaisi. Kutaisi: PWF, 2015, 332 p.

29. Lavysh K.A. Oriental and Byzantine Glazed Pottery in Medieval Towns on the Territory of Belarus. *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 603–624. (In Russian)

30. Lebedeva D.V., Pigarev E.M., Mirsiyapov I.Yu. Zoomorphic Motifs on the Ceramics from the Selitrennoe Settlement. *The Volga River Region Archaeology*. 2021, no. 4 (38), pp. 108–116. https://doi.org/10.24852/pa2021.4.38.108.116 (In Russian)

31. Lisova N.F. Ornament of glazed dishes from the Golden Horde cities of the Lower Volga region. Series Archaeology of the Eurasian steppes. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Iss. 15, 2012, 208 p. (In Russian)

32. Lursmanashvili L., Kvantidze G. and Failodze N. Color Harmonization in Georgian Ornaments. *Georgian Scientists.* 2022, vol. 4, no. 5, pp. 369–382. doi.org/10.52340/gs.2022.04.05.41 (In Georgian)

33. Mamaiashvili N. Faience in medieval Georgia. Tbilisi: Metsniereba, 1976. (In Georgian)

34. Rudenko, K. A. Medieval Ceramics from the National Museum of Tatarstan (preliminary communication). *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Vol. 2. Kazan-Kishinev: Stratum plus, 2017, pp. 675–700. (In Russian)

35. Sarava N., Kartsidze N., Ugrekhelidze I. For the study of Kutaisi glazed ceramic bowl ornament. Proceedings of the international scientific conference of the Tbilisi Academy of Arts. Tbilisi, Georgia: Academy, 2024. Available at: https://art.edu.ge/wp-content/uploads/2024/04/TSAA-conference-2024.pdf (date accessed 29.07.2024) (In Georgian)

36. Tevzaya M. Georgian Ornament, Part 1. Tbilisi: Art publishing, 2005, 62 p.; Tevzaya M. Georgian ornament. Part 2. Tbilisi: Art publishing, 2009, 42 p. (In Georgian)

37. Wilkinson Charles Kyrle Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. New York, Metropolitan Museum of Art, 1973, 374 p. Available at: https://www.metmuseum.org/ru/art/metpublications/Nishapur_Pottery_of_the_Early_Islamic_Period (date accessed 29.07.2024)

38. Zakaraya P. Architecture of the ancient settlement Urbani. Tbilisi: Metsniereba, 1965, 160 p. (In Georgian)

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА С ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ КУТАИССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***И.И. Угрехелидзе*[1,2] ✉ , *Н.Г. Карцидзе*[1,2], *Н.Д. Сарава*[1], *Д.Н. Сулаберидзе*[1]**

[1] Кутаисский государственный исторический музей
[2] Кутаисский Государственный университет имени Акакия Церетели
Кутаиси, Грузия
✉ *irina.ugrekhelidze@atsu.edu.ge*

Резюме. Цель исследования: Анализ сосудов, орнаментированных эпиграфическими мотивами, из коллекции поливной керамики Кутаисского Исторического Музея, и определение их происхождения на основе обзора аналогичного материала.

Материалы исследования: Использованы артефакты, найденные в ходе археологических исследований средневекового города Кутаиси (Накалакари) с 1984 по 2010 гг., которые хранятся в археологическом фонде музея.

Результаты и научная новизна: Традиция, декорирования керамики арабской каллиграфической надписью получила широкое распространение в восточном мире с 10 века. Арабские буквы считались священными в Средние века и имели смысловое значение. Надписи были по содержанию афористичными (религиозные выражения из Корана, наставления), благословенными и благожелательными (благополучие, ус-

пех), или состояли только из слов (имена Бога и пророков), из слога или отдельных букв. В дальнейшем эпиграфический орнамент развивался по двум направлениям: первое – буквы в результате стилизации превратились в растительные завитки и цветы, то есть развивался процесс флоризации; Второе – эпиграфический орнамент превратился в стилизованный псевдоэпиграфический мотив, имитирующий арабскую письменность.

В результате сравнения Кутаисских образцов с зарубежными аналогами и анализа надписи установлено, что одна из чаш украшена псевдоэпиграфическим орнаментом, в частности, словом «ikbal» (успех), выполненным отдельными буквенными знаками, имитирующими куфическую каллиграфию. Вторая чаша, эта, несомненно, кашанская посуда золотоордынского периода, импортированная из мусульманского мира, эпиграфический орнамент которой представляет собой тот же самое арабское слово, изображенное на вышеописанной чаше – «ikbal», написанное куфическими буквами. Вопрос о его происхождении до сих пор остается спорным (Нижнее Поволжье, Хорезм, Нишапур) и требует дополнительных исследований.

Новизна заключается в том, что впервые в научный оборот введена импортная поливная керамика, украшенная эпиграфическим орнаментом из Кутаисской коллекции.

Ключевые слова: золотоордынский период, глазурованная керамика, археология старого города Кутаиси, эпигрофический орнамент

Для цитирования: Ugrekhelidze I.I., Kartsidze N.G., Sarava N.D., Sulaberidze D.N. Glazed ceramics with epigraphical ornament from Kutaisi Historical Museum // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 101–115. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.101-115 EDN: OALVWJ

Финансирование: Данная работа была поддержана Национальным научным фондом Грузии имени Шота Руставели (SRNSFG) (номер гранта FR-21-8738).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Иосифовна Угрехелидзе – заведующий отделом текстиля и вышивки, Кутаисский Государственный Исторический Музей (4600, ул. Пушкина, 18, Кутаиси, Грузия); Академический доктор инженерии, ассоциированный профессор кафедры дизайна и технологии, Кутаисский Государственный Университет им. Акакия Церетели; ORCID: 0000-0001-7982-9927; Scopus Author ID: 59187387500. E-mail: irina.ugrekhelidze@atsu.edu.ge

Нона Грамитоновна Карцидзе – заместитель директора по управлению персоналом и связям с общественностью, Кутаисский Государственный Исторический Музей (4600, ул. Пушкина, 18, Кутаиси, Грузия); Академический доктор исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории и археологии, Кутаисский Государственный Университет им. Акакия Церетели; ORCID: 0000-0002-6148-4753. E-mail: n.kartsidze@gmail.com

Нино Давидовна Сарава – куратор отдела искусств, Кутаисский Государственный Исторический Музей (4600, ул. Пушкина, 18, Кутаиси, Грузия), Докторант Тбилисской государственной художественной академии; ORCID: 0009-0007-4655-4171. E-mail: ninosarava@hotmail.com

Давит Нодариевич Сулаберидзе – кандидат исторических наук**,** главный хранитель фондов, Кутаисский Государственный Исторический Музей (4600, ул. Пушкина, 18, Кутаиси, Грузия); ORCID: 0009-0006-5680-5328. E-mail: datosulaberi@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Ugrekhelidze – Head of the Department of Textiles and Embroidery, Kutaisi State Historical Museum (4600, Pushkin Str., 18, Kutaisi, Georgia); Academic Doctor of Engineering, Associate Professor of the Department of Design and Technology, Kutaisi Akaki Tsereteli State University; ORCID: 0000-0001-7982-9927; Scopus Author ID: 59187387500. E-mail: irina.ugrekhelidze@atsu.edu.ge

Nona G. Kartsidze – Deputy Director for Personnel Management and Public Relations, Kutaisi State Historical Museum (4600, Pushkin Str., 18, Kutaisi, Georgia); Academic Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Kutaisi Akaki Tsereteli State University; ORCID: 0000-0002-6148-4753. E-mail: n.kartsidze@gmail.com

Nino D. Sarava – Curator of the Art Department, Kutaisi State Historical Museum (4600, Pushkin Str., 18, Kutaisi, Georgia), Doctoral Student of the Tbilisi State Academy of Arts; ORCID: 0009-0007-4655-4171. E-mail: ninosarava@hotmail.com

Davit N. Sulaberidze – Cand. Sci. (History), Chief Curator of Funds, Kutaisi State Historical Museum (4600, Pushkin Str., 18, Kutaisi, Georgia); ORCID: 0009-0006-5680-5328. E-mail: datosulaberi@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 24.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 06.02.2025
Принята к публикации / Accepted 07.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.116-128
EDN: PFFACK УДК 94(470.65+510+517)"1253/1811"

АЛАНЫ В МОНГОЛИИ И КИТАЕ: ОСНОВНЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ (1253–1811 гг.)

Э.В. Казиев

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
Владикавказ, Российская Федерация
kedmon@rambler.ru

Аннотация. Настоящее исследование является источниковедческим обзором, имеющим целью представление основных сведений, отражающих историю службы алан монголам в Монголии и Китае. Материалами для исследования послужили разноязычные письменные источники, охватывающие период с середины XIII по начало XIX вв. Обобщение в одном обзоре сведений источников по указанному вопросу, охватывающих такой широкий хронологический диапазон, составило научную новизну представленного исследования. Отсутствие в научной традиции такого рода работ определило его актуальность. По результатам обзора был сделан общий вывод о том, что аланы, служившие монголам в Монголии и Китае, приняли участие во многих наиболее значимых внешне- и внутриполитических событиях монгольской истории, имевших место в этих странах с середины XIII в., начиная от завоевания Южного Китая, завершившегося в 1279 г., и заканчивая внутриполитической борьбой в монгольских землях, начавшейся после свержения в Китае династии Юань «красными войсками» в 1368 г. Кроме того, отмечается, что один из аланских лидеров, Аругтай, даже смог в первой четверти XV в. на некоторое время объединить враждующие восточномонгольские народы. Вместе с тем указывается, что аланы, оказавшиеся по воле исторической судьбы в Монголии и Китае, конечно же, не смогли избежать ассимиляции со стороны монголов, став частью этого народа, известной как асуты. Однако утверждается, что даже став частью монгольского народа, аланы вплоть до начала XIX вв. продолжали сохранять такой важный элемент своего этнического самосознания как самоназвание.

Ключевые слова: аланы, монголы, династия Юань, источники, историография

Для цитирования: Казиев Э.В. Аланы в Монголии и Китае: основные письменные источники (1253–1811 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 116–128. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.116-128 EDN: PFFACK

© Казиев Э.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE ALANS IN MONGOLIA AND CHINA: THE MAIN WRITTEN SOURCES (1253–1811)

E.V. Kaziev

Institute of History and Archaeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
Vladikavkaz, Russian Federation
kedmon@rambler.ru

Abstract. This paper is a source study review aimed at presenting the main information that details the history of the Alans' service to the Mongols in Mongolia and China. The materials for the study were multilingual written sources covering the period from the mid-13th to the early 19th centuries. A tidy, single summarizing of information from sources on this issue, having such a wide chronological range, is the scientific novelty of the present study. The relevance of the study is determined by the absence of such a work in the existing scientific tradition. Based on the results of the review, a general conclusion was made that the Alans who served the Mongols in Mongolia and China took part in many significant foreign and domestic political events in Mongolian history that took place in the East Asia region from the mid-13th century onward, beginning with the conquest of Southern China which was complete in 1279 and ending with the internal political struggle in the Mongolian lands that followed the overthrow of the Yuan Dynasty in China in 1368. In addition, it is noted that one of the Alan leaders, Arugtai, was even able to unite the warring eastern Mongolian peoples for some time in the first quarter of the 15th century. At the same time, it is indicated that the Alans, who by the will of historical fate found themselves in Mongolia and China, could not avoid assimilation by the Mongols, having become part of this people, known as the Asuts. Nevertheless, it is argued that even after becoming part of the Mongolian people, the Alans continued to preserve such an important elements of their ethnic identity as their self-designation until the beginning of the 19th century.

Keywords: Alans, Mongols, Yuan dynasty, sources, historiography

For citation: Kaziev E.V. The Alans in Mongolia and China: the main written sources (1253–1811). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 116–128. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.116-128 (In Russian)

Введение

Как известно, одним из следствий монгольской евразийской экспансии, начатой Чингиз-ханом в начале XIII в. и продолженной его наследниками на монгольском престоле, стало появление большого числа представителей т.н. западных народов, служивших правителям-Чингизидам в Монголии и Китае. К числу этих западных народов относились и асы/аланы, значительная часть которых оказалась в Монголии и Китае после Западного Похода монголов 1236–1243 гг.

Сведения об этой части аланского народа имеются во множестве европейских, китайских и монгольских источников, однако для новоевропейской научной традиции они оставались неизвестными вплоть до 1739 г., когда французский иезуит А. Гобиль (отец Антоний), живший в Китае с 1722 г. и скончавшийся там в 1759 г., не опубликовал свой труд «История Чингиз-хана и всей монгольской династии» (имеющий в своей основе «Историю Юань»), в котором, комментируя сведения о рейде Субэдэя и Джэбэ 1222–1223 гг. в

западную часть Кипчакской степи, он локализовал «страну асов» неподалеку от Каспийского моря и указал на то, что после ее монгольского завоевания асы дали монголам множество способных военачальников, принявших участие в войнах монголов против империи Южная Сун [33, с. 40–41, 147, 172]. В 1773 г. сведения А. Гобиля об аланах, служивших монгольским императорам в Китае, использовал академик Г.Ф. Миллер для аргументации своего предположения о тождестве алан/асов разноязычных средневековых письменных источников и осетин [22, с. 18].

В 1823 г. Ю.Г. Клапрот прямо констатировал наличие сведений об аланах в официальной «Истории Юань» [36, с. 82–88]. Об исключительном использовании в монгольских и китайских средневековых источниках названия *асы* для обозначения народа, именующегося *аланами*, писал В. де Сен-Мартен [32, с. 189]. О монгольском аймаке *Асут*, существовавшем в Монголии после падения династии Юань, сообщал в своем труде член 12-й Русской духовной миссии в Пекине (1840-1847 гг.) В.В. Горский [8, с. 131].

В 1866 г. начальник 15-й Русской духовной миссии (1865–1878 гг.) П.И. Кафаров открыл для европейской науки монгольскую эпическую хронику «Сокровенное сказание» и опубликовал ее первый русскоязычный перевод, в комментариях к которому он указал на сведения об аланах и асах, имеющиеся в вышеупомянутой юаньской хронике, а также на их тождество с ясами русских хроник [2, с. 247]. В публикации 1877 г. П.И. Кафаров представил первый краткий перевод жизнеописаний некоторых аланских военачальников из «Истории Юань» [3, с. 47–48].

В 1876 г. российский востоковед Э.В. Бретшнейдер в своем объемном очерке об исторической географии Центральной и Западной Азии представил подробные переводы части сведений из жизнеописаний аланских военачальников юаньской хроники, сведения об асутах и аланском городе *Магас из монгольского «Сокровенного сказания», а также другие сведения об аланах [29, с. 147, 150, 258–263]. Очерк Э.В. Бретшнейдера в том же году вышел отдельным изданием и впоследствии дважды переиздавался вместе с тремя другими его историко-географическими работами. В 2018 г. эти работы Э.В. Бретшнейдера были изданы на русском языке [5].

Английский востоковед Г. Юл в своем труде о Китае и путях туда привел и прокомментировал сведения различных средневековых повествований и хроник о военачальниках аланах-христианах, служивших при юаньском дворе [30, с. xcix, cxxxi, 313–321, 317, 336, 373]. Из многочисленных переводов «Книги» Марко Поло, выходивших на протяжении XIX в., содержащей рассказ об убийстве аланских воинов в одном из городов Южного Китая во время его завоевания войсками империи Юань, также следует выделить перевод Г. Юла, соотнесшего, как и Г.Ф. Миллер, указанный рассказ Марко Поло именно с кавказскими аланами/осетинами [46, с. 140–143].

В 1914 г. А.И. Иванов перевел почти полностью все жизнеописания аланских военачальников, содержащиеся в «Истории Юань», за исключением жизнеописания аса *Адачи* (阿荅赤, цз. 135), которого он справедливо отождествил с асом *Атачи* (阿塔赤), отметив, что аналогичные и более подробные сведения о нем содержатся в жизнеописании отца этого юаньского военачальника – аланского правителя *Ханхусы* (杭忽思) [11, с. 291]. Кроме того, в этой же работе А.И. Иванов представил перевод части сведений об аланских

гвардейцах, содержащихся в трактате «Войско» юаньской хроники [11, с. 286], а также кратко описал структуру некоторых властных и военных органов и учреждений империи Юань [11, с. 283, 287, 295, 296, 298].

В это же время и в ближайшие последующие годы выходят работы французского востоковеда П. Пеллио, в свою очередь представляющие сведения об аланах из повествования Марко Поло, китайских, монгольских и др. источников, а также сведения из переписки алан с папой Бенедиктом XII [41, с. 641–644; 42, с. 16–25]. Тогда же выходят работы по истории христианства в Китае английского востоковеда А.К. Моула, где также приводятся сведения китайских, монгольских и европейских источников об аланах, служивших в Китае и Монголии [39, с. 12–14, 19, 26, 30–31; 40, с. 140–141; 252–254, 260–264]. Совместным переводческим и исследовательским трудом П. Пеллио и А.К. Моула стало комментированное англоязычное издание «Книги» Марко Поло, критически скомпилированное из различных частей этого источника, представленных в первых его списках и печатных изданиях [38, с. 149–150, 509]. Фрагменты переписки аланских князей с папой Бенедиктом XII, а также письма пекинского епископа Джованни Монтекорвино в это же время публикует Г. Хенниг [34, с. 104–128, 191–206].

С середины XX в. и по настоящее время сведения источников об аланомонгольских отношениях XIII-XIV вв. уже активно привлекаются для исследований различных аспектов собственно аланской истории [1, с. 253–254; 7, с. 178, 188, 195, 202–215; 44, с. 242–246; 4, с. 481–487, 518–558; 9, с. 80–87, 114–118; 14, с. 283–289; 26, с. 522–528], истории Золотой Орды [19, с. 41–42; 13, с. 162–176, 356], а также истории Китая [35, с. 46–47, 97–98, 103; 37, с. 283, 289] и Монголии [21, с. 54–57]. Переводы погодных записей «Истории Юань», относящихся к периоду правления императора Хубилая, где также содержатся сведения об аланах/асах, состоявших при нем на гвардейской службе, представил отдельным изданием Р.П. Храпачевский [27, с. 281, 444, 457, 498, 499, 510, 543].

Актуальность и цели исследования

Очевидно, что изучение проблемы алано-монгольских отношений XIII–XIV вв., начавшись с простой констатации сведений о нахождении алан на монгольской службе в Китае, было особенно плодотворным в период со второй половины XIX по первую половину XX вв., когда появились первые подробные переводы соответствующих сведений китайских и других источников, благодаря чему процесс изучения указанной проблемы в последующие годы XX в. и вплоть до настоящего времени вышел на новый уровень, получив возможность использования этих сведений в исследованиях по средневековой истории Китая, России, Монголии и других стран. Вместе с тем приведенные работы, как и большинство других трудов, посвященных схожей проблематике, как правило, представляют лишь часть сведений из соответствующего корпуса источников, необходимых для решения конкретных вопросов того или иного исследования. Отсутствие же обобщающих источниковедческих исследований определяет актуальность настоящего небольшого

обзора, целью которого является представление сведений основных источников, отражающих историю службы алан монголам в Монголии и Китае[1].

Обсуждение

Хронологически первые известные на сегодняшний день сведения об аланах, служивших монголам в Монголии, представлены в повествовании Гийома де Рубрук – посла-минорита французского короля Людовика IX, совершившего поездку в монгольскую столицу Каракорум в 1253-1255 гг., где при дворе Мункэ-каана он видел алан-христиан [24, с. 14, 161].

Первым же источником, содержащем сведения об аланах, служивших монголам в Китае, является «Книга о разнообразии мира» венецианского купца Марко Поло, состоявшего на службе у каана и юаньского императора Хубилая с 1275 по 1291 гг. В своей «Книге», составленной между 1296 и 1299 гг. [38, с. 34–35; 4, с. 230], Марко Поло подробно, хотя и противоречиво, описал эпизод массовой гибели алан при взятии юаньскими войсками одного из южно-китайских городов, а также мятеж монгольского владетеля Наяня против Хубилая [38, с. 194–199; 4, с. 231]. Описывая события этого мятежа, Марко Поло не упоминает алан, но в жизнеописаниях аланских военачальников Атачи, Юйваши, Демидиэра, Шила-Бадуэра и Бадуэра «Истории Юань» (см. ниже) содержатся сведения об их участии в его подавлении [4, с. 523, 529, 532, 533–534, 536].

Сведения о тридцати тысячах аланах, служивших юаньскому императору и окормляемых первым католическим архиепископом Пекина Джованни Монтекорвино, имеются в письме францисканца Перегрина де Кастелло, прибывшего в Ханбалык (Пекин) в 1309/10 г. и позднее ставшего епископом Зайтуна/*Цюаньчжоу* (泉州), где он скончался 7 июля 1323 г. [43, с. 366; 4, с. 228]. Известно еще и анонимное письмо одного из миноритов в Пекине, датируемое декабрем 1318 г., также сообщающего о пребывании на службе при юаньском дворе алан-христиан, чьим пастырем вместе с членами их семей был Джованни Монтекорвино, но ограничивающем их числом в двадцать тысяч [40, с. 208].

Сведения о христианском вероисповедании алан, служивших юаньским императорам, также содержатся в переписке монгольского каана и китайского императора Тогон-Темура (прав. в 1333-1368 гг.) и состоявших у него на службе алан с папой Бенедиктом XII. Пятеро аланских князей в своих письмах просили папу прислать нового архиепископа взамен Джованни Монтекорвино, умершего в 1328 г. [15, с. 27–47].

Косвенные сведения о пребывании алан в Китае также содержатся у францисканца Одорико Парденоне (с. 1280–1331 гг.), побывавшего в Китае между 1324 и 1328 гг. и сообщающего в своем надиктованном предсмертном повествовании об этой поездке о напитке под названием *bigni*, справедливо соотнесённом Г. Юлем с осетинским традиционным пивом *бæгæны* и аланами, находившимися в Пекине [30, с. 117–118, liv].

[1] Обзор основных исторических сюжетов, составивших алано-монгольские отношения в XIII–XV вв. представлен в специальной работе, содержащей и соответствующие сведения мусульманских авторов, но не относящиеся к теме настоящей работы, поскольку они ничего не сообщают об аланах, служивших монголам в Монголии и Китае [18, с. 432–438].

В ответ на вышеупомянутую просьбу аланских князей в 1338 г. из Авиньона в Ханбалык была отправлена миссия во главе с францисканцем Джованни Мариньолли, включившем некоторые сведения о своем путешествии в «Богемскую хронику», составленную им в 1353 или 1354 гг. В этих сведениях содержатся дискуссионные утверждения о том, что на службе уже у Чингиз-хана (прав. 1206–1227 гг.) находилось семьдесят два аланских князя [31, с. 110; 16, с. 244].

Большая часть сведений об аланах, служивших монголам в Монголии и Китае, содержится в китайских источниках. В 1345 г. под руководством монгольского чиновника и историографа Тогто была составлена официальная «История Сун», охватывающая период правления в Китае этой династии, приходящийся на 960–1279 гг.[2] Эта хроника, насчитывающая сорок томов в своем современном издании, не переводилась на европейские языки. Хотя в ней не удалось обнаружить сведения, содержащие прямое упоминание алан, она описывает события монгольского завоевания Южного Китая, в которых аланы принимали непосредственное участие. В частности, в ней содержится описание эпизода массовой гибели алан в одном из южно-китайских городов (см. выше) [49, с. 930, 13265][3].

Основная часть сведений об Алании и аланах, в том числе служивших монгольским правителям на Дальнем Востоке, содержится в официальной «Истории Юань», составленной в 1369-1370 гг. коллективом редакторов и писцов под руководством литератора и ученого Сун Ляня [48, с. 36, 38–40, 328, 3011, 3037–3038, 3131, 3205–3206, 3208–3210, 3212–3213, 3277, 3280, 3284, 3285; 11, с. 281–300; 4, с. 523–538; 27, с. 12, 281, 444, 457, 498, 499, 5109, 543][4].

Кроме того, сведения об участии шести тысяч алан в попытках подавления восстания «красных войск», свергнувшего в 1368 г. династию Юань, содержатся в *Неофициальной истории императора Гэн-шэня, записанной очевидцем* (庚申帝外史聞見錄), более известной как *Неофициальная история Гэн-шэня* (庚申外史), составленной историком Цюань Хэном в первые годы правления династии Мин, сменившей в том же 1368 г. династию Юань на китайском престоле [50, с. 24]. Эти же сведения вошли в хронику *Продолжение "Всеобщего зерцала, правлению помогающего"* (续资治通鉴), продолжающую компилятивное историко-энциклопедическое повествование, составленное историком и государственным деятелем Сыма Гуаном в 1084 г. и

[2] 20 февраля 1276 г. четырехлетний сунский император Чжао Сянь после взятия юаньскими войсками в осаду его столицы Линьаня/Ханчжоу официально отрекся от престола [27, с. 274], но до 1279 г. на юге страны продолжалось сопротивление сунских лоялистов, последовательно провозглашавших императорами двух сводных братьев отрекшегося Чжао Сяня.

[3] В этих сведениях нет непосредственного упоминания алан, но говорится о «юаньских войсках».

[4] Поскольку сведения об аланах, содержащиеся в «Истории Юань», объемны и относятся к целому ряду исторических сюжетов, приводить их все в обобщающей источниковедческой статье не было возможности. Вместе с тем эти сведения представлены здесь постраничными сносками на оригинальный текст хроники, а также на полные (А.И. Иванов, А. Алеманъ) или частичные (Р.П. Храпачевский) их русскоязычные переводы.

охватывающее период с 403 г. до н. э. по 959 г. Под своим полным названием хроника известна как *Высочайше утвержденное официальное издание "Всеобъемлющего зерцала, правлению помогающего"* (御批資治通鑑綱目正編). Указанное «Продолжение» этой хроники является коллективным трудом ряда авторов, издававшемся с 1801 г. на протяжении XIX в. под именем ее первого составителя *Би Юаня* (畢沅, 1730–1797 гг.) и охватывающем период с 960 по 1370 гг. [47]. Часть этой хроники, не содержащая упоминания алан, но подробно излагающая события монгольского завоевания Южного Китая, пришедшиеся на время правления каана Мункэ, переведена Н.Я. Бичуриным (Иакинфом) и включена им в его перевод анналов правления первых четырех монгольских каанов, содержащихся в «Истории Юань» [12, с. iii–v, 321, 327, 333–336, 343–347, 350–354].

После ухода монголов из Китая на территории Монголии было образовано государство Северная Юань (кит. 北元), фактически просуществовавшее в междоусобных воинах вплоть до окончания периода правления последнего Чингизида Лигдэн-каана, скончавшегося в 1634 г., чей малолетний сын Эджей в 1635 г. сдался маньчжурским завоевателям, отдав им печать императоров Юань [28, с. 23]. Поздние монгольские хроники, описывающие этот период (1368-1635 гг.) также содержат сведения об аланах, уже ставших частью монгольского народа.

В летописи «Золотой свод», составленной ламой Лубсан Данзаном между 1655 и 1660 гг., представлены сведения, аналогичные сведениям Джованни Мариньолли (см. выше), о том, что еще при Чингиз-хане аланы входили в западный монгольский тумен Йоншэбу [20, с. 12–13, 28, 244]. Ошибочность этих сведений отмечалась в литературе [6, с. 96; 17, с. 367–368]. Кроме того, в анонимном летописном своде «Желтая история», составленном не ранее 1689-1700 гг., говорится, что аланы вошли в тумен Йоншэбу только при Элбэг Нигулэсугчи-каане (прав. в 1394–1399 гг.), т.е. после того, как этот тумен вместе с девятью другими монгольскими туменами вышел из Китая после свержения династии Юань [10, с. 62, 97–98]. Хроника «Драгоценный свод», составленная в 1662 г. ордосским князем Саган Сэцэном, сообщает о восточно-монгольском владетеле (нойоне) асуте *Аругтае/Аргутае* (阿魯台, ум. в 1434 г.), фактически управлявшем Восточной Монголией при его номинальных ставленниках-Чингизидах – сыне Элбэг Нигулэсугчи-каана Буньяшри Олдзей Тэмур-каане (прав. в 1408–1412 гг.) и Атай-каане (нач. прав. в 1426 г.) [45, с. 146–147; 23, с. 33–42, 46–49: 4, с. 484–486; 9, с. 149–151]. Хроники «Желтая история» и «Драгоценный свод» также сообщают о Номдар-Холочи-нояне, управлявшем туменом асутов при Тумэн-Дзасагту-каане (1539–1592 гг.), объединившем на некоторое время монголов [45, с. 201; 10, с. 62, 89].

Одними из последних сведений об аланах, вероятно, уже совершенно идентифицирующих себя как часть монгольского народа, являются сведения Г. Путимцева (отчество, к сожалению, не известно) – переводчика при начальнике Сибирской линии генерал-лейтенанте Г.И. Глазенапе. В июне 1811 г. Г. Путимцев был отправлен с разведывательной миссией вдоль линии разграничения российских и китайских владений от р. Бухтарма (приток р. Иртыш) через г. Чугучак и Джунгарские ворота до г. Кульджа. У минеральных источников Арашан/Арасан, расположенных в 20 км к востоку от оз. Алоколь, в буддийском храме, построенном калмыцким ханом Галданом в

XVIII в., Г. Путимцев видел надпись на калмыцком языке, в которой говорилось, что «монголы, называемые аланы, и киргизы всегда приезжают в сие место для излечения болезней своих в начале сентября и проживают здесь до октября месяца» [25, с. 39–40]. По словам Г. Путимцева, один из сопровождавших его калмыков также утверждал, что «кумирня» в ближайшее время подвергнется разорению со стороны киргизов, «если кочующие аланы ее не поддержат» [25, с. 40]. Необычным в этих сведениях является использование этнонима *аланы*, что не характерно для монголов, называвших алан *асуты*. Вероятно, этот этноним являлся самоназванием для алан, служивших монголам на Дальнем Востоке, и использовался этими аланами даже после ассимиляции их монголами.

Результаты

Таким образом, можно утверждать, что сведения об аланах, служивших монголам на Дальнем Востоке, содержатся в ряде письменных источников, охватывающих период с середины XIII по начало XIX вв. Согласно этим сведениям, аланы приняли участие во многих наиболее значимых внешне- и внутриполитических событиях монгольской истории в этот период, начиная от завоевания Южного Китая, завершившегося в 1279 гг., и заканчивая внутриполитической борьбой в монгольских землях, последовавшей после свержения в Китае монгольской династии Юань, случившегося в 1368 г. в ходе восстания «красных войск». Один из аланских лидеров, Аругтай, даже смог в первой четверти XV в. на некоторое время объединить враждующие восточномонгольские народы. Тем не менее аланы, оказавшиеся по воле исторической судьбы на Дальнем Востоке, конечно же, не смогли избежать ассимиляции со стороны монголов, став частью этого народа, известной как *асуты*. Однако, даже став частью монгольского народа, аланы вплоть до начала XIX в. продолжали именовать себя аланами, сохраняя до этого времени такой важный элемент своего этнического самосознания как самоназвание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. Т. 1. 607 с.
2. Архимандрит Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. 1866. Т. 4. С. 3–261.
3. Архимандрит Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. 1877. Т. 1. С. 1–67.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
5. Бретшнейдер. Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков / Пер. И.В. Кучумова. СПб.: Своё издательство, 2018. 280 с.
6. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.). Киев: Истина, 2004. 324 с.
7. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 254 с.
8. Горский В.В. Начало и первые дела Маньчжурского дома // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. 1852. Т. 1. С. 1–187.
9. Гуриев Т.А. Сборник избранных статей. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. 295 с.

10. Желтая история (Шара туджи). М.: Наука-Вост, лит., 2017. 406 с.

11. Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. 1914. Т. 2. Вып. 3. С. 281-300.

12. История первых четырех ханов дома Чингисова / Пер. с кит. монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурина). СПб.: Типография К. Крайя, 1829. 440 с.

13. Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда: очерки истории и историографии. М.: ИВ РАН, 2022. 368 с.

14. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.

15. Казиев Э.В. Переписка монгольского каана и китайского императора Тогон-Темура и аланских князей на его службе с папой Бенедиктом XII (1336-1338 гг.) // Аланское православие: история и культура: сборник материалов 7 Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2019. С. 27–47.

16. Казиев Э.В. О времени появления асов на монгольской службе // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 242–253. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253

17. Казиев Э.В. Аланы на монгольской службе в первой трети XIII века // Научный диалог. 2021, (11): 363–378. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-363-378.

18. Казиев Э.В. Аланы и Чингизидские государства в XIII–XV веках // Научный диалог. 2024, 13(3): 427–444. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-427-444.

19. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1253–1256. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. С. 30–43.

20. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука, 1973. 439 с.

21. Мамиев М.Э. Местность Нарт в топонимии Монголии // Вестник СОГУ им. К.Л. Хетагурова. 2020, №4. С. 52–59. https://doi.org/10.29025/1994-7720-2020-4-52-59.

22. [Миллер Г.Ф.] О народах издревле в России обитавших / Пер. с нем. И. Долинского. СПб., 1773. 132 с.

23. Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин (1368-1634). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 230 с.

24. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.

25. Путимцев Г. Дневные записки переводчика Путимцева в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжи и обратно в 1811 году // Сибирский вестник. 1819. Часть 7. С. 29–96.

26. Фидаров Р.Ф. О некоторых неточностях в переводе А.С. Козина «Тайной истории монголов» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 521–531. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.521-531.

27. Храпачевский Р.П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–7 «Юань ши»). М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. 744 с.

28. Чимитдоржиев Ш.Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 214 с.

29. Bretschneider E.V. Notices of the Mediæval geography and history of Central and Western Asia // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1876. №10. P. 75–309.

30. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In 2 Vols. / Trans. and edit. by H. Yule. London: Hakluyt Society, 1866. Vol. 1. xxxliii+250 p; Vol. 2. P. 251–596+xcviii.

31. Chronicon Riverendissimi Joanis dicti de Marignolis de Florentia Ordinis Minorum Bysinianensis. Monumenta Historica Boemia nusquam antehac edita, etc. Pragae: J.J. Clauser, Regii Typography, 1768. T. 2. 506 p.+Index.

32. de Saint-Martin L.V. Etudes Ethnographiques et Historiques sur les Peuples Nomades qui se sont Succede au Nord du Caucase dans les six Premier Siecles de notre ere. Les Alains // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire. 1848. T. 3. P. 129–205.

33. Gaubil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l'histoire chinoise. Paris: Briasson, Piget, 1739. 317 p.

34. Hennig R. Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. 4 Bände. Leiden: E.J. Brill, 1938. Band 3. 389 p.

35. Hsiao Ch'i-Ch'ing. The Military establishment of the Yuan dynasty. Harvard University Press, 1978. 314 p.

36. Klaproth J.H. Asia polyglotta nebst Sprachatlas. Paris, 1823. xv+384+144 p.

37. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 276–289. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289

38. Marco Polo. The description of the world / Trans. and compil. by A.C. Moule & P. Pelliot. London, G. Routledge & Sons Ltd. Publ., 1938. Vol. 1. 593 p.

39. Moule A.C. The Minor friars in China // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1917. January. P. 1–36.

40. Moule A.C. Christians in China before the year 1550. London: Society for promoting Christian knowledge, 1930. xvi+293 p.

41. Pellio P. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient // T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale. 1914. Vol. 15. Leiden, E.J. Brill. P. 623–644.

42. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Paris: Imprimerie Nationale, 1959. Vol. 1. 611 p.

43. Peregrinus de Castello. Epistola // Sinica francescana: Itinera et relationes fratrum Minorum saeculi XIII et XIV / a cura di A. Van den Wyngaert. Firenze, 1929. Vol. 1. P. 366–367.

44. Roerich G.N. Les troupes alanes à l'époque mongole // Рерих Ю.Н. Избранные труды. М.: Наука, 1967. С. 242–246.

45. Schmidt I.J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben. St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretsch, 1829. 509 p.

46. The book of ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels. In 2 vols. / Trans., edit. and noted by H. Yule. London: J. Murray, 1871. Vol. 2. xviii+525 p.

47. 續資治通鑑 / An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinaknowledge.de/Literature/Historiography/xuzizhitongjian.html (дата обращения 12.03.2024).

48. 宋濂 等撰 [Сун Лянь и др. авторы]. 元史 [История Юань]. 北京 [Пекин]: 中華書局 [Китайское книжное издательство], 1997. Цэ 册 1 (Том 1). 262 с.; Цэ 册 2 (Том 2). С. 263–596; Цэ 册 10 (Том 10). С. 2869–3180; Цэ 册 11 (Том 11). С. 3181–3470.

49. 脱脱 等撰 [Тогто/Тото и др авторы]. 宋史 [История Сун]. 北京 [Пекин]: 中華書局 [Китайское книжное издательство], 1997. Цэ 册 [Том] 3. С. 615–948; Цэ 册 [Том] 38. С. 13149–13493.

50. 權衡 [Цюань Хэн]. 庚申外史 [Неофициальная история Гэн-шэня]. 北平 [Пекин]. 文殿閣書莊 [Книжный магазин Вэнь Дянь Гэ], 1937. 69 с.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Ossetian language and folklore. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949. Vol. 1. 607 p. (In Russian)

2. Archimandrite Palladius. An ancient Mongolian tale about Genghis Khan. Trudy chlenov Rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine=Proceedings of members of the Russian Orthodox mission in Beijing. 1866. Vol. 4, pp. 3–261. (In Russian)

3. Archimandrite Palladius. Ancient traces of Christianity in China, according to Chinese sources. *Oriental Collected Articles*. 1877. Vol. 1, pp. 1–67. (In Russian)

4. Alemany A. The Alans in ancient and medieval sources. Moscow, Manager, 2003, 608 p. (In Russian)

5. Bretschneider E.V. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century / Trans. by I.V. Kuchumov. St. Petersburg, Svoyo izdatel'stvo, 2018, 280 p. (In Russian)

6. Bubenok O.B. The Alans-Ases in the Golden Horde (13th–15th). Kyiv, Istina, 2004, 324 p. (In Russian)

7. Gagloiti Yu.S. The Alans and questions of the ethnogenesis of the Ossetians. Tbilisi, Metsniereba, 1966, 254 p. (In Russian)

8. Gorsky V.V. The Beginning and first deeds of the Manchu House. *Proceedings of members of the Russian Orthodox mission in Beijing*. Vol. 1, 1852, pp. 1–187. (In Russian)

9. Guriev T.A. Collection of selected articles. Vladikavkaz, Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo universiteta, 2010, 295 p. (In Russian)

10. Yellow history (Shara tuji). Moscow, Nauka: Vostochnaya literatura, 2017, 406 p. (In Russian)

11. Ivanov A.I. The history of the Mongols (Yuan-shih) about the Ases-Alans. *Christian East.* Vol. 2, iss. 3, 1914, pp. 281–300. (In Russian)

12. The history of the first four khans of the house of Genghis. Tr. by Monk Iakinf (N.Ya. Bichurin). St. Petersburg: Tipografiya K. Kraiya, 1829, 440 p. (In Russian)

13. Kadyrbaev A.Sh. The Golden Horde: essays on history and historiography. Moscow, Institut Vostokovedeniya, 2022, 368 p. (In Russian)

14. Kambolov T.T. Studies on the history of the Ossetian language. Vladikavkaz: Ir, 2006, 463 p. (In Russian)

15. Kaziev E.V. Correspondence of the Mongol kaan and the Chinese emperor Togon-Temur and the Alanian princes in his service with Pope Benedict XII (1336–1338). Alanian Orthodoxy: history and culture: collection of materials from the 7th St. George Readings "Orthodoxy. Ethnos. Culture. Vladikavkaz, 2019, pp. 27–47. (In Russian)

16. Kaziev E.V. On the Chronology of the As People's Entry into Mongol Service. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 242– 253. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253(In Russian)

17. Kaziev E.V. Alans in Mongol Service in First Third of 13th Century. *Nauchnyi dialog*. 2021, no. 11, pp. 363–378. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-363-378 (In Russian)

18. Kaziev E.V. Alans and Chingizid States in 13th-15th Centuries. *Nauchnyi dialog*. 2024, no. 13, pp. 427–444. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-427-444 (In Russian)

19. Kychanov E.I. Information from the "History of the Yuan Dynasty" ("Yuan shi") about the Golden Horde. *Source history of the Juchi's Ulus (the Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1253–1256*. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Marjani Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2001, pp. 30–43. (In Russian)

20. Luvsandanzan. The Altan Tobchi (Golden Summary). Moscow: Nauka, 1973, 439 p. (In Russian)

21. Mamiev M.E. The Area of the Nart in the toponymy of Mongolian. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. 2020, no. 4, pp. 52–59. https://doi.org/10.29025/1994-7720-2020-4-52-59 (In Russian)

22. Müller G.F. About the peoples who have inhabited Russia since ancient times / Tr. from German by I. Dolinsky. St. Petersburg, 1773, 132 p. (In Russian)

23. Pokotilov D.D. History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty (1368–1644). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1893, 230 p. (In Russian)

24. Journey to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury, 1957, 270 p. (In Russian)

25. Putimtsev G. Diary notes of the translator Putimtsev during his journey from the Bukhtarma fortress to the Chinese city of Kulja and back in 1811. *Siberian Bulletin*. 1819, Part 7, pp. 29–96. (In Russian)

26. Fidarov R.F. On some inaccuracies in translation of "The Secret History of the Mongols" by A.S. Kozin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 521–531 https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.521-531. (In Russian)

27. Khrapachevskiy R.P. "Annals of Kublai", the main source on the history of the reign of the first emperor of the Yuan dynasty (Juan 4–7 "Yuan shi"). Moscow: Czentr voennoy i obshhey istorii, 744 p. (In Russian)

28. Chimitdorzhiev Sh.B. National liberation movement of the Mongolian people in the 17th–18th centuries. Ulan-Ude, Buryatskiy nauchnyy czentr Sibirskogo otdeleniya, 2002, 214 p. (In Russian)

29. Bretschneider E.V. Notices of the Mediæval geography and history of Central and Western Asia. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1876, no. 10, pp. 75–309.

30. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In 2 Volumes. Tr. and ed. by H. Yule. London: Hakluyt Society, 1866, vol. 1 xxxliii+250 p; Vol. 2. 251–596+xcviii pp.

31. Chronicon Riverendissimi Joanis dicti de Marignolis de Florentia Ordinis Minorum Bysinianensis. Monumenta Historica Boemia nusquam antehac edita, etc. Pragae, J.J. Clauser, Regii Typography, 1768. Vol. 2. 506 p.+Index. (In Latin)

32. de Saint-Martin L.V. Etudes Ethnographiques et Historiques sur les Peuples Nomades qui se sont Succede au Nord du Caucase dans les six Premier Siecles de notre ere. Les Alains. *Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire*. 1848. Vol. 3, pp. 129–205. (In French)

33. Gaubil A. Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l'histoire chinoise. Paris, Briasson, Piget, 1739, 317 p. (In French)

34. Hennig R. Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. 4 Bände. Leiden, E.J. Brill, 1938, Band 3. 389 p. (In German)

35. Hsiao Ch'i-Ch'ing. The Military establishment of the Yuan dynasty. Harvard University Press, 1978, 314 p.

36. Klaproth J.H. Asia polyglotta nebst Sprachatlas. Paris, 1823, xv+384+144 p. (In German)

37. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Mediaeval European Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 276–289. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.276-289.

38. Marco Polo. The description of the world. Vol. 1 Tr. and comp. by A.C. Moule & P. Pelliot. London, G. Routledge & Sons Ltd. Publ., 1938, 593 p.

39. Moule A.C. The Minor friars in China. The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1917. January, pp. 1–36.

40. Moule A.C. Christians in China before the year 1550. London: Society for promoting Christian knowledge, 1930, xvi+293 p.

41. Pelliot P. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. *T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale*. 1914, vol. 15, pp. 623–644. (In French)

42. Pelliot P. Notes on Marco Polo. Paris, Imprimerie Nationale, Vol. 1, 1959, 611 p.

43. Peregrinus de Castello. Epistola. *Sinica francescana: Itinera et relationes fratrum Minorum saeculi XIII et XIV*. Firenze. 1929, vol. 1, pp. 366–367. (In Latin)

44. Roerich G.N. Les troupes alanes à l'époque mongole. *Roerich G.N. Selected Works*. Moscow: Nauka, 1967, pp. 242–246. (In French)

45. Schmidt I.J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben. St. Petersburg, Gedruckt bei N. Gretsch, 1829, 509 p. (In. German)

46. The book of ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels. In 2 volumes. Vol. 2. Tr., ed. and noted by H. Yule. London, J. Murray, 1871, xviii+525 p.

47. 續資治通鑑 / An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art Available at: http://www.chinaknowledge.de/Literature/Historiography/xuzizhitongjian.html (date accessed 12.03.2024) (In Chinese).

48. 宋濂 等撰 [Sun Lian and other authors]. 元史. [History of Yuan]. 北京 [Beijing], 中華書局 [Chinese Book Publishing House], 1997. 册 [Vol.] 1, 262 p; 册 [Vol.] 2. pp. 263–596; 册 [Vol.] 10. pp. 2869–3180 册 [Vol.] 11. pp. 3181–3470. (In Chinese)

49. 脱脱 等撰 [Toqto and other authors]. 宋史 [History of Song]. 北京 [Beijing], 中華書局 [Chinese Book Publishing House], 1997. 册 [Vol.] 3. pp. 615–948; 册 [Vol.] 38. pp. 13149–13493. (In Chinese)

50. 權衡 [Quan Heng]. 庚申外史 [Geng-shen's Unofficial History]. 北平 [Beijing]. 文殿閣書莊 [Wen Dian Ge's book shop], 1937. 69 p. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эдуард Викторович Казиев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (362025, ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: kedmon@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard V. Kaziev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46, Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation). E-mail: kedmon@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 14.12.2024
Поступила после рецензирования / Revised 17.01.2025
Принята к публикации / Accepted 24.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.129-135 УДК 930.2
EDN: PRCPZL

СВЕДЕНИЯ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В «САЛТУК-НАМЕ» ОСМАНСКОГО АВТОРА ЭБУЛ-ХАЙРЫ РУМИ

И.М. Миргалеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru

Резюме. Цель исследования – анализ сведений, касающихся истории Золотой Орды, из трехтомного труда османского автора XV столетия Эбул-Хайры Руми «Салтук-наме».

Материалы исследования. Османские исторические сочинения содержат достаточно оригинальные сведения о Золотой Орде и татарских ханствах. Их сведения позволяют раскрывать доселе неизвестные страницы истории периода Золотой Орды. Одним из таких важных и ранних трудов является трехтомное сочинение «Салтук-наме» Эбул-Хайры Руми, османского автора XV столетия, описывающее легендарную историю Сары Салтука, который занимался распространением ислама, в том числе и в землях Золотой Орды, прежде всего в Крыму. В русскоязычной историографии данный автор малоизвестен и его сведения не привлекались для научных исследований. Актуальность статьи объясняется необходимостью введения в научный оборот сведений о Золотой Орде из «Салтук-наме».

Результаты и научная новизна. Исследование является первым опытом системного анализа сочинения «Салтук-наме» Эбул-Хайры Руми на русском языке. Новизной исследования выступает введение в научный оборот конкретных сведений османского исторического сочинения и их трактовка. Данное исследование дает важный импульс для введения в активный научный оборот сведений из трудов османских авторов, писавших о Золотой Орде.

Ключевые слова: Эбул-Хайры Руми, «Салтук-наме», османские исторические сочинения, Золотая Орда, ислам

Для цитирования: Миргалеев И.М. Сведения о Золотой Орде в «Салтук-наме» османского автора Эбул-Хайры Руми // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 129–135. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.129-135 EDN: PRCPZL

Благодарность. Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

© Миргалеев И.М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

INFORMATION ABOUT THE GOLDEN HORDE IN THE "SALTUK-NAME" OF THE OTTOMAN AUTHOR EBUL-KHAIRY RUMI

Il'nur M. Mirgaleev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze information on the history of the Golden Horde from the multi-volume work of Ebul-Khayri Rumi "Saltuk-name", an Ottoman author of the 15th century.
Research materials. Ottoman historical works contain quite original information about the Golden Horde and the Tatar khanates. Their information allows us to reveal previously unknown pages of the history of the Golden Horde period. One of such important and early works is the three-volume work "Saltuk-name" by Ebul-Khayri Rumi, an Ottoman author of the 15th century, describing the legendary history of Sary-Saltuk, who was engaged in the spread of Islam, including in the lands of the Golden Horde, primarily in Crimea. In Russian-language historiography, this author is little known and his information has not been used for scientific research. The relevance of the article is explained by the need to introduce into scientific circulation the information of the "Saltuk-name" about the Golden Horde.
Results and scientific novelty. The study is the first attempt at a systematic analysis of Ebul-Khayri Rumi's Saltuk-name in Russian. The novelty of the study is the introduction of specific information from the Ottoman historical work and its interpretation into scientific circulation. This study provides an important impetus for the introduction of information from the works of Ottoman authors who wrote about the Golden Horde into active scientific circulation.

Keywords: Ebul-Khayri Rumi, Saltuk-name, Ottoman historical works, Golden Horde, Islam

For citation: Mirgaleev I.M. Information about the Golden Horde in the Saltuk-name of the Ottoman author Ebul-Khayri Rumi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 129–135. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.129-135 (In Russian)

Acknowledgement. The work was carried out at the expense of a grant from the Tatarstan Academy of Sciences, provided to young candidates of sciences (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

Сведения о Золотой Орде в османских исторических сочинениях становятся актуальными для современных исследований. Эти данные в основном являются оригинальными и помогают раскрыть многие доселе малоизвестные события. Из последних изданий мы можем привести в качестве примера сочинение «Семь планет в известиях о царях татарских» Сейида Мухаммеда Ризы [7].

У последних сельджукских правителей, а также ученых из Анатолии, прежде всего из последователей Султан Веледа, сына Джалялетдина Руми и многочисленных анатолийских ахиев и суфиев были свои последователи и в

Золотой Орде. Как известно, в Золотой Орде за достаточно короткое время произошли глобальные изменения, которые затронули уклад жизни, религиозный облик и языковую среду, превратив Дешт-и Кыпчак в исламскую территорию.

С принятием ислама политической элитой золотоордынского государства процесс исламизации еще больше усиливается. Например, среди первых мусульман, заселивших крымский полуостров, были выходцы из разных мест и стран, из Болгара и Хорезма, из Ближнего Востока и Анатолии. Переселение правителем Берке в Крым сельджукского принца Иззеддина Кей-Кавуса II со своими людьми [5, с. 34] стал одним из главных факторов увеличения мусульманской общины и распространения «сельджукских традиций» в Крыму [4, с. 61].

Связь между сельджукской правящей элитой и джучидской администрацией в Анатолии успела пустить корни. Скорее всего их сближала и религия. По крайней мере, начиная с золотоордынского правителя Берке религиозный аспект был одним из главных сближающих факторов. Однако женитьба Берке на сельджукской принцессе говорит, что обе элитные группы стремились установить тесные контакты и планировали укрепить свою связь на долгие годы вперед через установление родства. Но ситуация резко изменилась и Анатолия оказалась вне джучидской юрисдикции, что ослабило эту связь. С другой стороны, сторонники джучидов из сельджуков переселились в Золотую Орду и, прежде всего, в Крым и оказали влияние на исламизацию татар.

Согласно утверждению Бадр ад-дина ал-Айни, золотоордынский хан Менгу Тимур женил Иззеддина Кей-Кавуса «на одной из знатнейших женщин своих, по имени Урбайхатунь, одной из дочерей Берке» [8, с. 511]. Иззеддина Кей-Кавуса в Золотой Орде ждал не только радужный прием, но и разного рода пожалования. Источники сообщают, что: «Султан освободился из той тюрьмы. Когда султан прибыл к нему, (ему) оказали разные ласки и пожаловали в икта Солхад и Сутак» [9, с. 26].

Начиная с Берке и до хана Мухаммада Узбека в Золотой Орде происходили масштабные изменения. Это и строительство городов, и исламизация золотоордынских татар. Сведения Абу Бакра Каландара отчетливо дают нам понять, что среди активных распространителей ислама в Золотой Орде были выходцы из Анатолии. Более того, представители анатолийского тариката каландаров находились рядом с ханами Узбеком и Джанибеком. Несомненно, исламские миссионеры из Анатолии находились и при Берке. Среди последних сельджукских принцев, спасенных из византийского плена Берке-ханом были и исламские шейхи [3, с. 52].

После ухода из Анатолии джучидов и установления власти хулагуидов ученые и религиозные деятели из Анатолии переселились в Золотую Орду. При Берке мусульманские миссионеры из Анатолии активизировались не только в Крыму, но и в Северном Причерноморье, и даже в Добрудже (современная территория Молдовы, Болгарии и Румынии [5, с. 33–34]).

Введение в научный оборот обширного богословского сочинения «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми, происходившего из анатолийского города Аксарай, позволило ученым по-новому взглянуть на многие аспекты религиозной жизни в Золотой Орде и неожиданно раскрыло перед исследователями то, насколько тесными были связи с Анатолией [1; 6].

Эти вопросы нашли отражение и в сочинении «Салтук-наме» Эбул-Хайра Руми, в котором раскрываются в том числе и процессы исламизации в Крыму, где главная роль отводится последователю Ахмеда Йасави легендарному шейху Сары Салтуку, жившему в XIII веке и происходившему из Анатолии или же из Балкан [более подробно см.: 10, s. 37–59].

Произведение Эбул-Хайра Руми требует детального анализа. В этом сочинении повествуется самый ранний процесс исламизации Золотой Орды, в особенности Северного Причерноморья, включая Крым и Балканы, уже в рамках мусульманской истории через историю легендарного шейха Сары Салтука[1].

Особенно важен в этом плане первый том «Салтук-наме» [11]. Эбул-Хайр Руми подробно рассказывает о газавате Сары Салтука, в том числе и в Крыму, правда в отличие от аутентичных источников у него события происходят в Каффе, а не в Солхате. Хотя источник и написан в 1480 году, однако распространение ислама шейхом Сары Салтуком в Крыму также связано с периодом хана Берке и сельджукским султаном Иззеддином, во время которого, якобы «Шейх Салтук на больших и малых семидесяти кораблях с 14 тысячным войском пришел в Каффу и захватил ее» [11, s. 62]. Татарский хан пришедшему к нему Султану Иззеддину якобы сообщает, что Шейх Сары Салтук занят в Крыму газаватом [11, s. 186].

Безусловно, в легендарные рассказы про шейха Сары Салтука попали вполне реальные события. Пришедшие с сельджукскими принцами анатолийские шейхи при поддержке хана Берке развернули активную миссионерскую деятельность в Крыму.

Как известно, несмотря на претензии Бату и джучидов на Анатолию, в итоге Малая Азия вошла в состав Улуса Хулагу. Сельджуки хотели сохранить свою власть, опираясь на союз с джучидами. Поэтому даже после того, как Анатолия из джучидского контроля перешла под власть Хулагу, часть политической элиты Анатолии, прежде всего, исламские круги, продолжали ориентироваться на джучидов, за что были подвергнуты репрессиям [2, с. 690–691]. У Эбул-Хайра Руми в этом вопросе есть очень ценное сообщение, что «татарский хан» и Султан Иззеддин и Сары Салтук воюют против Байджу (в «Салтук-наме» Баджу) [11, s. 189].

Часть сельджукского дома и турков-сельджуков переселились в Золотую Орду и прежде всего в Крым. Политика первых хулагуидов, поддержавших христиан и долго не принимавших ислам, также подтолкнула к уходу образованной мусульманской интеллектуальной прослойки Анатолии в Золотую Орду, во главе которой стоял мусульманин Берке, первый чингизид, принявший ислам. Религиозный аспект однозначно сильно влиял на миграционные процессы. Резкое увеличение мусульманского населения в Золотой Орде, особенно в городах, постройку которых ударными темпами начали джучиды, также необходимо связать с образованием хулагуидской державы и уходом из Анатолии джучидских чиновников со своими сторонниками, в том числе и из анатолийских тюрков.

[1] Об этом шейхе знал и Абу Бакр Каландар и посвятил в своем сочинении одну главу его деятельности. В дафтаре 2 в главе 55 «Разъяснение жизни Шейха Салтука (да пребудет над ним милость Аллаха!)» Абу Бакр Каландар рассказывает об этом легендарном шейхе [1, с. 108].

Надо полагать, часть этих тюрков в дальнейшем вернулась в Анатолию. Именно с этими кругами мы бы связали некоторые сведения по ранней истории джучидов и их взаимоотношений с сельджукским домом.

Турки-сельджуки и другие мусульмане, оказавшиеся в Золотой Орде, стали опорой джучидской династии. Они играли активную роль в торговых вопросах, в продвижении ислама, в строительстве городов. Примечательно сообщение Абу Бакра Каландара, автора «Каландар-наме», что правителем Крыма и одного из сторонников Узбек-хана Тоглук-Тимур был турком-сельджуком и родом из Анатолии [6, с. 64–65].

«В Крыму был один эмир душою чистый,
В изысканности лучше, чем проточная вода».
…
«Этот Крым благодаря его справедливости стоял на ногах».
…
«Происхождения сельджукского он, эмир владетельный,
В эмирстве судьба к нему благосклонна» [1, с. 952–953].

Эбул-Хайр Руми также подтверждает это сообщение Абу Бакра Каландара: «В это время в Крыму правителем был сын дочери Султана Махмуда. Он управлял вилайетом Дешта и был газием» [11, s. 89]. В этой связи сообщение Абу Бакра Каландара и Эбул-Хайра Руми о газавате Тоглук-Тимура становится более понятным. Речь прежде всего идет о газавате против хулагуидов и о государственной политике по исламизации населения Золотой Орды, запущенной ханом Мухаммадом Узбеком. Роль исламизатора давало право хану и правителям областей называть себя газиями, что возвышало их статус в исламском мире.

Как видим, политические элиты сельджукского и джучидского дома сблизились и породнились. Идеология газавата сельджуков была перенесена в Золотую Орду и с послаблением державы Ильханов эти круги заново и, возможно, укрепившись, с новыми сторонниками вернулись в Анатолию и передали эту идеологию уже дому османов.

Кроме обширных рассказов о приключениях удалого Сары Салтука на Балканах, в Византии и в Дешт-и Кыпчаке, все же Эбул-Хайр Руми сообщает и конкретные сведения о событиях в Золотой Орде. Эти сведения должны быть проанализированы в дальнейшем более детально.

Как известно, Золотая Орда и, в частности, Крым сильно пострадали от Тимура. Арабские авторы Ибн Дукмак, Ибн ал-Форат, ал-Макризи, ал-Асади, ал-Аскалани сообщают: «Тимурленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу. Взял и ограбил ее» [8, с. 330, 363–364, 442, 448, 454]. Панегиристы Тимура также называют Крым среди областей Золотой Орды, которые были разорены [9, с. 125, 185]. Эбул-Хайр Руми сообщает о разорении Тимуром Крыма и причиной ужаснейших разгромов татарских городов Тимуром называет собственные грехи мусульман. Крымские города были разгромлены Тимуром за то, что не давали милостыню и налог в пользу бедных, боролись между собой и т.д. Услышав об их деяниях, Тимур пришел в Крым, разрушил его и уничтожил татар [11, s. 157].

В целом, в своем сочинении Эбул-Хайр Руми хотел показать эти события через призму наказания за грехи и этим и отличается данный труд, призван-

ный рассказать о распространении ислама, что не умоляет ценность сведений о Золотой Орде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.

2. Исхаков Д.М., Миргалеев И.М., Камалов И.Х. Взаимоотношения Золотой Орды и Османской империи // Османское государство: история, институты и выдающиеся личности. Казань, 2021. С. 684–709.

3. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами. Пер. с турец. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 108 с.

4. Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. Казань, 2016. № 1. С. 55–88.

5. Миргалеев И.М. «Джами ад-Дувэль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. С. 31–35.

6. Миргалеев И.М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакр Каландара как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. № 9. Казань, 2016. С. 63–68.

7. Сейид Мухаммед Риза. Семь планет в известиях о царях татар-ских. Книга 2: Перевод / перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.

8. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. Спб.: тип-я ИАН, 1884. 564 с.

9. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

10. Akalin S.H. Ebu-l-Hayr-I Ruminin Saltuk-namesi // TDAY Belleten. Ankara: TDK Yay., 1992, s. 37–59.

11. Ebü'l-Hayr-ı Rumi. Saltuk-name. C. I. Haz.: Ş.H. Akalın. Kulur ve Turizm Bakanligi Yayinlari: 809. Kaynak Eserleri Dizisi: 8. Istanbul, 1987. 534 s.

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar Rumi. Qalandar-name. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1044 p. (In Russian)

2. Iskhakov D.M., Mirgaleev I.M., Kamalov I.Kh. Relations between the Golden Horde and the Ottoman Empire. *Ottoman State: History, Institutions and Outstanding Personalities*. Kazan, 2021, pp. 684–709. (In Russian)

3. Kamalov I.Kh. Relations of the Golden Horde with the Hulaguids. Translated from Turkish and scientifically ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2007. 108 p. (In Russian)

4. Kramarovsky M.G. The Crimea and Rum in the 13th–14th centuries: The Anatolian Diaspora and Urban Culture of Solkhat. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 55–88. (In Russian)

5. Mirgaleev I.M. “Jami ad-Duwel” by Munejimbashi Ahmed Dede: on the issue of studying Turkish sources on the history of the Golden Horde. *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Issue 3. Kazan: Publishing house “Fen” of the Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 31–35. (In Russian)

6. Mirgaleev I.M. The essay “Kalandar-name” by Abu Bakr Kalandar as a source on the history of the Golden Horde. *Golden Horde civilization,* no. 9. Kazan, 2016, pp. 63–68. (In Russian)

7. Sayyid Muhammad Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 2. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin. Kazan, 2023. 528 p. (In Russian)

8. Tiesenhausen V.G. Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 1: Extracts from Arab Writings. St. Petersburg, 1884. 564 p. (In Russian and Arabic)

9. Tiesenhausen V.G. Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 2: Extracts from Persian Writings. Romaskevich A.A., Volin S.L. (eds.). Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russian and Persian)

10. Akalin S.H. Ebu-l-Hayr-I Ruminin Saltuk-namesi. *TDAY Belleten.* Ankara: TDK Yay., 1992, ss. 37–59. (In Turkish)

11. Ebü’l-Hayr-ı Rumi. Saltuk-name. C. I. Haz.: Ş.H. Akalın. Kulur ve Turizm Bakanligi Yayinlari: 809. Kaynak Eserleri Dizisi: 8. Istanbul, 1987. 534 s. (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il’nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017, Scopus Author ID: 57201656376. E-mail: dilnur1976@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.12.2024
Поступила после рецензирования / Revised 03.03.2025
Принята к публикации / Accepted 10.03.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152 УДК 94
EDN: PRNETA

ПОТОМКИ ИДЕГЕЯ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ В НОГАЙСКОЙ ОРДЕ XVI ВЕКА

М.В. Моисеев

Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
maksi-moisee@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: изучение проблемы соответствия уровня организации ногайского общества уровню его элиты.
Материалы исследования: работа построена на анализе русских посольских книг и летописей. А также основана на теоретических идеях В.В. Трепавлова и П. Турчина. В исследовании как теоретическая рамка использована идея о «перепроизводстве элиты».
Результаты и научная новизна: под элиту в узком смысле слова в Ногайской Орде подходит ограниченное число высших статусных позиций. Первоначально это были улусный бий и улубий орды, естественно при такой узкой базе ожесточенные столкновения за власть были неизбежны, так как перепроизводство элиты происходило почти сразу, как только такое сообщество появлялось. Попытки стабилизировать систему привели к появлению крыльевой структуры и увеличения высокостатусных позиций, однако число претендентов постоянно росло. В итоге, Ногайская Орда попала в «эффект усиления», когда число претендентов на высокостатусные позиции было заметно больше, чем могла удовлетворить социальная организация Ногайской Орды. Этот «эффект усиления» пришёлся на середину XVI в. и из-за неразвитости социальной структуры ногайской конфедерации взорвал ее изнутри. В этих условиях выходов из кризиса было не много. Во-первых, нужно было усложнить систему управления, что ногайские бии попытались сделать. В частности, источники фиксируют должность сарайчуковского даруги, которая достается представителю династии Идегея, чего ранее документы не сообщали. Затем появляться должность «тайбуги», но все эти новации не смогли кардинальным образом переломить ситуацию. Во-вторых, это выход из конфедерации и создание своих политий. Примером такой стратегии и стали откочевки Гази б. Урака и создание своей политии – Казыев улуса и создание Шейхмамаевичами – Алтыульского улуса. В-третьих, отъезд к другому монарху на службу, что привело к формированию феномина «служилости» у ногайской аристократии.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Идегей, потомство Идегея, государственность, вождество, перепроизводство элиты, «эффект усиления»

Для цитирования: Моисеев М.В. Потомки Идегея: к вопросу о структуре власти в Ногайской Орде XVI века // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 136–152. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152 EDN: PRNETA

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

DESCENDANTS OF IDEGEI: ON THE ISSUE OF THE POWER STRUCTURE IN THE NOGAI HORDE OF THE 16th CENTURY

M.V. Moiseev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maksi-moisee@yandex.ru

"I decided that since sources on the Horde history are available for its description and study – why not try it? And let the development of various theories on it, as on a punching bag, form the next stage of research...".

From a letter from V.V. Trepavlov to N.N. Kradin, 14.01.2002 [7, p. 66].

Abstract. Research objectives: To study the problem of comparing the level of organization of Nogai society at various levels up to the level of its elite.
Research materials: This work is based on the analysis of Russian embassy books and chronicles. It is also based on the theoretical ideas of V.V. Trepavlov and P. Turchin. The research uses the idea of "overproduction of the elite" as a theoretical framework.
Results and scientific novelty: In the narrow sense of the term, a limited number of top status positions in the Nogai Horde were suitable for the elite. Initially, these were the ulus bey and the Ulubi Horde. Naturally, with such a narrow base, fierce clashes for power were inevitable since overproduction of the elite occurred almost as soon as such a community appeared. Attempts to stabilize the system led to the emergence of a wing structure and an increase in high-status positions, but the number of applicants to these positions was constantly growing. As a result, the Nogai Horde fell into an "amplification effect" where the number of applicants for high-status positions was noticeably greater than the social organization of the Nogai Horde could satisfy. This "amplification effect" occurred in the middle of the 16th century. Due to the underdevelopment of the social structure of the Nogai confederation, it exploded from the inside.

Keywords: Nogai Horde, Idegei, Idegei's offspring, statehood, chiefdom, overproduction of the elite, "reinforcement effect"

For citation: Moiseev M.V. Descendants of Idegei: on the issue of the power structure in the Nogai Horde of the 16th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 136–152. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.136-152 (In Russian)

«Я решил, что источники по истории Орды доступны для ее описания и изучения – почему бы не попробовать? А отработка на ней, как на боксерской груше, разнообразных теорий пусть составит следующий этап исследования…».

Из письма В.В. Трепавлова – Н.Н. Крадину, 14.01.2002 г. [7, с. 66].

История Ногайской Орды неразрывно связана с историей потомков Идегея. Именно они составляли властную элиту у ногаев и сохраняли свою монополию на власть на протяжении длительного времени. Особенно выпукло

связь власти с этим родом выступала в Мангытском Юрте (Ногайской Орде). Организация и структура власти весьма обстоятельно изучена В.В. Трепавловым (1960–2023). В ходе обсуждения с Н.Н. Крадиным проблем развития кочевнических сообществ в 1989–1990 гг. В.В. Трепавлов сформулировал ряд идей, которые он реализовал в своих исследованиях. В частности, он отмечал следующее «…большинство кочевых империй балансировало на грани между сложным вождеством и ранним государством – с «креном» в ту или иную сторону» [7, с. 57]. Ведущим фактором в этом переходе было «…не окончательное сложение классов, а уровень организации социума» [7, с. 58]. Анализируя уровень организации ногайского социума В.В. Трепавлов, пришел к выводу, что в самом начале в Ногайской Орде были «две категории административных иерархов – беки (бии) и правители улуса». Положение бия, как главы всей Ногайской Орды, легитимизировалось Чингизидом. Затем у ногаев сложилась крыльевая структура, в рамках которой властная иерархия усложнилась. К двум первым иерархам добавились нурадин, правитель западного крыла и кековат, правитель восточного крыла. После 1584 г. появился последний чин во властной структуре – тайбуга, который управлял эмигрантами из Сибирского ханства [17, с. 177, 252–253, 412].

Целью исследования является изучение проблемы соответствия уровня организации ногайского общества уровню его элиты. В своей работе я опираюсь как на исследования В.В. Трепавлова, так и теоретические находки Петра Турчина, сформулированные им в рамках клиодинамики. Основной источниковой базой выступают посольские книги по связям России с Ногайской Ордой.

Потомки Идегея имели свою идеологию, которая являлась базой для их внешней и внутренней политики. Интересно, что для Идегеевичей главной была идея, что хан не может быть поставлен на престол «черными людьми», это настолько недопустимо, что угроза подобного действия вполне может вызвать вторжение. Именно так, оправдывали свое вмешательство в казанские дела ногаи: «А казанские люди коли Шигалѣя царя взяти не хотѣли были да к нам приказывали, чтоб нам им царя дати, ино от черных людей царь не будет, и мы брата своего Едигер Магметя царя послали» [13, с. 105]. Чингизид – необходим государству. Эту мысль высказал Исмаил по отношению к ситуации в Астрахани в 1556 г., когда предложил отправить туда выехавшего в Московское государство султана Токтамыша: «…а астараханским людем черным о нем держатися будет добро, толко ныне царевича отпустишь» [13, с. 254]. Этот комплекс идей характерен не только для постордынского времени, но, очевидно, восходил к ордынской эпохе. Так, Утемиш-хаджи, повествуя о событиях предшествовавших возведению Узбека на престол, рассказывал примечательную историю. «Был некто по имени Бачир Тукбуга из омака уйгур. Род у него и племя были многочисленными. К тому же, он был аталыком хана. Шайтан попутал [его], стал ханом простой человек» [20, с. 41]. Позднее этого самозванного хана убили, а один из заговорщиков объявил: Да прекратится после этого воцарение на ханство черных людей!» [20, с. 43]. Это же запрещение сообщал Идегей своему сыну: «Человек черной кости не может быть ханом» [20, с. 64]. То есть можно говорить о комплексе представлений, которые обосновывали удержание власти в рамках рода Чингиза. Особенно актуальными эти идеи были в кругу не-Чингизидской знати. Во

всяком случае, именно в посланиях потомков Идегея эти идеи нашли отражение и именно в их кругу, в условиях захвата русскими татарских ханств, управляемых чингизидами, появились мысли о принадлежности царя Ивана Грозного к этому избранному семейству. То есть можно утверждать, что для идеологии потомков Идегея характерно представление о себе, как хранителях традиционного порядка. Очевидно, что Чингизиды в рамках этих взглядов играли особую роль – источника легитимной власти, которой они наделяли племенную знать. В случае с Мангытским юртом именно Чингизид наделял достоинством бия того или иного степного аристократа, даруя тем самым ему верховную власть над юртом. Однако, в условиях разрастания потомства Идегея возникала необходимость «разветвления» власти, но это не было предусмотрено традиционными институтами. Это обстоятельство приводило к жестким конфликтам, сопровождавшимися междуусобными столкновениями. Выходом из этого могло стать только усложнение структуры управления Ногайской Ордой, хотя и не гарантировало прекращения внутренней борьбы.

Противостояние между потомками Идегея в Мангытском юрте фиксируется источниками с довольно раннего времени. Основной причиной его была борьба за верховенство в Ногайской Орде. В этом смысле довольно показательна история противостояния братьев – Мусы и Ямгурчи.

С лета 1491 г. (в Москве это стало известно осенью того же года) в Ногайской Орде шла борьба между знатью, но до поры до времени она не принимала открытого характера. Зимой 1491–1492 гг. стали очевидны противоборствующие группы и их интересы. Против Мусы выступали Аббас и Ямгурчи. Они желали избрать на ногайский престол сибирского хана Ибака. Ибак был одним из наиболее ярких представителей сибирских Шибанидов. С ногаями его связывали давние отношения. В конце 1460-х гг. он выступал совместно с ногаями против узбекского хана Шейх-Хайдара б. Абул-Хайра и его союзника хана Большой Орды Ахмеда. Именно он возглавлял нападение татарско-ногайского войска на ставку Ахмеда в 1481 г., когда последний погиб. Долгое время Ибак был ханом Ногайской Орды. По наблюдениям, В.В. Трепавлова, Ибаку удалось сохранить некоторую независимость и дистанцию от ногайских аристократов [16, с. 103, 105, 115]. Очевидно, что движение Аббаса и Ямгурчи было враждебно Мусе, возвращение же Ибака угрожало тем успехам, которых он добился и которые во многом зависели от стабилизации положения Мухаммед-Эмина б. Ибрахима в Казани. В 1493 г. в Москве стало известно от русского посла в Крыму К. Заболоцкого, что Муса выдал свою дочь за хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, которого «…князи…, с Орды сбили, что женился у Муси» [14, с. 180]. Подобный маневр со стороны Мусы политика, вероятно, довольно осторожного [1, с. 168] на первый взгляд трудно объясним. Однако при рассмотрении расстановки сил в Ногайской Орде того времени видно, что его поступок был вынужденным в ходе противостояния с Ямгурчи и Аббасом. По наблюдениям В.В. Трепавлова статус Аббаса имел очевидный «племенной» оттенок, тогда как положение Мусы имело «смысл только при правящем хане» [16, с. 117]. В условиях, когда Аббас и Ямгурчи были сторонниками Ибака, то положение Мусы подвергалось угрозе. Необходимо отметить, что на политическом пространстве Дешт-и Кыпчак преимущественное право на занятие ханского престола было закреплено за Чингизидами [6, с. 195]. Это обстоятельство диктовало для

потомков Идегея необходимость избрания на трон потомков Чингиз-хана. Это правило неукоснительно соблюдалось мангытами на всем протяжении 2-ой половины XV века. Во время борьбы за узбекское наследство ханами были Ядгар б. Тимур-Шейх, затем его сменил Ибак б. Махмудек. В 1490 г. его сменил выдвиженец Мусы Аминек б. Ядгар [16, с. 116], на рубеже 1491–1492 г. нам известно, что ряд ногайских аристократов выступил за призвание на ханство Ибака. Таким образом, положение Мусы подверглось угрозе, и для его сохранения ему было необходимо срочно найти замену Аминеку. Такой заменой, по всей видимости, должен был стать Шейх-Ахмед. В.В. Трепавлов обращает внимание на факт настойчивых поисков Мусой Чингизидов [16, с. 117]. Очевидно, что сближение с ахмедовичем не вписывалось во все предыдущие договоренности, инициатором которых со стороны ногаев как раз выступал Муса. Чем же тогда объяснить этот шаг? Возможно, для Мусы не было вариантов. Ибак – лидер сибирских Шибанидов – скорее всего не позволил бы никому из своей многочисленной родни занять «ногайский трон». Возможность избрания ханом кого-нибудь из крымских Гиреев представляется маловероятной. Потомство казанского хана Ибрахима полностью находилось в России, кроме Мухаммед-Эмина, правившего в Казани. Таким образом, оставались только потомки хана Большой Орды – Ахмеда. Переговоры о браке видимо шли в обстановке секретности. В пользу такого предположения говорит то, что «князи» свергли Шейх-Ахмеда за уже свершившийся брак. Среди этих «князей» несомненно, были мангыты, наиболее влиятельный род в Большой Орде [16, с. 119]. Итак, подобные маневры конфликтующих сторон позволяют нам сделать несколько предположений о политической системе Ногайской Орды. Во-первых, в ногайской политии в 90-е гг. XV в. еще сохранял свою властную роль племенной бек мынгытов. В этих событиях им выступал Аббас. Этот статус имел архаический характер, который мы можем отнести еще к тому периоду когда мангыты последовательно входили в Золотую Орду. Во время же оформления Ногайской Орды уже как государственного образования властные полномочия над всеми племенами, вошедшими в это объединение, стали исполнять бии, которые свою власть традиционно получали от Чингизидов. В результате в Ногайской Орде формируется институт соправительства, в рамках которого был племенной бий, возглавлявший мангытов и ногайский бий, правившей всей племенной конфедерацией. Из этого следует, во-вторых, что политическая структура этого кочевого сообщества усложнилась, но не получила стабилизирующего фактора в виде стройной системы престолонаследия. Система обеспечения верховной властью у потомков Идегея воспроизводила такую же у Чингизидов, но осложнялась дополнительными факторами, так как Идегеевичи не имели безусловного права на власть над всеми подчиненными им племенами, такую власть им мог делигировать Чингизид. В-третьих, по мере развития Ногайской Орды, как государственного образования, неизбежно должен был расти уровень конфликтности в правящей фамилии, которая в условиях многоженства и многодетности превращалась в сообщество равных претендентов на власть. Как следствие орду должны были сотрясать внутренние конфликты с пугающей регулярностью. Конфликт 1491–1495 гг. был одним из первых.

В этом противостоянии Муса проиграл, потерял власть и откочевал в «Туркмен». В.В. Трепавлов склонен относить это событие к 1491/92 г. По его

предположению, Ибак и Ямгурчи собирались в поход на Казань, и Муса по возвращению в орду остановил его [16, с. 117–118]. Логика исследователя понятна: зимой 1491–1492 г. Ибака призывали в Ногайскую Орду, в 1493–1494 г. он прислал грамоту Ивану III из которой видно, что он находился на Волге [12, с. 49]. Однако известно, что в начале 1493 г. Муса и Ямгурчи совершили поход на Астрахань, желая учинить Ибака и его брата Мамука на престоле Большой Орды. Поход не имел успеха, после чего Ибак вернулся в Тюмень [16, с. 118]. Походов на Казань или даже слухов на них в 1493 г. ни один из известных нам источников не фиксируют. Зато в разрядных книгах и летописях есть данные о походе Мамука на Казань, но он имел место в 1496 г. В это время Ибака уже не было в живых, он погиб в 1495 г. в борьбе с местной сибирской знатью Тайбугидами. Следовательно, нам представляется более оправданным относить откочевку Мусы в «туркменские» земли периодом после начала 1493 г. и до мая 1496 г., когда он пытался остановить поход Ямгурчи и сибирского царевича Мамука на Казань [12, с. 49–50]. В целом, поражение Мусы не оказалось для него фатальным, но конкуренция между их потомством сохраниться вплоть до 1530-х гг.

Более длительным и жестким станет противостояние начала XVI в., которое В.В. Трепавлов определил, как «Первая Смута» Ногайской Орды. Конфликт между мирзами возглавляемыми Алчагиром б. Мусой и Хасан-бием начался не позднее июня 1508 г., так как о нем упоминает Ак Курд [12, с. 79]. Хасан в противовес клану Мусы пошел на инвеституру ханом Агалака б. Махмудека, но это ни к чему не привело. Хасан и Агалак исчезли из источников: В.В. Трепавлов предположил, что они либо бежали, либо погибли. В этом конфликте не ясна роль Хасана. Был ли он бием Ногайской Орды или племенным бием. Если верно последнее, то не означал ли этот конфликт попытку племенного бия захватить власть над всей Ордой? Показателен факт, что противостоит ему в этом сын Мусы – Агалак. В целом, в политической истории ногаев очевидны претензии на власть именно клана Мусы, тогда как роль других кланов заметна мала. В конце 1500-х годов между мирзами началась борьба за гегемонию в Ногайской Орде [16, с. 144]. Открытый конфликт начался в 1510 г. Между сыновьями Мусы от разных жен Алчагиром и Шейх-Мухаммедом [16, с. 148–149]. Оба провозгласили себя биями [16, с. 147–149], однако возможности Алчагира сильно превосходили ресурсы его противника. Вокруг него сплотился сильный лагерь ногайской аристократии, ему подчинялась и «Башкирия» «надежная база материальных и людских ресурсов в борьбе за власть» [16, с. 148]. Первоначально верх одерживал Алчагир, которому удалось вытеснить Шейх-Мухаммада на правобережье Волги [16, с. 149]. Летом-осенью 1514 г. в ногайский конфликт вмешался хаджитарханский хан Джанибек б. Махмуд. Он послал посла к Алчагир-мирзе, Саид-Ахмед-мирзе, Мамай-мирзе, Кель-Мухаммеду б. Алчагиру. Суть предложений хана сводилась к совместной войне с Шейх-Мухаммедом[1]. Однако, не дожидаясь ногайских отрядов, Джанибек-хан вместе с Хаджике-султаном, его детьми и Мустофар-султаном обрушились на кочевья Шейх-Мухаммеда и разгромили его. Улус побежденного из 10 000 человек достался победителям.

[1] РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.

Сам мирза едва спасся бегством с отрядом из 19 человек[2]. Подобный шаг астраханских династов вызвал у Алчагира недовольство. Он потребовал ограбить участников похода и то имущество отдать ногаям. Джанибек-хан проигнорировал предложения Алчагира. Ногаи откочевали на Яик. К ним прикочевал Шейх-Мухаммед и бил челом Алчагиру. Вероятно, Шейх-Мухаммед искал с ним примирения, но вместо этого был схвачен и посажен в тюрьму в Сарайчике. Столь вероломный поступок возмутил недавнего союзника Алчагира Мамай-мирзу. Мамай с отрядом в 50 батыров напал на стражу и освободил Шейх-Мухаммеда[3]. В то время Хаджике-султан и два сына Мустофар-султана покинули Хаджи-Тархан и ушли кочевать в поле со своими улусами и улусом Шейх-Мухаммеда. Мирза к ним прибился, и все вместе они откочевали в северокавказскую Тюмень. В Тюмени в ту пору находился Муртоза-хан б. Ахмед. Он, ссылаясь на свою старость, вместе с тюменскими султанами посадил на ханство Хаджике, а Шейх-Мухаммеда «на княжение»[4]. В Тюмени между союзниками произошел конфликт. Один из мустофаровых сыновей был ограблен и изгнан, другой – Муселим пойман. Джанибек-хан вновь призвал ногаев Алчагира на помощь в войне с Хаджике-ханом и Шейх-Мухаммедом[5]. Зимой 1515 г. Алчагир прикочевал к Астрахани и потребовал в плату за поход на Шейх-Мухаммеда ограбить Мустофар-султана и его детей и изгнать их из Хаджи-Тархана. Джанибек вновь проигнорировал требования мангытского династа, что спровоцировало конфликт. Алчагир с братьями двинулся на город. Ногаи стояли под городом день, между сторонами произошел бой, после которого кочевники начали отходить к Яику. Ответная погоня пленила около 300 ногаев[6].

Осенью 1515 г. Шейх-Мухаммед разбил Алчагира, и тот с ближайшим окружением сбежал в Крымское ханство. Однако он не смог получить от Мухаммед-Гирей-хана помощи, так как тот вступил в переговоры с Шейх-Мухаммедом. Испугавшись сговора между ними Алчагир бежал [16, с. 153–154]. После этого бием Ногайской Орды стал Шейх-Мухаммед. Впрочем, его правление пришлось на сложное для Ногайской Орды. Казахи начали систематическое наступление на ногаев, в 1519 г. они были вынуждены просить крымского хана разрешить им переправиться через Волгу и укрыться от казахов в его владениях. Мухаммед-Гирей не только разрешил им переправиться к себе, но и предложил совместно сопротивляться новому врагу[7].

Ногаи приняли предложение крымского хана и начали эвакуацию со своей стороны Волги. Астраханский хан Джанибек вмешался и перекрыл ногаям переправу. Он потребовал, чтобы ногаи заключили с ним мир и выдали крымского посла. Шейх-Мухаммед пошел на требования астраханцев[8]. Однако это их не умиротворило: начались столкновения. Бий Шейх-Мухаммед погиб в сражении, его улусы были захвачены. Ногайская знать бросилась

[2] РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об.
[3] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 71об. – 72.
[4] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72.
[5] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72 – 72об.
[6] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 72об.
[7] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 124об.
[8] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 127об.

бежать. Так, два ногайских мирзы с женами бежали в Азов[9]. Саид-Ахмед-мирза жестоко отомстил астраханцам за их вероломство. Он убил Муззофар-султана и еще семь султанов, вернул захваченные улусы, а также захватил астраханский юрт, так, что в результате «только один город остался»[10].

В результате похода казахов в 1519 г. Ногайская Орда перестала существовать. Ногайская знать в основном эмигрировала в Крымское ханство. Во главе ногайской диаспоры в Крыму стал Мамай-мирза [15, с. 300]. Мухаммед-Гирей-хан представлял дело так, будто ногаи стали его подданными. В 1523 г. Мухаммед-Гирей был убит в только что покоренной им Астрахани, убили же его ногайские подданные. Достаточно подробный рассказ об этом событии содержится во Владимирском летописце, приведем его полностью.

«Того же лѣта царь Ахмут Кирии Кримскыи Азторохань взял, и там на него стал князь Мамаи и уби царя Ахмута Кириа и сына его Богатыря Салтана. А тот князь Мамаи у того же царя служил, убил государя своего, а родом князь Нагаискыи. И поспѣ к нему брат его Агишь с Нагаискою силою и много князеи побил Татарьских и шол в Крым Агиш и Мамаи и поплени весь Крым, а городов ни единого не взял» [11, с. 146][11].

Анализируя это летописное сообщение, мы видим, что с ногайской стороны действуют Мамай «князь Нагаискыи» и Агиш «с Нагаискою силой», но какое именно место они занимали во властной структуре ногайского сообщества не понятно. Можно полагать, что «князь Нагаискыи» в условиях коллапса Ногайской Орды в результате казахского нашествия вряд ли означало главу всей конфедерации племен. Скорее всего Мамай возглавлял тех ногаев, что приняли покровительство крымского хана и кочевали в Крымском ханстве. Так же считал и В.В. Трепавлов. Но не меньшее любопытство вызывает фигура Агиша. Из летописи не ясно, каких именно ногаев он возглавлял: тех, что ушли под покровительство к Гиреям или тех, что были покорены казахским ханом Касимом. Агиш, сын Ямгурчи, согласно сведениям Кадыр-Алибека, правил улусом [21, с. 138], следовательно, можно полагать, что он управлял ногаями, оставшимися в родных кочевьях.

Сигизмунд Герберштейн, описывая эти события, называет и Мамая, и Агиша ногайскими князьями. Из текста ясно, что Мамай находится при Мухаммед-Гирее, а вот Агиш – в степи, где он собрал войско для «защиты пределов своего царства» [3, с. 451]. Можно сделать предположение, что Агиш возглавлял ногаев, оставшихся под властью Казахского ханства. После убийства Мухаммед-Гирея и разгрома крымцев произошло восстановление Ногайской Орды. Однако положение Мамая и Агиша изменилось. Рассмотрим события 1522–1530 гг. через призму борьбы за власть.

Противостояние между двоюродными братьями началось после победоносного похода на Крымский полуостров. 26 июля 1523 г. в Азов прибыл посол от астраханского хана Хусейна, от которого стало известно, что он предлагал военный союз с крымским ханом против Мамая. Он же сообщал, что бий Агиш выступит с ними против своего двоюродного брата. Впрочем, поход на

[9] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 130об. – 131, 135об.

[10] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 135об. – 136.

[11] Весьма любопытно, что в этом отрывке ногаи не называются татарами, здесь татары – это крымские татары – и только.

Мамая мог состояться, лишь если их поддержит крымский хан Саадет-Гирей[12]. Следовательно, Агишу удалось возглавить Ногайскую Орду и сменить свой статус с улусного бека на бия, правителя, всей Ногайской Орды [17, с. 224]. Однако Мамай сохранял свое влияние среди кочевников и у него было достаточно сил, чтобы ни Агиш, ни хан Хусейн не посмели выступить против него без поддержки крымского хана: «А не пойдешь ты, Саидет-Гурей-царь, на Мамаа, – ино и нам с Агишем не бывати на Мамаа: нам одним с ним неким стати»[13]. Позднее стало известно, что Мамай осадил Астрахань, но поддержал его из ногаев только Юсуф, который пошел отдельным полком, а вот Хаджи-Мухаммед (Кошум) с ними не пошел[14]. Из этого сообщения мы можем предположить, что Мамай первоначально пользовался поддержкой именно у этих ногайских аристократов. Мамай и Хаджи-Мухаммед жили и служили в Крымском ханстве. В мае 1522 г. Хаджи-Мухаммед сопровождал русское посольство Третьяка Губина и османское посольство Искендера Сака. Любопытно, что по сообщению русского дипломата Хаджи-Мухаммед был «ногайским князем»[15]. После астраханского погрома Мухаммед-Гирея и победоносного нашествия на Крымский полуостров «крымская группа» ногайской аристократии, возглавляемая Мамаем, потеряла влияние. Во всяком случае и Мамай, и Хаджи-Мухаммед упоминаются без княжеских титулов. Как следствие, они выступили против Агиша, который был вынужден налаживать отношения со всеми соседями. В короткие сроки он смог заручится поддержкой и у астраханского, и у крымского ханов. Видимо это обстоятельство привело к тому, что Хаджи-Мухаммед покинул Мамая, Юсуф же, хотя и не бросил союзника, но решил действовать самостоятельно. В результате, осада Астрахани провалилась. Юсуф был разбит, ходили слухи, что он даже погиб, а Мамай же ушел на старое ногайское кочевье на р. Терек, а затем в Тюменское княжество на Каспийском море[16]. Примечательно, что когда он уходил из-под Астрахани, то от него сбежал Ислам-Гирей[17]. Эти сведения позволяют предположить, что Мамай, стремясь захватить Астрахань преследовал серьезные политические цели. Он хотел, сместив Хусейна, возвести в ханское достоинство Ислам-Гирея, который в свою очередь даровал бы ему достоинство беклярбека, что позволило бы претендовать на власть над всеми ногаями.

Из-за этой борьбы положение Агиша не отличалось стабильностью. Поэтому он отчаянно искал союзников, а также ему был необходим свой Чингизид. 15 февраля 1524 г. волошский посол сообщил крымцам о посольстве Агиша и мирз в Великое княжество Литовское. Они требовали отдать им последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, за что предлагали литовцам крепкую дружбу. Ногаи обещали разорить Крым, а города Очаков и Ислам-Кермен отдать королю. По сообщению волошского посла литовцы отдали им

[12] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 263–263об. К этому же союзу планировалось привлечь казанского хана.

[13] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 263об.

[14] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 270об.

[15] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 207.

[16] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 270об. В источнике дословно сообщается следующее: «пошел Мамай мырза от Асторокани кочевать на старое на нагайское кочевище на Терк на реку…».

[17] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 272об.

Шейх-Ахмеда[18]. Хан вернулся и правил в Астрахани с 1525 по 1528 гг. [4, с. 107–108, 249][19]. Не исключено, что он провел процедуру возведения Агиша в достоинство беклярбека и, тем самым, укрепил его положение в Ногайской Орде.

В.В. Трепавлов полагал, что Агиш погиб в результате столкновения с казанским ханом около 1524 г. [17, с. 225], но это недоразумение, так как в посольской книге сообщается о том, что Агиш потерял казанского хана Сахиб-Гирея, который сбежал из Казани. Более того далее по тексту фиксируется активная деятельность Агиша вплоть до 1525 г., а вот сведений о его дальнейшей деятельности у нас и вправду нет. Скорее всего уже к 1526 г. он умер. Во всяком случае Сигизмунд Герберштейн в рассказе о Ногайской Орде упоминает уже других правителей: Шидака (Саид-Ахмеда), Коссума (Кошум – русских источников, Хаджи-Мухаммеда) и Ших-Мамая (Шейх-Мамая) [3, с. 437]. Этот сюжет был им написан под впечатлениями второй поездки в Россию в 1526 г. Следовательно, около этого времени в Ногайской Орде произошли серьезные изменения в системе организации власти. Если источники с конца XV века и до 20-х гг. XVI века фиксируют двух правителей: улусного бия, который правил элем мангытов и общеногайского бия, правившего всей конфедерацией племен, объединившимися вокруг потомков Идегея, то теперь мы видим трех правителей. Далее, принцип их управления теперь территориальный. Сигизмунд Герберштейн пишет следующее: «Первый из них Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, – всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий [из братьев], Ших-Мамай обладал частью Сибирской области и [всей] окрест лежащей страной» [3, с. 437, 439]. В.В. Трепавлов, опираясь на это сообщение пришел к выводу о том, что при Саид-Ахмеде Ногайская Орда имела трехчастную структуру. А добавив сообщение Ураз-Али-мирзы от 1549 г., определял географию владений следующим образом: «кочевья по Яику (центр) под непосредственным управлением верховного государя-бия; западные, поволжские кочевья – правое крыло во главе с Хаджи-Мухаммедом (Кошумом) б. Мусой; восточные, заяицкие кочевья – левое крыло во главе с Шейх-Мамаем б. Мусой» [18, с. 497][20]. Однако, нам представляется, что сообщение Сигизмунда Герберштейна рисует несколько иную географию этих крыльев, которая изменилась уже в 1530-х гг. Дело в том, что указание имперского дипломата на то, что Шейх-Мамай обладал «частью Сибирской области…» совсем не тождественно заяицким кочевьям. Для Герберштейна Сибирь прилегает к реке Кама, граничит с «Пермией и Вяткой» и в ней начинается река Яик [3, с. 385]. Следовательно, мы можем полагать, что еще в 1526 г. ногаи не выдавили казахов с заяицких кочевий и территориально Ногайская Орда размещалась между Волгой, Яиком и Камой. Выход же ногаев за Яик произошел позднее.

Кроме несколько иного географического размещения крыльев Ногайской Орды, мы сталкиваемся с еще одним изменением. Около 1526 г. во властной

[18] РГАДА. Ф. 89. (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 1. Л. 286об.–287.

[19] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6. Л. 163.

[20] В своей опубликованной монографии, ставшей классической, В.В. Трепавлов отмечает, что это сообщение фиксирует «…классическое кочевое (и не только) деление на крылья и центр» и далее анализирует крыльевую систему Ногайской Орды. См.: [17, с. 252–253].

структуре присутствуют только потомки Мусы, представителей же кланов Ямгурчи и Хасана нет. Это обстоятельство нам представляется важным. По всей видимости, после смерти Агиша, которому удалось консолидировать вокруг своей персоны Ногайскую Орду, клану Мусы удалось монополизировать власть, а своих конкурентов вытеснить на периферию правящей элиты. Это должно было вызвать сопротивление, что и фиксируется источниками.

В.В. Трепавлов полагал, что Саид-Ахмед «был провозглашен бием на совещании знати» и, следовательно, его статус не был полноценным. Поэтому среди других мирз то и дело возникали идеи о его смещении и вспыхивали мятежи. В марте 1535 г. в Астрахань откочевали три десятка мирз из клана Ямгурчи [17, с. 241]. Среди них были: Алач б. Ямгурчи с сыном Айваном, Сары б. Агиш, Колыват-мирза, Сююнч-Али-мирза. Напряжения в ногайско-хаджитарханских отношениях не сняло даже прибытия к Саид-Ахмеду посла Танабай-дувана. По словам русского посла Д.И. Губина, бий всю весну и лето «от них бережетца». Опасения Саид-Ахмеда подтвердились. 31 мая 1535 г. на Сарайчук напали «Агишевы дети» и два хаджитарханских султана. Город оказался пуст, так как население его заранее покинуло. Войско устремилось в погоню, но его встретил Шейх-Мамай-мирза [13, с. 146]. На этом противостояние не закончилось. Астраханский хан «шертию крепко» укрепился с ямгурчеевичами и отослал посольством в Крымское ханство двух мирз «Агишевых детей». Сам бий так же оказался решительно настроен: назначил общий («всем кочем») поход на осень. Однако в среде ногаев сохранялось опасение, что если они не победят или хотя бы не замирятся со своими врагами, то, им негде будет зимовать, так как «со все де стороны недрузи ногаем» [13, с. 153]. Позднее Саид-Ахмед сообщал, что «Ямъгурчиевы дети бежали, и яз половину их поймал, и ты не молви так, что бежали. И похочешь, и мы к тобе пошлем» [13, с. 156]. Это предложение красноречиво свидетельствует о выдавливании Ямгурчеевичей из политической жизни Ногайской Орды, так как в политической борьбе постзолотоордынские государства использовали наряду с физическим устранением противников, ссылку их в сопредельные страны.

Впрочем, правление Саид-Ахмеда было омрачено не только борьбой с кланом Ямгурчи. Дело в том, что политика бия, направленная на концентрацию власти в своих руках, встретила общее сопротивление. Против его претензий выступили Шейх-Мамай и Исмаил, которые «вытравили» все кочевище бия и его улуса [13, с. 151]. Большинство мирз игнорировали призывы своего бия собраться на всеобщий съезд [13, с. 147]. Сопротивление степной аристократии удалось преодолеть только к 1537 г. К сентябрю 1537 г. в Ногайской Орде положение Саид-Ахмед-бия упрочнилось. Ногайская племенная элита приняла нововведения своего бия. Новая структура определила властные полномочия ведущих мирз. Сопряжено это было и с персональными изменениями в правящей элите. Западное крыло Ногайской Орды возглавили Кель-Мухаммед-мирза и Урак-мирза. Очевидно, старые лидеры Хаджи-Мухаммед и Шейх-Мамай сходили с политической сцены, хотя и еще продолжали активную деятельность. В конечном счете, Саид-Ахмед лишился власти. В ноябре 1541 г. новое ногайское посольство сообщило об изменении власти в орде: на ногайский престол взошел Шейх-Мамай-мирза [10, с. 140], дети же Саид-Ахмеда покинули Ногайскую Орду и откочевали в Среднюю

Азию. Это оказалось последним известием о русско-ногайских отношениях до 1548 г.

Итак, за первую половину XVI в. Ногайская Орда прошла определенную эволюцию своей властной структуры. Сначала существовал институт улусного бия (возглавляет эль мангытов) и бий Ногайской Орды (правит всей конфедерацией племен). Статус последнего зависит от факта возведения его в это достоинство ханом-Чингизидом. Источники временами фиксируют его титул, как «улубий». Во второй половине 1520-х гг. Ногайская Орда приобретает трехчастную структуру: западное крыло-центр-восточное крыло. Первоначально восточное крыло, кочевало в «сибирской земле», но по мере вытеснения казахов оно заняло заяицкие кочевья. Во главе обновленной Ногайской Орды становятся потомки Мусы. Из элиты вытесняются кланы Ямгурчи и Хасана. Однако эта новая система не привнесла стабильности в Ногайскую Орду. Новый этап, начавшийся в начале 1540-х гг., стал связан уже с борьбой за власть внутри клана Мусы. Первой жертвой этой борьбы стал Саид-Ахмед и его дети, которые тоже оказались вытеснены из властной структуры.

Середина XVI века оказалась для Ногайской Орды наиболее трагическим временем. Противоборство в среде Идегеевичей не кончалось. В конце 1540-х – начале 1550-х гг. появляется Казыев улус (Малая Ногайская Орда). Основал его представитель многочисленного клана Мусы Гази б. Урак б. Алчагир. Первоначально это было казачье сообщество, но позднее оно стало местом притяжения для всех политических неудачников, вытесненных из ногайской политической системы. К 1569 г. Казыев улус превратился в относительно стабильную политическую структуру, а сам Гази получил достоинство бия [17, с. 537–548]. Весьма этому поспособствовали события Второй ногайской смуты, в ходе которой политическая структура Ногайской Орды пережила экстремальную нагрузку. Вызвана она была тем, что братья Исмаил и Касим убили бия ногаев Юсуфа. После этого началась затяжная и жестокая междоусобная борьба. Противники Исмаила нашли приют как раз в Казыеве улусе. Здесь же укрылись потомки прежних ногайских владык: Хаджи-Мухаммеда и Мамая [17, с. 543]. Подробно рассматривать Вторую смуту мы не будем, это уже блестяще сделал В.В. Трепавлов [17, с. 344–393]. Нас же интересует скорее несколько иной аспект этой борьбы. А именно процесс концентрации власти в рамках рода. Так, уже к концу лета 1556 г. из правящей элиты орды исключены Шейхмамаевичи, глава которых Касим пал от рук сторонников Юсуфовичей. Потомство Шейх-Мамая лишилось нурадинства. Согласно летописям, это вызвало вооруженное столкновение между Юсуфовичами и Шейхмамаевичами [10, с. 274]. В 1557 г. до Москвы дошли сведения, что представители клана Шейх-Мамая объединились с казахским ханом Хакк-Назаром и стремились сместить Исмаила[21]. В 1558 г. Исмаилу удалось разгромить Юсуфовичей, и лидер клана Юнус выехал в Русское государство[22]. Однако эта победа не стала фактором стабилизации. Голод, охвативший Ногайскую Орду, и не способность правящей верхушки найти выход из кризиса

[21] РГАДА. Ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 5. Л. 32об. Подробнее об истории отъезда ногайской знати в Московское государство и обстоятельствах их жизни и службы можно узнать из недавней монографии А.В. Белякова, см.: [2].

[22] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 71 – 76об.

привели к тому, что многие мирзы стали откочевывать под покровительство крымского хана или в Казыев улус. Среди этих вынужденных переселенцев были даже сыновья Исмаила[23]. Покидали же они родные места не в одиночестве, а вместе со своими улусами, что приводило к уменьшению населения орды и снижению ее обороноспособности. В 1559 г. положение Исмаила и Ногайской Орды стало крайне тяжелым. По наблюдениям Е. Мальцева «…нагаи … все пропали». Вокруг Исмаила и его детей осталось мало элей. Авторитет Исмаил-бия достиг наименьшей отметки. Против него выступали кочевавшие на востоке орды Шейхмамаевичи, а Кошумовичи начали откочевку в Крым с женами и детьми в числе 600 человек. В погоню за ними отправился Тохтар-мирза с отрядом в 300 сабель. Он их нагнал на Дону и отогнал лошадей. В погоню за Тохтаром отправился Дин-Али и отбил половину лошадей[24]. Однако уже в 1560 г. ситуация стала понемногу улучшаться. Исмаил-бий в своей грамоте сообщал, что эли, откочевавшие в Крым, вернулись к нему[25]. Исмаил пленил сыновей Уразлы: Пулад-мирзу и Бабаджан-мирзу и отправил их в Россию с ним, а их семьи – на судне. Урус-мирза и Ханбай-мирза во главе 13 мирз отправились в набег на Крымское ханство[26]. Исмаил просил царя Ивана IV Васильевича «почтить» Хайдар-мирзу[27], старейшину клана Хасан-бия б. Ваккаса. В благодарность за переход Хасановичей на свою сторону Исмаил-бий назначил Хайдара сарайчуковским даругой [16, с. 295]. Так, в результате междоусобной войны представители старой семьи, давно уже вытесненные на периферию властной системы, смогли вернуться, но правда все равно не на первые роли. В конечном итоге, жестокая Вторая смута, завершилась тем, что власть в Ногайской Орде оказалась сосредоточена в рамках не просто клана Мусы, а одной семьи этого клана – Исмаила и его потомства.

По сути, вся история Ногайской Орды оказывается историей кровавой борьбы за власть среди потомства Идегея. Это явление не исключительное, но все же степень ожесточенность этой конкуренции нуждается в объяснении. Вызвано же это было таким явлением как «перепроизводство элиты». Прежде чем мы перейдем к его рассмотрению нам необходимо определиться с тем, что и кого мы понимаем под элитой в Ногайской конфедерации. Под элитой принято понимать «немногочисленную группу лиц, занимающих высшие статусные позиции (не обязательно формально закреплённые) в системе социальной иерархии и оказывающих значительное влияние на жизнь общества в различных сферах и/или обладающих теми или иными исключительными качествами и способностями, получающими высокую общественную оценку и признание» [9]. При таком понимании под элиту в узком смысле слова в Ногайской Орде подходит не так уж и много высших статусных позиций. Это улусный бий и улубий орды, естественно при такой узкой базе ожесточенные столкновения за власть были неизбежны, так как перепроизводство элиты происходило почти сразу, как только такое сообщество появлялось. Петр Турчин описывает это явление следующим образом: «Перепро-

[23] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 83об. – 84.
[24] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 124об. – 125.
[25] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 166 – 166об.
[26] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 181.
[27] РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 5. 192об.

изводство элиты возникает, когда спрос на руководящие посты со стороны претендентов значительно превышает предложение» [19, с. 24]. Попытки стабилизировать систему привели к появлению крыльевой структуры и увеличения высокостатусных позиций, однако число претендентов постоянно росло. В итоге, Ногайская Орда попала в «эффект усиления», когда «мы увеличиваем количество претендентов в два, а затем в три раза, число неудовлетворенных увеличивается в десять, а затем в двадцать раз (Это общая черта перепроизводства элит)» [19, с. 27]. Этот «эффект усиления» в нашем случае пришёлся как раз на середину XVI в. и из-за неразвитости социальной структуры ногайской конфедерации взорвал ее изнутри. В этих условиях выходов из кризиса было не много. Во-первых, усложнить систему управления, что ногайские бии попытались сделать. В частности, источники фиксируют должность сарайчуковского даруги, которая достается представителю династии Идегея, чего ранее документы не сообщали. Затем появляться должность «тайбуги», но все эти новации не смогли кардинальным образом переломить ситуацию. Во-вторых, это выход из конфедерации и создание своих политий. Примером такой стратегии и стали откочевки Гази б. Урака и создание своей политии – Казыев улус и создание Шейхмамаевичами – Алтыульского улуса. В-третьих, отъезд к другому монарху на службу [2]. Что так же было осуществлено и сформировало в рамках ногайской общности «феномен служилости» [5, с. 241–247], который позволял ногайской аристократии позднее относительно бесконфликтно решать проблему «перепроизводства элит». В конечном итоге, отказ от поддержания такой большой конфедерации племен, какой была Ногайская Орда, привел к тому, что острота внутриэлитного конфликта снизилась, а наиболее крепкой базой функционирования ногайского общества стала связка мирза и подчиненные ему эли. Эта связка, как это нам известно из последующей истории, пережила и саму Ногайскую Орду и сохранялась еще в XIX веке [8, с. 453–466].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абул-Гази. Родословное древо тюрков / пер. Саблуков Г.С. Казань, 1906. 352с.

2. Беляков А. В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.

3. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. I. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. 303 с.

5. Кидирниязов Д.С., Ишмухамбетов Р.В. Служилые группы у ногайцев и других кочевых народов Северного Прикаспия // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков- кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. С.241–247.

6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.

7. Крадин Н.Н. Из переписки с В.В. Трепавловым // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В. Трепавлова. М.: Институт российской истории РАН, 2024. С. 54–67.

8. Пашаоглу Д.Д., Миргалеев И.М. Поборы и штрафы ногайской родовой аристократии, отраженные в османских документах // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 453–466. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466 EDN: CRHUWJ

9. Подвойский Д.Г. Элита // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813 (дата обращения 08.01.2025)

10. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М.: Наука, 1965. 239 с.

12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / Сост. Н.М. Рогожин. М., 1984. 99 с.

13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 356 с.

14. Сборники императорского русского исторического общества. Спб., 1884. Т. 41. 558 с.

15. Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т. 15. М., 1945. С. 278–300.

16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

17. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 3-е изд. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

18. Трепавлов В.В. Хакимы Кипчакской степи. Очерки ранней истории ногайцев (Москва, 1998) // Трепавлов В.В. Неизданные работы. М.: Издательский дом «Медина», 2024. С. 365–520.

19. Турчин П. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: Издательство АСТ, 2024. 432 с.

20. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

21. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.

REFERENCES

1. Abul-Gazi. The family tree of the Turks. Tr. by Sablukov G.S. Kazan, 1906, 352 p. (In Russian)

2. Belyakov A.V. Nogai nobility in Russia of the 16th–17th centuries. Moscow: Staraya Basmannaya, 2023, 324 p. (In Russian)

3. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Ed. by A.L. Khoroshkevich. Vol. 1. Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from Early Modern High German by A.V. Nazarenko. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008, 776 p. (In Russian)

4. Zaitsev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 2004, 303 p. (In Russian)

5. Kidirniyazov D.S., Ishmukhambetov R.V. Military groups among the Nogai and other nomadic peoples of the Northern Caspian region. The peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries: history, politics, culture: proceedings of the XI International Forum of Historians of the Caucasus, dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the first Union Constitution and the formation of the North Caucasus Region. Rostov-on-Don: Federal Research Centre Southern Scientific centreof the Russian Academy of Scienes, 2024, pp.241–247. (In Russian)

6. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004, 368 p. (In Russian)

7. Kradin N.N. From correspondence with V.V. Trepavlov. "The phenomenon of supreme power and the process of formation of the imperial state are inexhaustible for research". Collection in memory of V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 54–67. (In Russian)

8. Paşaoğlu D.D., Mirgaleev I.M. Extortions and fines of the Nogai family aristocracy, reflected in Ottoman documents. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 453–466. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.453-466 (In Russian)

9. Podvoisky D.G. Elite. *The Great Russian Encyclopedia*. Available at: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4930813 (date accessed 08.01.2025) (In Russian)

10. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, 544 p. (In Russian)

11. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 30. Vladimir Chronicler. Novgorodskaya II (Archivskaya chronicle). Moscow: Nauka, 1965, 239 p. (In Russian)

12. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde of 1489–1508. Comp. by N.M. Rogozhin, M., 1984, 99 p. (In Russian)

13. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1489–1549. By B.A. Keldasov, N.M. Rogozhin, E.E. Lykova, M.P. Lukichev. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995, 356 p. (In Russian).

14. Collections of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41, St. Petersburg, 1884. 558 p. (In Russian)

15. Tikhomirov M.N. From The Vladimir Chronicler. *Historical notes*. Vol. 15. Moscow, 1945, pp.278-300. (In Russian)

16. Trepavlov V.V. The history of the Nogai Horde. Moscow: Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, 752 p. (In Russian)

17. Trepavlov V.V. The History of the Nogai Horde. 3rd edition. Moscow: Quadriga, 2020, 1040 p. (In Russian).

18. Trepavlov V.V. Khakims of the Kipchak steppe. Essays on the Early History of the Nogais (Moscow, 1998). *Trepavlov V.V. Unpublished works*. Moscow: Medina Publ., 2024, pp. 365-520. (In Russian)

19. Turchin P. The end of time. Elites, counter-elites and the path of political disintegration. Moscow: AST Publ., 2024, 432 p. (In Russian)

20. Utemish-hadji. Kara-tavarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov; tr. into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; general and scientific edition by I. M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 312 p. (In Russian)

21. Khisamieva Z.A. The language of Kadyr Ali-bek's dastans. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022, 244 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 23.10.2024
Поступила после рецензирования / Revised 23.12.2024
Принята к публикации / Accepted 09.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165 УДК 94(47)
EDN: QUQGMC

ПОТОМКИ ИДЕГЕЯ В РОССИИ XVI–XVII ВВ.

А.В. Беляков
Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: В последнее время была проделана большая и плодотворная работа по выявлению и исследованию ногайского компонента в структуре высшей страты служилых людей Русского государства XVI–XVII вв. В частности был установлен список родов, которые имеют все основания причислять себя к Идегеевичам – потомкам золотоордынского беклербека Идегея (Эдиге). В представленной работе предпринята попытка уточнить особенности статуса знатных ногайских выходцев в Московском государстве и то, как на него влияли изменения во взаимоотношениях между Ногайской Ордой и православными монархами.
Материалы исследования: Архивы центральных московских приказов и предшествующая историография по данной теме.
Результаты и научная новизна исследования: Делается предположение о том, что начиная с середины XVI в. по версии Москвы государство мангытов находилось в подданстве у русских царей. Это произошло тогда, когда ногаи обратились к Ивану IV для инвеституры биев. В степи на это смотрели несколько иначе, и рассматривали данный шаг как заключение некоего временного соглашения и союза. Однако постепенная деградация государственности в Ногайской Орде и непреклонная позиция Москвы приводили к тому, что это образование и люди, населявшие его, с каждым десятилетием все более начинали попадать в зависимость от воли русских монархов. Как следствие, статус мангытской родовой знати эволюционировал от положения детей и внуков природных государей, поступивших на службу к монарху соседнего государства, до обычного подданства с обязательной службой, как все дворянство при Петре I.

Ключевые слова: Ногайская Орда, Идегей, Идегеевичи, Русское государство XVI–XVII вв., инкорпорация тюркской элиты

Для цитирования: Беляков А.В. Потомки Идегея в России XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 153–165. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165 EDN: QUQGMC

© Беляков А.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

EDIGE'S DESCENDANTS IN RUSSIA IN THE 16th–17th CENTURIES

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation
belafeb@yandex.ru

Abstract. Purpose of the study: Recently, much fruitful work has been done to identify and study the Nogai component in the structure of the highest stratum of service people of the Russian state in the 16th–17th centuries. In particular, a list of clans was established, these having every reason to consider themselves Edigeevichs – the descendants of the Golden Horde backlerbek, Edige. In the presented work, an attempt is made to clarify the features of the status of noble Nogai immigrants in the Moscow state and how it was influenced by changes in the relationship between the Nogai Horde and the Orthodox monarchs.
Research materials: Archives of central Moscow orders and previous historiography on this topic.
Results and scientific novelty of the study: It is assumed that starting from the middle of the 16th century, according to Moscow sources, the Mangyt state was subject to the Russian tsars. This happened when Nogai turned to Ivan IV for investiture of the beys. In the steppe they looked at this somewhat differently, and considered this step as the conclusion of some kind of temporary agreement and alliance. However, the gradual degradation of statehood in the Nogai Horde and the inflexible position of Moscow led to the fact that this formation and the people who inhabited it began to become increasingly dependent on the will of the Russian monarchs with each passing decade. As a result, the status of the Mangyt clan nobility evolved from the position of children and grandchildren of natural sovereigns (who entered the service of the monarch of a neighboring state) to ordinary citizenship with compulsory service, like all the nobility under Peter I.

Keywords: Nogai Horde, Edige, Edigeevichs, Russian state of the 16th–17th centuries, incorporation of the Turkic elite

For citation: Belyakov A.V. Edige's descendants in Russia in the 16th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 153–165. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.153-165 (In Russian)

В последние десятилетия проходила плодотворная исследовательская работа по изучению истории Ногайской Орды и русско-ногайских взаимоотношений. Отметим, что по многим позициям в этой проблематике наиболее заметный вклад был сделан В.В. Трепавловым. Именно с его фундаментального исследования можно говорить об «открытии» Ногайской Орды, как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся прошлым нашего государства [18]. Работая над данной темой, исследователь наметил целый ряд боковых сюжетов, которыми он подробно не занимался, но без которых трудно понять все нюансы русско-ногайских взаимоотношений. В частности он в общих контурах обрисовал картину того, каким образом потомки Идегея (Эдиге) стали родоначальниками целого ряда княжеских родов в России [20]. В последние годы этой тематикой наиболее активно занимался А.В. Беляков, чьи наработки по этой проблематике были обобщены в монографии, посвященной ногайской знати проживавшей в России [5]. Благодаря обширной работе, про-

деланной целым рядом исследователей, мы имеем представление о том, какое влияние знатные ногайские выходцы оказали на развитие Русского государства и какой вклад был сделан ими в деле формирования отечественного дворянства. Однако современная историческая наука устроена таким образом, что любая точка в крупном исследовании стремится мгновенно превратиться в многоточие. Новые источники и нестандартные подходы к давно разрабатывающимся темам позволяют открыть неизвестные грани в тех или иных явлениях. Подобное случилось и с историей ногаев в России. Когда автору этой статьи было предложено написать небольшую работу об институте номинальных ханов в Ногайской Орде [6], он не предполагал, что это заставит пересмотреть и конкретизировать целый ряд вопросов о выездах Идегеевичей в Московское царство. Ниже мы рассмотрим некоторые сюжеты этой проблемы в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Первые выезды потомков Идегея в русские земли начались вскоре после гибели основателя династии. Утемиш-хаджи в своем сочинении отмечает: «... Мансур, Кади и Невруз и Гийазетдин поехали в Московский вилайат. Зиму и весну провели там. Погибло много воинов, которые были с ними. После того как умер этот человек (Кейгубад), Мансуру пришла мысль, он сказал: Будет плохо, если я умру здесь, и мои кости будут лежать среди костей неверных... После этого, взяв несколько воинов и приготовив оружие и назначив главным Гийазетдина, выехали к истокам реки Яик» [22, с. 73]. Абдулгаффар Кырыми повторяет информацию своего предшественника и добавляет к этому, что многим из переехавших мирз не подошел местный климат [1, с. 78-79]. Это более чем смутные упоминания содержат крайне мало информации. Поэтому «Московский вилайат» на самом деле вполне возможно был литовскими землями, где практика расселения служилых тюркских отрядов в это время (начало XV в.) была уже хорошо отработана. В русских летописях об этом эпизоде сведения отсутствуют. Данный сюжет очень сильно похож на более позднее припоминание русских источников о присутствии в русских землях десятилетием ранее (1407–1408 гг.) двух ордынских царевичей, сыновей Токтамыша Джелал ад-Дина и Керим-Берды, прятавшихся здесь от беклербека Идегея, фактически захватившего на тот период власть в Золотой Орде[1]. Для нас важно, что количество подобных примеров постепенно начинает увеличиваться, что с одной стороны косвенно подтверждает истинность каждого из них по отдельности, а также говорит о системности этого явления. Следует указать, что в данном случае русские земли (в широком понимании этого термина) начинают исполнять ту же роль, что и в более поздний период караимы Чуфут-Кале, дававшие приют и защиту любому из Гиреев, оставаясь при этом верноподданными каждому из крымских ханов. Наиболее отчетливо это будет прослеживаться несколько позднее, на рубеже XV–XVI вв. для Гиреев, казанских, сибирских и большеордынских Чингизидов[2], и в середине XVI в. для Идегеевичей.

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 201. Оп. 1. № 84. Л. 219–219 об.

[2] Хотя на самом деле данный принцип действовал в Московском княжестве / царстве в XVI–XVII вв. для всех Чингизидов и представителей родоплеменной верхушки с Востока. Но к тому времени произошло кардинальное изменение в отношениях русских земель с Ордой и постордынскими государствами – Москва приобрела полную независимость [8].

Следующие представители этого рода попали в русские земли в конце XV в., это были ногайские жены, плененных казанских ханов. Жены ногайских мирз были и у ряда сибирских, большеордынских и крымских Чингизидов, добровольно или насильно оказавшихся в Москве [8, с. 55–56, 59, 61–65]. Однако подобные выезды не способствовали созданию в Русском государстве устойчивой ногайской диаспоры. Это произошло только с началом добровольных (в ряде случаев условно) выездов ногайских мирз.

В начале XVI в. в Московское государство перебирается ряд потомков Мансура б. Эдиге (Идегей). Это дети Ибрагима б. Дин-Суфи б. Мансура (Бибеевы), Канбар б. Момола б. Дин-Суфи (Мамалаевы, Тевекелевы, Канбаровы), а также Иван сын Мевлеша (Мердеша) б. Тевшина б. Джанкувата б. Дин-Суфи. Отметим, что потомки братьев Ибрагима и Момолы, сыновей Дин-Суфи б. Мансура имели прочные связи с сибирскими и большеордынскими Чингизидами и, похоже, оказались в России во многом благодаря им. Отметим, что одна из дочерей Ибрагима б. Дин-Суфи, Ош-салтана, была замужем за большеордынским царевичем Шейх-Аулеаром б. Бахтияром, а другая, Борнуша, за шибанским (сибирским) царевичем Ак-Даулетом б. Ак-Куртом [5, с. 28–37]. Именно тогда сформировалось представление о честности ногайской знати, выехавшей на имя московского государя. В родословной книге их поместили последними в списке князей, но перед нетитулованными родами [14, с. 75–76]. На новой родине они получили статус служебных (служилых) князей, награждались обширными поместьями и командовали собственными военными отрядами (иногда отрядами своих родственников – Чингизидов). Изначально они приобрели статус несколько ниже татарских царей и царевичей и приблизительно равный таким выходцам из Литвы, как князья Бельские, Мстиславские, Глинские. Но через несколько поколений, уже после перехода в христианство, уступали этим фамилиям. Во многом это произошло из-за того, что в отличие от литовских выходцев они не становились ближайшими свойственниками московских государей.

В середине XVI в. выезды становятся более частыми и массовыми. Во многом это произошло благодаря кардинальному изменению во взаимоотношениях между Русским государством и Ногайской Ордой. В.В. Трепавловым уже рассматривался институт номинальных ханов у мангытов [19]. Новое прочтение хорошо известных исследователям русско-ногайских посольских книг позволило сделать вывод о том, что в середине XVI в., при бие Юсуфе б. Мусе, таким ханом пока по неизвестным причинам стал московский царь Иван IV Васильевич [6]. В таком случае обращение мирзы Белек-Пулада б. Хаджи-Мухаммеда осенью 1551 г. к Ивану IV как к «Чингисову прямому сыну» следует расценивать не как идеологический конструкт, призванный обеспечить московскому государю достойное место среди восточных правителей, а вербальной констатацией того, что ногаи посчитали возможным причислить православного государя к прямым потомкам Чингиз-хана. Данное упоминание крайне важно, ведь ногайские бии и мирзы в рамках дипломати-

ческой переписки даже нижайшие просьбы облекали в форму безапелляционного требования[3].

Отметим, что оценка произошедшего события в Москве и Ногайской Орде была кардинально отличной. Русская сторона факт обращения за инвеститурой рассматривала, как констатацию вступления в подданство, отыграть который было уже невозможно, это рассматривалось как измена. В степи же случившемуся не предавали особого значения, памятуя, что иные ногайские цари никаким образом не претендовали на вмешательство во внутренние дела Орды. Поэтому такого ногайского царя каждый раз могли находить в разных местах на просторах Дешт-и Кыпчака. В свою очередь православные государи крайне ревниво относились к любым попыткам своих подданных выйти из-под когда-то добровольно объявленного холопства. В конечном итоге по целому ряду причин к рубежу XVI–XVII вв. ногаи прочно оказались в сфере влияния московского царя. Недовольным оставалось только откочевывать в Крымское ханство или Малую Ногайскую Орду.

Это же объясняет, почему в Ногайскую Орду, в отличие от иных государств, после 1561 г., когда появилась большая государева печать, грамоты заверялись печатями с нестандартным изображением. В то время как в иные страны дипломатические послания скреплялись большой печатью, то в Ногайскую Орду, как и к черкесам, в Крым и позднее к калмыкам это была матрица с изображением всадника («ездеца»), поражающего копьем дракона[4]. Все перечисленные образования считались не самостоятельными, а находящимися в зависимости от России или иных государств (как Крымское ханство). Во второй половине XVII в. появится более точная аналогия положения ногаев, Малороссия, являвшаяся частью России на правах автономии, все грамоты туда заверялись специально изготовленной для этих целей печатью Малороссийского приказа.

Теперь по иному выглядит и история с организацией Иваном IV в Романовском уезде еще одной, условно назовем ее параллельной Ногайской Орды во главе с князем (бием) Юнусом б. Юсуфом и Ибрагимом б. Юсуфом. Московский государь после вступления, по его версии, в подданство Ногайской Орды считал себя вправе распоряжаться бийским достоинством по полному своему усмотрению. Поэтому когда в результате борьбы между Исмаилом б. Мусы и потомками Юсуфа б. Мусы и их сторонниками, последние в большом количестве оказались в России, то московский государь, как истинный сюзерен не имел права отказать им, и обязан был позаботиться о них. Тогда выехали Кутумовы, Кошумовы, Уразлыевы, Юнусовы, Юсуповы. В Москве

[3] «В тои земле он сказываетца Чингисивым прямым сыном и прямым государем царем называетца... к Чингисову сыну бѣлому князю прямословному государю и жалостливому государю бѣлому князю» [13, с. 79–80, 228; 21].

[4] Правильнее сказать, что во второй половине XVI в. к биям грамоты заверяли красновосковой печатью: «А печать у Тенихматовы грамоты от государя государьская рядовая печать на красном воску без кустодеи»; к мирзам черновосковой: «А печати у грамот рядовые, на чорном воску, без кустодеи» [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 14. Л. 92 об.–93 об.]. В XVII в. ситуация меняется, теперь все грамоты заверяются одинаково: «а печать на чорном воску воротная». Если к калмыцким тайшам грамоты пишут на малом листе александрийской бумаги, то к ногаям на более дешевой «на оловяннике» [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 15. Л. 317 об.–318].

не видели особой проблемы, что какое-то время в Орде фактически одновременно было два бия, один в степи, а другой в Романове.

В свете сделанного нами предположения и ногаи Казыева улуса (Малая Ногайская Орда), как отделившиеся от некогда единой Ногайской Орды, также должны были рассматриваться Иваном IV как изменники. Теперь совсем по иному следует интерпретировать и посылаемое в Ногайскую Орду жалование – это явно плата за военную службу от государя подданному. Обратим внимание, что в русско-ногайских посольских книгах с середины XVI в. московская сторона принципиально практически не использовала термин «поминок», заменяя его «жалованием»[5]. Со временем сообщения источников о поставлении русскими царями в степи биев и нураддинов становятся более однозначными [16, №144, с. 465–467], а параллельно с этим с начала 1590-х гг. ногайская крещеная знать теряет статус служебных князей и переходит в разряд дворян по московскому списку, при этом некоторое время возглавляет его [17, с. 212, 252, 321; 5, с. 71]. А вот продолжавшие исповедовать ислам Юсуповы и Кутумовы сохранили свой прежний статус до начала 1680-х гг. Причину этого не стоит искать в неком особом благоволении к ним православных царей. По-видимому, столь долгое сохранение этого рудимента организации второй половины XVI в. произошло благодаря тому, что эти мирзы не доставляли центральным властям особых хлопот и не давали повода кардинально изменить их статус.

В XVII в. выезжать или насильственно вывозиться в Москву стали потомки бия Исмаила б. Мусы, прочно унаследовавшие право на бийский титул. Во многом это осуществлялось для того, чтобы сократить напряженность в степи путем уменьшения числа претендентов в борьбе за власть. Благодаря этому в России оказались мирзы и князья Урусовы, Барангазыевы, Иштерековы, Тинмаметевы, Кейкуатовы (Кекуватовы), Енеевы, Байтерековы, Смайлевы, Урмаметевы, Тинбаевы, Шейдяковы (младшая ветвь). В положении ногайских выходцев произошло серьезное изменение. Если ранее они могли оставаться в исламе, то теперь это позволялось только тем из них, что находились в тюремном заключении или содержались «за приставы». Все остальные должны были в обязательном порядке стать христианами. По-видимому, этому во многом способствовала поступательная деградация последних остатков государственности в Ногайской Орде.

Несколько особняком находятся истории с выездами Смайлевых и Шихмамаевых. Дело в том, что их выезды в первую очередь связаны не с замятнями в степи, а с историей присоединения Сибири к России. Они в разной

[5] Продолжатель сочинения Утемиш-хаджи поместил в свой труд такую фразу: «Отдав шестьдесят салани, которые выплачивались его отцу, старшего сына Арслана русские неверные сделали ханом в ханстве Хан Керман» [22, с. 84–85]. По-видимому, здесь речь идет о традиции выплат за службу московскому государю неких денежных средств касимовским Чингизидам. То же самое известно во взаимоотношениях между Гиреями и османскими султанами [15, с. 236]. Похоже, во взаимоотношениях между Русским государством и Ногайской Ордой с середины XVI в. наблюдается тот же механизм. Однако в определенный момент разовые денежные выплаты и подарки шубами оказались заменены поденным кормом. Шубы теперь стало возможно получить, только приехав в Москву для того, чтобы бить челом московскому государю о своих делах.

степени оказались связаны брачными узами с ханом Кучумом и его большой семьей и последовали в Москву вслед за вывезенными сюда Кучумовичами.

Некоторая потеря статуса ногайскими выходцами успешно компенсировалась путем проведения целенаправленной брачной политики. Она заключалась в том, что новокрещенам специально подбирали супругу, в ближайшей генеалогии которой должны были сочетаться два фактора: 1) свойство с правящим царским домом; 2) наличие некоего «восточного» следа среди ближайших родственников, коими чаще всего выступали князья Черкасские, Тюменские, отчасти Сулешевы[6]. Подобные жены, правильнее сказать их семьи, создавали плодотворную почву для интеграции крещеной ногайской знати с московской элитой. Возможно, в этих семьях также сохранялся билингвизм (знание татарского языка), что, безусловно, помогало общению с недавними выходцами из степи. Кроме того русские родственники раскрывали новокрещенам все тонкости работы приказного аппарата и те действия, что нужно сделать для увеличения благосостояния семьи. Они же в конечном итоге всячески способствовали их удачному продвижению в системе государева двора. В этом плане наиболее удачным примером в XVII в. стала история князей Урусовых, достигших боярских чинов и прочного положения подле царского трона.

Важным является вопрос о том насколько, ногайская знать в России помнила о своем общем происхождении. На первый взгляд это единство было безусловным. Об этом нам говорят браки, когда союзы заключались со своими далекими родственниками, а также немногочисленные сохранившиеся упоминания о тесных взаимоотношениях на бытовом уровне между представителями мангытской знати (совместное времяпрепровождение, согласие поставить поручную запись по тому или иному человеку во время судебных разбирательств и др.). Однако можно обнаружить и документальные свидетельства и об обратном.

Отметим, что потомки биев Юсуфа и Исмаила в России между собой никак не взаимодействовали. Та вражда, что возникла в степи еще в середине XVI в. сохранялась в Москве вплоть до второй половины XVI в. Потомки других детей Мусы занимали разные позиции в этом вопросе. Кутумовы происходившие от Шейх-Мухаммеда б. Мусы действовали строго в фарватере взглядов Юсуфовичей, а вот потомки Сеид-Ахмеда б. Мусы (старшая ветвь Шейдяковых) как бы стояла вне этих разногласий. По-видимому, в России они воспринимали свой род, как старший среди всех служилых мангытов. Как относились к вопросу старшинства иные служилые ногайские мирзы и князья непонятно. А вот московские власти однозначно ставили Шейдяковых выше иных. Причин для подобного взгляда было несколько. Начнем с того, что Сеид-Ахмед (Шейдяк) приходился старшим братом Юсуфу и Исмаилу и в русской традиции местничества это, безусловно, учитывалось. Кроме того в Эпоху Сеид-Ахмеда государственность Ногайской Орды переживала свой высший подъем, после чего она начинает постепенно деградировать. К тому же в глазах Москвы Сеид-Ахмед был последним независимым правителем

[6] Женская составляющая генеалогии большинства родов крайне тяжело поддается исследованию. Однако сделанные нами наблюдения подтверждаются и дополняются другими исследователями [11].

этого образования, все последующие бии рассматривались исключительно как подручники православного царя. Обратим внимание еще на один интересный факт, проживавшие в России и сохранившие ислам служилые татарские цари, царевичи и царевны из всех мангытов выбирали себе брачных партнеров только из старшей ветви Шейдяковых.

Нужно указать и на то, что среди Идегеевичей в Русском государстве раскол между Юсуфовичами и Исмаиловичами был не единственным. Нечто подобное мы можем наблюдать и внутри мирз и князей Юсуповых. Род явно делился на две части, старшую ветвь (Ибрагимовичи) и младшую (Элевичи). При этом причин, послуживших отправными точками для подобной неприязни, могло быть несколько. Во-первых – спор о старшинстве. Ибрагимовичи представляли собой старшую ветвь рода, Ибрагим даже был пожалован Иваном IV княжением над остальными мангытами в России. Но потомки Эля всячески стремились замолчать данный факт и даже дистанцировались от Ибрагимовичей, создав особый конструкт для своего родового прозвища Юсуповы-Княжево. Возможно, тем самым они стремились, в том числе, оправдать тот факт, что именно эта ветвь рода закрепила за собой в ущерб старшей линии крупные земельные владения в Романовском уезде. Это можно рассматривать как второй повод. Наконец, в-третьих, свою роль мог сыграть религиозный фактор. История Элевичей во второй половине XVII в. показывает, что они относились к строгим приверженцам ислама, Ибрагимовичи же перешли в православие уже в конце XVI в. Что стало главным в этом семейном расколе нам остается только предполагать, однако его наличие является установленным фактом [5, с. 47–69].

Среди Исмаиловичей подобная вражда столь явно не прослеживается. Хотя и здесь следует указать на то, что потомки бия Уруса б. Исмаила (Урусовы) явно выделяли себя из общей массы мангытов. Возможно, свою роль здесь сыграл тот факт, что Урус был убит, после чего его дети оказались оттеснены от возможности занять бийский престол. Эта обида явно читается в поступках Джан-Арслана б. Уруса и его сына Петра Арасланович (Урак б. Джан-Арслан). После того как эта семья в России прочно вошла в круг родов безусловно, претендовавших на боярское достоинство своих представителей, здесь стали играть иные механизмы [4].

Таким образом, родовое единство мангытов в России не следует переоценивать. Оно действительно прослеживается, однако при более подробном рассмотрении разбивается на частные случаи. То же относится и к контактам с родственниками, остававшимися в степях под Астраханью или на Кавказе. Эти связи еще больше ослабевают на рубеже XVII–XVIII вв. Петровские преобразования полностью изгладили родовую память, она стала не актуальна, и теперь стало можно говорить о каком либо единстве только исключительно в рамках конкретных семей.

В судьбе знатных ногайских выходцев начала XVIII в. произошло на настоящий момент не объяснимое событие. Если до этого времени многие семьи в демографическом плане чувствовали себя вполне уверено, и в каждом последующем поколении количество их представителей как минимум не сокращалось, то теперь мы можем наблюдать эффект «бутылочного горлышка». Одни роды полностью исчезают с исторической сцены (Шейдяковы, старшая ветвь Юсуповых), другие резко сокращают численность своих представителей и со

временем полностью пресекаются, и только нескольким удается сохраниться (Урусовы, младшая ветвь Юсуповых, Ураковы[7], Кекуатовы).

Существует устойчивое представление о том, что ногайская конница играла важную роль в усилении конницы московских царей. Однако обращение к источникам показывает, что в Романовском уезде максимально в 1560-х гг. проживало не более 500 воинов. В XVII в. их численность составляла 225 (отряды мирз Юсуповых и Кутумовых) человек или даже несколько меньше. Крещеные Идегеевичи все вместе могли выставить не более нескольких десятков даточных. Правда, на войны XVI в. выезжали отдельные отряды собственно из Ногайской Орды, но максимально зафиксированная их одномоментная численность не превышала 1670 человек. Скорее, ногаи в армии представляли собой не военную, а политическую и идеологическую силу, показывая фактом своего наличия, что московскому государю служат многие народы. К тому же присылка войск на театр военных действий от подвластных народов, это один из обязательных пунктов, содержавшихся в жалованных грамотах за золотой печатью, выдававшихся из Москвы [2; 7].

Во второй половине XVII в. в Москву попадали исключительно плененные на поле боя выходцы из Крымского ханства и Казыева улуса. Теперь они могли быть обменены на русских пленных в Крыму, сидеть в тюрьме, иногда десятилетиями, или принять православие и пополнить список служилых родов.

Что касается материального состояния ногайских выходцев, то наиболее стабильным оно было у мирз Юсуповых и Кутумовых, по-прежнему владевших тысячами четей в Романовском уезде. Материальное содержание иных родов стало постепенно сокращаться. Дело в том, что по существующему правилу, новичные поместные и денежные оклады детей были несколько ниже, нежели у их отцов. Младшие поколения могли значительно увеличить их, получая регулярные придачи за хорошую службу, в первую очередь на поле боя. Однако далеко не все князья ногайского происхождения хотели переносить тяготы полковых буден, поэтому размеры годового жалования, поденного корма и реального землевладения росли далеко не у всех. Кроме того, в этот период часть князей решила отказаться от поместий с русскими крестьянами в пользу гарантированного поденного корма. На первых порах это могло быть оправдано, но во времена петровских преобразований эти семьи оказались в серьезном проигрыше по сравнению с иными семьями.

Следует остановиться и на вопросе верности ногайских выходцев московскому государю. В документах прослеживается стремление многих из них вернуться в привычные для себя степи. Так романовский мирза Эль б. Юсуф якобы сказал Станиславу Немоевскому: «Вы еще можете вскоре отсюда выехать, по окончанию настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына, но я, прибывши сюда добровольно лет 40 назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну» [9, с. 188]. В отдельных случаях фиксируются их побеги. Так в 1570 г. после ссоры с опричником Р. Пивовым в Литву, а оттуда в Крым сбежали в сопровождении 130 казаков князь Ибрагим Юсупов с сыном, Ахмала Бештавзин, Наделы Алеев сын Хромого (возможно, Дан-Али б. Али

[7] На самом деле этот род ногайского происхождения пресекся на рубеже XVII–XVIII вв. Известные в более поздний период Ураковы, это, похоже, удачно приписавшиеся к нему русские провинциальные служилые люди [3].

б. Юсуф) и Тиналей Юнусов [12, с. 62-64]. Значительное число ногайских князей и мирз покинули Россию в эпоху Смутного времени в окружении Петра (Урака) Урусова. Значительная группа Эдигеевичей с разной степенью успешности попыталась совершить побег за пределы Московского государства в 1616 г. Известны подобные попытки и позднее. В 1628 г. в этом обвинили Петра Хановича Урусова и Василия Урмаметева[8]. В 1652/53 г. предотвратили бегство Алексея Еналеева сына Шейдякова с детьми[9]. Отметим, что в каждом известном случае русские власти стремились всяческими способами возвратить беглецов.

Таким образом, потомки Идегея были более чем заметным явлением в России XVI–XVII в. В конечном итоге они создали здесь более двух десятков в той или иной степени устойчивых родов, члены которых прочно вписали свои имена в историю российского государства. Однако в последующие эпохи удалось сохраниться только немногим из них. Причины угасания этих родов были естественными, хотя до настоящего времени и труднообъяснимыми.

Первоначально на знатных мангытских выходцев смотрели как на детей и внуков природных государей, и они представляли собой один из разрядов служебных князей. После того, как Иван IV впервые формально поучаствовал в возведении на престол ногайского бия (Юсуф б. Муса) на них стали смотреть как на государевых подручников, хотя они и сохранили прежний статус. Постоянные внутренние неурядицы и деградация государственности Ногайской Орды привела к тому, что они потеряли статус служебных князей, заняв верхние позиции в списке дворян по московскому списку. Показательно, что это произошло приблизительно в одно и то же время с прекращением ведения русско-ногайских посольских книг и передачей ведения ногаев астраханским воеводам. На протяжении XVII в. продолжается падение их служебного статуса. Это выражается в практическом запрещении переезда Идегеевичей из-под Астрахани в Москву и постепенном перемещении большинства из них в боярских книгах и списках из начала списка дворян по московскому списку и стольников ближе к концу. При Петре I эта категория служилых людей полностью слилась с остальным дворянством. Теперь происхождение никак не влияло на их карьеру, в новую эпоху требовалась реальная служба или хорошие и устойчивые связи среди лиц, стоявших у самого трона. На этом история инкорпорации потомков Идегея в России завершилась. Это поняли и сами князья ногайского происхождения. На долгие годы они забыли о своем великом прошлом. Лучше всего произошедшее с ногайскими выходцами описывает в своей сказке от 25.03.1720 г. поручик князь Иван Яковлевич Байтереков: «А выехал на службу царского величества дед мой, а откуды выехал и в котором году, того подлинно написать не упомню» [10, с. 2362].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. Кн. 2. 200 с.

[8] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3.

[9] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разрядного стола. 1653–1699 гг. Д. 199. Л. 58–82.

2. Беляков А.В. Жалованные грамоты за золотой печатью: история бытования и ареал распространения (об ордынской преемственности в вопросе инвеституры) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 1. С. 184–211. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211.

3. Беляков А.В. Князья Ураковы в истории России: история одной фальсификации // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 87–100. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-87-100

4. Беляков А.В. Князья Урусовы в России XVII в. // История народов России в исследованиях и документах. М.: Институт российской истории РАН. 2022. Вып. 10. С. 87-106.

5. Беляков А.В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.

6. Беляков А.В. О статусе Ногайской Орды в системе постордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 2. С. 371–379. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379

7. Беляков А.В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3. С. 64-80.

8. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мір, 2011. 512 с.

9. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань: Александрия, 2006. 496 с.

10. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. II. М.: Старая Басманная, 2015. 2754 с.

11. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 784 с. + 624 с.

12. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: Издательский Дом Марджани, 2016. 400 с.

13. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.

14. Родословная книга по списку М.А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.

15. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. М.: «Рубежи XXI», 2005. Т. I. 314 с.

16. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1822. Т. III. 556 с.

17. Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.

18. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

19. Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 152–170.

20. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.

21. Трепавлов В.В. Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М.: Институт Востоковедения, 1992. С. 59–62.

22. Утемиш-хаджи. Кара Таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, 200 p. (In Russian)

2. Belyakov A.V. Letters of merit with a golden seal: history of living and area of spread (about Horde succession in the matter of investiture). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 184–211. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.184-211. (In Russian)

3. Belyakov A.V. The Urakov princes in the history of Russia: the history of one falsification. *New past*. 2022, no. 1, pp. 87–100. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-87-100 (In Russian)

4. Belyakov A.V. Urusov Princes in Russia in the 17th century. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh=History of the peoples of Russia in research and documents.* Moscow: The Institute of Russain History of the Russian Academy of Sciences. 2022, Iss. 10, pp. 87–106. (In Russian)

5. Belyakov A.V. Nogai nobility in Russia in the 16th–17th centuries. Moscow: Staraya Basmannaya, 2023, 324 p. (In Russian)

6. Belyakov A.V. On the status of the Nogai Horde in the system of post-Horde states. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 371–379. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.371-379 (In Russian)

7. Belyakov A.V. Organization of management in the Moscow state of the 15th – early 17th centuries. in newly annexed territories with a predominantly non-Russian population. *Drevnyaya rus'. Voprosy medievistiki=Old russia. The questions of middle ages).* 2022, no. 3, pp. 64–80. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Chingisids in Russia in 15th–17th centuries: prosopographical study. Ryazan: Mir, 2011, 512 p. (In Russian)

9. Notes of Stanislav Nemoevsky (1606–1608). Zolkiewski's manuscript. Ryazan: Alexandria, 2006, 496 p. (In Russian)

10. Officers' tales of the first quarter of the 18th century. Field army. Vol. 2. Moscow: Staraya Basmannaya, 2015, 2754 p. (In Russian)

11. Pavlov A.P. Duma and chamber people of Tsar Mikhail Romanov: prosopographical study: in 2 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2018, 784 p. +624 p. (In Russian)

12. Ambassadorial book on relations between the Moscow State and Crimea. 1571-1577 Moscow: Marjani Publ., 2016, 400 p. (In Russian)

13. Ambassadorial books on relations between Russia and the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publ., 2006, 391 p. (In Russian)

14. Genealogical book according to the list of M.A. Obolensky. *Monuments to the history of the=Russian service class*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2011, pp. 10–170. (In Russian)

15. Smirnov V.D. Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte. Vol. 1. Moscow: Rubezhi XXI, 2005, 314 p. (In Russian)

16. Collection of state charters and agreements. Vol. 3. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo, 1822, 556 p. (In Russian)

17. Stanislavsky A.L. Works on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th–17th centuries. Moscow: Russian state university for the humanities, 2004, 506 p. (In Russian)

18. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Quadriga, 2020, 1040 p. (In Russian)

19. Trepavlov V.V. The ancestors of the Ashtarkhanids in Desht-i Kipchak (notes on the prehistory of the Bukhara dynasty). Trepavlov V.V. Turkic peoples of medieval Eurasia. Selected works. Kazan: Foliant, 2011, pp. 152–170. (In Russian)

20. Trepavlov V.V. Russian princely families of Nogai origin (genealogical origins and early history). Turkological collection; 2002: Russia and the Turkic world. Moscow: Eastern literature, 2003. pp. 320–353. (In Russian)

21. Trepavlov V.V. Status of the "White Tsar": Moscow and the Tatar khanates in the 15th-16th centuries. *Russia and the East: problems of interaction*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 1992, pp. 59–62. (In Russian)

22. Utemish-haji. Kara Tawarich. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192, ResearcherID ABD-7584-2021. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Researcher at the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192, ResearcherID ABD-7584-2021. E-mail: bekafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 13.12.2024
Принята к публикации / Accepted 09.01.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.166-182 УДК 930.271
EDN: RJBKQZ

ТАМГА МАМАЯ В ПЕЧАТЯХ КНЯЗЕЙ ГЛИНСКИХ XVI–XVII ВВ.

О.И. Хоруженко

Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
khoruzhenko1@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: сопоставить два комплекса источников – орнитоморфные тамги, маркирующие выпущенные в Мамаевой Орде конца XIV в. монеты, и варианты тамгообразных фигур на печатях князей Глинских XVI–XVII вв.
Материалы исследования: нумизматический материал Мамаевой Орды, печати представителей рода князей Глинских, родословные книги.
Результаты и научная новизна: в работе сопоставляются, с одной стороны, нумизматический материал, связываемый исследователями с эмиссией подконтрольных Мамаю монетных дворов, с другой стороны – комплекс сфрагистических, геральдических и генеалогических источников, относящийся к роду князей Глинских, позиционировавших себя как прямых потомков этого деятеля. Орнитоморфная тамга, маркирующая монеты Мамая, до настоящего времени интерпретировалась как его личнородовой знак лишь предположительно. С другой стороны, достоверность родословной легенды князей Глинских воспринимается в ряду прочих легенд о происхождении от знаменитых предков с известной долей скепсиса. Сравнительный анализ источников различных типов и видов позволяет выстроить целостную картину истории трансформации лично-родового знака эмира Мамая в гербовую фигуру, усвоенную его потомками, князьями Глинскими. Тем самым и гипотеза о принадлежности Мамаю орнитоморфной тамги на монетах конца XIV в., и родословная легенда князей Глинских получают достаточно наглядное подтверждение.

Ключевые слова: нумизматика, сфрагистика, геральдика, тамга, герб, родословные книги, Мамай, князья Глинские

Для цитирования: Хоруженко О.И. Тамга Мамая в печатях князей Глинских XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 166–182. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.166-182 EDN: RJBKQZ

© Хоруженко О.И., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE TAMGA OF MAMAI IN THE GLINSKY PRINCES SEALS OF THE 16th AND 17th CENTURIES

O.I. Khoruzhenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
khoruzhenko1@yandex.ru

Abstract. To compare two sets of sources – ornithomorphic tamga marking coins issued in the Mamai Horde in the late 14th century, and variants of tamga-shaped figures on the seals of the Glinsky princes in the 16th and 17th centuries.
Research materials: Numismatic material of the Mamai Horde, seals of representatives of the princes Glinsky family, and genealogical books.
Results and novelty of the research: The paper compares, on the one hand, the numismatic material associated by researchers with the issue of mints controlled by Mamai, and on the other hand, a body of sphragistic, heraldic, and genealogical sources belonging to the family of the Glinsky princes who positioned themselves as direct descendants of this personage. The ornithomorphic tamga on Mamai's coins has been interpreted as his personal and ancestral sign only on a presumptive basis until now. Nonetheless, the truthfulness of the genealogical legend of the Glinsky princes is detected in a series of other legends about descent from famous ancestors with some skepticism. A comparative analysis of sources of various types and kinds allows us to build a coherent picture of the history of the transformation of the personal and ancestral sign of Emir Mamai into a coat of arms figure, assimilated by his descendants – the Glinsky princes. Thus, both the hypothesis that the ornithomorphic tamga on coins from the late 14th century belonged to Mamai and the genealogical legend of the Glinsky princes are clearly confirmed.

Keywords: numismatics, sphragistics, heraldry, tamga, coat of arms, genealogical books, Mamai, Glinsky princes

For citation: Khoruzhenko O.I. The tamga of Mamai in the Glinsky princes seals of the 16th and 17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 166–182. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.166-182 (In Russian)

Неизменный исследовательский интерес к истории рода князей Глинских обусловлен его значимостью в истории двух великих княжеств – Литовского и Московского – в первой половине XVI в. Долгое время карьера Глинских в Литве не представляла собой ничего примечательного: они служили «по паном по литовским» [6, с. 268], т.е. постов при великокняжеском дворе не занимали. Во время правления великого князя литовского (с 1492 г.) и короля польского (с 1501 г.) Александра Глинские попали в фавор. Князья Михаил, Иван и Василий Львовичи получили высокие должности и важные наместничества [48, s. 9, 19, 36, 178, 201, 300].

Ситуация для Глинских изменилась к худшему после смерти их покровителя, великого князя Александра (1506 г.). У нового великого князя и короля Жигимонта были свои фавориты, которые стали заметно теснить Глинских. Не видя для себя и своих братьев завидных перспектив в Великом княжестве Литовском, князь М.Л. Глинский затеял мятеж [17, с. 139–151; 24, с. 68–73]. Он организовал убийство своего главного обидчика Яна Юрьевича Заберезинского и отъехал в Москву.

В Московском великом княжестве Глинские вновь заняли высокое положение. После женитьбы великого князя Василия III на племяннице М.Л. Глинского Елене Васильевне, ставшей матерью наследника престола, будущее Глинских казалось безоблачным. Но для московской боярской верхушки М.Л. Глинский оставался чужаком. В августе 1534 г. он был арестован и вскоре умер в темнице (1536 г.). Мать и брат великой княгини Елены, Анна и Михаил Васильевич, еще сохраняли влияние при московском дворе. Но 21 июня 1547 г. в Москве случился страшный пожар, который вызвал народное восстание. Противники Глинских обвинили их в этом пожаре: якобы Анна Глинская «вълхвъванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша, и тою водою кропиша, и оттого вся Москва погоре» [28, с. 455]. Юрия Васильевича Глинского толпа побила камнями. М.В. Глинский и княгиня Анна в ноябре 1547 г. безуспешно попытались бежать за рубеж. Глинский был лишен вотчин и чина конюшего [14, с. 303–304, 310], но других репрессий не последовало. Тем не менее, эти события дискредитировали Глинских, они были окончательно вытеснены из ближайшего монаршего окружения. И в Литовском, и в Московском государствах представители этого рода в дальнейшем уже ничем не выделялись из основной массы служилых людей.

* * *

В родословных книгах разных редакций родословная роспись князей Глинских представлена в нескольких вариантах [6, с. 271–292; 38, с. 319–352]. Отличаясь в ряде деталей, они производят князей Глинских от эмира[1] Мамая, правившего от имени ряда ханов-марионеток на территории между Волгой и Днестром, на Северном Кавказе и в Крыму [7, с. 276–287].

Приводим интересующий нас фрагмент по Румянцевскому II списку[2]:

Сеи убо пре*ж*речен*н*нии Мамаи име|л сына именем Ма*н*су*р* Кията кн(я)зя. | И после До*н*сково побоища Ма*н*су*р* | Кия*т* кня*з*(ь) заруби*л* три городы, || Глинескъ, Пол*т*ову, Глеченицу. Имѣя Ма*н*су*р* кня*з*(ь) два сына, единому имя Але*к*са кня*з*(ь), другому | Скиды*р* кня*з*(ь). Скыды*р* же кня*з*(ь) по|има*в*ше стадо коне*и* и ве*р*блю*ж*(ь)е | и покочева*л* в Перекопи[3]. | А Ѡлек*с*а кня*з*(ь) ста*л* на те*х* пре*ж* речен*н*ых*х* | градѣ*х*. И по бо*ж*(ь)ему изволению | похотѣ Ѡлек*с*а кня*з*(ь) кре*с*титися, и приѣха*л* х Киеву. И ми*т*ропо|литъ кие*в*ски крести*л* ево в кре|сть*ѧ*нскую вѣру, и да*л* ему во кре|щение имя кня*з*(ь) Ива*н*. И *в* те времена случися при|ѣхати х Киеву великому | кн(я)зю Витоѳту Литов*в*скому. | И посла кн(я)зю Івану Ма*н*су*р*киято||вичю, дабы ему похоте*л* служи|ти. И кня*з*(ь) Ива*н* сотвори*л* хотение | великово князя Витоѳта, и при|еха*л* к нему. И би*л* ему чело*м* в [с]лу*ж*бу | с своими пре*ж*речен*н*ми городы. | И кня*з*(ь) велики Витоѳтъ

[1] В ряде источников Куликовского цикла Мамай титулуется «царь», в летописях – «князь», «темник». Ханом («царем») Мамай, не принадлежавший к Чингизидам, не был. В восточных источниках он титулуется «эмиром»; в исследовательской литературе Мамаю присваиваются титулы бека, беклербека, гургана [19, с. 115–117; 38, с. 344–345)].

[2] РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 280 об. – 281 об. Рукопись датируется по филиграням концом XVI в. Описание: [6, с. 272–273]. Список отнесен М.Е. Бычковой к 1-му изводу Патриаршей редакции [5, с. 66–67].

[3] *Исправлено, в рукописи* Перекоти. О Скидыре роспись более не вспоминает. Возможно, его следует связать с князем Иваном Дмитриевичем Скиндыром, павшим в битве на Ворскле в 1399 г. [30, с. 148].

при|нел ево чесно, не яко слугою, но яко еди|но ѡт сродник своих. И дал ему на при|казе вотчину волости Стамику, | Хорозов, Серековъ, Гладковичи. И дал за нег(о) княж Данилову тчшер(ь) Ѡстро|сково, княжну Настас(ь)ю.

В другом варианте легенды имя Алексы, данное ему при крещении, было не Иван, а Александр, а Иваном звали его сына [26, с. 67–68; 33, с. 43; 34, с. 157–158]. Следующие поколения Глинских – Борис, Федор и Семен Ивановичи и их сыновья – уже «исторические» лица, упоминаемые в актовых источниках первой половины XV в. [49, s. 78, 86]. Хронологически более сообразен публикуемый вариант – Борис Иванович (уп. в 1433–1437 гг.) выступает сыном Алексы-Ивана Мансуркиятовича (уп. в 1399 г.), внуком Мансур-Кията (уп. после 1381 г., ум. до 1399 г.)[4] и правнуком Мамая (уп. с 1357–1359 гг.[5], ум. в 1380 г.). Таким образом дополнение родословия еще одним поколением в лице Ивана Александровича представляется излишним.

В литературе встречается утверждение, апеллирующее к показаниям С. Герберштейна, что существовала и иная версия происхождения Глинских – от венгерских магнатов славянского происхождения Петровичей [6, с. 268; 8, с. 95]. Но это заблуждение. На самом деле Герберштейн сообщал совсем иное – повествуя о второй супруге Василия III Елене Глинской, он отметил, что ее «мать наполовину происходила из рода Петровичей, знаменитого в Венгрии» [8, с. 101]. Действительно, мать великой княгини Елены – Анна Глинская, жена князя Василия Львовича Слепого Глинского – была дочерью сербского воеводы Стефана Якшича и «деспотицы» Ангелины, позднее прославленной как преподобная Ангелина Сербская. Именно в отношении последней и следует понимать сообщение Герберштейна[6]. Что до собственно Глинских, то этот автор имел очень смутные представления об их происхождении: «герцог Михаил Глинский, происходивший из знатного рода и семейства русских государей...» [8, с. 81].

Оригинальную версию происхождения Глинских предложил А.В. Кузьмин: они «являлись потомками Ольговичей (ветвь династии Рюриковичей) – правителей Черниговского княжества в 11–14 вв.» [18, с. 238]. В пользу этого, по его мнению, говорит поминание «родоначальника» князя Ивана (Александровича) Глинского в Любецком синодике, который автор датировал на-

[4] Неизвестно, сколько было сыновей у Мамая. Не названный по имени сын Мамая сражался на стороне Токтамыша против Тимура в битве на р. Кондурча в 1391 г., был ранен и пленен [16, с. 145; 31, с. 64)]. Другой (?) сын Мамая, Султан бег, после его убийства был назначен «кыйатским племенем» своим бегом и перебрался «на северную часть реки Днепр» [1, с. 66; благодарю А.В. Белякова за указание на этот источник]. Это в целом соответствует тому, что сообщает о Мансур Кияте родословная. Сыновья Мамая в списке «цари Одынские»: «Оу Мамая Авдула, Амарта (*вариант*: Умурат) в Сараи, Аизиз. У Мамая же Мамак Салътакъ (*вариант*: Мамак-салтан)» (ГИМ. Син. № 789. Л. 324).

[5] Даты правления хана Бердибека, при котором Мамай «управлял всеми делами» [19, с. 116].

[6] Утвердившаяся в литературе идея о том, что св. Ангелина Сербская была дочерью албанского князя Георгия Арианита Комнина, принадлежит сербскому историку И. Руварацу (1934 г.), не знакомому, судя по всему, с трудом Герберштейна [37, с. 84–87; 39, с. 293–295)].

чалом XV в.[7] Отношение же к версии о происхождении Глинских от Мамая уже в середине XVI в., согласно Кузьмину, было критическим – настолько, что «ее, несмотря на ближайшее родство Г[линских] с царем Иваном IV Васильевичем Грозным, не включили в состав Государева родословца».

Предположение А.В. Кузьмина построено на ряде недоразумений. Государев родословец – протограф для списков родословных книг редакций в 43 главы и 43 главы с приписными – физически не сохранился. В ряде восходящих к нему списков роспись Глинских присутствует. Как отмечала М.Е. Бычкова, «пока нельзя решить вопрос, были ли в нем (Государеве родословце – *О.Х.*) росписи Нагайских князей и Глинских, так как не ясно, попали они в отдельные списки из других редакций, или просто иногда не включались при копировании» [5, с. 38–39][8]. Таким образом, категорически утверждать, что роспись князей Глинских в Государеве родословце отсутствовала, нельзя. Соответственно, ничто не указывает и на скепсис в отношении ее достоверности в середине XVI в.

Следует добавить, что в Москве Глинские ничего не выигрывали в глазах местной элиты, настаивая на происхождении от Мамая. Московские книжники не скупились на негативные эпитеты для Мамая[9]. Понятно, что этот «дьявол во плоти» («плотный диавол» [27, с. 37, 75]) оставил «по себѣ вѣчный студ и поношение наслѣдником своим, поганым бѣсурманом» [27, с. 337] – такими наследниками и были князья Глинские.

Что касается помянника черниговских князей в составе Любецкого синодика, то он имел заголовок: «Помѧни, г(оспод)и, бл(а)гѡвѣрныхъ великихъ кн(ѧ)зеи чернѣгѡ*в*скихъ, кїе*в*скихъ и про*т*чїихъ» [15, с. 24]. Уже из заголовка становится понятным, что в помянник внесены имена не только черниговских Ольговичей. К «протчиим» следует отнести (без попыток приписать их к этой ветви Рюриковичей) внесенных сюда князей Гедиминовичей[10], представителя ветви Юрьевичей тверского князя Бориса Михайловича, не обладавшего княжеским титулом Давида Остиковича и, конечно, князя Ивана Глинского.

Отождествление этого князя с Иваном Александровичем Глинским, правнуком Мамая, принадлежит В.Р. Зотову [15, с. 131]. Выше было показано, что Иван Александрович – фигура сомнительная, она альтернативна Ивану «Мансуркиятовичу». К тому же идентифицировать князя Ивана с лицами

[7] Оригинал Любецкого синодика не сохранился. Его текст опубликован Р.В. Зотовым по списку XVIII в., воспроизводившему рукопись 1694 г. [15, с. 7].

[8] Роспись Глинских отмечена в трех списках из 14 Редакции в 43 главы [5, с. 180] и в четырех списках из 18 Редации в 43 главы с приписными [5, с. 182].

[9] Мамай характеризовался в памятниках Куликовского цикла (в порядке убывания частотности) как «безбожный» [27, с. 9, 30, 32 и др.], «поганый» [27, с. 9, 30, 33 и др.], «нечестивый» [27, с. 32, 35, 68 и др.], «окаянный» [27, с. 30, 65, 68 и др.], «злый» [27, с. 137, 226, 253], «проклятый» [27, с. 150, 315, 319], «безумный» [27, с. 150, 262], «злочестивый» [27, с. 9, 355], «старый злодей» [27, с. 30, 66], «неверный» [27, с. 33], «пес поганый» [27, с. 89], «беззаконный» [27, с. 227]. «Поганство» (язычество) Мамая – не ошибка книжников [ср.: 27, с. 15], а вполне преднамеренная инсинуация: по их утверждению пантеон Мамая включал богов «Перуна, Ираклия, Салавата, Хурса и великого пособника Махъмета» [27, с. 181].

[10] Михаил Евнутьевич, Дмитрий Ольгердович, Иван Ольгимонтович, Иван Любартович, Трубецкие Михаил Андреевич, Семен, Иван Михайлович.

конца XIV – начала XV в. вовсе не обязательно. Не меньше оснований предполагать, что в помянник черниговских князей внесено имя Ивана Борисовича Глинского (уп. 1486–1498), бывшего великокняжеским наместником в Чернигове в 1492–1496 гг.[11] В любом случае, оснований приписать к черниговским Ольговичам князей Глинских не больше, чем князей Трубецких.

Итак, никаких иных версий, кроме происхождения Глинских от Мамая, источники не содержат и не позволяют выстраивать альтернативных гипотез.

Прозвание князя Ивана Львовича Глинского (Мамай), с которым он фигурировал еще в 1482 г. [49, s. 80], – очевидная дань «родовой памяти»; это позволяет говорить о том, что легенда о происхождении Глинских уже существовала в конце XV в. В 1502 г. хан Большой Орды Шейх Ахмед признавал происхождение князей Глинских от Мамая. В послании «маршалку князю Ивану а князю Василью, и князю Михаилу, вам трем прыятелем» (т.е. трем Львовичам) хан свидетельствовал, что Глинские – «Кият князя Мамаевы есте правыи дети, там есте подле брата моего» (т.е. при дворе великого князя литовского и короля польского Александра). Одновременно Шейх Ахмед сообщал, что родственники Глинских у него в большой чести: «А тут есте, подле мене у моем царстве, и справа, и злева, вланы князи чотыры, корачы. Больши Киятов князей, братьи вашое, слуг у мене нетуте большых и лепшых» [44, p. 295, № 488][12].

Следует отметить, что князь Михаил Васильевич Глинский в 1555/56 г. и его сын Иван Михайлович в 1599/1600 г. пользовались печатями с арабографичными надписями[13]. Был ли еще в семье князей Глинских во второй половине XVI в. в ходу татарский язык – не ясно, но, во всяком случае, они считали нужным демонстрировать свое ордынское происхождение.

Достоверность родословных легенд в исследовательской литературе, за редкими исключениями, оценивается невысоко. Но эта общая оценка, конечно, не должна довлеть при анализе конкретных текстов. Равным образом дворянский герб, по общему правилу, непригоден для доказательства достоверности родословной легенды. Изготовленный постфактум, он скорее иллюстрируют родословную легенду, чем доказывает ее. Тем не менее, игнорировать геральдические и сфрагистические памятники при исследовании происхождения конкретных родов было бы неверным.

Князья Глинские пользовались в Речи Посполитой самобытным гербом Glińscy / Gliński / Hliński. Впервые этот герб был опубликован К. Несецким в 1738 г. [45, s. 225] (рис. 1), но в рукописном гербовнике А. Кояловича 1656 г. он также присутствовал [43, p. 219] (приводим прорисовку основной фигуры, рис. 2).

Пользуясь терминологией С.В. Белецкого, разработанной им для тамгообразных княжеских знаков Рюриковичей [4, с. 7], главную фигуру на гербе Глинских следует описать как трезубец прямоугольных очертаний с раздво-

[11] Следует отметить еще более поздние поминания лиц XVI в. [15, с. 121–122, 155, 168].

[12] Словоразделение и пунктуация исправлены мной.

[13] СПб ИРИ РАН. К. 41. № 70; РГАДА. Ф. 281. № 9033/309. Последняя печать опубликована [35, табл. VIII. № 158]. Выражаю глубокую благодарность А.А. Ефимову за возможность ознакомиться с печатью М.В. Глинского 1555/56 г. На обеих печатях читается «...Глинский сын ... Михайлович» (сообщил Е.Ю. Гончаров).

енной ножкой, с отогнутыми наружу под прямым углом вершинами крайних зубцов (знаки Рюриковичей в публикациях обычно ориентированы зубцами вверх) и с перекрестием в центральном. В гербовниках 1656 и 1738 гг. знак представлен уже в устоявшемся геральдизированном виде. Но к такому виду он пришел не сразу.

Известна печать князя Василия Львовича Слепого Глинского. Ее прорисовка по экземпляру, хранящемуся в Национальной библиотеке им. Осолинских (Польша), опубликована С.Н. Безносюком [3, рис. 3][14]. Фигура на его печати сходна с гербом Glińscy, но расходится в отдельных деталях: перекрестье здесь увенчало раздвоенную ножку, центральный зубец имеет стреловидное окончание, вершины боковых зубцов отогнуты под острым, а не прямым углом. Сын В.Л. Глинского Михаил Васильевич использовал на своей печати (1548 г.) точно такую же фигуру [21, с. 245–246].

Печать брата В.Л. Глинского Михаила Львовича Дородного (Немца), диаметром 21-22 мм, сохранилась в собрании Библиотеки Чарторыйских (Краков), скрепляет документ от 9 сентября 1501 г., содержит геральдизированную фигуру, в основе которой явно лежит знак, сходный с тем, что изображен на печати брата [3]. Отличает их лишь угол, под которым отогнуты вершины крайних зубцов – в знаке на печати М.Л. Глинского он прямой (рис. 4). Круговая легенда на печати прочитана О.А. Однороженко как «s : michel : herczog : liuczk : vetus», а С.М. Безносюком – «s : michel : herczog : linczk : votus», что, вероятно ближе к истине (linczk – [H]linczk). Оба автора воспроизводят в круговой легенде символическую инвокацию (+), которая в прорисовке не усматривается.

Печати представителей следующего поколения не выявлены. С. Дзядулевич опубликовал прорисовку фигуры на печати, атрибутированной, насколько можно понять, со слов М.В. Довнар-Запольского, князю Богдану Владимировичу Глинскому-Путимскому [42, s. 134, 139, fig. II]. Знак очень сходен с теми, которыми пользовались В.Л. Глинский и его сын, но раздвоенная ножка преобразовалась здесь в полумесяц (см. стемму, № 5).

Наконец, известна печать князя Петра Александровича Глинского (1627 г.) [25, с. 282, № 461]. Она содержит фигуру, близкую к тем, что использованы на печатях его родственников, но боковые зубцы закруглены, а средний зубец упрощен (рис. 5, стемма №6).

Попытки описать герб Glińscy давали разнообразные результаты. В гербовнике царства Польского герб описан так: «В красном поле на серебряном кресте, обращенном якорчатым концом вверх, деревянные ворота в подвалинах» [9, с. 47][15]. А.Б. Лакиер видел в его основной эмблеме «княжеский престол, над ним скипетр, которого рукоятка, имеющая вид креста, образует третью, среднюю ногу престола» [20, с. 420]. Польский генеалог С.Я. Стары-конь-Каспшицкий описал знак иначе: «через верхнюю балку знака, напоминающего русскую букву П, проходит крест, повешенный вниз перекладинами, с верхним концом, разделенным в виде якоря» [47, s. 162] – и т.д. Понятно, что при описании «по блазону» каждый автор оперировал собственными

[14] Экземпляр оттиска находился также в коллекции Ф. Пекосинского; он опубликовал схематическую прорисовку главной фигуры [46, s. 343–344, fig. 717].

[15] Слово *подвалина* означает ‘большое, толстое бревно, колода’ [36, с. 349].

ассоциациями, не предпринимая попыток увязать увиденные им в знаке образы с историей рода Глинских.

Таблица 1. Герб князей Глинских в XVI–XVIII вв.
Table 1. The Glinsky princes emblem in the 16th–18th centuries

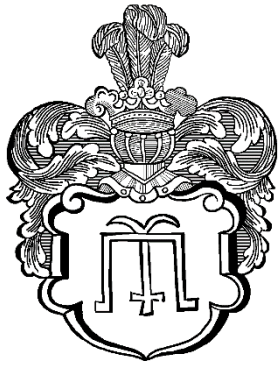


Рис. 1. Герб Glińscy по К. Несецкому (1738 г.)
Fig. 1. The Glińscy emblem according to K. Nesetsky (1738)

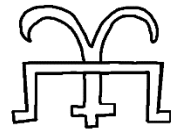


Рис. 2. Фигура на гербе князей Глинских по А. Кояловичу (1656 г.)
Fig. 2. Figure on the Glinsky princes emblem according to A. Koyalovich (1656)

Рис. 3. Печать кн. В.Л. Глинского (до 1508 г.)
Fig. 3. Prince V.L. Glinsky seal (before 1508)

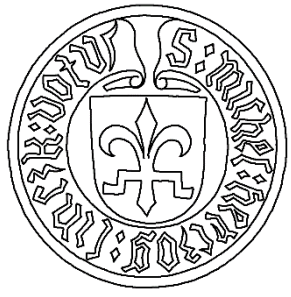


Рис. 4. Печать М.Л. Глинского (1501 г.)
Fig. 4. M.L. Glinsky seal (1501)

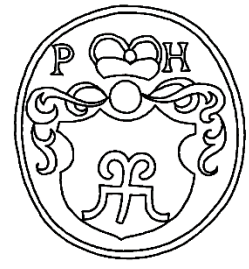


Рис. 5. Печать кн. П.А. Глинского (1627 г.)
Fig. 5. Prince P.A. Glinsky seal (1627)

Татарское происхождение князей Глинских, объявленное в родословных росписях, стимулировало поиск прообраза герба Glińscy среди ордынских тамгообразных знаков. Н.П. Лихачев высказал предположение, что тамга Глинских, «может быть, родственная тамге “великой Булгарии” (о трех ножках), не увенчана ли крестом после крещения знатного выходца?» [21, с. 246]. А.А. Шенников предполагал, что «тамга княжества Мансур-Кията стала основой родового герба князей Глинских. Белый и красный – цвета Польши. Начертание тамга очень похоже на Тарак тамга крымских ханов Гиреев. Но тамга Мансур-Кията старше, зафиксирована раньше, чем появилась династия

Гирей» [41]. На самом деле этому автору не было известно, как именно выглядела тамга Мансур-Кията, когда и кем она была «зафиксирована».

Отмеченные на сегодня в литературе параллели (впрочем, довольно сомнительные) никак не проясняют генезис знака и с точки зрения генеалогии[16]. Тем не менее само направление этих поисков представляется перспективным.

Нумизматам давно были известны медные пулы с изображением трехногой тамги с птичьей головкой. Е.Ю. Гончаров предположительно атрибутировал эти монеты, выпущенные в Азово-Днепровском регионе и на Северном Кавказе в 1360–1370 гг. (т.е. на территории «Мамаевой Орды» и во время ее существования), эмиру Мамаю [10, с. 94–95]. Подборка подобных знаков была опубликована И.Е. Алексеевым [2, с. 192–195].

I тип (табл. 2, 1–3). С легендой «хан | Абдаллах | да продлится его царствие» и «узором..., в который заключена “трехногая” тамга с “клювом”, повернутым влево» [2, с. 188, 192, рис. 1–3; ср.: 40, с. 225, рис. 132, 133]. Абдуллах был номинальным правителем «Мамаевой» Орды с марта – октября 1361 г. по август 1369 – 25 июля 1370 г., или ок. 1 марта 1370 г. [19, с. 118, 119, 123]. Нумизматы предполагают, что эта монета чеканена в Азаке (Азове) или в Крыму, где встречается массово.

II тип (табл. 2, 4–5). С легендой «чекан ал-Джадид», и датами 1370/71–1375/76 гг., обнаруживаются «на обширных территориях Нижнего Приднепровья, Северного Причерноморья и Приазовья» [2, с. 189, 192 (рис. 4–7); 10, с. 96, с. 96, рис. 3; 40, с. 225, рис. 134–139]. Здесь «клюв» повернут вправо. Хронологически этот тип совпадает со временем номинального правления в Мамаевой Орде второго хана Мухаммед-Булака (ок. 1 марта 1370 г. – между 2 июня 1375 г. и 20 мая 1376 г., или весна – лето 1377 г., или вторая половина марта 1377 г.) [19, с. 120, 121, 123]. Третьим ханом Мамаевой Орды со второй половины марта 1377 г. и до осени 1380 г. был Тюляк [19, с. 122–123]. Нумизматический материал с его именем и датированный временем его правления не обнаружен[17].

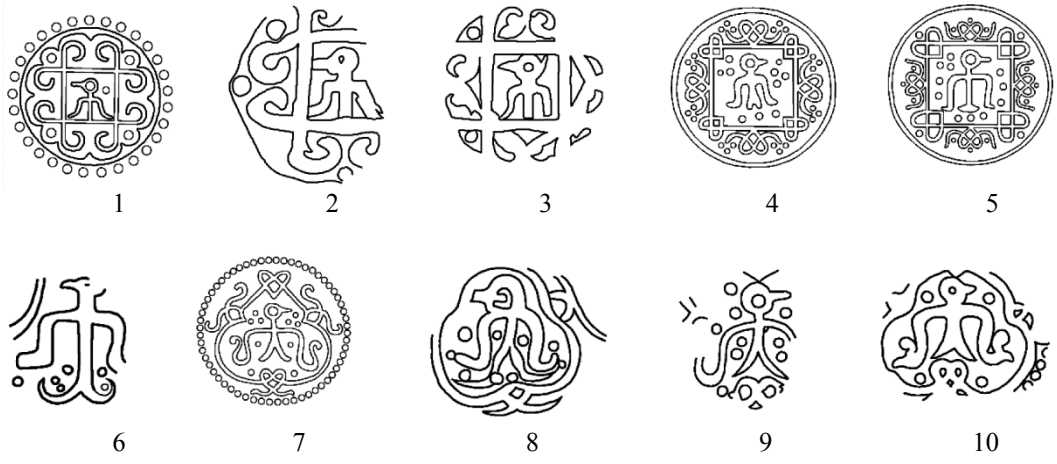
III-IV типы, анэпиграфные (табл. 2, 6–10), обнаружены на памятниках Днепро-Донского междуречья, в Азаке, низовьях Днепра и Днестра и т.д. [2, с. 190].

---

[16] Трехзубцовые знаки, подобные тому, что лежит в основе герба Glińscy, распространены очень широко. В этом ряду можно назвать боспорские царские знаки, знаки Рюриковичей, тамги тюркских племен, некоторые польские гербы и т.д. Исследование их сходства и различий с гербом Glińscy не представляется продуктивным. Очевидно, они не имеют «генетической связи» и их сходство следует считать случайным.

[17] Высказывалась мысль, что ханы Булак и Тюляк – одно и то же лицо [11, с. 41; 19, с. 127]. В качестве «подставной» ханши называлась также Тулунбек-ханум [23, с. 184, 187]. Она известна тем, что в 1379 г. выдала ярлык митрополиту Михаилу [32, с. 107–109]. Впрочем, имя «царя» в этом ярлыке прочитывается и как Тюлякбек. В 773 г.х. (1371/72 г.) Тулунбек-ханум чеканила монету в Сарае-аль-Джедид – как раз тогда Мухаммед Булак чеканил свои монеты в Орду [22, с. 47, № 796–811, с. 49, № 851–856]. Следует предположить, что в 1371/72 г. Мамай не контролировал Сарай-аль-Джедид. Вероятнее всего отнести к Тулунбек-ханум, эмитенту 1371/72 г., летописное сообщение 1386 г.: «Того же лѣта царь Токтамышь убилъ самъ свою царицу, нарицаему Товлунъбѣка» [29, стб. 152]. На монетах Тулунбек-ханум мамаевой тамги не обнаруживается.

Таблица 2. Трехногая тамга с птичьей головой (по И.Е. Алексееву)
Table 2. Three-legged tamga with a bird's head (according to I.E. Alekseev)



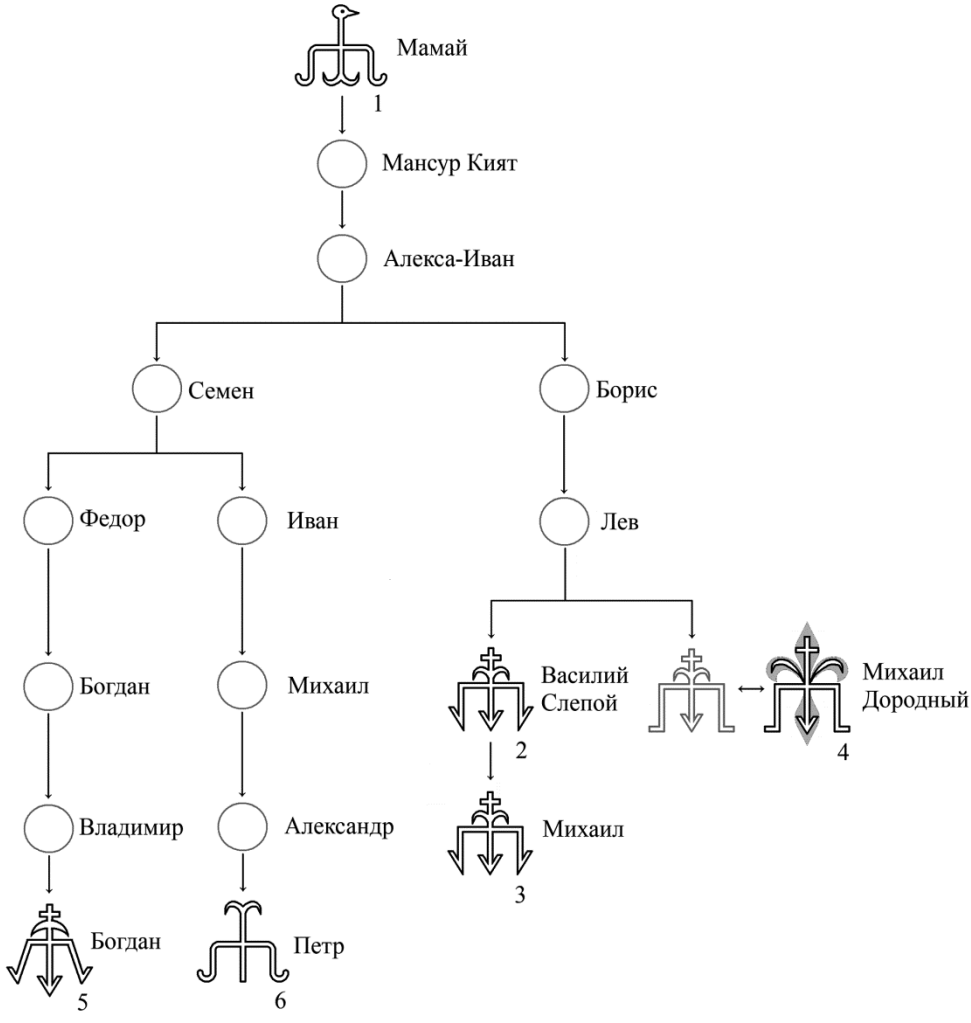
Тамга Мамая на этих монетах вполне сопоставима со знаком его предполагаемых родословной легендой потомков, князей Глинских. Это трезубец с отогнутыми наружу «вершинами» боковых зубцов, раздвоенным в виде «ласточкина хвоста» окончанием среднего, увенчанный птичьей головкой. В целом фигура явно орнитоморфна, схематично изображает птицу с опущенными крыльями. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что знаки на печатях князей Глинских при отличающих их деталях имеют в своей основе одну основу (см. стемму ниже).

Сфрагистический материал Великого княжества Литовского XV–XVI вв. показывает, что лично-родовые тамгообразные знаки, функционировавшие в это время, отличает известная нестабильность. Даже одно и то же лицо на протяжении жизни могло использовать разные варианты знака[18]. Возможно, это связано с изменением внутриродового статуса, но в целом эта проблема еще не исследована. Способы трансформации родового знака включали замену одного или нескольких деталей на иные[19], зеркальный разворот знака или его деталей по горизонтали или по вертикали [25, с. 231, № 106 (ср. № 107); с. 234, № 128 (ср. № 129); с. 276, № 418 (ср. № 420); с. 276, № 421 (ср.

[18] Из таковых печати Александра I Федоровича Порыцкого 1519, 1525 и 1531 гг. [25, с. 267, № 361–363], Михаила Ивановича Ружинского 1553 и 1571 гг. [25, с. 269, № 374, 375], Остафия Васильевича Сокольского 1557 и 1558–1575 гг. [25, с. 271–272, № 389–392], Льва Войнича Збаражского-Воронецкого 1564 и 1566 гг. [25, с. 273–274, № 399–401], Матуша Войнича Збаражского-Воронецкого 1584 и 1586 гг. [25, с. 274–275 , № 406, 407], Ивана Андреевича Полубенского, оба знака 1536 г. [25, с. 306, № 642, 643], Григория-Юрия Васильевича Домонта-Мошенского 1589 и 1601 гг. [25, с. 311, № 674, 675], Дмитрия Андреевича Козеки в 1568 г. и 1581 г. [25, с. 683, № 683, 684].

[19] Ср. знаки на печатях князей Друцких [25, с. 229, № 94, 95], Вишневецких [25, с. 239, № 158, 159, 161], Острожских [25, с. 262–276, № 326–358], Сокольских [25, с. 271, № 386, 387, 389], Воронецких [25, с. 273, № 399, 400].

с. 277, № 422)], переход округлости в угол [25, с. 234, № 127 (ср. № 131)]. Подобные трансформации явно происходили и с родовым знаком потомков Мамая. Сохраняя в основе трезубец, восходящий к лично-родовому знаку предка, Глинские варьировали расположение «ласточкина хвоста» и крестовины, в которую трансформировалась птичья голова, форму боковых зубцов и завершение среднего зубца. В этом смысле Глинские прошли тот же путь, что и другие ордынские выходцы, для которых родовая тамга стала основой для герба [12, с. 16; 13, с. 6].



Стемма / Stemma

Сохранность источников не позволяет в полной мере проследить все трансформации родового знака князей Глинских. Неизвестно, практиковал ли сын и наследник Мамая Мансур Кият монетную чеканку. Печать князя Бориса Ивановича Глинского, скреплявшая документ 1437 г., ныне утрачена [25, с. 133, № 458]. Поиски сфрагистического материала, относящегося к князьям Глинским конца XV–XVI в., могут быть перспективными, особенно среди

документов Великого княжества Литовского. Но уже тот материал, которым мы располагаем, позволяет с достаточной долей уверенности, во-первых, подтвердить атрибуцию орнитоморфной тамги как знака эмира Мамая, во-вторых – оценить родословную легенду Глинских как вполне достоверную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2 / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

2. Алексеев И.Е. Загадки «тамги Мамая» (по материалам нумизматики) // Золотоордынское наследие. Мат-лы VI междунар. Золотоордынского форума «Pax Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды». Казань, 26–28 июня 2019 г. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. Вып. 3. С. 188–210.

3. Безносюк С.М. Глинские. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rurik.hostenko.com/2019/12/16/glinski (дата обращения 01.12.2023).

4. Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Ч. 2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: С.-Петербургский Государственный университет культуры и искусства, 2001 (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3). 187 с.

5. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975. 215 с.

6. Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв.: Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М.: Квадрига, 2012. 368 с.

7. Варваровский Ю.Е. «Мамаева Орда» (по данным письменных источников и нумизматики // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 1999. № 6. С. 276–287.

8. Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 2: Статьи комментарий, приложения, указатели, карты. 656 с.

9. Гербовник дворянских родов царства Польского = Herbarz rodzin szlacheckich Królestwa Polskiego: [в 2-х ч.]. Варшава: Тип. С. Оргельбранда, 1853. Ч. 2. 238 с.

10. Гончаров Е.Ю. Тамги эмиров на пулах улуса Джучидов, XIV–XV вв. (Постановка вопроса) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Памяти Н.А. Фроловой. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2015 г.: материалы докладов и сообщений. М.: [б.и.], 2015. С. 93–97.

11. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л.: Издательство ЛГУ., 1983. Вып. 7. С. 9–54.

12. Думин С.В. Геральдика литовско-татарского дворянства XVI–XX вв. // Гербовед. 1996. № 2 (10). С. 14–29.

13. Думин С.В. Краткий гербовник татарской шляхты Великого княжества литовского // Гербовед. 1996. № 3 (11). С. 5–44.

14. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 511 с.

15. Зотов В.Р. О черниговских князьях по Любецкому синодику и Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. 382 с.

16. Йазди Шараф ад-Дин Али. Зафар-наме / Подг. А. Ахмедов. Ташкент: Издательство журнала SAN'AT, 2008. 486 с.

17. Кромм М.М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.

18. Кузьмин А.В. Глинские // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 7. С. 238–240.

19. Кучкин В.А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н.А. Баскакову: сборник статей. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 115–123.

20. Лакиер А.[Б.] Русская геральдика. СПб.: Типография 2-го отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1855. Кн. 1–2. 635 с.

21. Лихачев Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1928. Вып. 2. 279 с.

22. Марков А.К. Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 119 с.

23. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай: Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.

24. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году / Подг. А.А. Зимин // Советские архивы. 1970. № 5. С. 68–73.

25. Однороженко О.А. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків: [б.и.], 2009. 319 с.

26. Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.

27. Памятники Куликовского цикла / сост. А.А. Зимин, Б.М. Клосс и др; под ред. В.А. Кучкина. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. 410 с.

28. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. Т. 13, ч. 2. VIII+533 с.

29. Полное собрание русских летописей. Пг.: [б.и.], 1922. Т. 15, вып. 1. XVIII+186 стб.

30. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1975. Т. 32. 235 с.

31. Почекаев Р.Ю. Мамай летописный и Мамай исторический (попытка развенчания стереотипов) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2. С. 53–77.

32. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг.: Типография «Научное дело», 1916. 124 с.

33. Родословец / Подг. И.И. Мещанинов // Юбилейный сборник императорского Санкт-Петербургского археологического института. 1613–1913. СПб.: Синодальная типография, 1913. 2-я пагин. С. 1–118.

34. Родословная книга по списку А [Патриаршей редакции] // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1851. Т. 10. С. 131–203.

35. Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / сост. П.И. Иванов. М.: Тип. С. Селивановского, 1858. 70 с.

36. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27: Печечки–Поделывать. 400 с.

37. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. 374 с.

38. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 319–352.

39. Турилов А.А. Ангелина // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 293–295.

40. Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // Советская археология. 1981. № 1. С. 219–241.

41. Шенников А.А. Княжество потомков Мамая (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). Л., 1981 (депонирована в ИНИОН РАН, № 7380).

42. Dziadulewicz S. Pierwiastek turański u szlachty ukraińskiej // Miesięcznik Heraldyczny. Rok 10. Warszawa, 1931. № 6. S. 133–140.

43. Kojalavičius-Vijūkas A. Šventasis Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos bei jai priklausančių provincijų giminių ir herbų vardynas = Sacer nomenclator familiarum et stemmatum Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2015. 879 p.

44. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5 = Литовская метрика. Книга 5. Книга записей 5. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas leidykla, 2012. 586 p.

45. Niesiecki K. Korona Polska przy złotey wolności starożytnemi wszystkich kathedr, provvincyi, y rycerstwa kleynotami heroicznym męstwem y odwagą, naywyższemi honorami; a najpierwey cnotą pobożnością y swiątobliwością ozdobiona : Potomnym zaś wiekom na zasczyt y niesmiertel na sławe pamiętnych w tey oyczyznia synow podana. [Lwów]: w drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu, 1738. T. 2. 759 s.

46. Piekosińsci F. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków: Akademia Umiejętności, 1899. 486 s.

47. Starykoń-Kasprzycki S.J. Polska encyklopedja szlachecka. Warszawa, 1935. T. 2 , z. 2. 95 (105 – 200) s.

48. Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków: W drukarni Wł.L. Angzyca i spółki, 1885. 361 s.

49. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J. Filipowicza, 1895. 699 s.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Qirimi. Umdet ul-ahbar. Iss. 2. Ed. by Mirgaleev I.M. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)

2. Alekseev I.E. Riddles of the "Mamai Tamga" (based on numismatics material). *Golden Horde Heritage. Proceedings of the 6th Golden Horde International Forum "Pax Tatarica: Genesis and heritage of the Golden Horde statehood". Kazan, 26–28 June 2019.* Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 188–210. (In Russian)

3. Beznosyuk S.M. Glinsky. Available at: http://rurik.hostenko.com/2019/12/16/glinski (date accessed 01.12.2023). (In Russian)

4. Beletsky S.V. Signs of the Rurikovichs. Part 2: Signs of the 12th and 13th centuries on monuments of sphragistics (materials for the collection). Research and museumification of antiquities of the North-West. Iss. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Art, 2001, 187 p. (In Russian)

5. Bychkova M. E. Genealogical books of the 16th and 17th centuries as a historical source. Moscow: Nauka, 1975, 215 p. (In Russian)

6. Bychkova M. E. Russian-Lithuanian nobility of the 15th–17th centuries: Source study. Genealogy. Heraldry. Moscow: Quadriga, 2012, 368 p. (In Russian)

7. Varvarovsky Yu.E. "Mamai Horde" (based on written sources and numismatics. *Stratum plus. Archeology and cultural anthropology*. No. 6. Chisinau: High Anthropological School, 1999, pp. 276–287. (In Russian)

8. Herberstein S. Notes on Muscovy: in 2 volumes. Ed. by A.L. Khoroshkevich. Vol. 2: Articles, comments, annexes, indexes, maps. Moscow: Monuments of historical thought, 2008, 656 p. (In Russian)

9. Armorial of the noble families of the Kingdom of Poland = Herbarz rodzin szlacheckich Królestwa Polskiego. Part 2. Warsaw, Tipografiya S. Orgelbranda, 1853, 238 p. (In Russian, Polish)

10. Goncharov E.Yu. Tamgas of the emirs on the pools of the Jochid ulus, 14th and 15th centuries. (Statement of a question). *Numismatic readings of the State Historical Mu-*

seum 2015. In memory of N.A. Frolova. Moscow, November 30 – December 1, 2015: materials of reports and messages. Moscow: [with no indication of the publishing house name], 2015, pp. 93–97. (In Russian)

11. Grigoriev A.P. Golden Horde khans of the 60s–70s of the 14th century: chronology of reigns. *Historiography and source studies of the history of Asian and African countries*. Iss. 7, Leningrad: Leningrad State University Publ., 1983, pp. 9–54. (In Russian)

12. Dumin S.V. Heraldry of the Lithuanian-Tatar nobility of the 16th–20th centuries. *Gerboved=Heraldry Researcher*, No. 2 (10), 1996, pp. 14–29. (In Russian)

13. Dumin S.V. Brief armorial of the Tatar gentry of the Grand Duchy of Lithuania. *Gerboved=Heraldry Researcher,* No. 3 (11), 1996, pp. 5–44. (In Russian)

14. Zimin A.A. Reforms of Ivan the Terrible: essays on the socio-economic and political history of Russia in the mid-16th century. Moscow: Izdatelstvo sotsyalno-ekonomicheskoy literatury, 1960, 511 p. (In Russian)

15. Zotov V.R. On the Chernigov princes according to the Lyubetsky synodikon and the Chernigov principality in the Tatar era. St. Petersburg: Tipografiya brat'ev Panteleevyh, 1892, 382 p. (In Russian)

16. Sharaf al-Din Ali Yazdi. Zafarnama. Ed. by A. Akhmedov. Tashkent: SAN'AT, 2008, 486 p. (In Russian)

17. Kromm M.M. Between Russia and Lithuania: Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations of the late 15th – first third of the 16th century. 2nd ed. Moscow: Quadriga; United Editorial Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, 320 p. (In Russian)

18. Kuz'min A.V. Glinsky. Great Russian Encyclopedia. Vol. 7. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2007, pp. 238–240. (In Russian)

19. Kuchkin V.A. Khans of the Mamai Horde. *90 years of N.A.Baskakov: collection of articles*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997, pp. 115–123. (In Russian)

20. Lakier A.B. Russian heraldry. Book 1-2. St. Petersburg: Tipografiya 2-go otdeleniya sobstvennoy e.i.v. kantselyarii, 1855, 635 pp. (In Russian)

21. Likhachev N.P. Materials for the history of Byzantine and Russian sphragistics. Iss. 2, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1928, 279 p. (In Russian)

22. Markov A.K. Coins of the Jochids: Golden Horde, Tatar khanates. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008, 119 p. (In Russian)

23. Mirgaleev I.M. "The Black Man" Mamai. Mamai: An attempt of a historiographic anthology. Collection of scientific papers. Kazan: Fan, 2010, pp. 183–197. (In Russian)

24. New information about the uprising of Mikhail Glinsky in 1508. Ed. by A.A. Zimin. *Soviet archives*. No. 5, 1970, pp. 68–73. (In Russian)

25. Odnorozhenko O.A. Russian royal, household and princely seals of the 13th–16th centuries. Kharkiv: [with no indication of the publishing house name], 2009, 319 p. (In Ukrainian)

26. Monuments of the history of the Russian service class. Comp. by A.V. Antonov. Moscow: Ancient Repository, 2011, 556 p. (In Russian)

27. Monuments of the Kulikovo Cycle. Comp. by A.A. Zimin, B.M. Kloss, and others; ed. by V.A. Kuchkin. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITZ, 1998, 410 p. (In Russian)

28. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13, part 2. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1906, VIII+533 p. (In Russian)

29. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 15, iss. 1. Petrograd: [with no indication of the publishing house name], 1922, XVIII+186 columns. (In Russian)

30. The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 32, Moscow: Nauka, 1975, 235 p. (In Russian)

31. Pochekaev R.Yu. Mamai in chronicle and Mamai in History (an attempt to debunk stereotypes). *Questions of History and Archaeology of Western Kazakhstan.* No. 2, 2008, pp. 53–77. (In Russian)

32. Priselkov M.D. Khan's jarligs to Russian metropolitans. Petrograd: Tipografiya Nauchnoe delo, 1916, 124 p. (In Russian)

33. Rodoslovets. Ed. by I.I. Meshchaninov. *Jubilee collection of the Imperial St. Petersburg Archaeological Institute. 1613–1913*. St. Petersburg: Tipografiya Synodalnaya, 1913, 2nd pagin, pp. 1–118. (In Russian)

34. Genealogical book according to the copy A [of the Patriarchal edition]. Vol. 10. *Vremyannik of the Society of Russian history and antiquities*. Moscow, 1851, pp. 131–203. (In Russian)

35. Collection of images from the oldest Russian seals attached to letters and other documents stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice. Comp. by P.I. Ivanov. Moscow: Tipografiya Selivanovskogo, 1858, 70 p. (In Russian)

36. Dictionary of Russian Folk Dialects. Iss. 27, St. Petersburg: Nauka, 1992, 400 p. (In Russian)

37. Tikhomirov M.N. Historical ties between Russia and the Slavic countries and Byzantium. Moscow: Nauka, 1969, 374 p. (In Russian)

38. Trepavlov V.V. Ancestors of "Mamai the Tsar". The Kiyat beks in the "Genuine genealogy of the princes Glinsky". *Tyurkologicheskiy sbornik=Turkological collection*. 2006. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007, pp. 319-352. (In Russian)

39. Turilov A.A. Angelina. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 2, Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2001, pp. 293–295. (In Russian)

40. Fomichev N.M. Jochid coins from Azov. *Soviet Archeology.* No. 1, 1981, pp. 219–241. (In Russian)

41. Shennikov A.A. Principality of Mamai's descendants (on the "Desolation" of South-Eastern Rus' in the 14th and 15th centuries). Leningrad, 1981 (deposited in Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, no. 7380). (In Russian)

42. Dziadulewicz S. Pierwiastek turański u szlachty ukraińskiej. *Miesięcznik Heraldyczny*. Rok 10. Warszawa, 1931, no. 6, pp. 133–140. (In Polish)

43. Kojalavičius-Vijūkas A. Šventasis Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos bei jai priklausančių provincijų giminių ir herbų vardynas = Sacer nomenclator familiarum et stemmatum Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2015, 879 p. (In Lithuanian)

44. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5= Lithuanian metric. Book 5. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas leidykla, 2012, 586 p. (In Lithuanian)

45. Niesiecki K. Korona Polska przy złotey wolności starożytnemi wszystkich kathedr, provvincyi, y rycerstwa kleynotami heroicznym męstwem y odwagą, naywyższemi honorami; a najpierwey cnotą pobożnością y swiątobliwością ozdobiona: Potomnym zaś wiekom na zasczyt y niesmiertel na sławe pamiętnych w tey oyczyznia synow podana. [Lwów]: w drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu, 1738, t. 2. 759 s. (in Polish)

46. Piekosińsci F. Heraldyka polska wieków średnich. Kraków: Akademia Umiejętności, 1899, 486 s. (In Polish)

47. Starykoń-Kasprzycki S.J. Polska encyklopedja szlachecka. Warszawa, 1935. T. 2 , z. 2, 95 (105 – 200) s. (In Polish)

48. Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków: W drukarni Wł.L. Angzyca i spółki, 1885, 361 s. (In Polish)

49. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J. Filipowicza, 1895, 699 s. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Игоревич Хоруженко – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0708-0018. E-mail: khoruzhenko1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg I. Khoruzhenko – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0708-0018. E-mail: khoruzhenko1@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 22.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2025
Принята к публикации / Accepted 28.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.183-195 УДК 930.23
EDN: XOJLDL

ПАДЕНИЕ БОЛЬШОЙ ОРДЫ В ОЦЕНКАХ РУССКИХ И ЛИТОВСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В.С. Битюков

Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
Природный, архитектурно-археологический
музей-заповедник «Дивногорье»
vbitzzz7@gmail.com

Резюме. Цель исследования: статья посвящена анализу разгрома Большой Орды в 1502 г. Менгли-Гиреем по данным русских и литовских источников, которые отражают восприятие современников, их различный взгляд на это событие с русской и польско-литовской стороны.

Материалы исследования: Никоновская летопись – памятник летописания XVI в. Вологодско-пермская летопись – летопись кон. XV – 1-й пол. XVI в. Лицевой свод XVI века – памятник книжного искусства, содержащий 17 тысяч миниатюр. Густынская летопись – памятник летописания последней трети XVII в., содержащий информацию об истории Юго-Западной Руси, Литвы и Польши. Хроника Быховца – источник по истории Великого княжества Литовского до 1506 г. Памятники дипломатического сношения Древней России с державами иностранными. Данный источник содержит в себе посольские грамоты по связям с Крымским ханством. «Трактат о двух Сарматиях» – источник польского происхождения, написанный историком Матвеем Меховским и вышедший в 1517 в году.

Результаты и новизна исследования: в статье проведен анализ разгрома Большой Орды, на р. Сула, в 1502 году по русским и литовским источникам. Удалось выявить различия в интерпретации данного события. Русские летописи сообщают о произошедшем падении довольно сдержано и оценивают его с нейтральной позиции. Литовские летописи и хроники наоборот сопереживают Большой Орде в исходе данного сражения, причём видно явное осуждение политического руководства Польского королевства и Великого княжества Литовского. Различия в восприятии данного события связаны с тем, что Большая Орда перестала представлять большую опасность для русских княжеств в нач. XVI в., и всё внимание было сосредоточено на отношениях с Крымским ханством. Великое княжество Литовское и Польское королевство пытались построить союз с Большой Ордой, направленный против Москвы и Крыма, поэтому всё внимание современников в том момент могло быть заострено на отношениях с ней, кроме того, сражение произошло на территории, входящей в состав Великого княжества Литовского.

© Битюков В.С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Большая Орда, Крымское ханство, Менгли-Гирей, Шейх-Ахмед, Ян Ольбрахт, Александр Казимирович, Иван III, Никоновская летопись, Вологодско-Пермская летопись, Густынская летопись, Хроника Быховца, Матвей Меховский, Лицевой летописный свод XVI в.

Для цитирования: Битюков В.С. Падение Большой Орды в оценках русских и литовских источников // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 183–195. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.183-195 EDN: XOJLDL

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, https://rscf.ru/project/23-18-00147

THE FALL OF THE GREAT HORDE IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN AND LITHUANIAN SOURCES

V.S. Bityukov

Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
Natural, Architectural and Archaeological Museum-Reserve "Divnogorye"
vbitzzz7@gmail.com

Abstract. The purpose of the study: The article is devoted to the analysis of the defeat of the Great Horde in 1502 by Mengli-Giray based on Russian and Lithuanian sources, which reflect the perception of contemporaries, their different views on this event from the Russian and Polish-Lithuanian sides.

Research materials: Nikon Chronicle is a chronicle of the 16th century. Vologda-Perm Chronicle is a chronicle of the end of the 15th – first half of the 16th century. The 16th century pictorial vault is a monument of book art containing 17 thousand miniatures. Gustyn Chronicle is a chronicle of the last third of the 17th century, containing information about the history of South-Western Rus', Lithuania and Poland. Bykhovets Chronicle is a source on the history of the Grand Duchy of Lithuania until 1506. Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. This source contains ambassadorial letters on relations with the Crimean Khanate.

Results and novelty of the study: the article analyzes the defeat of the Great Horde on the river Sula in 1502 in Russian and Lithuanian sources. It was possible to identify differences in the interpretation of this event. Russian chronicles report on the fall that occurred rather reservedly and assess it from a neutral position. Lithuanian chronicles and annals, on the contrary, sympathize with the Great Horde in the outcome of this battle, and there is clear condemnation of the political leadership of the Polish Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania. Differences in the perception of this event are due to the fact that the Great Horde ceased to pose a great danger to the Russian principalities at the beginning of the 16th century, and all attention was focused on relations with the Crimean Khanate. The Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland tried to build an alliance with the Great Horde, directed against Moscow and Crimea, so all the attention of contemporaries at that time could be focused on relations with it, in addition, the battle took place on the territory that was part of the Grand Duchy of Lithuania. The Treatise on Tractatus de duabus Sarmatiis is a source of Polish origin, written by the historian Maciej Miechowita and published in 1517.

Keywords: Great Horde, Crimean Khanate, Mengli-Giray, Sheikh-Ahmed, Jan Olbracht, Alexander Kazimirovich, Ivan III, Nikon Chronicle, Vologda-Perm Chronicle, Gustyn Chronicle, Bykhovets Chronicle, Maciej Miechowita, Illustrated Chronicle Collection of the 16th century

For citation: Bityukov V.S. The fall of the Great Horde in the assessments of Russian and Lithuanian sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 183–195. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.183-195 (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00147, implemented at Voronezh State University, https://rscf.ru/project/23-18-00147

В 1502 году, на притоке Днепра, р. Сула, произошло событие, которое в будущем значительно изменило вектор внешней политики Московского княжества, Великого княжества Литовского и Крымского ханства: Менгли-Гирей окончательно разгромил последнего хана Большой Орды – Шейх-Ахмеда. В среде русских и литовских современников разгром престольного юрта на р. Сула был воспринят по-разному, о чём свидетельствуют источники, относящиеся к двум сторонам.

Перед тем, как перейти к рассмотрению источников, стоит сделать историографический обзор. Исследователями данное событие освещалось неоднократно. В.Н. Татищев описал довольно кратко эту битву, без привязки к территории, и не указал значение итогов конфликта: «…Крымскій Царь Менлигерей побилъ Шиахамата, Царя Большія Орды и Орду взялъ…» [16, с. 143]. М.М. Щербатов трактовал это событие, как окончательный, предрешённый разгром Большой Орды, а само сражение лишь как «…слабое сопротивленіе…» [20, с. 341]. Часть войска, по мнению М.М. Щербатова, была разгромлена, другая часть добровольно сдалась, и лишь небольшая часть приближенных покинула место сражения вместе с Шейх-Ахмедом [20, с. 342]. Примечательно, что историк посчитал, что дальнейший поход против Великого княжества Литовского Менгли-Гирей не стал совершать, так как его истинной целью был лишь разгром Большой Орды [20, с. 342]. М.Н. Карамзин утверждал, что это событие нельзя было назвать полноценною битвой, так как ордынские кочевья представляли собой «изнуренныя голодомъ толпы» [8, с. 309]. Он не видел в этом грандиозного значения для Московского княжества, так как считал, что главная победа была одержана на р. Угре в 1480 году: «ибо Россіяне уже презирали слабую Орду, ещё не давно трепетавъ Ахматова могущества.» [8, с. 311]. Также исследователь подчеркивал, что в тот момент наиболее приоритетным направлением для Москвы являлась борьба с Великим княжеством Литовским и Польским королевством, что и сказал Иван III в поздравлении Менгли-Гирею: «чтобы онъ не забывал гораздо важнѣйшаго, то есть, Короля Польскаго…» [8, 311].

По мнению немецкого историка Б. Шпулера, ослабление ордынского хана началось с того момента, как на сторону Менгли-Гирея перешёл один из самых приближенных людей Шейх-Ахмеда, мирза Таваккул [19, с. 231]. Ключевым же фактором поражения Большой Орды является отсутствие поддержки со стороны Польши и Литвы [19, с. 231]. Б. Шпулер пришёл к выводу,

что с поражением и смертью Шейх-Ахмеда «Большая – когда-то Золотая – Орда окончательно прекратила свое существование» [19, с. 234].

А.А. Горский рассмотрел финальную стадию крымско-ордынского противостояния. Как считает исследователь, битва произошла в июне 1502 года, в районе рек Самары и Сулы, которые являлись притоками Днепра [3, с. 183]. Историк дискутирует с английским историком Лесли Коллинзом о передаче статуса наследника улуса Джучи Крымскому ханству, считая, что в глазах московских князей крымский хан оставался в том же статусе, что и до падения Большой Орды [3, с. 183]. В.В. Трепавлов рассмотрел поход Менгли-Гирея на Большую Орду в 1502 году. Исследователю удалось установить, что на тот момент у Шейх-Ахмеда было войско численностью в 20 тысяч человек. Кроме того, историк выяснил, что Шейх-Ахмед был в соре со своим беклербеком Таваккулом. В.В. Трепавлов датировал сражение 15 июня, 1502 годом. Местом сражения он назвал реку Сула, приток Днепра [17, с. 322]. Ход боя историк не описывал, так как все источники об этом сообщают довольно сдержано, но ссылаясь на посольскую грамоту, исследователь пришёл к выводу, что Шейх-Ахмед «бежал, его казна и ордобазар достались победителю» [17, с. 322]. Такая же судьба, по мнению исследователя, настигла и улусы большеордынских татар. Такую победу крымского хана исследователь расценил «как обретение священного трона Саин-хана (Бату)» [17, с. 322]. Непомерную радость Менгли-Гирея по поводу данного события историк указал в посланиях хана своему союзнику и противнику: Москве и Кракову [17, с. 322]. И.В. Зайцев описывает рубежные события в крымско-ордынском противостоянии: «в мае Шейх-Ахмед с ослабленной Ордой перемещается на приток Днепра, реку Сула, где Менгли-Гирей и наносит сокрушительный удар» [7, с. 103]. Примечательно, что И.В. Зайцев не обозначил данную битву, как окончательное поражение Шейх-Ахмеда, а рассмотрел его дальнейшие действия в рамках создания антикрымской коалиции [7, с. 103]. В.П. Гулевич приходит к выводу о том, что основная причина поражения Большой Орды на Днепре заключается в нежелании Александра Казимировича помогать ордынцам, которые оказались зажаты у Днепра с двух сторон [4, с. 392]. Такое поведение литовского князя исследователь объясняет тем, что «какой-то договор с послами Менгли-Гирея Александр всё же заключил» [4, с. 392]. Касается В.П. Гулевич и восприятия падения Большой Орды в глазах современников, по его мнению, Менгли-Гирей теперь считал себя полноправным наследником улуса Джучи, «во власти которых находились великие князья Московские» [4, с. 394]. О том, что Крымское ханство стало восприниматься, как полноценная «региональная держава», исследователь делает вывод из описания пышного титула Менгли-Гирея: «султан обоих материков и хакан обоих морей, султан сына султана Менгли Гирей хан, сына султана Хаджи Гирей хана» [4, с. 395]. В.В. Пенской делает отличительный от ранее указанных точек зрений вывод. Он считает, что Крымское ханство в тот период было не способно вступать в открытое сражение с Большой Ордой, так как не хватало собственных ресурсов, и лишь выжидательная позиция Менли-Гирей помогла одержать победу [14, с. 58]. Касательно последствий данной битвы, историк пишет о том, что «Вместе с первенством к Крыму перешла и большая часть земель и пастбищ, ранее контролировавшихся ханами Большой Орды» [14, с. 58].

Таким образом, падение Большой Орды довольно подробно рассмотрено в историографии. Общепринятым мнением является то факт, что к началу XVI в. Большая Орда была на гране развала, и удар Менгли-Гирея лишь ускорил данный процесс. Однако в историографии отсутствует оценка восприятий современников этих событий с позиций Москвы, Польши и Литвы.

Необходимо остановиться на рассмотрении источников. Среди русских источников о падении Большой Орды можно узнать из Никоновской летописи, Вологодско-пермской летописи, Лицевого летописного свода XVI в., а также из посольской грамоты Ивана Мамонова. Что касается источников, повествующих об истории Великого княжества Литовского и содержащих информацию о данном событии, то среди них нужно выделить Густынскую летопись, Хронику Быховца, а также «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского.

Стоит начать с известий Никоновской летописи. Несмотря на обилие информации, связанной с крымско-ордынскими отношениями, данное событие описано довольно лаконично. В источнике сообщается одной строчкой, что в июне 1502 года «Крымскiй царь Менгли-Гирей побил Шиахмата царя Большiа орды и Орду взялъ» [12, с. 256]. Указание летописцем титула «Царь» на двух ханов показывает, что в тот период сохранялось восприятие остатков Золотой Орды, как некогда грозной силы, державшей долгое время в зависимости русские земли. То есть указание царского титула стоит воспринимать, как некую историческую память.

Интересно обратить внимание на фразу «Орду взял» [12, с. 256]. Она показывает, что современники восприняли это событие, как полную победу Менли-Гирея, и уход Большой Орды с политической арены. Примечательно, что Никоновская летопись довольно сдержано сообщает о победе Менгли-Гирея. Отсутствует положительная оценка, однако в тот момент Крымское ханство было союзником Московского княжества. Оценка скорее является нейтральной. Это можно объяснить невыгодностью для Ивана III полного ухода с политической арены Большой Орды, ведь тогда необходимость союза крымского хана с Москвой отпадала, и кроме того, территории, на которых кочевала Большая Орда, были буфером между русскими землями и Крымским ханством, а с падением престольной державы эти территории могли стать легкопроходимыми для крымских татар. Необходимо отметить, что Никоновская летопись была создана в середине XVI в. [9, с. 3], а в тот период Крымское ханство уже было в прямой конфронтации с Московским царством [5, с. 53], поэтому сложившаяся политическая обстановка могла значительно повлиять на переоценку событий, произошедших в начале XVI в.

В лицевом летописном своде XVI в. падение Большой Орды передается в таком же тоне и полностью совпадает с Никоновской летописью: «…Крымский царь Менгли-Гирей побил Шиахамата царя Болшиа орды и Орду взял.» [10, с. 2], что тоже объясняется временем создания источника. Стоит обратить внимание и на саму иллюстрацию (Рис. 1). Все ханы, изображенные на миниатюре, традиционно представлены, как цари (Рис. 1). Слева показан Шейх-Ахмед, покидающий поле боя вместе со своим окружением, а справа – Менгли-Гирей с крымским войском, которые громит остатки большеордынских сил (Рис. 1). В нижней части рисунка отражено нападение крымского хана на мирное население, что можно соотнести с фразой: «…Орду взял.»

[10, с. 2]. То есть крымцы, в восприятии художника, победили не только войско Шейха-Ахмеда, но и ударили по обычному кочевому народу, располагавшемуся непосредственной в близости от своего хана.

Рис. 1. Миниатюра «О взятии Орды Крымским царём Менгли-Гиреем». Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 18. 1503–1527 гг. URL: https://runivers.ru/lib/book19785/594287/

Fig. 1. Miniature “On the capture of the Horde by the Crimean Tsar Mengli Giray”. Illustrated Chronicle Collection [Litsevoy letopisny svod] of the 16th century. Russian Chronicle History. Book 18. 1503–1527. URL: https://runivers.ru/lib/book19785/594287/

Рассказ о поражении Большой Орды в Вологодско-Пермской летописи очень схож с известиями Никоновской летописи. Ханам приписывается статус царей [2, с. 295]. Указывается, что Менгли-Гирей разбил Шейх-Ахмеда: «…побил Ших Ахмата…» [2, с. 295]. Кроме того, упоминается, что крымский хан «взял Орду» [2, с. 295], то есть окончательно одержал первенство в борьбе за наследие Улуса Джучи. После этого никаких комментариев не даётся, снова видна сдержанность летописца, как и в указанных ранее источниках.

Известия летописей не вяжутся с посольской грамотой, где Иван III благодарит Менгли-Гирея за то, что победил недруга его, и Бог даровал эти улусы крымскому хану в руки: «И мы, слышевъ то твое доброе дѣло, Господу Богу хвалу вздаемъ и сердечно о томъ радуемся, что Богъ далъ надъ нашимъ недругомъ такъ ссталося» [13, с. 423]. Такая радость объясняется формальными обращениями, которыми обменивалась Москва со степными союзниками в тот период. Хвалебная сообщения могли быть по любому поводу, важно было соблюсти этот приветственный ритуал. Также данный фрагмент объясняется попыткой Ивана III укрепить сложившийся союз, ведь, несмотря на то, что борьба с Большой Ордой была закончена, оставалось Великое княжество Литовское, победа над которым была более приоритетной для Москвы. Именно поэтому Иван III после выражений радости по поводу победы над Большой Ордой вопрошает у Менгли-Гирея о перспективе похода на Литву: «И ты нынѣ, взявъ Орду, за какими будешь дѣлы на Литовскую землю самъ не пошёлъ, ни дѣтей своих не послалъ?» [13, с. 423]. Известия же польской грамоты отличаются от летописных по причине того, что вся информация фиксировалась в момент происходивших событий, они поэтому имеют больше сведений, которые зависели от сложившиеся политической ситуации на тот момент.

Какая же информация содержится в более западных источниках, повествующих об истории юго-западных русских земель и о Великом княжестве Литовском? Одним из таких источников является Густынская летопись.

Согласно ей, кульминационные события разворачиваются в 1501 году. Сообщается, что послы Шейх-Ахмеда отправляются к польскому королю Яну Ольбрахту просить возобновления союза: «…и прийдоше тамо ко королеви послы от Шахмата, сына Ахматова, царя Татар заволкскихъ, с миромъ…» [5, с. 142]. Король даже совершает выплаты ордынцам: «А король поступи имъ дань даяти…» [5, с. 142]. В дальнейшем сообщается, что обе стороны заключают мир: «И сей мир присягою межи собой утвердиша…» [5, с. 142]. Однако позже польский король умирает, и на его место встаёт Александр Казимирович, который до этого был князем литовским: «…умреь Олбрахтъ, корол Полский, а Поляцы изъбраша себѣ на королевство Александра, брата его, князя Литовского.» [5, с. 142]. В этом момент в летописи указывается, что Шейх-Ахмед совершает успешное нападение на Менгли-Гирея, царя Перекопского, как он называются в литовских источниках: «В сия времена сей Шахматъ, царь Заволский, порази царя Прекопского Миндикерея» [5, с. 142]. Место, где хан Большой Орды одержал победу, не указывается, но стоит предположить, что это произошло на правом притоке р. Дона – р. Тихая Сосна, так как согласно посольским грамотам и разрядной книге [15, с. 32], именно в этом месте, в 1501 году, встретились войска Большой Орды и Крымского ханства, и Менгли-Гирей первым покинул место стояния, показав

неготовность к бою: «…а въ понедѣлник Менли-Гирей царь прочь пошолъ…» [13, с. 369].

После этого в летописи сообщается о том, что Шейх-Ахмед просит помощи у Александра Казимировича, чтобы полностью разгромить Менгли-Гирея: «прийдохъ (якоже просил мяеси) на помощь к тебѣ, и побѣдихъ врага твоего, нынѣ воскорѣ иди со мною, до конца погубимъ его» [4, с. 142]. Вероятно, на р. Тихая Сосна он и ждал ответа от литовского князя, так как, согласно посольским грамотам, Менгли-Гирей тоже не был готов идти на прямое столкновение в тот момент и просил помощи у Ивана III: «Рать свою пришлёшь ли...» [13, с. 369].

Указывается, что Александр отказал в данной просьбе хану Большой Орды, так как был занят коронованием в Польше: «…и тамо бысть коронованъ на кролевство Полское» [4, с. 142]. Интересна реакция летописца на такой поступок. Чувствуется явное осуждение таких действий, например, в летописи написано, что Александр «небреже» [4, с. 142] этой просьбой.

После этого, согласно Густынской летописи, Шейх-Ахмед отошёл ближе к Киеву и оттуда отправил посла к Александру Казимировичу снова с просьбой о помощи: «Се азъ стою на поляхъ около Киева, ожидающе васъ» [4, с. 142]. В ответ на это польский король лишь утешал надеждами ордынского хана: «…строяху себѣ тогда утѣшения» [4, с. 142]. В дальнейшем сообщается про нападение Менгли-Гирея на ордынцев. В летописи пишется, что «царь Перекопский» со всей силой пришёл и поразил «царя Заволожского» (так литовские и польские источники называли ханов Большой Орды), и последний после этого покинул место сражения с небольшой дружиной: «Въ то время Миндикирей, царъ Прекопский, прийдевъ силѣ тяжцѣ и порази Шахмата, царя Заводского, яко едва со маломъ дружины утече ку Киеву и посла до Дмитрия князя, воеводы Киевъского» [4, с. 142]. Из данного сообщения можно сделать вывод о том, что Густынская летопись показывает, что войско крымского хана значительно превосходило ордынцев. Кроме того, сообщается, что у Шейх-Ахмеда осталась небольшая дружина верной свиты, которая с ним покинула поле битвы. В Густынской летописи ордынские и крымские ханы также имеют статус царей [4, с. 142]. Отражение ханов в таком статусе говорит о том, что крымские и большеордынские юрты воспринимались, как наследники Золотой Орды, с которой в прошлом Великое княжество Литовское боролось за юго-западные русские земли.

Почему данная летопись имеет больше сведений чем Никоновская и Вологодско-Пермская летописи? Вероятно, это связано с местоположением, так как Густынская летопись была составлена недалеко от Чернигова, который в XVI в. входил в состав Великого княжества Литовского, а в дальнейшем – в состав Речи Посполитой. Именно между Черниговом и Киевом произошло решающее сражение. Кроме того, данный источник является более поздним чем указанные ранее летописи, поэтому мог в себя включить уже известную информацию из других источников.

После поражения Большой Орды в Густынской летописи сообщается о том, что Менгли-Гирей на этом не остановился и продолжил грабить окрестности Слуцка и Клецка: «…распустиша загоны по своему обычаю и поплѣниша около Клецка и Несвѣжа, и замокъ въ Клецку сожгоша…» [4,

с. 142]. Таким образом, показаны последствия неудачной политики Александра Казимировича на татарском направлении.

Примечательно, что в отличие от русских летописей, Густынская сообщает нам и о дальнейшей судьбе последнего хана Большой Орды. Согласно источнику, он оказался в руках польского короля, и Менгли-Гирей требовал выдать ордынского хана, опасаясь, что Шейх-Ахмед мог совершить попытки возродить Большую Орду: «…якоже ему Шахматъ обѣщася…» [4, с. 143]. Сообщается и о кончине Шейх-Ахмеда: он умер в Польше, в статусе пленного: «В то же лѣто Шахмат, царъ Татарский, въ Полщи умре» [4, с. 144]. Смерть датируется 1506 годом, что является ошибочным известием, так как Вадиму Винцеровичу Трепавлову удалось выяснить, что Шейх-Ахмед умер в 1527 или 1528 г., когда вернулся из Польши в Астрахань [17, с. 328].

Не смотря на негативную окраску действий литовского и польского правителя, летописные известия показывают, что для политиков Польского королевства и Великого княжества Литовского отношения с Большой Ордой имели более приоритетное значение чем для современников московской стороны, которая была в союзе с Крымским ханством. Такое подробное описание деталей наталкивает на мысль о том, что падение Большой Орды значительно повлияло на внешнеполитическую ситуацию Великого княжества Литовского и Польского королевства в будущем.

Следующим западным источником, повествующим о разгроме Большой Орды, является Хроника Быховца. Это серии повестей, расположенных в хронологической последовательности и содержащих информацию о Великом княжестве Литовском. Источник был обнаружен в 1830 году и подвергся критике со стороны исследователей, так как в нём было найдено большое количество фактических ошибок. В историографии общепринятым мнением является то, что Хроника Быховца была основана на Ипатьевской летописи [18, с. 15].

Касательно падения Большой Орды в Хронике Быховца сообщается, что «царь Заволжский», Шейх-Ахмед, осенью отошёл в Северские земли [18, с. 115]. В отличие от указанных ранее летописных известий, в данном источнике пишется о том, что у Большой Орды были огромные силы, что характеризуется выражением: «…заполонил бесчисленным воинством». [18, с. 115]. Также сообщается о нахождении литовских послов в ставке ордынского хана [18, с. 115].

В дальнейшем фиксируется, что Шейх-Ахмед занял ряд Северских городов, в том числе Новгород-Северский, однако потом оставил их пану Михаилу Халецкому и отошёл к Днепру, где и расположился: «…пошёл со всеми силами и стал между Черниговом и Киевом по Днепру и по Десне…» [18, с. 115]. После этого раскрывается цель данного перемещения Шейх-Ахмеда. Как пишется в Хронике Быховца, Шейх-Ахмед готовился к совместному с Александром Казимировичем удару по Крымскому ханству и Московскому княжеству: «…против царя перекопского Менгли-Гирея и великого князя московского, и призывал великого князя соединиться с ним и начать войну со своими неприятелями.» [18, с. 115]. После этого указывается причина, по которой Александр проигнорировал данную просьбу: в Литву приехали польские послы и предложили коронацию в Польше: «…а в тоже время поляки прислали послов к великому князю Александру литовскому и взяли его

королём в Польшу…» [18, с. 115]. В дальнейшем автор источника сообщает, что Александр, «оставив свои дела с царём Заволожским», отправился в Краков, где был коронован [18, с. 115]. Таким образом, в источнике одним из виновников в поражении Большой Орды выступает литовский князь, который оставил Шейх-Ахмеда на Днепре в полном одиночестве.

Этим моментом воспользовался Менгли-Гирей и неожиданно для Шейх-Ахмеда ударил по его войску: «В ту же зиму царь перекопский Менгли-Гирей, собрав свои силы, втайне пошёл на Ших-Ахмата, царя Заволжского…» [18, с. 116]. Пишется, что крымский хан «разгромил его наголову и цариц, и детей, и орду его всю взял противника и забрал» [18, с. 116]. То есть в Хронике Быховца данное событие описывается в подробностях, присутствует сопереживание ордынской стороне.

После этого источник сообщает о скитаниях Шейх-Ахмеда по литовским землям в ожидании помощи со стороны Александра Казимировича [18, с. 116]. Александр же вместо этого был занят другими делами: он отправил послов в Москву, чтобы заключить перемирие: «В ту же зиму послал король Александр к тестю своему великому князю московскому послов польских своих…» [18, с. 116]. Описанное в Хронике Быховца действие снова придаёт негативную оценку политике литовского князя по отношению к Большой Орде. Примечательно, что Литовская метрика умалчивает о разгроме Большой Орды, однако до 1501 года идёт активная переписка Александра Казимировича с Ахматовичами [1, с. 54-55, с. 59.]. Это можно объяснить тем, что на том момент союз Большой Орды и Великого княжества Литовского имел ненадежный характер для ордынского хана, так как литовцы не видели больших преимуществ от союзника, существование которого было на гране распада и представляло собой уже эфемерное образование.

Стоит отметить, что польский историк Матвей Меховский упомянул в «Трактате о двух Сарматиях» о данном событии, но с существенными расхождениями. Например, он называл Шейх-Ахмеда сыном Токтамыша: «Вслед за Тахтамисом собирался царствовать сын его Шидахмет царь» [11, с. 91]. Кроме того, историк путал Менгли-Гирея с Хаджи-Гиреем, считая, что именно он разгромил последнего ордынского хана: «…но Адзикерей царь его изгнал и царствовал вместо него.» [11, с. 91]. Шейх-Ахмед, по мнению Матвея Меховского, отправился вместе с семьёй за помощью в Литву, где попал в плен, и пробыл до конца своих дней в замке Ковно [11, с. 91], что тоже не соответствует действительности, ведь известно, что в 1527-1528 гг. он был отпущен в Астрахань [7, с. 106]. Такие расхождения, по мнению И. В. Зайцева, связаны с тем, что Матвей Меховский спутал Шейх-Ахмеда с Сеид-Ахмедом, который тоже после своего поражения, несколько десятилетий до этого, оказался в том же замке в качестве пленного [7, с. 117]. Не смотря на такие недостоверные данные, видно, как польский историк пытался показать политику Великого княжества Литовского по отношению к Большой Орде не такой союзнической, какой она была представлена в Хронике Быховца и Густынской летописи.

Таким образом, современники по-разному восприняли падение Большой Орды. В русских источниках показана сдержанность относительно данного события, что объясняется отдаленностью действий, а также временным отрывом между этим событием и созданием источника. Также, после «Стояния на

р. Угра» в 1480 году в русских летописях была заметна тенденция на снижение упоминаний о Большой Орде и опасности набегов. Однако ситуация на Среднем Дону в 1501 году всё же показала неоднозначность такого восприятия ордынцев, ведь после «Стояния на р. Тихая Сосна» [6, с. 42] нападению подвергся Рыльск [13, с. 373]. Акцент в источниках скорее сделан был на войне с Великим княжеством Литовским, что показывает приоритетность на этом направлении московской политики в тот момент.

Источники, повествующие об истории Великого княжества Литовского, оказались более богаты на информацию и оценку данных событий. Показаны трагичность поражения Большой Орды, осуждение литовской правящей верхушки за такое упущение. Обилие такой информации объясняется тем, что Шейх-Ахмед в тот момент был главным союзником Александра Казимировича в борьбе с Москвой и Крымом, а также тем, что события происходили на территории Великого княжества Литовского. Кроме того, Великое княжество Литовское первым ощутило на себе последствия такой недальновидной политики по отношению к престольному юрту, так как уже в 1503 году крымские татары совершили набег на литовские земли [18, с. 116–117].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики. М.; СПб.: «Нестор-История», 2012. Т. 1(6). 569 с.

2. Вологодско-пермская летопись. Полное собрание русских летописей. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1959. Т. 26. 405 с.

3. Горский А.А. Москва и Орда. М.: «Наука», 2000. 203 с.

4. Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.

5. Густынская летопись. Полное собрание русских летописей. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 40. 204 с.

6. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 270 с.

7. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва, Османская Империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М.: «Типография «Новости», 2004. 216 с.

8. Карамзин М. Н. История государства Российского. Спб.: «Тип. Н. Греча», 1819. Т. 6. 544 с.

9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летопись. Полное собрание русских летописей. Спб.:«Типографія Эдуарда Праца», 1862. Т. 9. 256 с.

10. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М.: ООО «Фирма Актеон», 2014. Книга 18. 514 с.

11. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1936. 288 с.

12. Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Спб.: «Типографія И. Н. Скороходова», 1901. Т. 12. 266 с.

13. Памятники дипломатических сношений древней Россіи. Сборник русского исторического общества. Спб.: «Типографія Ѳ. Елеонскаго и К», Т. 41. 1884. 638 с.

14. Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens): Восточная полития. 2010. № 2. С. 56-66.

15. Разрядная книга 1475-1598 гг. М.: «Наука», 1966. 617 с.

16.Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М.: Императорский Московский Университет, 1768. Т. 5. 533 с.

17. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: «Квадрига», 2015. 368 с.

18. Хроника Быховца. М.: «Наука», 1966. 148 с.

19. Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223-1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

20. Щербатов М. М. История российская с древнейших времён. Спб.: Императорская Академия наук, 1781. Т. 4. Ч.2. 544 с.

REFERENCES

1. Acts related to the history of Western Russia. Vol. 1(6). Collection of documents of the chancery of the Grand Duke of Lithuania Alexander Jagiellon, 1494–1506. The Sixth Book of Records of the Lithuanian Metrics. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2012, 569 p. (In Russian)

2. Vologda-Perm Chronicle. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 26, Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 405 p. (In Russian)

3. Gorsky A.A. Moscow and the Horde. Moscow: Nauka, 2000, 203 p. (In Russian)

4. Gulevich V.P. From the Horde Ulus to the Giray Khanate: Crimea in 1399–1502. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, 492 p. (In Russian)

5. Gustyn Chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 40, St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003, 204 p. (In Russian)

6. Zagorovsky V.P. History of the Inclusion of the Central Black Earth Region into the Russian State in the 16th Century. Voronezh: Voronezh State University Publ., 270 p. (In Russian)

7. Zaitsev I.V. Between Moscow and Istanbul. Jochid States, Moscow, Ottoman Empire (early 15th – first half of the 16th centuries). Moscow: Tipograrfiya Novosti, 2004. 216 p. (In Russian)

8. Karamzin M. N. History of the Russian State. Vol. 6, St. Petersburg: Typogragiya N. Grecha, 1819, 544 p. (In Russian)

9. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 9, St. Petersburg: Tipogragiya Eduarda Pratsa, 1862, 256 p. (In Russian)

10. Illustrated chronicle collection of the 16th century. Russian chronicle history. Book 18. Moscow: Akteon, 2014, 514 p. (In Russian)

11. Matvey Mekhovsky. Treatise on two Sarmatias. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936, 288 p. (In Russian)

12. Nikon Chronicle. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 12, St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1901, 266 p. (In Russian)

13. Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia. Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41, St. Petersburg: Tipografiya I. Eleonskago i K, 1884, 638 p. (In Russian)

14. Penskoy V. V. Military Potential of the Crimean Khanate in the Late 15th – Early 17th Century. *Vostok (Oriens): Eastern Politics*. No. 2. 2010, pp. 56-66. (In Russian)

15. Discharge Book of 1475-1598. Moscow: Nauka, 1966, 617 p. (In Russian)

16. Tatishchev V. N. Russian History from the Most Ancient Times. Vol. 5, Moscow: Imperial Moscow University, 1768, 533 p. (In Russian)

17. Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Quadriga, 2015, 368 p. (In Russian)

18. Chronicle of Bykhovets. Moscow: Nauka, 1966, 148 p. (In Russian)

19. Shpuler B. Golden Horde. Mongols in Russia. 1223-1502. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, 500 p. (In Russian)

20. Shcherbatov M. M. Russian history since ancient times. Vol. 4, part 2, St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1781, 544 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Сергеевич Битюков – аспирант, Воронежский государственный университет; научный сотрудник, ГБУК Воронежской области «Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (397970, переулок Дивный, 27, хутор Дивногорье, Лискинский район, Воронежская область, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1455-1895. E-mail: vbitzzz7@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentin S. Bityukov – Postgraduate Student of the Voronezh State University, Researcher, State Budgetary Institution of Culture of the Voronezh Region “Natural, Architectural and Archaeological Museum-Reserve “Divnogorye” (27, Divny Lane, Divnogorye farm 397970, Liski District, Voronezh Region, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1455-1895. E-mail: vbitzzz7@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 15.12.2024
Поступила после рецензирования / Revised 14.02.2025
Принята к публикации / Accepted 17.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.196-206 УДК 94(47).04
EDN: YJLEDS

ISLAM AND "PAGANISM": MULTILINGUALISM AND MULTICULTURALISM IN THE KAZAN KHANATE

B.L. Khamidullin

M.Kh. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bulat.antat@mail.ru

Abstract. The aim of the research was to analyze the level of Islamization and, at the same time, cultural and religious tolerance of the multiethnic and multi-confessional Turkic-Finno-Ugric population of the Kazan Khanate. Among the objectives of the research were: to review the degree of development of the state education and enlightenment system in the Khanate; to consider the role of this system in strengthening and improving public relations; and to assess the level of cultural maturity and the so-called "intercultural dialogue" in the country.

Research Materials*:* This included all the information available to the author today from written, archaeological, and folklore sources on the history of the Kazan Khanate, as well as the scientific works of the author himself on the ethnosocial history of the Kazan state published in the last 25 years.

Results and Novelty of the Research: The research is a continuation of the author's systematic research of intercultural tolerance and ethnocultural mixing of the multiethnic and multi-confessional Turkic-Finno-Ugric population of the Kazan Khanate. The article indicates that multilingualism and multiculturalism (introduced into educational and communication spaces at the present stage of social development in the 21st century, in the era of the so-called "post-literacy"), were long successfully implemented in different countries during the Middle Ages, for example in the 15th–16th centuries in the Kazan state. The massive multilingualism and multiculturalism of the khanate's population was particularly facilitated by the geographical proximity of the Tatar, Mordvin, Chuvash, Bashkir, Mari, and Udmurt's ancestors living within a single polity, their multifaceted proximity for communication, as well as the rich tradition of Islamic enlightenment and general enlightenment – the presence of a large stratum of educated people, etc. The article concludes that Islam, which penetrated into all spheres of life of the population of the Kazan Khanate, has had a purely positive impact on the development of the country and the people, strengthening intercultural dialogue.

Keywords: Kazan Khanate, Golden Horde, Genghisids, Tatars, Finno-Ugric population, Islam, paganism, multilingualism, multiculturalism

© Khamidullin B.L., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

For citation: Khamidullin B.L. Islam and "Paganism": Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 196–206. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.196-206

Acknowledgments: The author expresses his sincere gratitude for assistance in preparing the publication to Dr. Sci. (History) Damir Iskhakov, Dr. Sci. (Philology) Ramil Islamov, Cand. Sci. (History) Ilyas Mustakimov, Cand. Sci. (History) Irek Khadiev, and for translating the article into English to Ph.D. (History) Aleksandar Uzelac.

In 1438 or 1445, the Kazan Khanate (1438/1445–1552/1556) was formed by the former Golden Horde Khan Ulugh Muhammad and his son Mahmud. Its state structure and culture were based on the heritage of Volga-Kama Bulgaria and the Golden Horde, with significant elements of Central Asian, Middle Eastern, Crimean Tatar, and Nogai influences. Like in Bulgaria and the Horde before, the statehood of the Khanate had a distinctly Muslim character, dominated by the Hanafi school of Sunni Islam, actively incorporating local customs and legal practices. This school of thought was also widespread in the Astrakhan, Kasimov, Crimean, and Siberian Tatar Khanates.

In all the mentioned states, it was specifically the Muslim clergy, alongside the Chinggisid khans and Tatars (who constituted the highest social stratum), that determined the socio-political life, as Islamic legal doctrine always regarded the state as an institution endowed simultaneously with both religious and secular authority. For example, the foundation of the judicial-legal system of the Kazan state was Sharia, whose sources are the Quran, the Sunnah of the Prophet Muhammad, the consensus of theologians and jurists. The Quran was the primary book and, together with the Hadiths, the basis of the life of the local Muslim community, as evidenced by the constant narrative in the diplomatic culture of the Kazan Khanate Tatars – the "oath on the Quran," as well as the "Tafsir of the Quran," written in Kazan in 1508 [1, p. 340–341; 6], and the "Collection of Hadiths," compiled in Kazan in 1552 [4, p. 84].

The Muslim clergy held an honorable position in the state system of the Kazan Khanate, and the leader of this clergy – the supreme sayyid, a descendant of the Prophet Muhammad – often headed the Divan (state council) and Kurultai ("assembly of all the land of Kazan"), actively participating in key processes of domestic and foreign policy of the country. The diplomat of the Holy Roman Empire, Sigismund von Herberstein (1486–1566), referred to the leader of the Kazan clergy as the "supreme priest of the Tatars"; by the Russian prince Andrey Kurbsky (1528–1583) he was called the "great bishop" and "great anaryi, or amir"; and by the Tatar historian and Muslim theologian Shigabutdin Mardjani (1818–1889), based on medieval sources unknown to us, as the "chosen from the noble" or the "leader of the great" ("nekäybel-äshraf") [8, p. 9–10].

Historian Mikhail Khudyakov noted the following supreme sayyids of Kazan: Burash (1491–1507), Shah-Hussain (1512–1516), Beyurgan (1546), Mansur (1546), and Kul-Sharif (1552). He further indicated: "The head of the clergy was considered the first person in the state after the khan, and during interregnums, due to his high position, he usually became the head of the temporary government. The listed heads of the clergy, except for the last one – the son of Mansur, formally stood at the head of the state, and Burash and Shah-Hussain, in addition, actively

participated in state activities, making trips as ambassadors abroad, to Moscow. The diplomatic missions they carried out required exceptional education, profound intellect, and extensive experience" [11, p. 189–190].

When describing one of the Tatar ceremonial events near Kazan in 1524, Herberstein informs his reader that the sayyid "exercises such power and honor among them that when he approaches, even kings come out to meet him, standing to offer him their hand – while he sits on horseback – and, bowing their heads, they touch (his hand); this is allowed only to kings, while dukes (and chiefs) touch not his hand but his knee, noble people – his foot, and common people (plebeians) – only his clothes or horse" [5, p. 176].

The official residence of the Kazan supreme sayyids was somewhere inside the Kazan Kremlin, near the Khan's palace, the Khan and Cathedral mosques, and their nearest country residence was the settlement of Kuraishovo, located on the left bank of the Bulak channel. In Kuraishovo, there had been functioning since ancient times a stone mosque (named after the bek Kutuch; in Russian "Kutuchev/Otuchev mosque") and a citywide cemetery, houses of the Muslim clergy, and accordingly, many Muslim figures lived there. Historian Nikolai Kalinin, remembering that "Kuraish" is the oldest Meccan clan to which the Prophet Muhammad and all righteous caliphs belonged, wrote that "Kuraish is an aristocratic clan of the clergy, from which the heads of the Kazan clergy trace their descent." However, there is a version that this settlement was given by Khan Ulugh Muhammad to the loyal bek Kuraish, "which is why it became the village of Kuraish" [8, p. 13–14]. Later, Kuraishovo became the Archbishop's settlement.

It is quite likely that the very first mention of a Kazan sayyid from the Kazan Khanate period (if we consider the year of the Khanate's foundation as 1438) – in the information about the events of the first half of October 1445 – is found in the "Russian Chronograph," compiled in the late 17th century. The source mentions someone named Said-Asan [18, p. 10], who accompanied Grand Duke Vasily II, released from Tatar captivity, from Nizhny Novgorod to Moscow in October 1445. It is not certain whether Said-Asan was a sayyid, let alone a Kazan sayyid, much less a supreme one. Thus, according to various sources, we definitively know the following supreme Kazan sayyids: Tevekelya, Kasym, Burash, Beyurgan, Mansur, his sons Kul-Muhammad and Kul-Sharif. The mention of Shah-Hussain by M.G. Khudyakov is also questionable – whether he was indeed a supreme sayyid, we do not yet know. The most recent information about acting sayyids of the lands of the Kazan Khanate dates back to 1553–1554 [16, p. 230, 239], just a couple of years before the final demise of this Tatar state in 1556.

The clergy of the Kazan Khanate had a fairly clear and branched structure. In written, folklore, and archaeological sources, there is information about supreme and lesser sayyids and sayyid-zadeh (sons of sayyids), sheikhs (prominent Muslim figures, theologians, experts in teaching religious disciplines, heads of Sufi brotherhoods) and sheikh-zadeh (sons of sheikhs), hakims (chief judges and provincial governors) and qazis/kadis (people's judges), faqihs (experts in Islamic law), mullahs (experts in the Quran and religious rituals) and mullah-zadeh (sons of mullahs), imams (theologians overseeing the work of mosques), muezzins (mosque servants, who loudly recite the call to prayer from the minaret), abizes (interpreters of the Quran), hafizes (professional Quran memorizers, who memorize it by heart), ustazes (professional teachers), danishmands (teacher-mentors, later called

"mudarris"), shakirds (students of schools and madrasas), dervishes (ascetic mendicants, adherents of various Sufi orders and brotherhoods), sufis (followers of Sufi orders), and many others, who performed religious, judicial, administrative, teaching, missionary, diplomatic, and military activities, whose specific "ecclesiastical" and "secular" duties (functions), unfortunately, are not always clearly reflected in the historical materials that have come down to us.

Ownership of the primary means of production – land, evidently constituted the material basis of the Islamic clergy of the Kazan Khanate. Representatives of the clergy acted as administrators of various waqf lands (inalienable immovable property of Islamic institutions, bequeathed to them with charitable purposes and exempt from any taxes and fees in favor of the treasury), which were akin to estates from which incomes were derived. This is clearly evidenced by some toponyms from the Kazan Khanate period – for example, the names of villages from Russian scribe books of the second half of the 1560s (in Russian transcription): Alderbysh/Aldermish, Derbyshki, Kulseytovo and Kulseytovo Men'she, Seitlyar and Seitova (Alatskaya daruga of the Khanate), Molnina/Molly, Khozyashevo and Khozyasheva (Arskaya daruga of the Khanate), Abyzazovo, Akkozino, Aryshkazda, Kibyak-Kozi Bolshie and Menshie, Shikhazda Bolshaya and Malaya (Zyureyskaya daruga of the Khanate), Beksheikhovo, Beysheikhova and another Beysheikhova, Islamova, Seitovo, Khozyashevo Bolshoe and Maloe (Crimean daruga of the Khanate), Sheikh-Zade (Nogai daruga of the Khanate) [3, p. 483–499] (darugas are administrative units of the Tatar state).

By indicating the incomes received by the clergy from the land estates, it is impossible to overlook the list of taxes and duties that existed in the Kazan Khanate. A detailed list of them was compiled by Shamilem Mukhamedyarov in his candidate dissertation "The Socio-Economic and State Structure of the Kazan Khanate (15th – first half of the 16th centuries)." Among the purely Islamic taxes and duties, formed already during the period of the Arab Caliphate in the 7th–9th centuries, but having their own specifics in the Kazan state, we can mention the "kharaj" – a tax for Muslims and non-Muslims for the use of land and other property, paid in favor of the khan or another feudal landowner, as well as "ushr" and "zakat" – a tithe tax for Muslims from agriculture and trade, paid in favor of the Muslim clergy, and mandatory annual alms for needy co-religionists. Possibly, the country also collected jizya, not mentioned in the sources – a poll tax for non-Muslims, for example, local Armenian and Russian merchants, Mordvins, and "Cheremis" (Mari, Udmurts, Chuvash).

The Chinggisid khans, rulers of the Kazan state (as only a descendant of Chinggis Khan and a representative of the Muslim faith could be the ruler of the country), clearly and openly recognized their belonging to the Islamic ummah (community) and the global Muslim civilization, which, in particular, confirmed the legitimacy of their power in the eyes of the local population. This is mentioned in many Tatar oral and written dastans (heroic poems), poetic and prose traditions, and baites-songs, which often refer to the "Muslim khans of Kazan." This is evidenced by the khan's decrees, with the deepest reverence mentioning Allah and the Prophet Muhammad and containing verses from the Quran in the text, as well as the burials of Kazan khans in the territory of the Kazan Kremlin. Many Russian written sources also inform about this. Also, the poem "Mogzhiz-name" ("Book of Miracles") by Muhammad-Amin (Kazan khan or another person?), dedicated to the

Prophet Muhammad, serves as one of the indirect confirmations of this. Another evidence is the text of the message from the Khan of Tyumen State, Ibak (Aybak/Ibrahim), to the Grand Prince of Moscow, Ivan III (1489), in which it is said: "I am the ruler of Besermyen and You are the ruler of Christians." A vivid testimony to this is the appearance of the honorary title "gazi" for the Kazan khans Sahib-Girey (Kazan khan in 1521–1524, Crimean khan in 1532–1551) and Safa-Girey (Kazan khan in 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549), indicating "a fighter for faith," "a Muslim participating in the war for faith," "a hero, a conqueror of the infidels."

The upper echelons of the state, as evidenced by numerous written, archaeological, and folkloric sources, were also Muslim, like the rulers of the country. The renowned Kazan poet and diplomat-translator Muhammad-Yar Mahmud-haji Ugly, author of the poems "Tukhvai-Mardan" ("Gift to Warriors", 1539) and "Nur al-Sudur" ("The Light of Hearts", 1542), wrote about the history of the emergence and spread of Islam, the lives of prophets and caliphs, and other popular figures of the Islamic world [12]. The author of "Sharaiq al-Ahkam" ("Determinations of Sharia", 1553/1554) and "Siraj al-Qulub" ("Light of Hearts", 1553/1554) – works imbued with Islamic ideology and philosophy, based on the Quran, hadiths, and Sharia prescriptions – was Adnash-hafiz ibn Muhammad-hafiz, a participant in the negotiations between Kazan and Moscow in the 1550s. Popular books in the Tatar upper society of the Kazan Khanate, as reported to us, in particular, by Shigabutdin Mardjani's "Mustafad al-Akbar fi Akhvali Kazan va Bulgar" ("Treasury of News about the State of Kazan and Bulgar") and Husain Faizkhanov's "Kazan Tarihy" ("History of Kazan"), included "Kissa-i Yusuf" ("Story of Joseph", 1233) by Kul Gali, "Nahj al-Faradis" ("The Pathway to Paradise Gardens", 1357) by Mahmud al-Bulghari, the collection of baites "Shagir Bolgar Gazylare" ("Muslim Warriors from Bulgar", 14th century), the collection of hikayats "Nasihat as-Salihin" ("Advice of the Righteous"), anonymous "Badavam" ("Always Repeat") and "Kisekbash Kitaby" ("Book of the Severed Head"), and so on. Tatars often performed the Hajj – pilgrimage to Mecca, followed by the honorary title "Hajji" ("Azi"). For example, we know about the trip to Saudi Arabia and Egypt of "queen" Nur-Sultan (Kazan Khanum in 1466-1486, Crimean Khanum in 1486–1519), her relatives, and entourage (more than 50 people), which she personally reported in a letter to Grand Prince Ivan III of Moscow in 1495 [2, p. 10–11]. In the sources, we often come across the names of Tatars of the Kazan Khanate with the addition of the title "azi"[1]. In many Tatar historical epics, legends, songs, and tales about the Kazan Khanate (for example, in dastans about Amat, about Chura Narykov, in stories and songs about the history of Kazan and Sviyazhsk, about Kazan khans and Khanum Syuyumbike, about Ivan the Terrible, etc.), "noble Muslims of Kazan", "Muslim army" fighting with the "infidels", "Muslim heroes", "Muslim scholars", etc., are constantly mentioned (see for example: [14; 15, p. 48–68]). It should be specially noted that the affiliation of the Tatars of the Kazan

[1] Besides, the Tatars, and not only those of the Kazan Khanate, also made pilgrimages to the ruins of the cities of Bulgar and Bilyar – former capitals of Volga Bulgaria. There is information about this, in particular, in Tatar baits with various plots about the history and "holy places" of this Muslim state, which existed in the Middle Volga region from the 10th to the first third of the 13th century, as well as as a vassal ulus/vilayat of the Golden Horde in the second half of the 13th to the first third of the 15th century.

Khanate and their ancestors to the Muslim ummah is clearly and distinctly traced throughout the entire folklore and literature of the Tatars of the feudal period (see for example: [13]).

Medieval Tatar folklore was also deeply imbued with the philosophy of Islam. During the Kazan Khanate period, strictly religious compositions became widely spread in the popular environment, their genre composition being very rich – these are some of the legends and myths mentioned above (for example, mawlid about the "messenger of Allah and the seal of prophets Muhammad", kisas about various well-known biblical-Quranic characters, especially "Kissa-i Yusuf", "Kissas al-anbiya" and "Kissa-i Hobbi Hodja"[2], hikayats and rivayats about "first righteous caliphs", about Mecca and Kaaba), these are also munajats (for example, "Aminah-Khanym – Muhammad's mother" about the mother of the prophet, as well as numerous odes to the prophet Muhammad, about paradise and hell, about the "sirat kuper" – the bridge over the fiery abyss, about the soul, about death, about truth), these are purely religious tales (for example, with angels Azrael and Gabriel), as well as proverbs and sayings, through which the "common" population of the state (the so-called "kara khalik" or "common folk", i.e., "rabble") absorbed the basic tenets of the Muslim doctrine, including the attitude towards the Almighty Creator (Allah)[3] and the prophet Muhammad, towards their own destiny, towards the nature and meaning of "earthly power", etc.

Although there was a large number of so-called "pagans" within the state (Mordva-Moksha and including Mordva-Karatai; ancestors of modern Bashkirs, Mari people, Udmurts, Chuvash, etc.) [10], the majority of the population of the Kazan Khanate, including the feudal nobility of the aforementioned peoples, was also Islamized. In Rus' written sources of the 15th–16th centuries, the inhabitants of the Kazan state were called "godless", "blasphemous", "unholy", "accursed", "heathen", "barbarians", "agarians" and "Ismailians", "sratsyns" and "besermens"[4]. Numerous Muslim cemeteries and individual burials ("holy places") with gravestones with quotes from the Quran on the former territory of the Kazan Khanate clearly testify to the prevalence of the Islamic faith among the local population. Apparently, of the 400–500 thousand people living in the Kazan state in the mid-16th century, at least half were Muslims.

It is very important to note that in the Khanate, with the dominance of Islam and the growth of its influence in all spheres of state life, there was complete religious tolerance, which was associated with the traditions of the Khazar Khaganate, Volga Bulgaria, the Mongol Empire, and the Golden Horde. In the propaganda of mutual respect, tolerance, and interconfessional tolerance, the role of Sufi sheikhs was particularly noticeable. Near the city of Kazan, there was an Armenian settlement, a church, and a cemetery, and about half of the population of the state freely

[2] Here I would like to specifically note the fact that during the medieval period, many literary works by authors often became "anonymous," popular.

[3] In Tatar folklore and literature (for example, in the poems of Mukhammadyar), the Almighty is often referred to as "Tengre" (Turkic), "Rabbim" (Turkic), or "Khoday" (Persian).

[4] See, for example, Rus' chronicles, writings of the Moscow metropolitans and of all Rus' Simon (died in 1511), Varlaam (died in 1533), Daniil (1492–1547), and Makarii (1482–1563), works of the Orthodox theologian and writer Maximus the Greek (1470–1556).

practiced various forms of paganism. According to many sources, Islam spread non-violently in the interfaith environment – as a result of the intensification of ethnocultural contacts. "Muslims treated non-Muslim pagans with complete tolerance and never attempted to forcibly convert them to Islam. The preaching of Muslim missionaries among pagans was done peacefully: Sufi sheikhs walked through villages and through their preaching converted pagans to Islam. As a sign that the conversion of the inhabitants to Islam in the Kazan Khanate was accomplished peacefully, the mullah during prayer (khutba) in the mosques of the Kazan region stands, leaning on the staff of a traveler, and not on the sword of a warrior, as in Turkestan, where the conversion of the inhabitants to Islam was accomplished by fire and sword," wrote M.G. Khudyakov [11, p. 191]. And the Russian historian Mikhail Karateyev noted: "The subject peoples – Cheremis, Bashkirs, Chuvash, and others – were not oppressed by the Tatars, and therefore there were no rebellions and uprisings against them. On the contrary, all these peoples, apparently, were satisfied with the order established by the Kazan tsars, and supported them in the struggle against external enemies" [7, p. 54]. Therefore, it should be separately emphasized that in the Khanate, as a result of the intensification of the intensity of cultural interaction between various ethnosocial groups of the population, the beginning of the process of creating a unified ethnosocial community is clearly observed, interrupted by the events of the mid-16th century [9].

It is also necessary to mention the quite extensive multilingualism and multiculturalism of the population of the Kazan state. The necessity of multilingualism and multiculturalism in the educational and communicative space "in the post-literacy era", highlighted by many modern scholars and educators, has long been successfully implemented in various countries in the medieval period, for example, in the 15th–16th centuries in the Kazan Khanate. Naturally, this primarily concerned the most affluent and educated part of the population. Various sources provide us with information that the aristocracy of the Kazan state was well versed in many Turkic territorial dialects, as well as Arabic and Persian languages, while the "common people" on the periphery of the country often communicated in a mixed Turkic-Finno-Ugric blend, which automatically led to the multiculturalism of the local population. Examples include the aforementioned "Tafsir of the Quran" (1508), written by a connoisseur of the Arabic-language Quran, in Old Tatar literary language; the Arabic-Tatar dictionary (1581) by Hadjibayram ibn Hadjibulat; numerous lists of works by Central Asian Turkic thinkers such as Suleiman Bakyrghani, Ahmed Yassawi, Rabguzi, and Majlisi, Persian-language authors (for example, poetic spiritual masnavis, poems, and verses by Firdausi, Nizami, Attar, Ganjavi, Saadi, Hafiz Shirazi, and Jami) and the Arabic-Persian-language "Kitab Alf Layla wa-Layla" ("One Thousand and One Nights"), which were widely circulated among the population of the Kazan Khanate[5]; multilingual decrees of the khans (which actively used Turkic-Tatar, Persian, Arabic, and Ottoman words and terms), multilingual texts of the Kul Sharif Mosque, and multilingual inscriptions on gravestones. The presence of Karatay Mordva in the state (who adopted the

[5] See, for example, the collection of ancient manuscripts at the Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the fund of Tatar and Eastern manuscripts of the National Library of the Republic of Tatarstan, the manuscript collection of the Bulgarian Islamic Academy, Eastern manuscripts of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University.

Tatar language and some elements of Tatar culture but retained their Mokshan identity) and the beginning of the formation of the Udmurts-Besermyans here (part of the southern Udmurt population that experienced significant Turkicization and Islamization, or conversely – part of the Tatars who assimilated into the Finno-Ugric-speaking environment) testify to the fact that the "common people" on the periphery of the country often communicated in a Turkic-Finno-Ugric blend [10, p. 225, 218–219].

The rich tradition of Islamic enlightenment (based on "giylem – the pursuit of knowledge"), the highly developed system of Muslim educational institutions (mektebs and madrasas at all mosques in the country, which invariably had libraries with books in various languages, "sections" of Quran reciters and calligraphers, etc.), a large stratum of educated people (ulemas), and the constant special invitation of scholars, poets, artists, singers, and musicians from different countries by the Kazan khans significantly contributed to the wide multilingualism and multiculturalism of the population of the Khanate. Literally following the well-known hadiths of the Prophet Muhammad ("The pursuit of knowledge is a duty for every Muslim"; "Acquire knowledge from the cradle to the grave"; "Whoever embarks on the path of seeking knowledge, Allah will direct him to the path to Paradise," and others), in the Kazan state, theology, jurisprudence, office work, historiography, literature and literary criticism, philosophy, astronomy, architecture, musical creativity, decorative and applied arts, and so on actively developed [17, p. 31–36, 39–41, 406–439, 488–643 etc.]. The well-developed office work in the Khanate is evidenced by miraculously preserved Tatar documents after the events of 1552–1556 (for example, Khan’s decrees), as well as diplomatic correspondence of the khans (for example, with the Grand Duchy of Lithuania). Folk legends inform us in detail about the abundance of schools and libraries, scholars, and poets in the Kazan Khanate, and this is clearly evidenced by the literary-historical works of Adnash-hafiz, Garifbek, Kul-Sharif, Muhammadyar, Muhammad-Amin, and other authors. I will note (following the researcher Gamirzan Davletshin) that during that period, artistic literature remained the most effective means of popularizing religious and, in general, any knowledge [4, p. 85]. The medical treatise "Shifa" ("Healing") with comments by Muhammad-Amin al-Bulgari and "Mäjmägıl kavagyd giylme hisab" ("Collection of rules of arithmetic science") by Muhyiddin Muhammad ibn al-Hajj Atmajji show us the high level of development of various exact sciences in the state, which, in particular, is reflected in the high urban planning culture of the Kazan Khanate, known to us from the information of the author of the "Kazan History" and the texts of Prince Andrey Kurbsky, as well as from the research of archaeologists [17, p. 31–36, 39–41, 406–439, 488–643 etc.]. All this together enabled Baron Sigismund von Herberstein to write in his "Notes on Muscovite Affairs" (1549) that "these [Kazan] Tatars are more cultured than others, as they cultivate fields, live in houses, engage in various trade, and rarely go to war" [5, p. 170].

Conclusions. Islam penetrated into all spheres of activity of the rulers, the upper society, and the taxable population of the Kazan Khanate, exerting a tremendous positive influence on the country's development. The Kazan state, like the earlier Volga Bulgaria, became the main center for the dissemination of the mentioned monotheistic Abrahamic religion among the peoples of the Middle Volga region and the Western Urals, the "northernmost outpost" of Islam in the 15th–16th

centuries. At the same time, we observe in the Kazan Khanate confessional tolerance, as well as wide multiculturalism of all layers of society and ethnosocial groups in the population...

REFERENCES

1. Ancient Tatar literature. Kazan: Tatar Book Publ., 1963, 576 p. (In Tatar)
2. Berezhkov M.N. Nur-Saltan, the Queen of the Crimea (Historical and biographical sketch). *Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission*. No. 27, Simferopol: SPIRO, 1897, pp. 1–17. (In Russian)
3. Chernyshev E.I. The peoples of the Middle Volga region in the 16th – early 20th century: selected works. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020, 548 p. (In Russian)
4. Davletshin G.M. On theology and science in the Kazan Khanate. *Medieval Turkic-Tatar states. Collection of articles*. Iss. 1, Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 84-91. (In Russian)
5. Herberstein S. Notes on Muscovy [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow: Moscow State University Publ., 1988, 430 p. (In Russian)
6. Kadirova E.Kh. The Turkic-speaking monument is the tafsir of the Quran (16th century). *Modern problems of science and education*. No 6m 2014. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=15716 (date accessed 24.03.2023) (In Russian)
7. Karateeff M. Arabescos historicos (Esbozos sobre el Oriente antiguo). Buenos Aires: Talleres Graficos DORREGO, 1971, 222 p. (an essay on the "Kazan Kingdom") (In Spanish and Russian)
8. Khamidullin B.L. Kazan Khanate as an immanent part of Islamic civilization. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023, 39 p. (In Russian)
9. Khamidullin B.L. Kazan Khanate as an integral ethnopolitical community. *GLOBAL-Turk*. Astana: International Turkish Academy, 2017, No 1-2, pp. 172–189. (In Russian)
10. Khamidullin B.L. The peoples of the Kazan Khanate: an ethnosociological study. Kazan: Tatar Book Publ., 2002, 335 p. (In Russian)
11. Khudyakov M.G. Essays on the history of the Kazan Khanate. Kazan: State Publishing House, 1923, 305 p. (In Russian)
12. Mukhamedyar. Gift to Warriors. The Light of Hearts. Poems. Kazan: Tatar Book Publ., 1966, 148 p. (In Tatar)
13. Rakhim G., Gaziz G. The history of Tatar literature. The era of feudalism. 2nd ed. Kazan: Tatarstan Printing and Publishing Plant, 1925, 316 p. (In Tatar)
14. Tatar folk art: a textbook. Kazan: Magarif, 2005, 479 p. (In Tatar)
15. Tatar folk art: In 15 vol. Vol. 5. Storys and legends. Kazan: Tatar Book Publ., 2015, 383 p. (In Russian)
16. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 13. The Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow: Nauka, 1965, 537 p. (In Russian)
17. The history of the Tatars since ancient times: In 7 vol. Vol. 4. Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014, 1080 p. (In Russian)
18. The Russian Time Guide, that is the Chronicler, containing Russian history from 6370/862 to 7189/1681, divided into two parts. Part 2, Moscow: Synodal Printing House, 1820, 408 p. (In Russian)

ИСЛАМ И «ЯЗЫЧЕСТВО»: ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

Б.Л. Хамидуллин

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова АН РТ
Казань, Российская Федерация
bulat.antat@mail.ru

Резюме. Целью исследования является анализ уровня исламизации и, одновременно, культурно-религиозной толерантности многоэтничного и поликонфессионального тюрко-финно-угорского населения Казанского ханства. Среди задач исследования были обзор степени развития в ханстве государственной системы образования и просвещения, рассмотрение роли указанной системы в укреплении и совершенствовании общественных отношений, оценка уровня культурной зрелости и так называемого «межкультурного диалога» в стране.

Материалами исследования являлись все доступные на сегодняшний день автору сведения письменных, археологических и фольклорных источников по истории Казанского ханства, а также изданные за последние 25 лет научные труды самого автора по этносоциальной истории Казанского государства.

Результаты и научная новизна. Исследование является продолжением системного изучения автором межкультурной толерантности и этнокультурной метисации многоэтничного и поликонфессионального тюрко-финно-угорского населения Казанского ханства. В статье указывается, что внедряемые в образовательное и коммуникационное пространства на современном этапе общественного развития (в XXI в., в эпоху так называемой «постграмотности») полилингвизм и мультикультурализм уже давно и успешно реализовывались в разных странах в эпоху средневековья, например в XV–XVI вв. в Казанском государстве. Массовой полилингвальности и мультикультурности населения ханства особо способствовали географическая смежность проживания татар, мордвы, чувашей, предков башкир, марийцев и удмуртов внутри единого полития, их многогранная коммуникационная близость, а также богатая традиция исламского просвещения и просветительства, соответственно наличие большого слоя образованных людей и т.д. В публикации делается вывод, что ислам, проникший во все сферы жизнедеятельности населения Казанского ханства, оказал сугубо позитивное влияние на развитие страны и народа, укрепление межкультурного диалога.

Ключевые слова: Казанское ханство, Золотая Орда, Чингизиды, татары, финно-угорское население, ислам, язычество, полилингвальность, мультикультурность

Для цитирования: Khamidullin B.L. Islam and "Paganism": Multilingualism and Multiculturalism in the Kazan Khanate // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, №. 1. С. 196–206. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.196-206 EDN: YJLEDS

Благодарность: Автор выражает искреннюю признательность за помощь в подготовке публикации доктору исторических наук Дамиру Исхакову, доктору филологических наук Рамилю Исламову, кандидатам исторических наук Ильясу Мустакимову и Иреку Хадиеву, Ph.D. (история) Александару Узелацу.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Булат Лиронович Хамидуллин – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения татарской диаспоры, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова АН РТ (420111, ул. Пушкина, 56, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0585-350X. E-mail: bulat.antat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bulat L. Khamidullin – Cand. Sci. (History), Head of the Center for Tatar Diaspora Studies, M.Kh. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (56, Pushkin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0585-350X. E-mail: bulat.antat@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 09.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 04.02.2025
Принята к публикации / Accepted 18.02.2025

Оригинальная статья / Original paper

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.207-223 УДК 930.23, 94(575.1)
EDN: ZNATAF

НЕ ТИМУРОМ ЕДИНЫМ: ИГНОРИРОВАНИЕ ШИБАНИДОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА»

Б.А. Алимджанов* ✉ *, А.Т. Замонов

Ташкентский международный университет Кимё (KIUT)
Ташкент, Республика Узбекистан
✉ *balimdjanov@gmail.com*

Резюме. Цель: проанализировать исторические причины игнорирования династии Шибанидов в исторической науке и исторической политике Узбекистана в рамках концепции “централизованного государства”.
Материалы исследования: использованы исторические труды известных востоковедов Н.П. Остроумова, В.В. Бартольда, П.П. Иванова, А.Ю. Якубовского, А.А. Семенова, О.Д. Чехович, Р.Г. Мукминовой, Б. Ахмедова, Л.Б. Алаева; сочинения джадидов А. Дониша, А. Фитрата, А. Кадыри, также труды И.А. Каримова, А.А. Аскарова, И. Муминова, Б.А. Алимджанова, А. Маликова и др.
Результаты и научная новизна: В исторической науке и исторической политике Узбекистана постимуридская эпоха (XVI–XIX вв.) рассматривается как “отсталая”, “политически раздробленная” и “слабая централизация политической власти”. Династии Шибанидов по своей значимости и вкладу в историю Узбекистана оцениваются ниже, чем династия Тимуридов. Негативной оценке шибанидов способствовали досоветская историография, джадиды, советская и постсоветские историографии. Вся историография основывается на сталинской идее “централизованного государства” с привязкой к “формированию нации”. В 50–80-е гг. XX века были попытки “реабилитации” Шибанидов со стороны учёных историков и востоковедов – издавались статьи по истории среднеазиатских Шибанидов, переводились исторические труды на узбекский язык. Но эти попытки не имели успеха в создании позитивного имиджа Шибанидов в узбекской политике и академической науке. В современном Узбекистане династия Шибанидов не реабилитирована как создатели государства в Мавераннахре и Хорасане и оригинальной культуры. Главные представители династии Мухаммад Шейбани-хан, Убайдулла-хан и Абдулла-хан II не представлены в исторической политике. Хотя основные труды по истории Шибанидов переведены на узбекский язык, Шибанидов изучают в основном узкий круг ученых.

Ключевые слова: Шибаниды, централизованное государство, историография, Узбекистан, Тимуриды, историческая политика, ориентализм, кочевники

Для цитирования: Алимджанов Б.А., Замонов А.Т. Не Тимуром единым: игнорирование Шибанидов в рамках концепции «централизованного государства» // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 207–223. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.207-223 EDN: ZNATAF

© Алимджанов Б.А., Замонов А.Т., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

NOT BY TIMUR ALONE: IGNORING THE SHIBANIDS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE "CENTRALIZED STATE" CONCEPT

B.A. Alimdjanov* ✉ *, A.T. Zamonov

Kimyo International University in Tashkent (KIUT)
Tashkent, Republic of Uzbekistan
✉ *balimdjanov@gmail.com*

Abstract. Research objectives: To investigate the historical reasons for the neglect of the Shibanid dynasty in the historical scholarship and political discourse of Uzbekistan within the framework of the "Centralized State" concept.
Research materials: The research draws upon the historical works of prominent Orientalists such as N.P. Ostroumov, V.V. Bartol'd, P.P. Ivanov, A.Y. Yakubovsky, A.A. Semenov, O.D. Chekhovich, R.G. Mukminova, B. Akhmedov, and L.B. Alaev. Additionally, the study incorporates the works of Jadids, such as A. Doinsh, A. Fitrat, and A. Kadiri, as well as the contributions of I.A. Karimov, A.A. Askarov, I. Muminov, B.A. Alimdzhanov, A. Malikov, and others.
Results and novelty of the research: In the field of historical research and historical discourse in Uzbekistan, the post-Timurid era, which spans from the 16th to 19th centuries, is often portrayed as a period of backwardness, political fragmentation, and weak centralization of power. The Shibanid and Ashtarkhanid dynasties are often viewed as less significant and influential in the history of Uzbekistan compared to the Timurid dynasty. Pre-Soviet historiography, Jadid historians, Soviet historians, and post-Soviet historians have all contributed to this negative assessment of the Shibanids. This perspective is rooted in the Stalinist concept of a centralized state. In the 1950s and 1980s, there were attempts to "rehabilitate" the Shibanids by historians and orientalists. Articles on the history of the Central Asian Shibanids were published, and historical works were translated into Uzbek. However, these efforts were not successful in creating a positive image of the Shibanids in the Uzbek political and research spheres. In contemporary Uzbekistan, the Shibanid dynasty has not been restored to a position as the founders of the state in Transoxiana and Khorasan, and the basis of its original culture. The dynasty's key figures, Muhammad Sheibanikhan, Ubaydullakhan, and Abdullakhan II, are not widely recognized in historical discourse. Although significant works on the Shibanid dynasty have been translated into Uzbek, the dynasty remains a subject of study for a select group of scholars.

Keywords: Shibanids, centralized state, historiography, Uzbekistan, Timurids, historical politics, Orientalism, nomads

For citation: Alimdjanov B.A., Zamonov A.T. Not by Timur alone: ignoring the Shibanids within the framework of the "Centralized State" concept. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 1, pp. 207–223. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.207-223 (In Russian)

Игнорирование Шибанидов в исторической политике и принижение их роли в среднеазиатской исторической науке началось полтора столетия назад. Еще в царское время известный миссионер, проживавший в Ташкенте, Н.П. Остроумов отмечал, «мы находимся на пути древних азиатских завоевателей: Чингизхана, арабов, Тимура и Бабура. Значит путь наш – верный, исторический» [40, с. 70]. Н.П. Остроумов отрицал позитивное влияние Шибанидов на историю Средней Азии и считал, что после Тимуридов в истории

Средней Азии начинается экономический и культурный упадок. Были и положительные мнения о Шибанидах. Например, крупный ученый Бухары второй половины XIX века Ахмад Даниш считал Абдулла-хана II Шибанида «мужаддидом» (обновителем веры) XVI века [13, с. 17]. Одним из первых европейских историков, позитивно оценивавших династию Шибанидов в Средней Азии, был крупный востоковед В.В. Бартольд. Хотя у В.В. Бартольда частенько мы можем наблюдать проявления «слабого ориентализма», т.е. он ставит в культурном развитии выше оседлое население, чем кочевое. В.В. Бартольд считает, что Шибаниды фактически не повлияли на политическую и культурную жизнь Мавераннахра [8, с. 268], он охарактеризовал государство Шибанидов как «кочевую державу с элементами мусульманской государственной идеей» [8, с. 269]. В.В. Бартольд признавал культурные достижения Шибанидов, «именно при узбеках впервые была создана богатая историческая литература (историки Тимура и его потомки по происхождению принадлежали Персии)» [8, с. 164], отмечал он. Современный историк А. Маликов считает, что «значительная часть исторической и агиографической литературы при правлении Шибанида Абдуллы-хана ибн Искандере (ум. 1598) была на персидском языке. Выявление разных факторов, повлиявших на эти изменения, требует отдельного исследования» [28, с. 154]. По мнению А. Фитрата, Шибаниды стремились развивать историческую литературу, чтобы доказать населению, что именно они истинные владельцы Мавераннахра по праву, так как они по происхождению Джучиды, а Тимуриды незаконно узурпировали власть [46, с. 57].

Вслед за В.В. Бартольдом местные интеллектуалы-джадиды тоже негативно в ориенталистском ключе относились к посттимуридской эпохе. Крупный теоретик джадидизма и профессор Среднеазиатского университета в Ташкенте А. Фитрат в 20-е гг. XX века выдвинул идею, что эпоха Тимура была периодом «торгового капитала» и после распада Тимуридов начинается эпоха «феодализма» [47, с. 230]. «Феодализм» и посттимуридская эпоха воспринимался историками и советскими писателями в негативном ключе. Например, первый узбекский романист Абдулла Кадыри писал в 1926 году: «я решил посвятить свое повествование прошлому, недавно минувшим дням, самым кровавым и грязным и темным дням истории нашей» [23, с. 5]. К сожалению, в исторической литературе мало исследовано влияние джадидов на историографию. Единственным позитивным произведением в 20-е гг. XX в. про Шейбани-хана считается народный эпос «Шайбанихан», который был записан из уст народного сказителя Пўлкан шоира [54]. У него Бабур приобретает негативный образ, а Шейбани-хан позитивный, как освободитель края. Несмотря на распространенность этого эпоса, он не оказал влияния на историографию и на политику перцепции династии Шибанидов в исторической политике Узбекистана. Совокупность этих мнений и подходов к истории Шибанидов сформировало современное отношение в Узбекистане к этой династии.

Одной из основных причин игнорирования властями современного Узбекистана Шибанидов является отношение к ним первого президента Республики Узбекистан И.А. Каримова. И. Каримов в своей речи «Без исторической памяти нет будущего» на встрече с историками в 1998 году рассуждал о причинах «отсталости» в средние века: «Почему уровень развития нации, давшей миру таких великих людей, как Ахмад аль-Фаргони, Мухаммад Хоразми, Ибн

Сино, Абу Райхон Беруни, Имам аль-Бухари, Амир Темур, Улугбек, Алишер Навои, Бобур, к XVII–XIX векам стал ниже прежнего, достигнутого до той поры? Почему в течение трех столетий мы не сумели преодолеть отсталость?» [25, с. 133]. Интересно, что И. Каримов не упомянул ни одного Шибанида в качестве предка узбекского народа. Историческим обоснованием сознательного игнорирования Шибанидов является то, что они кочевники, а узбекский народ является оседлым. Каримов отмечал: «Каким образом, благодаря каким внутренним силам народ смог сохранить самого себя, свою сущность? Не потому ли, что издревле вел оседлый образ жизни, стремился к знаниям, обладал богатой культурой, считал священными свои обычаи и традиции? Когда появилось именование «узбеки»? Как пишут советские историки, именование «узбеки» появилось где-то в XVI веке, после захвата наших земель ханами Кипчакской степи» [25, с. 140]. До настоящего времени Шибаниды трактуются как захватчики, современные академические исследования [28; 37] по истории Шибанидов упорно игнорируются узбекскими властями и учеными. Нужно отметить, что среднеазиатские Шибаниды не рассматриваются в узбекской исторической науке как наследники постордынского мира [16], т.е. Шибаниды в Мавераннахре рассматриваются в отрыве от соседних политических объединений и государств.

В исторической политике Узбекистана до 2016 года преобладала точка зрения, что только Тимур был великим предком узбекского народа, так как он создал «централизованное государство» и «великую империю». Историки и идеологи эпохи Каримова в создании имиджа исторических фигур опирались на советскую концепцию «централизованного государства». Ориентализм современных историков проявляется в том, что только оседлое население может построить централизованное государство [3]. К кочевникам было сформировано негативное отношение. Начиная с 2016 года, с приходом нового президента, историческая политика в Узбекистане начала меняться, появились новые темы для исследования. Власти стали больше уделять внимания истории Шибанидов. Несмотря на все усилия историков негативное отношение к Чингиз-хану, к кочевым империям до сих пор сохраняется в узбекской науке и политике. За последнее десятилетие в республике были защищены несколько диссертаций по эпохе Шибанидов [15; 29; 36]. На обложке крупного журнала «Ватан» в 2024 году появился портрет Мухаммада Шейбани-хана [9]. Несмотря на «частичную реабилитацию» Шибанидов, до сих пор нет памятников, посвященных Шибанидам, фактически нет литературных произведений и нет названий улиц. Не были проведены юбилеи Шибанидов на государственном уровне. Хотя юбилеи Тимура (1996 г.), Улугбека (1994, 2024 г.), Бабура (1993 г.) были широко отмечены. Историки и литераторы, пишущие на тему Шибанидов остаются маргинальными. На наш взгляд, в Узбекистане до сих пор господствует сталинская концепция «централизованного государства». Позитивным явлением считается оседание кочевников и ассимиляция с местной культурой. Ниже мы подробнее рассмотрим эволюцию концепции «централизованного государства» на примере узбекской советской историографии.

Концепция «централизованное государство» как инструмент советского ориентализма

Концепция «централизованного государства» сформировалась в советской науке в 1930–1950-е гг. когда перед исторической наукой было поставлено задача создания моноконцепции отечественной истории. Проблема возникновения централизованного государства являлась одной из ключевых тем советской историографии. Автором концепции принято считать И.В. Сталина, когда в докладе в 1921 году он рассуждал о причинах возникновения централизованных государств и как следствие формирование нации:«Интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [12, с. 698–704]. Таким образом, можно предположить, что доклад мог быть одним из источников для новых концептов, включая понятия «централизация» [26, с. 122–124]. Одним из ключевых положений сталинской концепции «централизации» была связь формирования нации с централизацией государства.

Концепцию «централизации» государства в 40-е гг. XX в. начали активно применять к истории Узбекистана, в частности к истории Тимуридов и Шибанидов. Сразу нужно оговорить, что советские историки не нашли в Средней Азии «периода феодализма» ни одной династии с «настоящей централизацией» власти. Например, ленинградский историк П.П. Иванов утверждал, что правление династии Шибанидов можно отметить как «значительная централизация политической власти» [19, с. 8]. «Централизации» власти в Средней Азии «мешали»кочевники, которые находились на разных ступенях развития, т.е. в патриархально-родовом строе или в раннефеодальной политической системе. По мнению советских историков, кочевники не смогли достичь вершин социального строя, поэтому и не смогли построить/создать «централизованное государство». Это подтверждает нашу гипотезу, что концепт «централизованного государства» являлся инструментом советского ориентализма в саидовском понимании этой концепции. Интересно, что описывая историю Шибанидов, советские историки особо отмечали роль ислама как идеологию кочевников. Часто ислам и централизованное государство в трактовке политической истории Шибанидов показываются как неразрывное единство, но одновременно, ислам не является параметром централизованного государства. И в большинстве случаев ислам является поводом для войн между суннитами и шиитами. Ислам как идеологическая надстройка «шибанидского транзитного феодализма» не является позитивным фактором объединения. Наоборот, ислам в лице джуйбарских шейхов является причиной междоусобных войн между шибанидами и крупными землевладельцами в Бухаре [18]. Таким образом, ислам в трактовке советских историков, часто конкурирует со степными обычаями и противостоит политике объединения.

Интересно, что советские историки искусственно пытались противопоставить Тимуридов против Шибанидов. Одним из первых защитников Тимура был ученый А.Ю. Якубовский. «Как бы отрицательно мы не относились к грабительским походам Тимура на соседние страны, писал А.Ю. Якубовский, мы должны признать, что он любил Мавераннахр и стремился поднять в нем городскую жизнь и земледельческую культуру» [53, с. 10]. В советской исто-

риографии негативно относились к Чингиз-хану, Тимур же трактовался как борец за «централизованное государство». «Победа Тимура над Тохтамышем, опустошение и сожжение Астрахани и особенно Сарая Берке – столицы Золотой Орды – в 1395 г. имели огромное значение не только для Средней Азии и тогдашней юго-восточной Европы, но и для Руси», писали Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский [10, с. 77]. Намекая тем самым, что Тимур поспособствовал объединению и централизацию Руси. Скорее всего, возможно поэтому, советские историки более были благосклонны к Тимуру, чем к Мухаммаду Шейбани-хану. «Исторический факт», что Тимур поспособствовал централизации Москвы, нравилось местной узбекской советской элите. То есть объединение и централизация Москвы – это не только «объективный» исторический процесс, объединению русских княжеств «помог» Тимур своими походами в Золотую Орду. Тем самым позитивный ориентализм был применён и к истории централизации русского государства. Тезис Якубовского-Грекова о роли Тимура объединения русских княжеств под эгидой Москвы до сих пор муссируется в узбекской исторической политике и массмедиа.

Во второй половине 40-е гг. XX века в советском Узбекистане усилиями столичных (Москвы и Ленинграда) и местных историков была создана национальная история узбекского народа. Впервые был написан и издан академический труд «История народов Узбекистана» (в 1947 г. – II том, 1950 г. – I том) [20; 21], где была дана единая концепция происхождения, формирования и становления узбекского народа. Второй том начинался с истории правления династии Шибанидов в Средней Азии. Первая глава называлась: «Образование узбекского государства и завоевание узбеками Мавераннахра» [20, с. 21]. Авторы тома в объяснении исторических событий опираются на разные концепты: «феодальная раздробленность» и «феодальные смуты», «централизация власти» и т.п. «Для широких кругов населения Средней Азии, писали авторы тома, узбекское завоевание несло с собой прекращение феодальных смут» [20, с. 38]. Основной причиной поражения Тимуридов от Шейбани-хана объяснялась феодальной раздробленностью. Не избегло участи «феодальной раздробленности» и государство Мухаммада Шейбани-хана. Как отмечают авторы тома, «Шейбанихан распределил области между своими родственниками» [20, с. 39], в результате начались неурядицы. Мухаммад Шейбани-хан не смог создать «централизованное государство» по причине «разного» опыта исторического развития. Авторы тома определяют Шибанидское государство как «типичное раннефеодальное государство» [20, с. 42]. «Держава Шейбанидов, резюмировали авторы тома, в XVI веке, при наличии уделов в ханской семье и при независимости отдельных узбекских племен, характеризовалась чертами большой феодальной раздробленности» [20, с. 42]. Невзирая на «феодальную раздробленность» по мнению советских историков, в XVI веке завершается оформление узбекской народности [5, с. 13]. То есть Шибаниды, несмотря на политическую слабость и неудачи централизации, поспособствовали созданию узбекского народа. На мой взгляд, завершение формирования узбекского народа в XVI веке и создание частично централизованного государства является подтверждением идеи Сталина о связи между «централизованным государством и формированием нацией». Это клишированный подход на долгое время определил интерпре-

тацию истории Шибанидов в Мавераннахре, и повлиял на историческую науки и политику Узбекистана. Нужно отметить, что советские историки пытались преодолеть европоцентризм сталинскими концепциями, т.е. применяли модели европейского развития и формирования наций к истории Средней Азии. Эту историографическую ситуацию можно назвать «позитивным усеченным ориентализмом» – в культурном плане народы Средней Азии имели самобытность, в политическом плане были всегда разрозненными [14, с.141].

В 1946 г. в советской науке началась борьба против теорий «космополитизма, панируанизма, пантюркизма, национализма и исламизма» [39, с. 3–4], где утверждалось, что в этих концепциях «народы Средней Азии рассматривались как неисторические, не имеющие своей культуры, способные лишь к пассивному восприятию того, что создавалось другими народами за рубежом»[39, с. 3–4]. Невзирая на все идеологические установки, местные историки допускали «ошибки», которые горячо обсуждались в научной среде и прессе. Таким образом, с 1946 г. началась борьба с «извращениями» на историческом фронте, а также борьба за социалистическую национальную историю народов Средней Азии, которая сопровождалась публичными покаяниями и политическими репрессиями.

21–27 апреля 1949 г. в Ташкенте проходило расширенное заседание отделения гуманитарных наук АН УзССР, где анализировались моменты «извращения истории и культуры» Узбекистана. Это заседание сыграло решающую роль в историографии республики, которое предопределило основные установки и методы «национального» историописания. В заседании призывалось разгромить «реакционную идеологию космополитов, пантюркистов, панисламистов, панируанистов, которые извращают историю народов Востока, отрицают самобытность истории Узбекистана и Средней Азии» [38, с. 6]. Были подвергнуты критике труды В. Бартольда, Е. Бертельса, А. Семенова, Б.Г. Гафурова [38, с. 17–20] как «панируанистские». Ответом на «панируанистские извращения» истории Узбекистана стала книга С.П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948), которая получила сталинскую премию. Также ораторы ссылались на работы других археологов, таких как: М.Е. Массон, А.Я. Якубовский, В.А. Шишкин, которые выяснили, что «культурные области Средней Азии еще с глубокой древности были не провинциями, а важнейшими центрами мировой цивилизации» (выступление проф. Л.И. Климовича) [38, с. 166]. На заседании подняли вопрос «централизации». Выступил д.ф.н. В.Ю. Захидов с докладом «Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана». По проблемам «централизации» он отмечал: «Отсутствие *централизованной государственной власти* (курсив наш), объединяющей всю экономическую и политическую жизнь, экономическая разобщенность, феодальная раздробленность, частая смена династий и обусловленные этим почти беспрерывные военные столкновения и беспринципные междоусобицы, уносившие жизни миллионов создателей материальных ценностей и парализовавшие хозяйство края – все это намного задерживало развитие Средней Азии» [38, с. 36]. Перманентный политический и экономический кризис стал результатом вторжения кочевников в Среднюю Азию и неспособности местных феодалов объединить регион в централизованное государство.

Нужно особо отметить, что в 1949 году известная впоследствии востоковед Розия Галиевна Мукминова защитила в Ленинграде кандидатскую диссертацию "Борьба за Мавераннахр между тимуридами и шейбанидами: (К истории образования узбекского государства шейбанидов)" под руководством известного историка И.П. Петрушевского [30]. «Илья Павлович (Петрушевский), сообщала в своём интервью Р.Г. Мукминова, поставил передо мной задачу – заниматься исследованием истории Узбекистана и первоначально мы хотели серьезно заняться отдельными проблемами по «Бабур–наме». Несколько позднее, тема была определена как «Борьба за Мавераннахр между Тимуридами и Шейбанидами», которую в дальнейшем я и разрабатывала. Так моим научным руководителем стал И.П. Петрушевский» [1, с. 24]. Так, по мнению А.Ю. Якубовского, тема диссертационного исследования Р.Г. Мукминовой до этого времени не была разработана с такой тщательностью даже «такими крупными специалистами, как А.А. Семенов и П.П. Иванов» [1, с. 28]. На мой взгляд, актуальность темы Р. Мукминовой была вызвана стремлением утвердить в советской исторической науке концепцию централизованного государства.

Вторжение Шибанидов в Мавераннахр – конец общетюркским войнам?

В 1954 году А. Семенов издаёт сборник своих статей, посвященных истории Мавераннахра XVI в. А. Семенов даёт широкую картину вторжения тюрков в Среднюю Азию. Согласно А. Семенову, вторжение Шибанидов завершило «многолетнее сражение между тюркскими племенами. В этой ожесточенной битве, охватившей территорию от границ Китая до Черного моря и от пределов Индии до Сырдарьи, принимали участие почти все главные представители тюркского народа»[42, с. 148–149]. Шибаниды закончили почти трёхсотлетнюю борьбу между тюркскими племенами за обладание Средней Азией и Хорасаном. Интересно, что причиной войны по А. Семенову была взаимная ненависть: «общетюркские начала племенных и родовых связей и какого-то сознания своего общетюрко-монгольского единства, возглавлявшегося восхождением рода правящей верхушки к высокопочитавшемуся Чингизхану, превалировали над *взаимною ненавистью и военным ожесточением* (курсив наш)» [42, с. 149]. Несмотря на позитивное окончания вековых войн, А. Семенов негативно оценивает действия Шибанидов: «в этой последней войне тюрков не оказалось ни победителей, ни побежденных, но реальные последствия ее остались и их гибельное влияние продолжало со всею остротою чувствоваться во все последующие века» [42, с. 149]. В этом проявился ориентализм А. Семенова: боролись между собой тюркские племена, а страдало оседлое население Мавераннахра и Хорасана. «Обширнейшие области запустели, некогда цветущие города и селения обезлюдели и превратились в развалины, а земля, ввиду разрушения сложной оросительной системы, стала пустынею» [42, с. 150], резюмировал А. Семенов итоги походов Шибанидов. Позиция А. Семенова по шибанидам не оказала влияния на местных историков, зачастую даже игнорировалась ими.

Безуспешная реабилитация Шибанидов в 50–80-е гг. XX в.

После смерти Сталина меняются требования к исторической науке и национальным историям Средней Азии. Первым дуновением смены курса было заседание объединенной научной сессии, прошедшей 30 января – 6 февраля 1954 г. и посвященной истории советских республик Средней Азии и Казахстана. Историки из Казахстана В.Ф. Шахматов и С.И. Толыбеков пытались доказать, что основой феодализма у кочевых народов является собственность не на землю, а на скот. Но эта точка зрения не получила поддержки [44, с. 142]. То есть не была принята идея «о специфике кочевого феодализма» так как нарушал постулат об универсальности формаций. По мнению Тихонова, любое предложение не соответствующее советской марксистской теории, классифицировалось как «не получившая поддержки», а не как происки врагов [44, с. 142]. Терпимость к новым теориям и подходам в советской исторической науке открыла дорогу к более свободному научному творчеству в 50-е гг. XX века.

Одним из первых историков, раскритиковавших «блестящий» период Тимуридов, была О.Д. Чехович [50, с. 84]. Основной вклад О. Чехович заключался в том, что она показала прогресс в хозяйстве и политике в посттимуридскую эпоху. Она пыталась доказать, что процесс попыток централизации и консолидации в политической жизни Средней Азии продолжался до русского завоевания, хотя все попытки были безуспешными. К сожалению, идеи О. Чехович о «централизации и консолидации» в исторической науке советского Узбекистана оставались маргинальными.

В 1955 году в Ташкенте выходит новая версия истории Узбекистана. В ней отмечалось, что в первом издании истории Узбекистана было очень много политических «ошибок»: «недостаточно разработанной периодизацией, идеализацией отдельных исторических деятелей, иногда излишними подробностями борьбы феодальных группировок, заслонявшими подлинную историю народных масс, и т.п.» [22, с. 5]. Интересно, что главы, посвященные Шибанидам, написал А. Семенов. «Развитие рыночных связей в XVI в., хотя еще и очень слабое, все же создавало экономическую базу для попытки политического объединения страны, произведенной Абдулла-ханом» [22, с. 397], отмечал А. Семенов. Несмотря на все позитивные сдвиги в торговле и строительстве отмечалось в томе, «держава шейбанидов в XVI в., при наличии уделов в ханской семье и при независимости отдельных племен, характеризовалась чертами большой феодальной раздробленности» [22, с. 399]. Характеризируя Абдулла-хана II А. Семенов писал: «Абдулла-хан, попытался во второй половине XVI в. приостановить феодальный распад государства, но при слабом еще развитии экономических связей между отдельными частями этого государства центробежные силы одержали верх, и успех Абдулла-хана был только временным» [22, с. 399]. Нужно отметить, что во втором издании истории Узбекистана Шибаниды оценивались негативно по сравнению с Тимуридами. Автором глав про Тимура был А.Ю. Якубовский. Интересно, что А. Якубовский высказывался про Тимура положительно и давал ему лестные характеристики: «Тимур прекрасно понимал, что главная задача, поставленная перед ним всей политической обстановкой того времени, заключается в преодолении раздробленности и в объединении отдельных владений в прочное и сильное государство» [22, с. 318]. Стремление Тимура

создать «централизованное» государство выражалось в том, что «Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках» [22, с. 326]. Негативная характеристика А. Семеновым, данная государству Шибанидов, и позитивная трактовка А. Якубовского Тимура и тимуридов повлияла на последующую историографию.

Блестящую попытку показать роль узбекского государства Абульхайра и роль кочевых узбеков в истории Узбекистана осуществил Бурибай Ахмедов. В 1965 году в Москве в престижном издательстве «Наука» Б. Ахмедов издал книгу «Государство кочевых узбеков». В этой книге была высказана мысль, что кочевые узбеки, пришедшие с М. Шейбани-ханом, «вскоре после расселения растворились в тюркской массе Мавераннахра и передали им лишь свое имя» [6, с. 149]. Несмотря на невысокую оценку вклада Шейбанидов в политику Средней Азии, Б. Ахмедов попытался оспорить мнения П. Иванова и А. Семенова начет того, что государство Абульхайра не было временным объединением кочевников. По мнению Б. Ахмедова государство Абульхайра было «государством патриархально-феодального типа, хотя и не централизованным» [6, с. 150]. Б. Ахмедов доказывал, что у кочевых узбеков существовали города, где было развито ремесло, существовала феодальная собственность на землю. Кочевые узбеки, резюмировал Б. Ахмедов «играли большую роль в политической жизни Средней Азии в XVI–XIX вв.» [6, с. 152]. Несмотря на все попытки Б. Ахмедова, отношение к кочевым узбекам и династии Шибанидов не изменилось ни в узбекской советской культуре, ни в исторической науке.

В 50–60-е гг. XX века в советском Узбекистане появился культ тимурида З.М. Бабура как создателю империи Моголов (Бабуридов) в Индии. Нужно отметить, что Мухаммад Шейбани-хан «проигрывал» в популярности своему сопернику тимуриду З. Бабуру. В 1958 г. в Ташкенте было издано «Бабурнаме» [7], что придало политический вес фигуре Бабура. Известная исследовательница С. Азимджанова [4] создала направление бабуроведение. Филологи начали писать десятки диссертаций по творчеству Бабура. Бабур стал национальным героем, который противостоял «захватчику» Шайбани-хану. В советском Узбекистане писались романы, в театрах ставились пьесы, посвященные Бабуру. Например, узбекский писатель П. Кадыров написал исторический роман про Бабура «Юлдузли тунлар» («Звёздные ночи»), изданный в 1978 г. [24] и на сегодняшний день роман переведен на многие языки мира. До сих пор традиция возвеличивания Бабура продолжается в постсоветском Узбекистане.

Невзирая на возвеличивание Бабура в советском Узбекистане, в Москве и Ташкенте издавались произведения, посвященные Шибанидским правителям. Например, в 1961 г. в Ташкенте на узбекском языке было издано произведение Мухаммада Солиха «Шайбонийнома» [41]. В 1967 году было издано факсимиле «Таварих-и гузида – Нусрат-нома»[43]. В 1976 году «Михман-намейи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани [45]. В 1983 году М.А. Салахетдинова издала «Шараф-нама-йи-шахи» Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари [48]. Труд М. Салахетдиновой стал значимым явлением в исторической науке. Тем не менее, несмотря на все публикации по истории и культуре XVI в века, Шибаниды не смогли занять достойное место в исторической науке Узбекистана.

Триумф личности Тимура в Узбекистане

В апреле 1969 г. по инициативе академика И. Муминова в Ташкенте была проведена юбилейная научная конференция, посвященная 575-летию со дня рождения Мирзо Улугбека. В сентябре 1969 г. И. Муминов стал инициатором организации международного симпозиума ЮНЕСКО в Самарканде по искусству эпохи Тимуридов. И в 1969 г. праздновали 2500-летие Самарканда. Годом ранее академик И. Муминов издает брошюру «Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников» [31]. Эта брошюра была настоящей реабилитацией Тимура и его восхваление как политического лидера и полководца. Академик И. Муминов повторял за А. Якубовским: «Тимур вел борьбу с Золотой Ордой из-за среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел даже ясного представления, тем не менее, объективно он не только добился объединения Средней Азии, но и оказал большую услугу Руси» [31, с. 42]. По мнению академика И. Муминова Тимур «создал объединенное самостоятельное государство в Мавераннахре» [31, с. 44]. Брошюра Муминова имела политические последствия, его начали обвинять в национализме, в игнорировании роли Шибанидов и возвеличивании Тимуридов в политической и научной жизни Узбекистана. По мнению некоторых ученых, активность И.М. Муминова показывает, что местным элитам удалось на определенное время добиться некоторой автономности от Москвы [27, с. 24–25; 55]. Одновременно с изданием этой брошюры в Казахстане было издано «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских источников)» [17]. Данное издание включало в себя многочисленные источники по истории Шибанидов и Аштарханидов. Смело можно предположить, что издание документов эпохи Шибанидов была некой конкуренцией между Узбекской и Казахской ССР в среднеазиатском регионе. В 1972 г. в институте Востоковедения в Ташкенте А. Урунбаевым был издан «Зафар-наме» Шараф ад-Дин Али Йазди [52]. Издание вызвало споры в академическом сообществе о роли Тимура в истории Узбекистана. В конце концов, победила точка зрения, что Тимур является великим полководцем и строителем империи, создателем централизованного государства в Средней Азии. Именно возвеличивание Тимура была осуществлено посредством игнорирования Шибанидов.

Заключение

Последний массовый всплеск интереса к среднеазиатским Шибанидам в Узбекистане был в конце 80-х-начале 90-х гг. XX века. В 1989 году Э. Шодиев издал «Шайбонийнома» Мухаммад Салиха [33] на узбекском языке. Известный узбекский поэт Салай Мадаминов творил под псевдоним Мухаммад Солих. Шибаниды в противовес имперскому Тимуру стали символом родоначальника узбекской нации. На короткое время история Шибанидов (особенно Мухаммад Шейбани-хан) вдохновляли местную интеллигенцию к независимости и национальному возрождению. В 1992 г. Е. Давидович издала крупную работу по нумизматике Шибанидов [11]. Несмотря на всплеск интереса к Шибанидам, среди узбекской интеллигенции в академической науке [32; 34; 35; 49; 51] и политике Узбекистана происходили другие процессы. С 1993 г. Тимур на государственном уровне стал главным героем узбекского

народа. Снова вернулась и возродилась концепция «централизованного государства». В конце 80-х гг. XX века узбекские историки удревнили узбекский народ и первым централизованным государством в истории Узбекистана было объявлено Караханидское государство (X–XII вв.). Зачинателем централизованного государства стали карлуки. Узбекские историки разделили историю узбеков на несколько этапов: X-XII вв. – период окончательного формирования процесса этногенеза узбеков [5, с. 12], XIV–XV вв. – «утверждение литературного староузбекского языка – языка Навои и Бабура, – который, видимо, вырос на основе тюргешского народного наречия, укоренившегося еще до XI в. в оазисах Мавераннахра» [5, с. 12], и последний этап – «проникновение даштикипчакских племен в Среднеазиатское междуречье в начале XVI в. не привело к существенному подъему экономики и культуры узбекского народа» [5, с. 13]. Как видно из этой схемы: роль Шибанидов принижена и их историческая роль затушевана. До сих пор в узбекской исторической науке сохраняется европоцентризм – опора на идею централизованного государства и «усеченный» ориентализм. Известный востоковед Л.Б. Алаев справедливо считает, что «изживание европоцентризма – есть повышение научности нашей (т.е. востоковедческой) науки» [2, с. 34]. Узбекская историческая наука должна учитывать последние достижения мировой науки изучения истории средневековых династий и не впадать в сталинскую теорию «централизованного государства», «формирование наций» и разные теории «культурного превосходства» в тот или иной исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурасулов У. Розия Галиевна Мукминова: штрихи к творческому портрету // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талқинида. (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади). Тошкент: «Yangi nashr», 2013. С. 19–42.

2. Алаев Л.Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности //Вестник института востоковедения РАН. 2018. № 1. С. 30–37.

3. Алимджанов Б.А. Ориентализм ориентализму рознь //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1488–1497.

4. Азимджанова С. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М.: Наука, 1977. 177 с.

5. Аскаров А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Т.: Фан, 1986. С. 3–14.

6. Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 194 с.

7. Бабур-наме. Записки Бабура. Перевод М. Салье; Отв. ред. и авт. предисл. канд. ист. наук С.А. Азимджанова. Т.: Изд-во Акад. наук УзССР, 1958. 534 с.

8. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Часть 1. М.: Восточная Литература, 1963. 1024 с.

9. Ватан. 2024. № 3.

10. Греков Б.Д., Якубовский А.Б. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. 505 с.

11. Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 504 с.

12. Десятый Съезд РКП (б). 1921 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 989 с.

13. Дониш А. Рисола ёхуд манғитлари хонадони салтанатининг қисқача тарихи. Таржима, изоҳлар ва кириш сўзи муаллифи Қиёмиддин Йўлдошев. Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2014. 144 б.

14. Дьяконов М., Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана. Т. 1 // Вопросы истории. 1951. №4. С. 3–16.

15. Замонов Т.А. Бухоро хонлигининг қўшин тузилиши ва ҳарбий бошқаруви (XVI аср). Тарих фан. фалсафа д-ри дис. Т., 2018. 192 б.

16. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с.

17. Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Наука, 1969. 651 с.

18. Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI–XVII вв. М.-Л.: Изд. Академии наук СССР, 1954. 379 с.

19. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М.: Восточная литература, 1958. 250 с.

20. История народов Узбекистана. Со второй половины XVI в. по 1917 г. Под ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина, В.А. Шишкина. Т.: Изд-во АН УзССР, 1947. 514 с.

21. История народов Узбекистана. С древнейших времен до первой половины XVI века. Под ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захидова, Я.Г. Гулямова, Р.Н. Набиева. Т.: Изд-во АН УзССР, 1950. 474 с.

22. История Узбекской ССР. Т. 1. Книга 1. Т.: Изд. АН ССР, 1955. 543 с.

23. Кадыри А. Минувшие дни. Т.: Шарк, 2009. 430 с.

24. Кадыров П. Бабур (Звездные ночи). М.: Советский писатель, 1983.464 с.

25. Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. Т. 7. Т.: Узбекистан, 1999. 382 с.

26. Кулинский А.А. Формирование концепции возникновения русского централизованного государства в советской исторической науке 1920-х – начала 1930-х гг. // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ: материалы международной конференции (24–26 марта 2022 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 122–124.

27. Маликов А.М. Из истории узбекской интеллектуальной элиты XX века: И.М. Муминов и культурное наследие народов Центральной Азии // Илм-фан ва таълим – истиқлол пойдевори. Республика илмий-назарий семинар материаллари. Самарканд-Тошкент, 2013. С. 22–24.

28. Маликов А. Правление Шибанидов в Самарканде: легитимация, культура и монументальное зодчество (1512–1578) // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, №1. С. 143–166. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 EDN: MJQEND

29. Мирзаев Б. Мовароуннаҳрдаги тарихий жараёнларда шайбоний ҳукмдорларнинг тутган ўрни. т.ф.ф.д. диссер. автореферати. Қарши, 2022.

30. Мукминова Р.Г. Борьба за Мавераннахр между тимуридами и шейбанидами: (К истории образования узбекского государства шейбанидов). Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. Ленинград, 1949. 22 с.

31. Муминов И. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. Ташкент: Фан, 1968. 48 с.

32. Мутрибий Самарқандий. Тазкират уш-шуаро. Форс тилидан таржима, кириш сўзи ва изоҳлар муаллифи И.Бекжонов. Т.: Muntoz so‘z, 2013. 205 б.

33. Муҳаммад Солиҳ. Шайбонийнома. Т.: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. 318 б.

34. Муҳаммадёр ибн Араб Қатаған. Мусаххир ал-билод. Т.: Шарқ, 2009. 429 б.

35. Муҳаммад Толиб. Матлабут-толибин. Форс тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи Ғ.Каримий ва Э.Миркомилов. Т.: Мовароуннаҳр, 2016. 250 б.

36. Нишонов А. Шайбонийлар ҳукмронлиги даврида Фарғона водийсидаги сиёсий жараёнлар. т.ф.ф.д. диссер. автореферати. Фарғона, 2022. 50 б.

37. Норик Б.В. Роль шибанидских правителей в литературной жизни Мавераннахра XVI в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 226–267.

38. О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет расширенного заседания Отделения гуманитарных наук АН УзССР 21–27 апреля 1949 г. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. 216 с.

39. О некоторых вопросах истории народов Средней Азии // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 3–16.

40. Остроумов Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб.: Тип. С.Е. Добродеева, 1888. 75 с.

41. Солиҳ М. Шайбонийнома. Т.: Фан, 1961. 330 б.

42. Семенов А.А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: АН ТаджССР, 1954. С. 108–150.

43. Таварих-и гузида Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филол. наук А.М. Акрамова. Т.: Фан, 1967. 630 с

44. Тихонов В.В. Российский государственный архив новейшей истории: документы Отдела науки и культуры ЦК КПСС (март 1953 г. – сентябрь 1955 г.) о контроле над «национальными историями» народов СССР // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 135–146.

45. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 538 с.

46. Фитрат А. XVI асрдан сўнгра ўзбек адабиётиға умумий бир қараш // Танланган асарлар. II жилд. Т.: Маънавият, 2010. 304 б.

47. Фитрат А. Танланган асарлар. 3-жилд. Т.: Маънавият, 2003. 256 б.

48. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи-шахи. Часть 1. Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М.А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1983. 543 с.

49. Ҳофиз Таниш ал-Бухорий. Абдулланома. Форс тилидан С.Мирзаев таржимаси. Илмий муҳаррир, нашрга тайёрловчи, сўзбоши ва изоҳлар муаллифи Б. Аҳмедов. Т.: Шарқ, 1-китоб, 1999.416 б.

50. Чехович О.Д. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII–XIX веков // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 84–96.

51. Шарофиддин Роқимий. Тарихи томм. Форс тилидан таржима Н.Норқулов ва Ҳ.Бобобековлар томонидан амалга оширилган. Т.: Маънавият, 1998. 250 б.

52. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Подготовил к печати, предисловие, примечания, указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1972. 486 с.

53. Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Т.: Изд-во УзФАН, 1941. 18 с.

54. Amirqul Po’lkan. Uch xalq dostoni haqida qaydlar. Электронный ресурс: https://kh-davron.uz/kutubxona/uzbek/amirqul-polkan-3-xalq-dostoni.html (дата обращения 28.10.2024).

55. Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region // The Slavonic and East European Review. Vol. 71. No.3. July 1993. Pp. 428–481.

REFERENCES

1. Abdurasulov U. Rozia Galievna Mukminova: strokes to a creative portrait. *History of Central Asia in the interpretation of modern medievalism (in memory of Professor Rozia Mukminova).*Toshkent: Yangi nashr, 2013, pp. 19–42. (In Russian)

2. Alaev L.B. Oriental studies, Eurocentrism, Orientalism and civilizational values. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*, No. 1, 2018, pp. 30–37. (In Russian)

3. Alimdzhanov B. A. Orientalisms May Differ. *Bulletin of St. Petersburg University. History*. Vol. 64, Iss. 4, 2019, pp. 1488–1497. (In Russian)

4. Azimjanova S. The state of Babur in Kabul and India. Moscow: Nauka, 1977, 177 p. (In Russian)

5. Askarov A.A. Some aspects of the study of ethnogenesis and ethnic history. *Materials on the ethnic history of the population of Central Asia*. Tashkent: Fan, 1986, pp. 3–14. (In Russian)

6. Akhmedov B. The state of the nomadic Uzbeks. Moscow: Nauka, 1965, 194 p. (In Russian)

7. Babur-name. Babur's notes. Translated by M. Salye; Editor and the author's preface of the Candidate of Historical Sciences S.A. Azimjanova. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1958, 534 p. (In Russian)

8. Bartold V.V. Works. Vol. 2. Part 1. Moscow: Vostochnaya literatura, 1963, 1024 p. (In Russian)

9. Watan. 2024. No 3. (In Uzbek)

10. Grekov B.D., Yakubovsky A.B. The Golden Horde and its fall. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950, 505 p. (In Russian)

11. Davidovich E.A. The case of gold and silver coins of the Sheibanids. 16th century. Moscow: Nauka, 1992, 504 p. (In Russian)

12. The Tenth Congress of the CPSU*, 1921, Verbatim report*. Moscow: Gospolitizdat, 1963, 989 p. (In Russian)

13. Donish A. Brief History of the kingdom of the House of Mangyts. Tashkent: Uzbekiston milliy enciklopediasi, 2014, 144 p. (In Uzbek)

14. Diakonov M. K.V. Trever, A. Y. Yakubovsky, M. E. Voronets. The history of the peoples of Uzbekistan. Vol. 1. *Questions of history*. No. 4, 1951, pp. 3–16. (In Russian)

15. Zamonov T.A. Army structure and military rule of the Bukhoro Khanate (16th century). Dissertation for the degree Doctor of Historical Sciences, 2018, 192 p. (In Uzbek)

16. The Golden Horde in world history. A collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016, 968 p. (In Russian)

17. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., Yudin V.P. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries. Alma-Ata: Nauka, 1969, 651 p. (In Russian)

18. Ivanov P.P. The economy of the Juybar sheikhs. On the history of feudal land ownership in Central Asia of the 1th–17th centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954, 379 p. (In Russian)

19. Ivanov P.P. Essays on the history of Central Asia (16th–mid-19th century). Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, 250 p. (In Russian)

20. The history of the peoples of Uzbekistan. From the second half of the 16th century to 1917. Ed. by S.V. Bakhrushin, V.Ya. Nepomnin, V.A. Shishkin. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1947, 514 p.

21. The history of the peoples of Uzbekistan. From ancient times to the first half of the 16th century. Edited by S.P. Tolstov, V.Yu. Zakhidov, Ya.G. Gulyamova, R.N. Nabieva. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1950, 474 p. (In Russian)

22. History of the Uzbek SSR. Vol. 1. Book 1. Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1955, 543 p. (In Russian)

23. Kadyri A. Past days. Tashkent: Sharq, 2009, 430 p (In Russian)

24. Kadyrov P. Babur (Starry nights). Moscow: Sovetskiy pisatel, 1983, 464 p. (In Russian)

25. Karimov I.A. We build our future with our own hands. Vol. 7. Tashkent: Uzbekistan, 1999, 382 p. (In Russian)

26. Kulinsky A. A. Formation of the concept of the emergence of the Russian centralized state in Soviet historical science of the 1920s – early 1930s. Global challenges in a changing world: trends and prospects for the development of socio-humanitarian knowledge: 6th UrFU Youth Convention: materials of the international conference (March 24–26, 2022). Yekaterinburg: Ural State University Publ., 2021, pp. 122–124. (In Russian)

27. Malikov A.M. From the history of the Uzbek intellectual elite of the twentieth century: I.M. Muminov and the cultural heritage of the peoples of Central Asia. Science and education – the foundation of independence. Republic of scientific and theoretical seminar materials. Samarkand-Toshkent, 2013, pp. 22–24. (In Uzbek)

28. Malikov A. The Shibanid rule in Samarkand: Legitimation, Culture and Monumental Architecture (1512–1578). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 143–166. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.143-166 (In Russian)

29. Mirzaev B. The role of Shaibani rulers in the historical processes in Movarounnahr. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Karshi, 2022. (In Uzbek)

30. Mukminova R.G. The struggle for Transoxiana between the Timurids and Sheibanids: (On the history of the formation of the Uzbek Sheibanid state). Abstract for the degree of Candidate of Historical Sciences. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. Leningrad, 1949, 22 p. (In Russian)

31. Muminov I. The role and place of Amir Timur in the history of Central Asia in the light of these written sources. Tashkent: Fan, 1968, 48 p. (In Russian)

32. Mutribiy Samarqandiy. Tazkirat ush-shuaro. Tashkent: Muntoz so'z, 2013, 205 p. (In Uzbek)

33. Muammad Soli. Shaiboniynoma. Tashkent: Gafur Gulom nomidagi Adabiet va sanat, 1989, 318 p. (In Uzbek)

34. Muammader ibn Arab Katagan. Musakhkhir al-bilod. Tashkent: Sharq, 2009, 429 p. (In Uzbek)

35. Muhammad Tolib. Matlabut-tolibin. Tashkent: Movarounnar, 2016, 250 p. (In Uzbek)

36. Nishonov A. Political processes in the Fargona Valley during the reign of the Shaybanids. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Farg'ona, 2022, 50 p. (In Uzbek)

37. Norik B.V. The role of the Shibanid rulers in the literary life of Transoxiana in the 16th century. Rakhmat-name: Collection of articles on the 70th anniversary of R.R. Rakhimov. St. Petersburg: Russian Academy of Science's Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, 2008, pp. 226–267. (In Russian)

38. On Marxist-Leninist coverage of the history and cultural history of the peoples of Uzbekistan. Verbatim report of the expanded meeting of the Department of Humanities of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR on April 21–27, 1949 Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences Publ., 1951, 216 p. (In Russian)

39. On some issues of the history of the peoples of Central Asia. *Questions of history*, No. 4, 1951, pp. 3–16. (In Russian)

40. Ostroumov N.P. Historical sketch of mutual relations between Christianity and Islam. St. Petersburg: Tipografiya S.E. Dobrodeeva, 1888, 75 p. (In Russian)

41. Solih M. Shayboniynoma. Tashkent: Fan, 1961, 330 p. (In Uzbek)

42. Semenov A.A. The first Sheibanids and the struggle for Transoxiana. *Materials on the history of Tajiks and Uzbeks of Central Asia*. Iss. 1. Stalinabad: Tajik SSR Academy of Sciences Publ., 1954, pp. 108–150.

43. Tavarih-i guzida-Nusrat-name. Research, critical text, annotated table of contents and table of summary tables of Candidate of Philological Sciences A.M. Akramov. Tashkent: Fan, 1967, 630 p. (In Russian)

44. Tikhonov V.V. Russian State Archive of Modern History: documents of the Department of Science and Culture of the Central Committee of the CPSU (March 1953 –

September 1955) on the control of the "national histories" of the peoples of the USSR. *Archivist's Bulletin*, No. 4, 2017, pp. 135–146. (In Russian)

45. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. *Mikhman-nameh-yi Bukhara*. Translated from Persian, introduction, commentary and indexes by R.P. Jalilova. Ed. by A.K. Arends. Moscow: Nauka, 1976, 538 p. (In Russian)

46. Fitrat A. A general view of Uzbek literature after the 16th century.Selected works. Tashkent: Maynaviyat, 2010, 304 p. (In Uzbek)

47. Fitrat A. Selected works. Vol. 3. Tashkent: Maynaviyat, 2003, 256 p. (In Uzbek)

48. Hafiz-i Tanysh ibn Mir Muhammad Bukhari. Sharaf-nama-yi-shahi. Part 1. Translated from Persian, introduction, note and decree by M.A. Salakhetdinova. Moscow: Nauka, 1983, 543 p. (In Russian)

49. Hafiz-Tanish al-Bukhori. Abdullanoma. Vol. 1. Tashkent: Sharq 1999. 416 p. (In Uzbek)

50. Chekhovich O.D. On some issues of the history of Central Asia of the 18th–19th centuries. *Questions of history*, No. 3, 1956, pp. 84–96. (In Russian)

51. Sharofiddin Rokimiy. *Tarihi tomm*. Tashkent: Maynaviyat, 1998, 250 p. (In Uzbek)

52. Sharaf al-Din Ali Yazdi. Zafar-name. Prepared for publication, preface, notes, indexes by A. Urunbaev. Tashkent, 1972, 486 p. (In Uzbek)

53. Yakubovsky A.Yu. On the question of the ethnogenesis of the Uzbek people. Tashkent: UzFAN, 1941, 18 p. (In Russian)

54. Amirqul Po'lkan. Uch xalq dostoni haqida qaydlar. Available at: https://kh-davron.uz/kutubxona/uzbek/amirqul-polkan-3-xalq-dostoni.html (date accessed 28.10.2024) (In Uzbek)

55. Weinerman E. The Polemics between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region. *The Slavonic and East European Review*, vol. 71, no. 3, 1993, pp. 428–481.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов – кандидат исторических наук, доцент, Ташкентский международный университет Кимё (KIUT) (100121, ул. Шота Руставели, 156, Ташкент, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0002-8251-0201. E-mail: balimdjanov@gmail.com

Акбар Тургунович Замонов – кандидат исторических наук, профессор, Ташкентский международный университет Кимё (KIUT) (100121, ул. Шота Руставели, 156, Ташкент, Республика Узбекистан); ORCID: 0009-0002-9896-2955. E-mail: a.zamonov@kiut.uz

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bakhtiyor A. Alimdjanov – Cand. Sci. (History), Associate Professor at Kimyo International University in Tashkent (KIUT) (156, Shota Rustaveli Str., Tashkent 100121, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-8251-0201. E-mail: balimdjanov@gmail.com

Akbar T. Zamonov – Cand. Sci. (History), Professor at Kimyo International University in Tashkent (KIUT) (156, Shota Rustaveli Str., Tashkent 100121, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0009-0002-9896-2955. E-mail: a.zamonov@kiut.uz

Поступила в редакцию / Received 12.11.2024
Поступила после рецензирования / Revised 14.02.2025
Принята к публикации / Accepted 21.02.2025

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.224-230 УДК 94
EDN: ZXOSWJ

REVIEW OF THE INTERNATIONAL SYMPOSIUM "THE GENGHISIDS IN OTTOMAN SOURCES"

İlyas Kemaloğlu

Marmara University
Istanbul, Türkiye
ilyas.kemaloglu@marmara.edu.tr

Abstract. The International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources" was held in Istanbul on March 11, 2025, organized by the History Department of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Marmara University and the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). Scientists from Türkiye, the Russian Federation, Kazakhstan, and the USA attended the symposium. The International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources", which brought together essential scientists from around the world, once again revealed the importance of Ottoman sources, which have not been researched much until now, regarding Genghisid history. In the presented papers, the scientists, on the one hand, discussed the most important works published on the subject to date. On the other hand, they stated that these works contain essential information, especially about the campaigns of Genghis Khan and his children, the arrival of the Mongols in Anatolia, the acceptance of Islam by the Genghisids, the wars between the Golden Horde and the Ilkhanate, the attempted alliance against Emir Timur, the relations between the Ottoman Empire and the Golden Horde, and the Tartar migrations. In this context, works written in the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, such as Ahmedi's *Iskandername*, *Anonymous Tevarih-i Ali Osman*, Şükrullah Efendi's *Behcetü't-Tevarih*, Evliya Çelebi's *travelogue*, Muhammed Şeybani's *Tevarih-i Güzide*, Abdulgaffar Kırımi's *Umdetü'l-Ahbar*, Kadir Ali Bey's *Camiü't-Tevarih*, Katib Çelebi's *Fadhlakat Aqwal al-Akhyar fi'Ilm at-Ta'rikh wa-l-Akhbar*, Seyyid Muhammed Rıza's *es-Sebü's-Seyâr fî Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar*, and the yarlyk (order) of the Crimean khans were discussed. During the symposium, experts on the history of the Genghisids also exchanged ideas on the lastest studies on the subject in different countries. The symposium will contribute to the realisation of joint projects for the future research of Ottoman sources on the Genghisids. This symposium, jointly organized by two critical scientific institutions of Türkiye and Tatarstan (Russian Federation), will undoubtedly contribute significantly to the development of scientific and cultural relations between Türkiye and Tatarstan and, more generally, between Türkiye and Russia.

© Kemaloğlu I., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: Ottoman sources, Genghis Khan, Genghisids, Golden Horde, Ilkhanate State, Tatars.

For citation: Kemaloğlu I. Review of the International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2025, vol. 13, no. 1, pp. 224–230. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.224-230

The International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources" was held in Istanbul on March 11, 2025, and was organized by the History Department of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Marmara University and the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). Scientists from Türkiye, the Russian Federation, Kazakhstan, and the USA attended the symposium.

In recent years, research on the history of the Genghisids has gained momentum in Türkiye, as in the rest of the world. In this context, sources of the history of the Great Mongol Empire, Ilkhanate State, and Golden Horde State in different languages were translated into Turkish, and many master's and doctoral theses and research works were written on the subject. As a result, the negative image of Genghis Khan and the Mongols, who were once dominant in Türkiye, began to change in a positive direction. It should also be noted that the number of scientific meetings, especially those on the Golden Horde, has increased in Türkiye in recent years.

Although a significant portion of the sources of Genghisid history in Persian, Arabic, Russian, Latin, and other languages have been published worldwide, Ottoman sources have not been studied much in terms of Genghisid history to date. Although the first works in the Ottoman Empire were only written at the beginning of the 15th century, many works from the Ottoman Empire have survived to the present day. Some of these are general world history and contain important information about Genghis Khan, his sons and grandsons, and the states they founded. The symposium held in Istanbul was an important scientific meeting that evaluated all this information.

The symposium was held with two main sessions and a closing session. The first speaker of the first session chaired by Prof. Dr. Fehmi Yılmaz, Prof. Dr. İlyas Kemaloğlu, who works at the History Department of Marmara University, gave a history of historiography in the Ottoman Empire in his paper titled "The Genghisids in Ottoman Sources" and then focused on the image of Genghis Khan and Genghisids in the first Ottoman annals. Kemaloğlu gave examples from chronicles such as Ahmedi's Iskandername, Anonymous Tevarih-i Ali Osman, and Şükrullah Efendi's Behcetü't-Tevarîh. In his paper, Kemaloğlu stated that Genghis Khan was portrayed in a highly negative light in Ottoman sources, just like in other foreign works of the period, and that a similar approach was taken towards Hülagü and other Ilkhanate rulers. According to Kemaloğlu, the approach towards the Golden Horde rulers, especially Berke, was positive. Berke is described as a "Turkish sultan" in these sources. Several factors can explain the positive approach toward the Golden Horde. The first reason is that Berke Khan was the first Genghisid to accept Islam, and the second is the multifaceted development of Golden Horde-Ottoman relations. Commercial ties developed between the two countries, and at

the end of the 14th century, these two countries tried to ally with the Mamluks against Amir Timur.

Ilnur Mirgaleev, the head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), discussed the importance of Ottoman sources in the history of the Golden Horde. Mirgaleev stated in his speech that the Russian Orientalist Tiesenhausen had already touched upon this subject. However, despite preparing Arabic and Persian sources on the Golden Horde, he could not complete his work on Turkish sources. Mirgaleev stated in his statement that relations between Anatolia and the Golden Horde began before the Ottomans, that there was also contact with the Seljuks, and that relations between Anatolia and the Volga River were not limited to political ties, and that there were also intense contacts and mutual interactions between the two regions in economic, cultural, scientific and religious fields. According to Mirgaleev, these were naturally reflected in Ottoman sources. For this reason, Ottoman sources are of great importance regarding the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates. Although Mirgaleev mentioned many Ottoman sources in his speech, he mainly focused on Ebu Bekir Kalender Aksarayi's Kalendername and Evliya Çelebi's travelogue. Indeed, Kalendername was published by the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates. Some studies have been conducted in Kazan on Ottoman sources in recent years. While discussing Çelebi's travelogue, Mirgaleev stated that Evliya Çelebi had information about the Golden Horde cities that was not found in any other source, and that the Ottoman historiography tradition was also dominant in the Crimean Khanate, which was established after the disintegration of the Golden Horde and soon came under Ottoman rule, and that the works written in the khanate were of great importance in terms of the Golden Horde historiography.

In the first session, Prof. Dr. Ashirbek Muminov, whose name was mentioned in the third list, also discussed the 16th-century Ottoman sources containing information about the Golden Horde State in his report. Muminov, who works at IRSICA, focused on the names of Mustafa al-Cenabi's (d. 1590–1591) al-Aylam ez-Zahir fi Ahval'il-Ava'il ve'l-Ava'hir and Katib Çelebi's (d. 1657) Fadhlekat Ekveli'l-Akhyar fi Ilmi't-Târikh ve'l-Akhbar in his report. According to Muminov, recently extensive studies have been published about the author of the first work al-Aylam az-zakhir. The success in the research is related to the reading of the name nisba as "al-Janabi". The solution to the problem of the author's wrong attribution to the village of "Janaba" in "Iran" near Basra helped to attribute the work to the Ottoman historiographical school. 39 copies of this work have been identified in world collections. IRCICA prepared the identified copies of the work he discussed in his report to compile and publish the critical text of the voluminous work, which contains many written texts. Fadhlekat Ekveli'l-Akhyar fi Ilmi't-Târikh ve'l-Akhbar is related to the famous historian Katib Çelebi. The largest work of the great scientist remains unpublished to this day. Now, this work is being prepared for publication in IRCICA. In this work, Katib Çelebi showed himself to be a sociologist of history, a successor of the school of Ibn Khaldun. The only copy of the work that has survived to the present day is in the Istanbul Bayazıt Library.

The last speaker of the first session, Prof. Dr. Yulay Şamiloğlu from the University of Wisconsin-Madison, presented a paper titled "The Golden Horde Khans and Their Wives". Şamiloğlu used primary sources, including Ottoman sources, to

present the status of women in the Golden Horde. Şamiloğlu stated in his speech that the Mongols did not marry girls from their tribes, and that Genghisids particularly preferred the girls of the Kongırat tribe. He also stated that women married to the Genghisids, such as the Töregene and Oğulkaymış, played an important role in the political life of the empire. In contrast, ordinary women performed tasks such as riding horse carriage, setting up tents, milking cattle, and making butter. In other words, a large portion of daily tasks were the responsibility of women. In addition to Western travelers, the famous Ottoman traveler Evliya Çelebi also provided information about women in the Genghisid states. In general, the scientists who presented papers at the symposium agreed on the importance of Evliya Çelebi's work in terms of the history of the Genghisids.

The second session mainly dealt with the sources of the Crimean Khanate, the heirs of the Golden Horde. In his paper titled "Notes on the Golden Horde in es-Sebü's-Seyyâr fî Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar", Assoc. Prof. Dr. Serkan Acar emphasized the importance of this work in terms of the history of the Genghisids. Despite this, this work has only recently begun to attract the attention of researchers. While Yavuz Söylemez in Türkiye prepared this work, its transcription was first published in Kazan by R. R. Abdujemilev, and then its translation into Russian was made by İsmail Gibadullin. Serkan Acar drew attention to the fact that the author was both a bureaucrat and a scientist and stated that Seyyid Muhammed Rıza belittled the steppe tradition and even insulted it at times and that while he called Hülagü "scourge", he was respectful towards Batu. This issue is undoubtedly related to Batu's campaigns to distant lands from Anatolia, and the state founded by Hulagu also encompasses Anatolian lands. According to Serkan Acar, the perception of the Genghisids in this source was a continuation of the perception in the Islamic world. One of the issues that Serkan Acar draws attention to is that the author does not distinguish between the Golden Horde and Ilkhanate rulers when counting the Muslim Genghisids. Again, according to Acar, the author correctly assessed the process of the collapse of the Golden Horde State and directed justified criticisms to Edigey Mirza in this context.

The other speaker in this session, Dr. Ismail Gibadullin, also discussed the same work in his paper. Gibadullin began his paper titled "The Ottoman Perspective on Tatar History: Seyyid Muhammed Rıza's *Es-Sebü's-Seyyâr fî Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar*" by explaining the title of the work. Accordingly, the number seven in the work's title was sacred in the Middle East. After providing information about the author and content of the work, Gibadullin focused mainly on the Tatar perception in the work. Indeed, Seyyid Muhammed Rıza, who mocked both the Tatars and the Noghais and their lifestyle and traditions, criticized the Tatars harshly after stating that they were brave and very fast, calling them "savage, irreligious, Tatar predators, iron hearted." Like Serkan Acar, Ismail Gibadullin also noted that this source is important regarding the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The third speaker of the second session, Prof. Dr. Fehmi Yılmaz, discussed the yarlyks that have survived from the Crimean Khanate to the present in his paper titled "Continuity and Change in Yarlyks of the Crimean Khanate". Recalling the explanation of the term yarlyk and the primary studies conducted on the yarlyks of the Golden Horde and Crimean Khans, Yılmaz stated that the yarlyks were divided into two as diplomatic and tarkhans and that the tradition of sending yarlyks in the Crimean Khanate was a legacy left to it by the Golden Horde. Stating that he could

identify 408 yarlyks between the years 1393 and 1742, Yılmaz noted that the most yarlyks that have survived to the present day are from the 17th century and that these yarlyks changed in terms of language and style over time under the influence of the Ottoman chancellery. While stating that the language in the Crimean yarlyks of the 15th–16th centuries was Kipchak Turkish, he believes that Oghuz elements gradually increased in later periods.

The last speaker of the second session, Dr. Liliya Baybulatova, stated in her paper titled "Genghisids in Turkish Sources" that Turkish sources are significant in studying the history of the Golden Horde and Tatar Khanates. Baybulatova focused on three works in her paper. These are: Muhammed Şeybani's *Tevarih-i Güzide*, Abdulgaffar Kırımi's Umdetü'l-Ahbar, and Kadir Ali Bey's *Camiü't-Tevarih*. According to Baybulatova, one of the critical features of these works is that they also include the genealogies of the Genghisids. This is very important since not many works were left by the Mongols themselves. On the other hand, she emphasized that since most of these works were written upon the order of the rulers, the khans are naturally praised too much and that such matters should be considered when using the work.

The international symposium ended with a closing session. In the closing session, chaired by Assoc. Prof. Dr. Serkan Acar, Prof. Dr. İlyas Kemaloğlu, Dr. İlnur Mirgaleev, and Prof. Dr. Fehmi Yılmaz made evaluations. Since the symposium was broadcast on the YouTube channel of the Marmara University History Department, History Department students studying at universities all around Türkiye also had the chance to follow the symposium. The symposium held in Istanbul again showed great interest in the Golden Horde and the Genghisid general history in Türkiye. The fact that one of the 16 stars on the Presidential Seal of the Republic of Türkiye symbolizes the Golden Horde indicates the importance given to this state in Türkiye. On the other hand, the historical research on the Golden Horde State, which was banned in the Soviet Union for many years, is experiencing its best period today. The activities of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), headed by Dr. Ilnur Mirgaleev, had a significant impact on this process.

The International "The Genghisids in Ottoman Sources" Symposium, which brought together the world's leading scientists, once again revealed the importance of Ottoman sources, which have not been researched much until now, regarding the history of the Genghisid. Ottoman sources contain important information on subjects such as the campaigns of Genghis Khan and his children, the arrival of the Mongols to Anatolia, the acceptance of Islam by the Genghisids, the Golden Horde-Ilkhanate wars, the alliance that tried to be established against Emir Timur, Ottoman-Golden Horde relations, and Tatar migrations. Therefore, evaluating Ottoman sources from this perspective will contribute to the research on the history of Genghisids. The papers presented at the symposium revealed that several critical studies have been conducted on this subject and will continue to be conducted in the future.

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА «ЧИНГИЗИДСКИЕ ПОЛИТИИ В ОСМАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ»

Ильяс Кемалоглу

Университет Мармара
Стамбул, Турция
ilyas.kemaloglu@marmara.edu.tr

Резюме. 11 марта 2025 года в Стамбуле состоялся международный симпозиум «Чингизидские политии в османских исторических сочинениях». В симпозиуме, организованном кафедрой истории факультета гуманитарных и социальных наук Мармарского университета и Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, приняли участие ученые из Турции, России, Казахстана и США. Международный симпозиум «Чингизидские политии в османских исторических сочинениях», собравший видных ученых мира, в очередной раз показал важность османских источников, которые мало исследованы в плане истории Чингизидов. В представленных работах ученые, с одной стороны, обсудили наиболее важные труды, опубликованные на сегодняшний день по данной теме, а с другой – заявили, что эти работы содержат важную информацию по таким вопросам, как походы Чингиз-хана и его потомков, приход монголов в Анатолию, принятие ислама Чингизидами, войны Золотой Орды и Ильханидов, попытки создания союза против эмира Тимура, отношения Османской империи и Золотой Орды, а также миграции татар.

В этом контексте в особенности было уделено внимание таким работам как «Искандер-наме» Ахмади, «Анонимное таварих-и Али Осман», «Бехчету-т-Таварих» Шюкруллы Эфенди, путевые заметки Эвлии Челеби, «Таварих-и Гузида Нусрат-наме», «Умдету-л-Ахбар» Абдулгаффара Кырыми, «Джамиу-т-таварих» Кадыр Али-бея, «Фадхлакат Акваль аль-Ахяр фи 'Ильм ат-Та'рих ва-ль-Ахбар» Катиба Челеби, «Эс-Себу'с-Сейяр фи Ахбар-и Мулюки'т-Татар» Сейида Мухаммеда Ризы.

В рамках симпозиума специалисты по истории Чингизидов также обменялись мнениями о последних исследованиях по этой теме в разных странах. Симпозиум будет способствовать реализации совместных проектов по изучению османских источников о Чингизидах в будущем.

Этот симпозиум, организованный совместно двумя важными научными учреждениями Турции и Татарстана (Российская Федерация), несомненно, будет способствовать и развитию научных и культурных связей между Турцией и Татарстаном, а также Турцией и Россией в целом.

Ключевые слова: османские источники, Чингиз-хан, Чингизиды, Золотая Орда, Ильханиды, татары

Для цитирования: Kemaloğlu I. Review of the International Symposium "The Genghisids in Ottoman Sources" // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 1. С. 224–230. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-1.224-230 EDN: ZXOSWJ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильяс Кемалоглу – Dr., профессор кафедры истории факультета литературы, Университет Мармара (34722, ул Фахреттин Керим Гекай, Кампус Гозтепе, Стамбул, Турция); ORCID: 0000-0002-8350-5834. E-mail: ilyas.kemaloglu@marmara.edu.tr

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

İlyas Kemaloğlu – Dr., Professor, Department of History, Faculty of Letters, Marmara University (Fahrettin Kerim Gökay Str., Göztepe Campus, Istanbul 34722, Türkiye); ORCID: 0000-0002-8350-5834. E-mail: ilyas.kemaloglu@marmara.edu.tr

Поступила в редакцию / Received 12.03.2025
Поступила после рецензирования / Revised 19.03.2025
Принята к публикации / Accepted 20.03.2025

2025
ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Кувшин с поливой. Глина. Золотая Орда.
ГБУК «Волгоградский областной краеведческий музей», инв. № КП 1556.
URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42050457

On the cover: A jug with glaze. Clay. The Golden Horde.
Volgograd Regional Museum of Local History, inv. No. KP 1556.
URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42050457

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2025. Т. 13, №1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2025, vol. 13, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 25.03.2025 г. Дата выхода в свет 31.03.2025 г.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$ Печ. л. 14,5 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
http://татаровед.рф/departments/6

Сайт журнала: http://goldhorde.ru